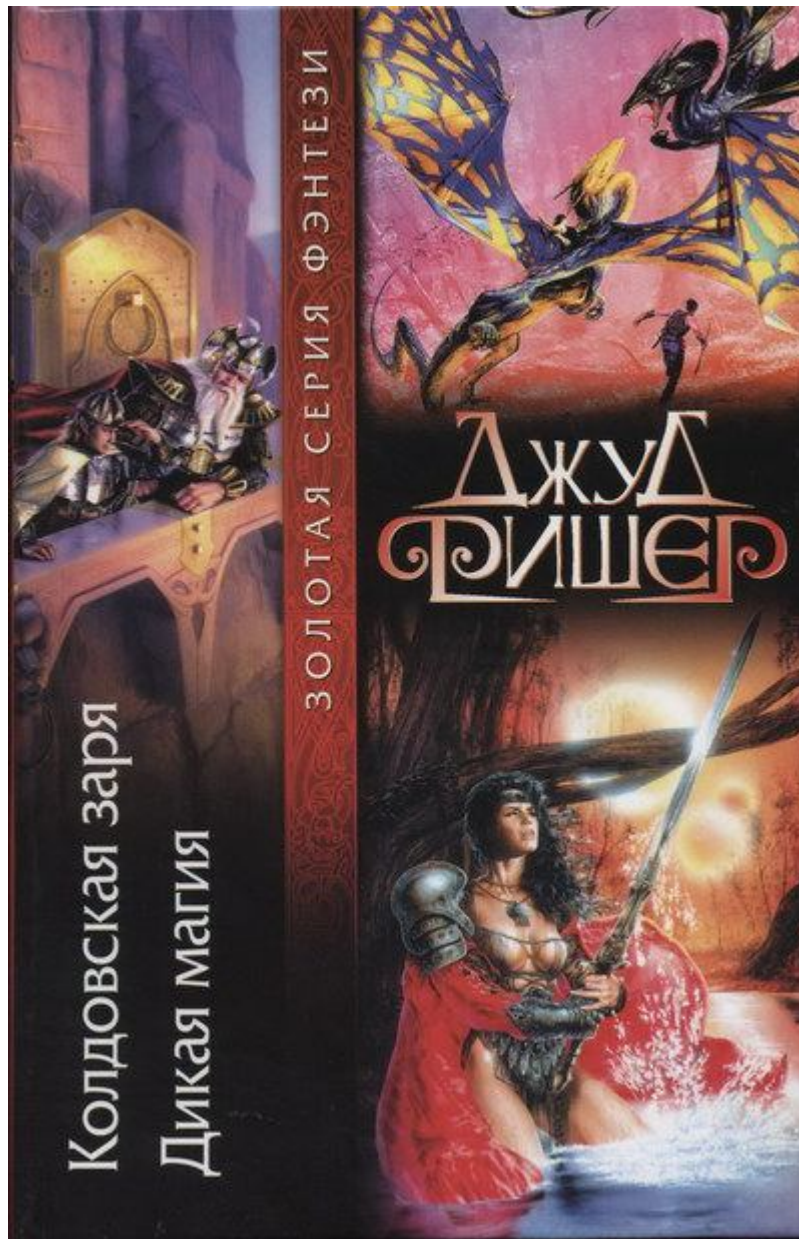

Джуд Фишер Дикая магия

Fool's Gold – 2

& OCR - Alex1979. ReadCheck - Vladimir-bosoj. <http://oldmaglib.com>
«Джуд Фишер "Колдовская заря. Дикая магия"»: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2005
ISBN 5-17-035120-8, 5-9713-1371-1

Аннотация

...Эльда. Мир, в котором «варварские» королевства Севера и «цивилизованные» царства Юга некогда пришли к хрупкому перемирию... Мир, который теперь стоит на грани новой войны.

Потому что могущественная волшебница по прозвищу Роза Эльды, забывшая о своем великом прошлом и высоком предназначении, стала просто женой молодого короля северян...

Потому что спутница Розы, отважная оружейница Катла, пленена южанами и томится в рабстве...

Потому что юный маг Виралай, наивно считающий себя хозяином огромной кошки, наделенной даром магической Силы, все чаще подчиняется приказам этого таинственного зверя, обладающего далеко не звериным разумом...

Войну уже не остановить.

Но кто ее начнет?!

Джуд Фишер «Дикая магия»

Пролог

Роза Эльды склонилась над спящим мужем, и шелковые пряди волос коснулись его щеки, заставив вздрогнуть. Король Вран Ашарсон, которого женщины Эйры с вожделением, а мужчины с завистью называли Северный Жеребец, после ночных трудов пребывал во власти глубокого сна.

Роза Эльды улыбнулась. Теперь каждый день, уединившись в королевских покоях, она заново училась улыбаться. При этом она пользовалась одним из многочисленных подарков мужа — зеркалом из полированного серебра, стекла и ртути, купленным у торговцев с Галийских островов. Оно было чудесным само по себе, а уж тем более для Розы Эльды, которая никогда не видела собственного лица — разве что его отражение в глазах восторженных мужчин.

Ей говорили, что она необыкновенно красива, что она самая совершенная из женщин, однако сама Роза Эльды не могла судить об этом. Всю жизнь она провела в Святилище — отдаленной ледяной крепости, единственными обитателями которой были черная кошка Бете, волшебник Рахе и Виралай, ученик Мастера. Рахе постоянно твердил Розе Эльды о том, как она красива, но поскольку говорил также, что сотворил ее по образу, наиболее приятному его глазу, уверения эти казались исключительно субъективными.

Затем, когда ее украл Виралай, и они отправились в большой мир, у Розы Эльды появилась возможность определить собственные критерии красоты и совершенства. Правда, в самом начале ее впечатления были настолько ошеломляющими, что любую вещь или существо — от навозной мухи до могучего дерева — она находила совершенными и прекрасными. И в то же время все казалось ей смутно знакомым, словно образы, населявшие сны, неожиданно выскользнули из памяти Розы Эльды и закружили вокруг, отображаясь мириадами форм и цветов.

Однако больше всего сбивали с толку люди. Роза Эльды не представляла, как на них реагировать, как говорить с ними, и потому обычно молчала — просто сохраняла в себе их образы, чтобы вспоминать потом в темноте повозки, где она, кошка и ученик жили во время странствия. Больше всего удивляло то, как вели себя с ней женщины: губы их улыбались, но глаза оставались холодны. Мужчины же, напротив, мгновенно влюблялись в Розу Эльды — они становились совершенно беспомощными, попав под влияние ее чар, и искали ее общества; при этом не имели значения место, время и обстоятельства. Что, само собой, еще больше раздражало женщин.

Казалось, Мастер наделил ее очарованием достаточным, чтобы соблазнить всех мужчин Эльды. Виралай осознал ее власть над мужчинами еще в самом начале их странствий и успел сколотить целое состояние, устраивая ее встречи с неумными поклонникам.

При воспоминании об этом улыбка сползла с ее лица. Роза Эльды потянулась за зеркалом и всматривалась в отражение до тех пор, пока первые лучи рассвета не осветили ее идеально округлое лицо с бледной, молочной кожей. Разве что на щеке остались нежно-розовые следы от бороды мужа. Отражение смотрело на нее зелеными глазами, хотя скорее они были цвета морской волны. Вран говорил, что у нее глаза русалки, и каждое утро со

смехом осматривал ее ноги: нет ли следов тайных ночных походов, не осталось ли прилипших морских водорослей или чешуи?

Роза Эльды не представляла, что он имеет в виду, и однажды сказала ему об этом. Вран чрезвычайно удивился, потому что всем были известны сказки про русалок с Северных островов, которые принимали человеческое обличье, чтобы соблазнять моряков и рыбаков, а потом снова надевали рыбью чешую и возвращались в океан, оставляя своих возлюбленных с разбитыми сердцами.

Роза Эльды улыбнулась и увидела в зеркале, как губы ее изогнулись в бледно-розовую дугу, щеки округлились, а кожа в уголках глаз собралась складками. Она расслабила мышцы и бесстрастно оглядела изменившееся отражение в зеркале. При ярком свете утреннего солнца Роза Эльды видела тончайшие линии, бегущие от крыльев носа к уголкам рта и веером разворачивавшиеся у глаз. Она полагала, что не умеет выражать лицом какие-либо чувства, но эти следы говорили об обратном.

Мастер всегда обращался с ней скорее как с вещью, чем как с человеком. Роза Эльды служила ему утешением в холодной пустоте Святилища. До сих пор у нее не возникало вопроса о месте, которое она занимает в мире, но теперь в голову пришла новая мысль.

Когда-то, в далеком прошлом, она, должно быть, достаточно часто улыбалась, хмурилась и сжимала губы, чтобы успели образоваться эти тонкие линии на коже.

Значит, когда-то, в далеком прошлом, у нее была другая жизнь.

В ней всколыхнулись чувства, которые Роза Эльды не могла определить. Она уронила зеркало на колени. Муж снова вздрогнул, веки его затрепетали, однако вскоре он вновь погрузился в глубокий сон. Роза Эльды потянулась к Врану и откинула с его лба прядь темных волос. Человек из нескольких частей, подумала она, сравнивая загорелую, обветренную кожу его лица и шеи с незащитной белизной груди и живота. Темные руки, широко раскинутые на льняной простыне, резко контрастировали с ногами, такими бледными, что казалось, они принадлежат совсем другому человеку. Только курчавые темные волосы, растущие по всему телу, делали его единым целым, смягчали резкие переходы.

Роза Эльды приблизила зеркало к губам мужа и наблюдала, как его дыхание оставляет следы на холодной поверхности. Следы таяли, исчезали и снова появлялись.

Роза Эльды вытерла зеркало о простыню и подышала на него сама.

Ничего.

Металл остался чистым, нетронутым. Ни следа.

«Несмотря на все твои достоинства, в тебе совсем нет огня», — вспомнила она слова Мастера. Только сейчас, вдали от него, она начала понимать, что Мастер имел в виду. Однако сколько она ни размышляла, ей не удавалось приблизиться ни на шаг к пониманию того, кто она и откуда. То была тайна, которая все больше мучила ее, все сильнее занимала ее в любое время дня и ночи.

Пока Роза Эльды жила с Мастером, она не имела ни знаний, ни индивидуальности, ни своей воли. Как будто его колдовство скрыло ее прошлое, и оно угасло, как погасает огонь, накрытый мокрым плащом, еще не успев разгореться. За годы, проведенные в Святилище, она научилась лишь тому, как разбудить страсть в Рахе и удовлетворить его желания. Все остальное было словно в тумане. Только покинув остров, Роза Эльды стала замечать, что в ней рождаются ее собственные чувства и эмоции. Но даже после нескольких месяцев странствия по удивительным местам Эльды она все еще была молчаливой и покорной, согласной исполнять волю Виралая, принимать мужчин, которых он приводил к ней. Она соглашалась на все до тех пор, пока он не пожелал продать ее одному южному властителю, человеку, от чьего прикосновения по ее коже бежали мурашки. Ее трясло от отвращения, которое она не могла объяснить. Она ощущала это на уровне первобытных инстинктов. От него веяло смертью, и она не хотела иметь с ним ничего общего.

То, что она оказалась здесь, в королевских покоях замка Халбо, произошло исключительно благодаря ей самой, и, сознавая это, Роза Эльды чувствовала некоторое

удовлетворение. Когда она сбежала от Виралая в ночь Собрания, она еще не совсем понимала, что делает и зачем. На корабль, который направлялся на север, невозможно было попасть без протекции. Однако как только Роза Эльды увидела Врана Ашарсона, будущее приобрело совершенно четкие очертания. С первого взгляда она распознала в нем человека могущественного, того, кто может защитить ее от любой опасности. Еще она поняла, что душа Врана тоскует по необычному. И тогда Роза Эльды заставила его обратить на нее внимание.

Из своего небогатого опыта жизни в большом мире Роза Эльды знала, что женщины используют все возможные ухищрения и уловки, чтобы завладеть вниманием мужчин. Завоевание любви короля большинство расценило бы как триумфальную победу, тем более для женщины без роду и племени. Но для Розы Эльды речь не шла о положении в обществе и влиянии на ход государственных дел. Ее целью было спасение собственной жизни, и она направила на короля всю силу своих чар. Он был целиком и полностью околдован ею.

Вот только она никак не ожидала тех странных, неожиданных ощущений, которые он вызвал в ней. Эти ощущения, которые Роза Эльды научилась называть чувствами, начались с необъяснимой нежности к человеку настолько беззащитному перед ней, что достаточно было одного ее взгляда, чтобы поставить его на колени. Затем это переросло в нечто более сильное, требующее присутствия рядом Врана Ашарсона. Теперь в ее груди постоянно горел медленный огонь. Вран привел ее в огромный замок, который называл своим домом. Роза Эльды намеревалась оставить Врана, как только корабль бросит якорь в Эйре, но изменила свое решение, потому что начала испытывать почти физическую боль каждый раз, когда его не было рядом.

Окутав Врана могущественными чарами, Роза Эльды сомневалась, что без них Вран будет испытывать к ней хоть какие-то чувства, и ее боль становилась только сильнее. Из-за колдовского покрывала совершенно невозможно было узнать его истинный характер. И все же Роза Эльды чувствовала в муже нечто твердое, неколебимое, нечто стихийное, неконтролируемое, волнующее, обещающее глубокое познание любви, жизни, мира и ее места в нем. Когда Вран был рядом с ней, он говорил и двигался словно в тумане, а что он делал в другое время, Роза Эльды не знала.

«Интересно, — размышляла она, медленно проводя пальцем по линии его губ, — что произойдет, если я решу снять с него чары? Что это за человек, которого я выбрала себе в спутники? Каков он на самом деле?»

Роза Эльды положила голову мужу на грудь и прислушалась к его равномерному дыханию, к мощному, медленно биению сердца — как прилив и отлив. Узнает ли она когда-нибудь, каково это — быть человеческим существом в мире Эльды?

Глава 1 ИНТРИГИ

Аран Арансон, хозяин Камнепада, стоял в дверях своей кузницы. Над его плечом в небе сияла луна, похожая на око злобного, мстительного великана. Аран смотрел и не верил глазам: умершая женщина поднималась на ноги.

Впереди Арана стоял на коленях его второй сын Фент, неотрывно глядя на женщину, которую убил перед тем, а его единственная дочь, Катла Арансон, неподвижно лежала на холодном полу с окровавленным лицом и руками.

Мертвая женщина сделала шаг к Арану, и лунный свет отразился в ее единственном глазу. Она была как покойник, восставший из могилы, чтобы преследовать тех, кто делал ему зло при жизни, уничтожить их род на корню, свести с ума живых, заставить навсегда покинуть родные места.

Рука Арана сжалась на рукояти кинжала, который он всегда носил за поясом. Отрезать голову — вот единственный способ уничтожить живого мертвеца, говаривала старая Грамма Гарсен, при этом лицо ее озаряли дьявольские отсветы от тлеющих угольков костра, а Аран

сидел рядом вместе с другими мальчишками и слушал, открыв рот и застыв от ужаса.

Отрезать голову и закопать как можно дальше от тела. Но сработает ли этот незамысловатый рецепт сейчас? Ведь они имеют дело с сейдой.

Аран вытащил кинжал и выставил перед собой. Он понимал, что это оружие совсем не подходит для предстоящей задачи, а Красный Меч Катлы, который его дочь выковала в прошлом году, с сердоликом в рукояти, лежал слишком далеко. Если удастся хоть на время нейтрализовать сейду при помощи кинжала, тогда один прыжок — и меч у него в руках...

— Брось эту булавку, Аран Арансон.

Голос сейды звучал глубоко и слишком громко для женщины, сердце которой было пронзено некоторое время назад. Аран почувствовал слабость.

— Хочешь принять то же проклятие, что я наложила на твоего сына-убийцу? — продолжала сейда. — Пусть все твои предприятия заканчиваются бедствиями и несчастьями!

Аран никогда не был человеком особенно суеверным, но сейчас чувствовал благоговейный страх, словно мертвая женщина коснулась холодными пальцами его сердца.

— Я не понимаю, что здесь произошло, — наконец выговорил он.

Одноглазая Фестрин угрюмо усмехнулась. Кровь на ее зубах и деснах казалась черной при свете луны.

У них не течет кровь, как у нас, рассказывала Грамма Гарсен, они распухают и становятся в два раза больше, а их вены наполняются черной жидкостью, одна капля которой прожигает землю.

— Ты и вправду считаешь, что я *аптагангур*, Аран Арансон? — проговорила Фестрин с приторной слащавостью в голосе и начала развязывать тунику.

Аран неохотно оторвал взгляд от лица сейды и посмотрел на ее проворные пальцы. Изорванная окровавленная материя разошлась в стороны. И несмотря на то что он своими глазами видел, как Фент вонзил в нее Красный Меч по самую рукоять, на теле сейды не было и следа раны, откуда прежде била кровь, в которой измазалась Катла, бросившись к умирающей женщине. Ни единой царапины на гладкой белой коже.

Аран стоял с открытым ртом, не зная, что сказать.

Белый как мел Фент шагнул к отцу.

— Я же убил ее... — прошептал он. — Я видел, как она умерла.

Фестрин не обратила на юношу никакого внимания, словно на никчемного щенка. Она не сводила глаз с хозяина Камнепада.

— Твоя дочь — редкое создание, Аран Арансон. Она хотела отдать свою жизнь взамен моей, но не бойся — она еще жива. Она сама исцелит себя. Запомни хорошенько то, что я скажу тебе. Не потеряй ее. Не отдай ее по дешевке, как призовую овцу. Не одевай ее в шелка и не сажай в золотую клетку. Магическая сила Земли струится через нее. И еще кое-что... — Фестрин наклонилась и больно ткнула Арана в плечо длинным, тощим пальцем. — Смотри хорошенько за своей дочерью, хозяин Камнепада, а не то я вернусь за ней, и тогда ты горько пожалеешь, что моя нога ступила на этот остров.

Закончив свою речь, сейда прошла мимо них. Ее высокая фигура на миг закрыла вход в кузницу, а затем она исчезла из виду.

Никто не видел, как уходила сейда. Ни одна лодка не пропала с берега, ни одна лошадь не исчезла из конюшен. Тэм Лисица, главный в труппе актеров, с которыми Фестрин приехала в Камнепад, долго тер рукой нос, а потом в виде объяснения предложил следующее: «Лучше и не интересоваться, как сейды путешествуют по белу свету».

Катла провела два дня в постели. Сон ее был глубоким и крепким, как у больного ребенка. Она ненадолго пробуждалась, затем засыпала снова. Но на третий день, когда Аран пришел посидеть у ее постели, он увидел разбросанные по полу простыни, а башмаки Катлы исчезли со своего места у двери.

Аран прошелся по двору и осмотрел все постройки — безрезультатно. В конце концов он спустился вниз, к гавани, где Катла время от времени любила посидеть, болтая ногами

над водой, однако и там не было никого, кроме рыбаков, которые, воспользовавшись ранним приливом, выводили лодки в море.

Он все равно дошел до конца мола и повернулся лицом к острову. Хозяйство его было невелико в отличие от некоторых других поместий вождей кланов в Эйре, зато есть хороший прочный дом, построенный из древесины с континента еще во времена прапрадеда Арана. На фундамент пошли камни, вырытые из окрестных холмов, а крыша по обычаю была выстлана торфом и дерном. Кольца дыма поднимались от центрального очага, огонь в котором поддерживался днем и ночью круглый год.

Мой дом, с гордостью подумал Аран, глядя на суету вокруг хозяйственных построек, на колышущийся от ветра ячмень, на белые пятнышки овец на горных пастбищах. После войны, когда он стал главой Камнепада, все находилось в состоянии разрухи и упадка, поля стояли невозделанными, постройки покосились. Аран Стенсон уделял мало внимания земле, предпочитая жить в море и «торговать», как он называл свое пиратское занятие.

Аран Арансон улыбнулся. Он выполнил долг перед кланом, и теперь Камнепад достоин гордости и восхищения. Потребовались долгие годы тяжелого труда. Аран собственными руками перестроил большую часть дома — и это в те дни, когда едва хватало на пропитание. Они с Верой потеряли пятерых детей, которые умерли при родах или от болезней. Аран заслужил уважение соседей, прославился честностью и справедливостью при разрешении споров, а ещё недюжинной силой. Он стал человеком, с чьим мнением считались.

Все эти долгие годы он нес груз ответственности. А теперь решил, что имеет право последовать за своей мечтой в поисках приключений, которых ему так не хватало в юности. Заветная мечта помогла ему вынести все трудности семейной жизни и скуку фермерства. Именно она придавала силы все эти годы. И теперь он возьмет свое.

Аран потрогал маленький мешочек, что носил на груди. В нем находился обрывок пергамента, древняя карта, он купил ее у бродячего торговца на Большой Ярмарке. Карта эта сулила богатства, о которых его предшественники не могли и мечтать. Аран понимал, что поиски сокровищ предстоят нелегкие, но его толкало вперед единственное желание: обеспечить себе и семье лучшую жизнь, чем они вели, возделывая землю, добывая редкий сардоникс из самого сердца острова и продавая его. Добыча сардоникса была делом трудоемким и дорогостоящим. Нет уж, хватит — один поход, немного удачи и мужества, хороший корабль, и он принесет своей семье верный достаток. Бера сможет жить как богатая женщина. Она ведь всегда мечтала об этом. Его сыновья приобретут целый флот из больших кораблей, будут плавать по Вороньей Дороге или, как Фент, совершать рейды на побережье Истрии. Потом выберут хорошие земли, женятся... А Катла... да где же она?

Аран рассеянно огляделся в поисках дочери; мыслями он давно уже был в далеких северных морях, там, где дрейфуют льды и плавают айсберги, где в таинственной мгле скрываются неведомые острова.

Эти мысли заставили его снова повернуться к океану. Аран смотрел, как последняя рыбацкая лодка покидает гавань, проходит мимо Зуба Пса, скалистого мыса, который служил наблюдательным пунктом — оттуда открывался отличный обзор на юг и на запад. На самой его верхушке выделялся одинокий валун, который едва удерживался над морем. Аран прищурился и неожиданно увидел там крошечную фигурку девушки с ореолом рыжих волос.

Катла!

Катла Арансон сидела на вершине Зуба Пса, направив взгляд на море. Она болтала ногами над водой на высоте трехсот футов, вниз то и дело скатывались камешки. Катла поднялась на рассвете, исполнившись энергией, природу которой едва ли смогла бы объяснить, и убежала из дома еще прежде, чем кто-либо из домашних успел проснуться. За последние несколько дней она столько увидела и услышала, что в голове образовалась жуткая неразбериха: разговоры Фестрин о магии Земли; планы отца привезти на остров королевского корабельщика для своего безумного плаванья куда-то в северные льды; голос в ее мозгу, который гремел как гром... И что же это за сила такая, что вернула сейду к жизни?

Смысл последнего происшествия был так таинственен и непонятен, что Катла ни за что не хотела говорить об этом ни с одной живой душой до тех пор, пока не разберется во всем сама. Вот почему она убежала к морю и взобралась на самую вершину горы.

Лазание по горам всегда приводило ее мысли в порядок, заставляло забыть о неприятностях. Особенно для этого подходил головокружительный подъем на почти отвесный Зуб Пса — тут требовалась предельная сосредоточенность.

Она подняла больную руку и принялась сгибать ее. Катла все еще не могла поверить в то, что это чудо на самом деле произошло. Вместо обгоревшей культи теперь снова были пять здоровых пальцев, хотя ещё бледных и тонких, если сравнивать с другой загорелой и мускулистой рукой. Да, трудно было поверить, что она исцелилась. Еще труднее верилось в то, что она исцелила себя сама. Это было настолько удивительно и странно, что Катла то и дело поглядывала на руку, ожидая увидеть прежний кошмар. Потом решила больше не думать об этом, не искушать судьбу, не вспоминать, для какого ничтожного существа было сотворено столь грандиозное чудо.

Катла положила руку на холодный камень, и по пальцам вдруг пробежала мелкая дрожь. Потом она усилилась и переросла в горячее жжение, которое охватило всю руку, затем плечи, шею и голову и в конце концов все тело, словно камень говорил с ней на языке, который понимала лишь ее кровь, на языке, напоминавшем разряды молнии. И это озадачило Катлу больше всего.

Горы всегда были ее единственным убежищем, там она могла скрыться от нудных домашних обязанностей и настойчивых попыток матери сделать ее похожей на девушку из хорошей семьи. Она стремилась в самые недоступные места острова, куда никто не смог бы последовать за ней. Для Катлы было особым удовольствием смотреть сверху на спины пролетающих чаек, понежиться на нагретом солнцем уступе рядом с галками и глупышами, понаблюдать за жителями Камнепада, ни о чем неподозревающими. Она одновременно училась контролировать свои малейшие внутренние движения и давала волю самым необузданным эмоциям.

Как только жизнь становилась слишком скучной или, напротив, чересчур насыщенной тревожными, Катла взбиралась на гору. Она чувствовала в этом живую потребность. Двигайся осторожно, держись крепко, не упав — когда Катла карабкалась вверх, ей приходилось думать только об этом, и тогда все тревоги отступали. Но охватившая ее теперь осязаемая волна магии Земли превратила простое уединение в нелегкие размышления о природе мира.

«Море, — думала девушка, вглядываясь в необъятные синие дали. — Море — вот ответ. Я чувствую магию, исходящую от рифов и скал, но над морскими глубинами она должна оставить меня в покое. Нужно идти к отцу и заставить его взять меня с собой в плавание...»

Ноги Арана заныли задолго до того, как он достиг вершины горы, хотя тропинка, бежавшая по земле, была гораздо ровнее, чем путь, каким пользовалась его дочь. Немало времени прошло с тех пор, как хозяин Камнепада в последний раз поднимался на вершину Зуба Пса. Он с некоторым неудовольствием осознал, что это было целых двадцать лет назад, еще до того, как остров перешел в его владение после гибели отца в войне с Истрией. Все это время Аран посылал сюда для дозора молодых парней. После войны они опасались вражеских кораблей, которые было трудно распознать. Истрийские суда не годились для долгих плаваний по морям, и Южная империя использовала против Севера захваченные корабли эйранцев. Потом, когда наконец удалось достичь перемирия, нужно было смотреть за судами чужеземцев, склонных к грабежам, а еще дозорные поглядывали, не появится ли купеческий корабль с новостями из королевского двора в Халбо.

Во времена его отца дозорные считались уважаемыми людьми на острове, но с тех пор как угроза войны исчезла, обязанность эту переложили на совсем зеленых юнцов — вторых, третьих и четвертых сыновей тех, у кого не было собственной земли. Сейчас дозорными

служили Вигли Младший и Ярн Форсон, люди бестолковые и бесполезные. Случись война, нужно искать им замену.

— Привет, пап.

Катла помахала ему рукой — правой, той, что была искалечена. Он заметил, что бинты, которыми Бера хотела скрыть увечье от глаз людей, куда-то делись. Никто еще не успел предупредить Катлу не снимать их.

С некоторой тревогой — Аран не разделял беспечного отношения дочери к отвесным скалам — он присел рядом с ней на каменистый выступ, подальше от края, и взял ее за руку. В его мясистых ладонях она казалась тоненькой, почти прозрачной. Аран внимательно рассматривал ее. Он вытащил дочь из костра, который истрийцы разложили для нее на Большой Ярмарке. Они собирались сжечь Катлу за святотатство, которое, по их мнению, она совершила, взобравшись на священную скалу, а еще за участие в похищении Селен, дочери лорда Тайхо Ишиана. Огонь не успел целиком охватить девушку, но правая ее рука сгорела до мяса, пальцы превратились в культяшки. Все думали, что Катла уже никогда не сможет выковать ни одного меча, не украсит ни один кинжал, не взберется ни на одну гору. Но вот она здесь, на вершине, с новой, здоровой рукой, сидит на самом краю обрыва.

Аран никогда особенно не верил в чудеса, однако то, что он видел за последние дни, дало ему пищу для размышлений.

— Ну, — усмехнулась Катла, блестя глазами в лучах солнца, — раз уж я опять здоровая, могу я ехать вместе с Фентом и Халли в Халбо за королевским корабельщиком?

Аран уронил ее руку, как будто обжегся. Вряд ли кто-нибудь еще забрался на Зуб Пса и следит за ними, однако он с беспокойством огляделся по сторонам.

— Откуда ты знаешь?

Катла не умела врать, а потому объяснила просто:

— Я подслушивала, когда вы строили планы в амбаре после пира, и знаю, что вы хотите силой привезти сюда Мортена Дансона, строевой лес, инструменты и людей, чтобы он построил корабль для вашей экспедиции на Север.

Аран опустил взгляд, словно пытаясь скрыть от дочери свои мысли. Когда он снова поднял глаза, лицо его было темным от волнения.

— Никто не должен знать, ты понимаешь? От этого зависит будущее нашей семьи.

— Ты отпустишь меня с ними?

— Там нужны сильные мужчины, а не девчонки!

Катла возмущенно раздула ноздри.

— Я могу сражаться не хуже моих братьев. Я борюсь лучше, чем Халли, и владею мечом увереннее, чем Фент...

— Ты не поедешь. Ты нужна матери.

— Матери! Все, что я могу здесь, — так это служить постоянным напоминанием, как ужасно трудно будет выдать меня замуж...

Аран так сильно сжал ее руку, что Катла едва не вскрикнула от боли.

— Когда я отправлюсь в плавание, вы с Берой будете управлять Камнепадом. Так что тебе лучше остаться и начать вникать в дела.

— Но папа!

Глаза Катлы неожиданно наполнились жгучими, предательскими слезами. Если ей нельзя в Халбо, тогда ее должны взять в плавание, на поиски легендарного острова, который называют Святилищем, и сокровищ, что спрятаны там.

Она сморгнула слезы.

— Вы должны взять меня с собой! Кто еще сможет так ловко вскарабкаться на мачту, когда запутаются канаты? Кто еще почувствует близость земли, когда вокруг ничего не видно?

— Я дважды чуть не потерял тебя, девочка моя. Я не прощу себе, если будет третий и последний раз.

Катла оттолкнула его, вырвав руку так резко, что Аран ударился затылком о валун. Она

вскочила на ноги, сорвалась с места и, не оглядываясь, побежала вниз по горной тропинке.

Красивое лицо Арана искривилось от боли, черты стали более жесткими, хотя трудно было с уверенностью сказать, от удара ли о камень или же от внутренних переживаний.

Высоко над его головой парила в потоке теплого воздуха чайка, отбрасывая в лучах солнца длинную тень.

— Она сказала, что я должен хорошенько присматривать за тобой, Катла, — мягко проговорил хозяин Камнепада, глядя на стремительно бегущую вниз дочь. — Иначе она вернется за тобой.

Он знал, что никогда не расскажет ей о разговоре с сейдой, и не потому, что Катла задерет от этого голову, как своенравная лошадка, и станет совсем непокорной. Ему мешало какое-то неясное, постыдное ощущение, вызванное пониманием, что не все в жизни получается контролировать, что, возможно, какая-то сила уже дергает за ниточки его самого и его детей.

Катла неслась под гору с головокружительной скоростью, и все равно ей потребовалось довольно много времени, чтобы добраться до гавани. Первым человеком, которого она там увидела, была Мин Треска, правая рука и верная помощница Тэма Лисицы. В трупке она славилась тем, что с невероятной точностью метала ножи. Тэм любил шутить, что она может отрезать тебе бороду, постричь ногти, а потом убить еще до того, как успеешь что-нибудь сообразить. Будучи рослой крепкой женщиной, Мин все же пошатывалась под тяжестью огромного плетеного короба, из-за которого ничего не видела перед собой: еще пара шагов, и она бы оказалась в море.

Катла ухватила за короб и развернула Мин в другую сторону.

— Чуть не промахнулась! — расплылась в улыбке метательница ножей, обнажив огромную щель между верхними зубами, которая была объектом неумного веселья Фента и Тэма, правда, только до тех пор, пока Мин не пригрозила выколоть им глаза. Вот тогда Фент почувствовал в ней человека потенциально еще более жестокого, чем он сам. — Спасибо, колюшка.

У Мин была странная привычка называть людей рыбьими именами. «Вот странный лобан», — сказала она об одном неудачливом парне, который потерял равновесие на верхушке башни, где они тренировались перед праздником. Об одной из деревенских девушек она говорила: «Хороша, как пестрая форель», а еще «Твой брат Халли прямо настоящий карп», что, видимо, следовало расценивать как комплимент.

Мин бесцеремонно бросила короб на землю и вытерла лоб рукавом. Позади нее по крутому склону холма спускалась вереница артистов. В руках у них были костюмы и бутафория, а еще они несли провизию для предстоящего плавания.

— Сегодня уходите? — спросила Катла, с ужасом осознав, сколько времени провалялась в постели.

Метательница ножей быстро кивнула.

— Тэм говорит, мы еще успеем поймать поздний прилив. Не мог поднять свою задницу, чтобы отправиться в путь пораньше, старый ленивый палтус. Заставил нас всех носиться туда-сюда, а сам в это время любезно болтал с твоей матушкой о том, как чудесно она печет желтый хлеб.

При упоминании о хлебе желудок Катлы громко взвыл. Желтый хлеб, что выпекала ее мать, был известен на всех островах, хотя пекла она его теперь очень редко, потому что цветы, пестики которых использовались для придания ему особого вкуса и цвета, по нынешним временам стоили очень дорого. Крокусы росли только у подножия Золотых гор на южном континенте. Грамма Рольфсен считала их подорожание очевидным доказательством того, что эйранцев изгнали с земель, принадлежавших им по праву, — потому что как же тогда желтый хлеб стал одним из основных продуктов питания на Северных островах, если южане только и знали, что нещадно уничтожали эти цветы?

Катла растерянно улыбнулась метательнице ножей, а затем направилась вверх по

холму к дому. Сначала завтрак, думала она, а уж потом серьезные дела. Она прошла мимо акробатов, одетых не в свои пестрые костюмы, а в обычные коричневые, домотканые. На головах они несли бочонки с водой и вином. Позади них, спотыкаясь на каждом шагу, спускались несколько женщин, сгорбившихся под тушей только что забитой коровы. Катла смотрела, как они мучаются, и думала, что, пожалуй, проще было бы разделить тушу и перенести по частям или же забить корову на берегу, поближе к кораблю. Артисты, несмотря на все их умения и трюки, не отличались практичностью.

В конце процессии она разглядела своего брата-близнеца Фента, который нес длинный ящик из полированного дуба. Катла недоверчиво прищурилась.

— Что у тебя там, лисенок? — осведомилась она, возникнув у него перед самым носом.

Катла прекрасно знала этот ящичек: дядя Марган сделал его в подарок отцу в знак братской любви. Он предназначался для хранения меча. Марган сказал тогда: «Теперь, когда мы больше не воюем, ты будешь заботиться о моей сестре, работая на земле». Бера очень любила рассказывать историю о том, как перекосилось лицо Арана — ведь он подумал, что Марган принес ему новый меч, — и как долго потом пришлось ему извиняться за свою нелюбезность и благодарить за пустой сундучок.

Фент очень удивился, увидев сестру на ногах, затем быстро огляделся. С некоторым недоумением Катла отметила, что он не брился несколько дней — обычно ее брат всегда тщательно заботился о своем виде и никогда не позволял себе обрастать щетиной. Теперь же его подбородок и верхнюю губу покрывал густой, светлый пушок, почему-то напомнивший Катле заморскую плесень.

— Это для Тэма, — буркнул он и попытался пройти мимо нее. Катла не пропустила его.

— В Камнепаде есть только один меч, достойный внимания Тэма, — угрюмо проговорила она, — и это мой меч с сердоликом, на который у меня свои виды.

Она аккуратно подняла крышку ящика. Внутри на белом льняном полотне покоился Красный Меч. Катла выругалась.

— Кто разрешил тебе взять мой лучший клинок и отдать его какому-то актеришке?

Фент покраснел и захлопнул крышку, едва не прищемив Катле пальцы.

— Отец сказал, что Тэм Лисица получит его как часть платы за наше плавание. В любом случае он уже испорчен.

Ходили слухи, что кровь сейды способна заставить клинок предательски повернуться в бою против его хозяина.

— Даже если так, почему никто не спросил меня?

— Ты же лежала как мертвая.

— Скажи спасибо, что ты живой! — вскипела Катла, и ее серые глаза вспыхнули гневным огнем.

Они стояли посреди тропинки, в упор глядя друг на друга, упрямые, как два барана: ни один не хотел отступить до тех пор, пока не вмешался Халли, неожиданно появившийся с двумя головками сыра, завернутыми в ткань.

— Как я погляжу, ты настолько оправилась, что в состоянии спорить с Фентом, сестренка. Что ж, хорошо, но все же позволь ему забрать меч, — негромко произнес Халли.

Он кинул на Фента холодный взгляд, от которого младший брат побледнел и вздрогнул.

«Он знает, — подумала Катла, с неожиданной ясностью вспомнив разговор, подслушанный ею после пира. — Он знает, что Фент убийца, что он в гневе убил Финна Ларсона на Большой Ярмарке». Ей стало интересно, сколько Халли известно о происшествии с одноглазой сейдой Фестрин. Словно в ответ на этот немой вопрос Катла увидела, как его взгляд упал на ее чудесно исцеленную руку. Брови Халли поднялись и сложились в одну линию, прямо как у отца, когда он бывал чем-то озадачен. Воспользовавшись моментом, Фент проскользнул между ними и энергично зашагал вниз по тропе.

— Пусть идет, — проговорил Халли и положил руку на плечо Катлы, желая удержать

ее. — Меч проклят, и Фент тоже. Почему, думаешь, он не брился все эти дни?

Катла пожала плечами.

— От лени?

Халли громко рассмеялся.

— После того как сейда сказала ему, что все его предприятия будут заканчиваться бедствиями и несчастьями, Фент не смеет поднести нож к лицу — боится, что тот выскользнет и перережет ему горло!

Катла презрительно скривилась.

— А твоя...

Он снова уставился на ее руку, не находя подходящих слов. Катла натянула на ладонь рукав.

— А, это... — пробормотала она, — уже лучше.

— Как-то слишком быстро.

Один из слуг появился на холме с рулоном парусины в руках и, услышав окончание их разговора, с любопытством посмотрел на Катлу. Халли взял сестру за руку и отвел в сторону с дорожки, пока слуга не удалился на безопасное расстояние.

— Это сейда сделала? Вернула тебе руку?

Катла оттолкнула его и продолжила путь вверх по дорожке. Сейчас ей не хотелось об этом думать.

— Не знаю.

Добравшись до места, где тропинка разветвлялась, Катла выбрала ту, что вела к горным пастбищам.

— И мне все равно, — сердито добавила девушка. — Главное, она опять целая, все остальное не важно.

Она сжала руку в кулак, почувствовав каждый палец.

— Может, для тебя и не важно, но люди наверняка заговорят о колдовстве, если ты не станешь прятать руку. Они будут избегать тебя, и, полагаю, родственники тоже. — Халли нахмурился.

— А с отцовскими безумными планами нас прогонят отсюда еще скорее.

— Не прогонят, если рассказы о Святилище правда. Не прогонят, если он привезет золото.

Глаза Катлы загорелись.

— Это все чушь.

— А папа так не думает.

— Отец обезумел из-за того проклятого торговца с его сказочными картами.

— Если он узнает, что ты говоришь такое, он тебе голову оторвет. И вообще, с чего ты взял, что карта не настоящая? Нарисовано все аккуратно.

— Происходит что-то странное, — сердито сказал Халли. — Его карта не единственная, я видел еще такие.

Теперь пришла очередь Катлы хмурить брови.

— На них тоже нанесен морской путь к Святилищу?

— Говори потише. Да. Я случайно видел карту, которую Хопли Гарсон показывал на Ярмарке Фенилу Соронсону.

Катла задумалась.

— Так, значит, и они планируют экспедицию?

Халли кивнул.

— Разумеется. Фенил такой же сумасшедший, как и отец, сходит с ума от сказок про сокровища, потаенные острова и все такое.

— Мы должны добраться туда первыми! — вскрикнула Катла, лицо ее вспыхнуло румянцем. — Разве нельзя взять «Птичий дар» и отправиться прямо сейчас? Пройдут месяцы, пока мы дождемся нового корабля, пусть хоть вы его украдете — особенно если украдете.

— Даже Фенил не такой дурак. Море замерзает до самого Китового острова, и там не пройти с Дня Духов до Первого Солнца. И вообще говорят, что лед простирается до самого края света. Ему понадобится корабль-ледолом точно так же, как и нам.

— Так он, наверное, уже был у Мортена Дансона...

— Тэм говорит, что верфь получила запас железа с Восточных островов на шесть месяцев вперед.

— Этого времени более чем достаточно для постройки одного ледолома.

— Думаю, у королевского корабельщика полно заказов. Еще я подозреваю, что он может отказаться от выполнения заказа отца из-за сплетен про то, как погиб последний королевский корабельщик.

Халли рассуждал с таким спокойствием, будто речь шла о козе, которую Фент зажарил на Большой Ярмарке, а не об отце его девушки. Лицом он теперь казался старше и жестче даже по сравнению с Араном. С Халли считаются, неожиданно осознала Катла. Он уже не мальчик. Ради задумки Арана и Фента он оставил свою мечту, которую давно лелеял, — мечту о собственном корабле, о средствах, необходимых для того, чтобы жениться на девушке, которую любил, и построить ферму, где они растили бы своих детей и выращивали скот.

— Йенна в конце концов одумается, — мягко произнесла она. — Ты ей действительно нравишься.

Голова Халли дернулась, будто от удара.

— Откуда ты знаешь? — спросил он с недоверием.

— Фент сказал мне.

— И вместо того, чтобы рассказать об этом мне, ты решила, что я догадаюсь сам? — горько проговорил Халли. — Думаешь, ей захочется породниться с кланом, который убил ее отца?

— Она не знает этого наверняка. Никто не знает.

— Значит, можно считать, что все в порядке? Фент должен повести себя как мужчина и признаться, предложить клану Чистых Вод искупить вину кровью и принять годы изгнания, как полагается за убийство.

— Думаешь, отец позволит ему?

Ещё не закончив фразу, Катла уже знала, что этого никогда не будет: Аран так увлечен мечтой о золоте, что не позволит таким мелочам, как закон или обычай, нарушить его планы. Искупление кровью убийства королевского корабельщика будет означать, что клан Камнепада уже никогда не построит еще хоть один корабль.

Халли помотал головой. Челюсти его крепко сжались.

Катла передернула плечами.

— Легче гору свернуть, чем заставить нашего отца хоть на шаг отойти в сторону от намеченного.

— Я ненавижу его! — Кровь бросилась ему в лицо.

— Отца? — Катла была поражена.

— Фента.

— Он очень вспыльчивый и горячий.

— Он чудовище! — Халли произнес это со страстностью, которой Катла никогда не замечала в своем тихом братце. — Он опасен, как бешеная собака. В лучшем случае ему следовало бы надеть намордники привязать к столбу, чтобы никому не навредил.

Странное выражение проскользнуло на лице Катлы Арансон, словно высокое облако прошло над спокойным морем.

— У меня есть идея, — сказала она.

К тому времени как второй прилив набрал силу, корабли комедиантов уже были готовы. Жители Камнепада оторвались от дел и спустились к гавани, чтобы проститься с ними и пожелать удачного пути в Халбо. Только трое из всех знали, что это скорее рискованное

предприятие, чем простое плавание, а один из этих троих знал гораздо больше, чем двое других. На краю мола в некотором отдалении тихо беседовали о чем-то Аран Арансон, Халли Арансон и Тэм Лисица.

— Только самый лучший дуб годится на киль, — настойчиво говорил Аран сыну. — Не дайте ему всучить вам какую-нибудь дрянь. Нам нужно крепкое судно. Я слышал, у него есть дуб с Плантации, а деревья, что выросли в том священном лесу, могут достигать сотни футов в высоту. Для корабля, который я задумал, ничто другое не подойдет, судно должно быть крепким и упругим, чтобы выдержать жесткие условия севера.

Халли нетерпеливо кивнул — он слышал эти инструкции уже сотню раз.

— И ядровая древесина для обшивки, я все помню.

— Возвратитесь с оболонью, и я пошлю вас назад в Халбо на лодке...

— С ядровой древесиной, а не с оболонью.

Аран повернулся к Тэму Лисице.

Главный в труппе артистов, Тэм соответствовал Арану по весу, но выглядел немного выше из-за рыжеватой шевелюры. Прическа его являла собой причудливую комбинацию пучков перьев и шнурков, косичек и хохолоков. С годами путешествий по морю все это пропиталось солью и приобрело неровную желтую окраску. Из длинной рыжей бороды то тут, то там змейками выглядывали косички. Если присмотреться повнимательнее, становилось ясно, что некоторые из украшений действительно змеи; заспиртованные или засушенные, все они, казалось, готовы в любой момент укусить.

— Осторожно с корабельщиком, — говорил Аран. — Если придется его поколотить, сначала удостоверьтесь, что вытянули всю необходимую информацию — о людях, лесе, инструментах. Я ничего не хочу оставлять на волю случая. Но не бейте его слишком сильно; зачем он мне нужен, если не будет ничего соображать...

— Аран, — Тэм Лисица похлопал старого друга по плечу, — неужели ты думаешь, что у меня память, как у цыпленка? Мы привезем тебе Мортена Дансона, может, немножко в синяках, но в здравом уме. Привезем дуб, инструменты и людей, которые умеют с ними обращаться, и вернемся мы сюда еще до Урожайной Луны. — Тэм замолчал, глаза его пробежались по толпе за спиной хозяина Камнепада. — Я надеялся попрощаться с твоей дочерью, — добавил он словно невзначай.

— Я не видел ее с самого утра, после того как у нас с ней случилась перебранка, — довольно сухо ответил Аран.

— Я видел, — с готовностью ответил Халли. — Она как ураган пронеслась мимо меня, заскочила в дом, схватила немного хлеба и вина, потом побежала в конюшни, вскочила на одного из пони и поскакала к холмам.

Аран ухмыльнулся.

— Вернется, когда пыл поугаснет.

— Ну и горячая девица ваша Катла, — улыбнулся Тэм Лисица. — Но мне нравится ее пылкий нрав. Почему бы нам с тобой не заключить на нее брачный договор, Аран Арансон? Тогда ты смог бы бросить бесполезную затею с ее перевоспитанием. Готов поспорить, ты не выдашь ее замуж и к следующим Зимним праздникам!

— В последний раз, когда я брал Катлу с собой, все плохо кончилось, — прорычал Аран. — Больше я не желаю искушать богов.

— Я хочу взять ее себе, Аран.

Аран Арансон остановил взгляд на Тэме.

— Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь? Вопрос решен раз и навсегда и больше не обсуждается. Да и вообще, пожалуй, никому на свете не удастся уговорить Катлу выйти замуж.

Тэм Лисица улыбнулся.

— Хотя в это и трудно поверить, но я терпеливый человек. Время — мой помощник.

Корабль стоял позади них. Халли бросил свой кожаный мешок гребцам, затем сам проворно перескочил на корму.

— До свидания, отец, — скупой простился он.

Потом повернулся и посмотрел на «Снежного Волка» — нос корабля то поднимался, то опускался на волнах прилива. Судно было простым, но изящным, как лебединая шея. Халли оглядывал палубу в поисках маленькой фигурки...

* * *

Катла Арансон с любопытством рассматривала группу мужчин на молу, но когда они перестали разговаривать и повернулись к кораблю, быстро спрятала голову и сделала вид, что чем-то занята. Никто из команды Тэма Лисицы не заметил подмены, когда «младший сын» Арана Арансона поднялся на палубу «Снежного Волка». Скорее это произошло из-за мехов с вином, которые Катла принесла с собой, чем из-за удачной маскировки. Ну и пусть, думала она, трогая непривычный пушок на подбородке. Лисий мех, который Катла обрезала с одной из лучших накидок матери, держался на меду так хорошо, что даже если бы Ферг, их пес, попытался слизать его, ничего не вышло бы. Хороший шторм, конечно же, сдует все, но погода установилась ясная, и все должно пройти нормально. Катла подняла руку, чтобы ухватиться за край борта, и тут же почувствовала сильную вонь из-под мышки.

Фу-у! Она сморщила от отвращения нос. Вот настоящее наказание — носить одежду Фента во время всего путешествия! В мозгу всплыл образ брата-близнеца, надежно связанного и с заткнутым ртом. Они привязали его к центральной опоре главного амбара. Катла вспомнила его сверкающие гневом глаза, когда они с Халли попрощались с ним. Надо сказать, думала она об этом не без удовольствия.

Катла повернулась лицом к океану и широко улыбнулась от наполнявшей ее радости.

Глава 2 ТАНТО

— Убери эту гадость! Ты что, отравить меня хочешь? Мало мне того, что я теперь гадкий, отвратительный калека!

Саро наблюдал, как серебряная тарелка пролетела через всю комнату и врезалась в противоположную стену спальни, ее содержимое выплеснулось на пол и растеклось коричневой блевотиной. Интересно, думал он, как это получается: у его брата хватило сил швырнуть тарелку так, что в штукатурке остался след, а поднять ложку и поднести ко рту он не в состоянии?

Прошло три месяца с тех пор, как Танта Винго пришел в сознание после ранений, полученных на Большой Ярмарке, и не менее опасных манипуляций врачей. Их родители, Фавио и Иллюстрия, были готовы расплакаться от облегчения и благодарности за возвращение к жизни любимого сына. Но сердце Саро чуть не разорвалось от страдания, когда он услышал знакомый голос, раздавшийся однажды ночью, когда врачи уже ушли.

Ему гораздо больше нравилось, когда его брат лежал как бревно и тихонько гнил.

— Убери это, ты, гадина! Вылижи всю стену, это же отвратительная блевотина! Как раз для тебя.

Горькие слезы наполнили глаза Танта и покатались по бледным, мясистым щекам. Он сжал руки в кулаки и принялся молотить ими по постели. Потом начал рычать, как раньше, когда его никто не слышал, кроме Саро.

— Почему я? Почему Богиня наслала несчастье на меня? Почему не на тебя? Ты же такой гадкий, трусливый, мелкий червяк. Какой от тебя толк? Тебя никто не любит, никто от тебя ничего не ждет. Если бы это случилось с тобой, невелика была бы потеря. Но я!..

Жалобные вопли продолжались до тех пор, пока лицо Танта не стало отвратительно багровым и ему не пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

Саро намеренно игнорировал этот взрыв гнева (ничто не бесило Танта сильнее) и занялся отскребанием перца, лука и кабачков со стены. Из них сделали пюре, как для

маленького ребенка, потому что Танто не мог даже пережевывать пищу. Все было приготовлено матерью собственноручно, приправлено самыми дорогими травами и специями и тушилось на медленном огне, чтобы сохранить изысканный аромат. Саро больно было видеть, как пренебрежительно относится Танто к такому проявлению любви и заботы.

Хотя едва ли удивительно, что Танто постоянно находился в таком мерзком расположении духа: от того крепкого парня, каким он отплыл из Алтеи на Большую Ярмарку всего каких-то несколько месяцев назад, не осталось ничего. Тогда он был красив, силен и обожаем — любимый сын, от которого так много ждали. Уже шла речь о выгодной женитьбе, которая дала бы ему положение в обществе, земли, влияние и, как все надеялись, немалое богатство. С помощью Танто клан Винго смог бы вернуть себе авторитет в экономическом и политическом смысле, авторитет, которым он обладал несколько поколений назад, еще до того, как их состояние промотали нерадивые сыновья, а война с Севером завершила дело.

Танто лелеяли как золотую надежду всей семьи, окружали роскошью. Лучшие учителя (точнее, те умные, но слабые люди, которые научились не жаловаться на его лень или недостаточное усердие); лучшие мастера в фехтовании и лучшее оружие, лучшие портные и ткани (хотя Танто был лишен хорошего вкуса, он всегда отдавал предпочтение вычурной и дорогой одежде); позднее — самые дорогие куртизанки и слуги. Такое потворство отнюдь не лучшим образом сказалось на его характере, в нем уже проявлялась довольно разнузданная личность, и, поощряя мечты Танто о власти и славе, отец преуспел лишь в воспитании в нем заносчивости и высокомерия. Танто не просто ходил — он расхаживал. Не просто смеялся — он гоготал, и обычно над своими собственными остротами, ибо редко слушал кого-либо, кроме себя. Он не просто побеждал — он устраивал триумф из каждой мелочи, а если что-то не получалось, дико бесился и срывал злость на слугах.

В общем, Танто уверенно превращался в чудовище, которого в конце концов, как всегда неожиданно, и явила миру Фалла Милосердная — в его истинном обличье, словно уродливая внутренняя сущность человека была вывернута наружу, и здорового, красивого, темноволосого парня заменил обрюзгший, зловонный, гадкий слизняк. Справедливость ситуации была в том, что Танто навлек на себя несчастья сам, собственными руками (и другими частями тела, которые теперь отсутствовали), как бы отчаянно он ни старался свалить вину на Саро. Что ж, думал Саро, соскребая остатки обеда с пола, кажется, в мире все-таки есть правда.

— Может, будешь десерт, брат? — предложил он, повернувшись, чтобы посмотреть на нелепое создание в постели. — Абрикосовое пюре и фиговое желе...

— Да пошел ты, братец!

Танто снова взбесился, черные глаза недобрыми угольками сверкали на жирном лице.

С тех пор как части тела, пораженные гангреной, были отрезаны ножом хирурга и сожжены в огне Фаллы, Танто раздался в ширину, его мышцы потеряли тонус, а волосы почти все выпали. Ожирение было скорее всего вызвано тем, что Фавио и Иллюстрия, пока Танто лежал без сознания, денно и ночно выражали свою родительскую любовь вливанием жидкой пищи в горло сыну. Сначала с помощью длинной ложки, а потом через специальные трубочки, сделанные из овечьих кишок, при этом слуга сжимал ему горло, чтобы заставить глотать. Из-за того, что он был неподвижен, вся эта еда превращалась в огромные мешки жира на теле. Плюс лезущие волосы и запах разлагающейся плоти, который вырывался из каждого отверстия в теле Танто, — все это было вполне заслуженным наказанием, посланным богиней.

Как бы ни проклинал Танто жестоких эйранских рейдеров, которые, по его словам, ворвались в шатер Селен Ишиан, чтобы изнасиловать и убить ее, и ранили его, когда он храбро бросился защищать девушку, Саро не верил ему, потому что хорошо знал брата. Танто слишком много прибавил к этой истории, приукрасил ее обилием неправдоподобных деталей. Саро подозревал, что событиям в шатре и их последствиям есть гораздо более простое объяснение, и оно наверняка имело больше соответствия характеру старшего брата.

Танто не привык, чтобы ему в чем-то отказывали, и когда договор о свадьбе с Селен не состоялся из-за недостатка денег, у него была единственная причина пойти в шатер девушки: силой взять то, что должно было принадлежать ему. И колотая рана в области гениталий говорила скорее об отчаянном сопротивлении Селен, чем о драке с бандой северян, а другие отметины на его теле подозрительно напоминали следы от женских ногтей. Говорят, богиня присматривает за своими...

Ни один другой человек не заметил этих маленьких царапин, будучи, несомненно, потрясен остальными, жуткими ранами, но Саро приходилось проводить много времени у постели брата, ухаживая за ним. Так Фавио Винго наказал его за то, что Саро отдал половину выигранного им на скачках маленькой девочке-бродяжке, чьего деда Танто когда-то безжалостно убил, — вместо того, чтобы добавить деньги к свадебному договору, как следовало бы поступить более почтительному (и жестокосердному) сыну.

Саро подобрал тарелку с ложкой и на миг ощутил, как непонятный жгучий поток энергии кольнул кончики его пальцев, словно ярость Танто вошла в эти предметы и ударила его разрядом. Выходя из комнаты, он чувствовал, как брат сверлит его спину взглядом. В коридоре Саро помотал головой: оставаться наедине с Танто — занятие не из приятных. В такие моменты у него начинало происходить что-то странное с головой.

Что за блаженство выйти на улицу и вдохнуть свежий воздух! Саро направился через двор, чтобы вымыть тарелку, ложку и тряпку под струей воды из бочки. Танто, несомненно, наврет матери, что Саро не кормил его и наверняка все съел сам. И для Саро дело закончится тем, что его отругают и накажут лишением ужина. Ему было все равно — он чувствовал теплые солнечные лучи на лице и вдыхал жгучие, пряные запахи жимолости и ноготков, которые росли вдоль стены дома.

Саро уже привык к недоброжелательству брата и к тому, что родители всегда верили словам Танто, а не его. Очень дорогая плата за жизнь в семье, думал он. Временами Саро чувствовал, что кочевники, приходившие на Большую Ярмарку, ближе ему и роднее, чем те люди, с которыми он провел всю свою жизнь.

Саро пересек двор и прислонился к стене, разглядывая окружающий его пейзаж. Их усадьба возвышалась на холме, под которым тянулись вдаль на тысячи шагов террасы возделанной земли. Там росли лаймы и лимоны, гранатовые и фиговые деревья, целые апельсиновые рощи. Все было рассажено так продуманно и компактно, что сверху земля напоминала кусок материи в полоску: то темно-красную, то ярко-зеленую, с голубым участком там, где текла река. Вдали, милях в шестидесяти или даже больше, земля становилась светлой и каменистой, переходя в подножие Фаремских скал, а еще дальше возвышался Хребет Дракона, напоминавший острые зубья пилы.

«Все, чего я хочу, — думал Саро, выжимая тряпку, — это уйти отсюда. Жить своей собственной жизнью».

Но только кочевники способны жить в диких местах за пределами Империи. Со своими выючными животными, безмятежными косматыми йеками, они бродили по Эльде, нигде не пуская корней, не основывая поселений, не заявляя прав на землю. И казалось, из-за их легкого отношения к земле она сама дает им средства к существованию, пропитание и позволяет проходить в самых опасных местах. Лишь один раз Саро встретил кочевников на Большой Ярмарке, куда и северяне, и жители Империи приезжают, чтобы торговать своими изделиями, предлагать услуги, заключать сделки, свадебные договоры и завоевывать политическое влияние.

Если бы привлекательность Ярмарки заключалась только в этом, Саро она показалась бы скучной. Но присутствие там кочевников, известных среди южан как Потерянные, хотя сами они предпочитали называть себя Странствующим Народом, сулило множество чудес.

Саро вспомнил, как наблюдал за их прибытием — в пестро раскрашенных повозках, диких животных в костюмах. Они везли великое множество товаров на продажу, среди всего прочего: фонари и свечи, украшения из когтей дракона и медвежьих зубов, вышивка, гончарные изделия и ткани, зелья, снадобья, амулеты. Рука юноши инстинктивно потянулась

к маленькому кожаному мешочку на шее. В мешочке лежал самый опасный предмет в мире, хотя, когда Саро впервые наткнулся на него на прилавке торговца-кочевника, он подумал, что это всего лишь безделушка, волшебный камень, который меняет свой цвет в зависимости от эмоционального состояния человека, держащего его в руках. Однако за то время, что юноша носил его, у Саро появился дар Носителя — глубокое, совершенно нежеланное чувство сопереживания любому, кого он касался физически. Он видел, как камень вспыхивал красным огнем ярости и испускал ядовитое зеленое сияние зависти; как сиял белизной, что резала глаза; как забирал души людей и оставлял их неподвижно лежать на земле. Еще три месяца назад он был уверен, что камень показал ему уже все свои чудеса, как вдруг, наполнившись неведомой силой, он вернул к жизни его брата. Саро ничего не понимал, но за это готов был втоптать камень в грязь и развеять всю его магию по ветру.

Волшебство, думал он кисло. Лишь волшебству под силу унести его из этого места. Если бы он только мог собрать все свое мужество и, вскочив на коня, умчаться в темноту ночи! Возможно, ему бы повезло: он встретил бы Потерянных, и они взяли бы его с собой. А потом он сумел бы снова найти Гайю, маленькую бродяжку, деда которой так беспощадно убил Танто и которая до того страшного дня была его другом. Или отправился бы на север и разузнал, что случилось с Катлой Арансон. Красно-рыжий цвет земли в их владениях ежедневно напоминал Саро о ней, потому что это был оттенок ее волос, а бледная голубизна неба на северном горизонте точно повторяла цвет ее глаз.

Саро везде находил напоминания о ней: в округлых формах фруктов, в изящно изогнутых клинках, во взрывах хохота, в любом разговоре об Эйре или о неизбежной войне с Севером. Катла была везде и нигде. Он даже не знал, жива ли она. Фабел рассказал ему, что ей каким-то колдовским способом удалось избежать смерти на костре. Но Саро коснулся ее души, когда Катла дотронулась до него в палатке, где продавали ножи, и он точно знал, что никакими волшебными чарами она не обладала, в ней была только чистая, естественная энергия жизни. Каждую ночь она навещала его в снах, ее присутствие было таким реальным и волнующим, будто все происходило наяву, и сердце Саро все сильнее тосковало по ней. Такая чистая энергия не может бесследно уйти из мира, душа подсказала бы ему, если бы Катла умерла...

— Саро!

Прервав размышления, он повернулся и увидел, как через двор к нему шагает отец с перекошенным от гнева лицом.

«О святая Фалла, — горько подумал Саро, — ну что опять?»

Ответом на его молчаливый вопрос стал резкий, наотмашь удар человека, которого Саро до недавнего времени считал отцом; до тех пор, пока несколько месяцев назад его не посетило тревожное видение матери и дяди, возлежащих на постели...

Ярость охватила его, но была ли то его собственная реакция на болезненный удар, от которого звенело в ухе, или же слабое проявление наследственности, Саро не знал.

— Как ты смеешь так обращаться со своим братом?!

«А-а, — с упавшим сердцем подумал Саро, — вот в чем дело».

— Ударить прикованного к постели инвалида — отвратительный и трусливый поступок, а ударить с такой силой, что остался след...

Саро слушал и не верил ушам. Какими бы разнообразными ни были до сих пор клеветнические наветы на Саро, Танто еще никогда не обвинял его в физической жестокости, подобное измышление представляло собой качественно новый виток в наглом вранье брата. Хотя Саро и знал, что все его слова будут пропущены мимо ушей, он все же попытался защитить себя.

— Я не бил Танто, — спокойно сказал он. — Если на нем и есть какая-то отметина, это дело его собственных рук.

Фавио разъярился еще сильнее.

— А ну пошли со мной!

Его пальцы с силой сжались на руке Саро, и отец потащил его к дому.

Саро подчинился, руки, ноги и разум не принадлежали ему, пока был физический контакт. Однако на пороге комнаты Танто Фавио отшвырнул от себя Саро так резко, что юноша упал и растянулся на полу. Вихрь эмоций постепенно затих.

Когда Саро собрался с духом и поднял голову, он увидел мать, закутанную в свою голубую сабатку. Она тихонько плакала, сидя на стуле рядом с кроватью. А его брат, возлежавший на белоснежных подушках («Конечно, — совсем не к месту подумал Саро, — они все набиты перьями самых дорогих йетранских гусей и стоят каждая не меньше кантари, а я сплю на соломенном тюфяке, набитом перьями кур из нашего курятника»), не сводил с него возмущенного взгляда. Рубашка Танто была разорвана, чтобы все хорошо видели темный синяк в том месте, где должна была быть ключица, скрытая в глубине жирной, белой плоти. Синевато-багровая отметина уже становилась фиолетовой. Должно быть, ему потребовалось немало силы и решимости, чтобы причинить себе такую боль, думал Саро, пытаясь осознать, до какой же степени ненавидит его брат.

— Я всего лишь медленно ел, — несчастным голосом пожаловался Танто, а его темные глаза наполнились фальшивыми слезами. Он сжимал тонкую руку Иллюстрии в своей огромной, влажной лапе. — А он бил меня за это ложкой...

Саро повернулся к отцу.

— Я не имею к этому никакого отношения, — проговорил он сквозь зубы. — Как вы могли поверить, что я способен на такое?

Лицо Фавио выражало только отвращение, и вовсе не к хныкающему в постели существу.

Танто наслаждался своей победой.

— А когда я крикнул, чтобы он перестал, он снял кинжал с пояса и так сильно стукнул меня рукояткой, что я думал, он убьет меня!

В доказательство своих слов Танто полез куда-то под постельное белье и с победным видом выхватил оттуда кинжал брата.

Саро уставился на него, онемев. Рука потянулась к боку, но он уже знал, что там нет пояса, на котором он обычно носил кинжал. Юноша вспомнил, что пояс был перекинут через спинку маленького тростникового стульчика в его комнате на втором этаже дома. Кинжал в кожаных ножнах лежал там же, когда он выходил из комнаты утром. Как же Танто умудрился его стянуть?

Танто увидел сомнение на лице брата и злобно ухмыльнулся.

— Но, конечно же, я прощаю тебя, Саро, — притворно мягко проговорил он, буравя его взглядом. — Я понимаю, что за мной трудно ухаживать, и забота обо мне — совсем не твое призвание. Вот потому я и сказал отцу, что раз уж Совет собирается в скором времени призвать всех молодых мужчин поднять оружие за Империю, надо готовить тебя в солдаты.

Саро уставился на него, не веря ушам. Танто прекрасно знал, что он не обладает никакими воинскими способностями. Мечом Саро владел неуклюже, а с копьем обращаться и вовсе не умел. Он не имел к войне ни вкуса, ни таланта. Нельзя было надеяться и на его умение стрелять из лука, и все потому, что Саро терпеть не мог причинять боль живым существам. Он был скор на ногу и знал, как обращаться с лошадьми, и верхом скакать научился раньше всех. Но, с его точки зрения, это помогло бы ему только быстрее всех покинуть поле боя — потому что в нем не было ни агрессии, ни ярости, которые требуются, чтобы разбить череп другому человеку фактически ни за что.

Юноша открыл было рот, чтобы в ужасе протестовать, но сразу закрыл его, так как в голову ему пришла новая мысль. Если нужно подготовиться к солдатской службе, да не абы как, а хорошо, чтобы не опозорить все семейство Винго, ему, наверное, позволят оставить Алтею, и тогда осуществится его давняя мечта о побеге.

Саро повернулся лицом к человеку, которого называл отцом. Тот стоял, перегородив дверной проем, руки на поясе, вид непреклонный.

— Со стороны моего брата очень великодушно, — выдавил он, — сделать такое предложение. Отец, если вы позволите мне искупить вину таким образом, я сделаю все, что в

моих силах, чтобы приобрести навыки, необходимые хорошему солдату.

Фавио Винго выглядел озадаченным. Он был очень удивлен, когда Танто выдвинул эту идею, но согласился, что раз уж Танто никогда не сможет поднять оружие Винго и пойти в бой во главе отряда алтейцев, то пусть хотя бы его брат защищает фамильную честь. Но еще больше Фавио удивился ответу Саро. Он ожидал бурю протеста со стороны мальчика, который, как он знал, совсем не любил драться. Однако вместо этого последовало согласие — и это говорило о пробуждении в нем сыновней ответственности, смирении и, наконец-то, зачатков мужской гордости. И все же, несмотря на то, что своим ответом Саро смягчил ярость отца, тот не мог отпустить его, не наказав за избиение Танто.

— Поскольку не в твоей натуре хорошо заботиться о брате, тебе придется научиться этому в принудительном порядке. Я не знаю, как может Танто дружески относиться к тебе после подобного проявления жестокости и злобы с твоей стороны, но он обратился ко мне с особой просьбой. Он сказал, что связь между вами должна стать еще крепче. Поэтому в течение тех недель, что остались до начала военных тренировок с капитаном Бастидо, а затем в перерывах между ними и после твоей обязанностью будет мыть брата, убирать за ним нечистоты и растирать его мазями. Ты начнешь выполнять все это с завтрашнего утра. А сейчас ты отправишься к себе без еды и света и будешь размышлять о том, какими качествами должен обладать настоящий брат. Ступай.

Саро был в ужасе. То, что ему придется отдаться на милость капитана Гало Бастидо, прозванного Зверюгой, уже само по себе отвратительно, потому что капитан был настоящий садист. Но касаться брата голыми руками!.. Это самая ужасная пытка, какую только можно себе представить.

Саро отправился наверх, тяжело передвигая словно налитые свинцом ноги.

Глава 3 ХАЛБО

Освещенная со стороны берега красными лучами заходящего солнца, а со стороны моря — призрачным светом молодой луны, между силуэтами Колонн Сура, точно мираж, показалась королевская резиденция Халбо. Среди возвышенностей и изгибов земли, которая круто уходила вверх от линии воды, небольшими группками мерцали маленькие янтарные огоньки. На берегу горел большой костер, освещавший темный залив и несколько дюжин кораблей на якоре во внутренней гавани.

Затем сами Колонны Сура открылись во всем своем великолепии, возносясь на три сотни футов вверх в темноту ночи. Катла от удивления открыла рот. Две огромные сторожевые башни были освещены изнутри мириадами маленьких огоньков. Крошечные фигурки с фонариками двигались в разных направлениях, а издали казалось, что огоньки прыгают и летают. Затем в поле зрения появилась паутина лестниц и арок, которые начинались прямо от линии воды, огибали башни и взбирались вверх по холмам.

Это было чудо архитектуры. Катла стояла, держась руками за планшир и глядя на город. Вдруг она почувствовала прикосновение пальца, легко пробежавшего по линии ее подбородка. Девушка вскрикнула и отскочила в сторону.

— Сур тебя побери! Убери от меня руки!

— Тебе гораздо лучше без бороды, моя дорогая, если позволишь так тебя назвать.

Тэм Лисица всматривался в Катлу своими сверлящими глазами, и белые зубы его блестели в серебряном свете луны.

— Пожалуй, ты должна быть благодарна мне за то, что я не высади́л тебя на каком-нибудь острове или не отправил назад к отцу.

Он шагнул еще ближе к ней, и Катла попятилась.

— Ты, старый распутный козел, — с ухмылкой проговорила она, — найди себе кого попроще, чтобы приставать.

Она снова стала смотреть на Колонны.

— Необычно, правда? Работа гения или сумасшедшего, — заметил Тэм.

— Никогда не видела ничего подобного, — сказала Катла.

Дома на Западных островах были прочными и невысокими, чтобы выдерживать натиск яростных ветров Северного океана, а на Большой Ярмарке она только и видела, что павильоны, шатры и просто палатки — все лишь для временного удобства. Но Катла слышала, что большие города Истрии — Йетра, Сэра и Форент — были выстроены вокруг великолепных замков, вид которых приводил в замешательство и захватывал дух.

— Колонны были построены во времена короля Райка по прозвищу Конский Волос, когда эйранцев впервые отбросили на север, к этим островам. Райк укрепил город многими хитрыми способами, и когда он пал в битве у Акульего залива, жена продолжила начатое им дело. Говорят, что город неприступен. Прямо как ты...

— Я знаю, — грубо ответила она, проигнорировав его последнее замечание. — Именно это и означает название города — Халбо — «безопасное место» на Древнем языке. Ни один враг еще не сумел проникнуть через его укрепления.

С башни в их сторону что-то прокричали. Катла не смогла разобрать ни слова, хотя звук был прекрасно слышен в ночном воздухе. Тэм крикнул в ответ:

— Белая Роза!

Катла вопросительно взглянула на него.

— Пароль меняется каждые несколько недель, — сказал он, пожимая плечами. — Поскольку король привез с собой ту женщину, все пароли теперь связаны с ней: Роза Эльды, Роза Севера, Желание Сердца, Роза Короля.

— А что случится, если назвать неверный пароль? — озадаченно спросила Катла.

Тэм ухмыльнулся.

— Смотри сюда. — Он указал на скалу, на которой стояла башня. — И сюда.

Он показал на противоположную колонну на том же уровне. Катла пристально всматривалась в темноту.

— Я ничего не вижу.

— Под поверхностью воды протянута цепь, выкованная из железа с помощью крови и заклинаний сейды. По обеим сторонам она крепится к двум огромным лебедкам в башнях. Наши корабли имеют неглубокую осадку и могут проскользнуть над цепью, но любое судно южан, которое каким-либо чудом переберется через Северный океан, застрянет там — одно слово часовых, и ее натянут. А потом...

— Что?

Тэм помотал головой.

— Не буду об этом, — суеверно сказал он.

Позади гребцы почти бесшумно поднимали и опускали в воду весла, и «Снежный Волк» проскользнул под укрытие восточной колонны. Его словно проглотила холодная тень от восшедшей луны.

Раздался негромкий скрежет, затем мягкий звук журчащей воды, и вскоре они уже были во внутренней гавани. Здесь корабль изменил курс, чтобы подойти ближе к суше, хотя Катла видела, что проход в доки широк и свободен. Они подплыли так близко к берегу, что Катла могла разглядеть слабое сияние зеленой травы.

Обогнули небольшой мыс, и вдруг перед ними открылся Халбо. Холмы поднимались прямо из воды и уходили круто вверх. От этого казалось, что улицы, застроенные небольшими низкими каменными домишками, громоздятся друг на друге. В окнах мерцал огонь. В ночном воздухе поднимался вверх дым от очагов. И среди всего этого домашнего уюта возвышались стены крепости Халбо, Высокого Замка, обиталища эйранских королей с тех пор, как они поселились здесь. Низкий и широкий, замок не был красив, по крайней мере так казалось Катле, но нельзя было отрицать, что он производил сильное впечатление. По углам крепости поднимались орудийные башни, зубчатые стены были испещрены бойницами, а берег круто вздымался к подножию замка.

Крепость выглядела совершенно неприступной. От замка вниз, к гавани, полной

кораблей, уходили ряды других строений. На западной части берега развели огромный костер, освещавший сотню человек, по пояс голых и с головы до ног в красных блестящих потеках. Передними на берегу лежала невероятных размеров туша, из которой среди темного развороченного мяса торчали огромные белые кости. Оттуда шла невыносимая вонь.

— О Сур! — прошептала Катла. — Точь-в-точь гоблины, победившие Гиганта Хальви в Битве Солнца.

Тэм рассмеялся.

— Разве ты никогда не видела, как разделявают кита, Катла Арансон?

— Кита? Он же громадный! Ни один кит из тех, что я видела, и вполонину не был таким огромным!

— Ох уж эти Западные острова, где даже киты как мелкая рыбешка! Сур не был благосклонен к твоим предкам, когда пригнал их корабль к Камнепаду, дорогая.

Катла бросила на него разъяренный взгляд.

— Высокие холмы, ветер гор и люди, выросшие среди диких кошек и троллей, — вот за что я люблю Камнепад.

Тэм Лисица обхватил ее за талию и прижал к своей широкой груди. Катла плюнула ему в лицо и попыталась ударить коленом в пах, однако главарь комедиантов всю жизнь таскался за женщинами и считал себя специалистом в подобных делах. Одно непринужденное движение — и ему удалось избежать болезненного удара. Тэм смахнул со щеки плевок, который уже начал сползать к подбородку, и улыбнулся.

— Говорят, сопротивление только разжигает страсть, — весело сказал он. — Хотя я предпочел бы, чтобы ты сама пришла ко мне, по собственной воле.

Катла попыталась вырваться.

— Слушай меня! — Тэм схватил ее за руки так крепко, что Катла на какой-то миг не могла не испытать восхищения. — Я знаю одно место неподалеку от доков, мы могли бы пойти туда и познакомиться поближе. — Он прижался лицом к ее шее.

Зубы Катлы были очень близко от его уха. Она попыталась укунить Тэма, однако он со смехом отдернул голову.

— Местечко не слишком роскошное, но ты перестанешь замечать это, как только мы начнем. Я ждал целую неделю, мой маленький тролль. Неужели ты думаешь, я не узнал тебя в твоей маскировке? Я смог бы различить тебя в толпе из тысячи женщин, голых и с мешками на головах!

Катла перестала извиваться и устала на него.

— У тебя на редкость сильное воображение, Тэм Лисица.

Это было все, что она смогла сказать.

Актер засмеялся.

— А уж насколько творческое! Тебе бы следовало самой исследовать его горизонты.

— Убери от нее свои руки!

Голос говорившего был низким и мягким, но тон угрожающим.

— Если ты сейчас же не уберешь от нее руки, я вырежу твои почки и скормлю их чайкам.

Катла обернулась и увидела Халли, который однажды убил двух человек и до сих пор страдал от ночных кошмаров. Он подкрался тихо, как горноста́й, и приставил нож к спине актера.

Она засмеялась и без всякого труда вырвалась из лап Тэма.

— Все в порядке, Халли. Он ничего мне не сделал.

Тэм пожал плечами и отошел в сторону.

— Ты много потеряла, моя дикая кошечка. — Он подмигнул. — Посмотрим, что скажет твой папочка, когда мы вернемся на Камнепад.

С этими словами Тэм важно прошествовал мимо них и направился туда, где его помощник выкрикивал приказы матросам. Через несколько мгновений команда сложила весла, и началась су́ета разгрузки корабля.

Уже приближалась полночь, когда Катла и Халли спустились в шлюпку, словно Тэм Лисица наказал их за свою уязвленную гордость тем, что открытие волшебного города было для них отложено.

Дрожа от нетерпения, Катла вытягивала шею, чтобы хоть что-нибудь увидеть из-за спин людей в лодке. Она жадно вглядывалась в каждую деталь. Здесь кругом были суда: низкие и толстопузые купеческие, военные и для дальних плаваний, множество рыбачьих суденышек. Шлюпка прошла так близко от «Ворона Сура», королевского корабля, что Катле удалось прикоснуться к его обшивке. Правда, для этого пришлось тянуться так далеко, что Халли держал ее за ноги, а остальная команда дружно свистела и улюлюкала.

— Он такой красивый! — воскликнула девушка, оглядываясь на изгиб его носа, на изящные линии форштевня, на голову рычащего дракона.

Несколько мгновений спустя они уже плыли мимо корабля из такого темного и обветренного дуба, что он казался почти черным. На носу красовалась уродливая резная фигура, сделанная довольно грубо и имевшая зловещий вид: огромная круглая голова существа, каких нет в Эльде, пасть его широко открыта, словно он хочет проглотить весь мир. Катла заворуженно уставилась на фигуру. Когда они уже миновали судно, лунный свет упал на кусочек зеркала, вставленный в качестве глаза, и Катла вспомнила.

— Это же «Северный Тролль»!

Моряки добродушно смеялись над ее необузданной восторженностью: многие из них родились и выросли в Халбо. Все они видели «Тролля» сотни раз. То был мрачный памятник древней истории, встречавший всех приезжающих сюда.

Между тем Катла мыслями унеслась в те далекие зимние вечера, когда отец, сидя у очага, рассказывал истории о давней войне — не той, в которой сражался он сам, а той, в которой погиб его дед. Те времена и их памятники стали для Катлы почти легендой. Другие женщины стонали и закрывали уши от кровавых историй Арана Арансона; Катла была от них в восторге.

Она снова оглянулась на огромное черное судно. Так вот он, корабль, на котором дед короля Врана, король Стен, ушел от верной гибели в заливе Горн! И все благодаря его маневренности, отличным судоходным качествам, по которым он превосходил десятки других эйранских кораблей, захваченных врагом — их команды состояли из наемников и рабов под командованием истрийцев. Уже тогда «Тролль» был старым кораблем, но Стен плавал на нем всю жизнь и чувствовал штурвал как свою руку. Уверенный в судне и находясь на своей территории, Стен проделал опаснейший путь через гряду рифов, которая, точно зубы акулы, преграждает путь к восточному побережью. Восемь из преследовавших его кораблей, уверенные в победе, последовали за ним, шесть из них напоролось на невидимые подводные скалы. Оставшиеся два с трудом изменили курс и потеряли ветер, а к тому времени, когда снова поймали его, «Тролль» уже скрылся из виду, растаял в лабиринте островов и проливов. Стен присоединился к флоту у Волчьего мыса и скоро снова напал на истрийцев. Битва была короткой, потому что враг уже не превосходил их численностью и плохо ориентировался в коварных водах. Поставленные перед выбором — рифы или милость северного короля — истрийцы предпочли последнее.

Хотя Стен приказал доставить всех пленных в Халбо в целости и сохранности, освободил он только рабов, и они плакали от благодарности. Многие так и остались в Эйре и работали на фермах и в домах у знатных господ до тех пор, пока не удавалось накопить на собственные участки земли. Другие, сев на корабль, отправились на Восточные острова, где земля была дешевле. Именно этим объясняется преобладание там темноволосых людей и пренебрежительное отношение богатых эйранцев к жителям Востока.

Наемников Стен зазывал к себе на службу, так как высоко ценил хороших бойцов и не тешил себя мыслями о бескорыстной преданности. Самих же истрийцев он повесил или четвертовал прямо на пристани, а потом бросил их тела псам в нижней части города. «Как предупреждение другим», — сказал он единственному истрийцу, оставленному в живых, —

долговязому, темноволосому парню из Форента, который хитро скрыл, что он наследник властителя города.

Внезапно Катлу посетила мысль: она видела сына этого человека на Ярмарке. Руи Финко, лорд Форента, председательствовал на суде, объявил ее виновной и приговорил к сожжению.

Она осенила себя знаком Сура и стала во все глаза смотреть на открывшийся город.

Шлюпка пристала к берегу чуть ниже причала. Команда высыпала на берег и вытащила лодку на берег. Пока Катла и Халли забирали свои вещи, они остались совсем одни.

— Нужно найти место для ночевки, — сказал благоразумный, как всегда, Халли.

Глаза Катлы горели.

— Как ты можешь думать о сне? Перед нами целый город открытий!

Она побежала вверх по узким каменным ступеням к пристани и с восторгом осмотрелась по сторонам, хотя разглядывать здесь было нечего, лишь обычные атрибуты подобных мест: парусина, натянутая над мешками с зерном, бочки и ящики, небрежно сваленные в кучу, сохнувшие рыболовные сети, тележки, загоны для скота, а позади всего этого россыпь хибар, где жили наемные портовые рабочие. Но еще дальше таился совсем другой Халбо, и Катла чувствовала в воздухе его запахи — табака, выпивки и похоти.

— Пошли же!

Она подхватила брата под руку и потащила его к месту, отмеченному грязным куском веревки, закрученной вокруг шеста. Название можно было прочитать по узелкам, как принято в Эйре: переулок Рыбий Глаз. Возле первой таверны, мимо которой они прошли, блевали двое пьяных. Катла остановилась было посмотреть на них, но Халли быстро увел ее прочь. Он уже не раз бывал в Халбо. Заведение «Собака боцмана» совсем не из тех мест, куда можно привести девушку, особенно такую, как Катла. Однако подумав, Халли вообще не смог припомнить ни одного подходящего для нее заведения.

Дальше по переулку они миновали группу женщин в коротких юбках и корсетах, которые поддерживали их огромные бледные груди, словно выставленные на витрину. Катлу женщины насмешили.

— Пойдем со мной, парнишка, — позвала самая старшая из них грубым, низким голосом с восточным акцентом. — Я покажу тебе пару новых трюков. Ты уже пробовал «Розу Эльды»? Это сейчас самая популярная штука! Кончишь еще до того, как твой приятель отсчитает монеты, точно! — Она с воодушевлением уставилась на Халли. — С тобой я бы и бесплатно, красавчик...

Катла, озадаченная тем, почему короткая встреча ценится больше, и интересуясь тем, что такое «Роза», уже открыла рот, чтобы спросить, но Халли грубо подтолкнул ее в спину.

— Мы только прибыли, дамы, — крикнул он через плечо, — и нам сначала нужно хорошенько подкрепиться, чтобы обрести силы и воздать должное вашим умениям.

Катла от удивления подняла брови. Так странно было слышать уверенный и спокойный голос ее всегда застенчивого братца.

— Я хочу «Розу»! — раздался крик позади них.

Катла повернулась и увидела пеструю компанию. Во главе ее шествовал маленький кругленький человек в кожаной куртке. Позади него шагали высокий, сухопарый, однорукий мужчина в воинском облачении и уродливый парень в маленькой шапочке и с мрачным выражением лица. Чуть отстав от них, шла грозного вида женщина с короткой стрижкой и острыми зубами. Рядом с ней двигался гигант с длинным мечом, болтающимся на бедре.

— Наемники, — тихо проговорил Халли.

— А! Я их знаю. — Катла расплылась в улыбке. — Джоз! Эй, Джоз Медвежья Рука!

Великан на миг остановился, прищурился, затем повернулся к женщине.

— Смотри-ка, Мэм, что нам принес прилив. Это же Катла Арансон, клянусь Суром!

Женщина сделала еще несколько шагов вперед, и свет от уличного фонаря возле публичного дома лег ей на лицо. Шлюхи посмотрели на компанию и без лишних разговоров отошли подальше.

— А мы думали, ты умерла, — пробурчала Мэм, подозрительно оглядывая Катлу с ног до головы.

— Ты была как мертвая в последний раз, когда мы тебя видели, — сказал толстяк, улыбаясь Катле. — Лежала на берегу, как полукопченая форель, и волосы все обгорели.

— У рыб не бывает волос, — возразил парень в шапочке.

— Так у нее и не было, Док...

— Заткнись, Дого. — Джоз оттолкнул толстяка в сторону и облапил Катлу по-медвежьи, оправдывая свое прозвище. — Я рад, что ты жива, девочка. — Он отступил на шаг и похлопал рукой по своему мечу. — Это лучший клинок из всех, что у меня были. И я мечтаю о таком же прекрасном кинжале.

Катла рассмеялась от радости.

— А, Дракон Вена!

Это и в самом деле был лучший меч из всех, что она выковала, если не считать клинка с сердоликом, которым обладал теперь Тэм Лисица. И он может принести ему настоящую удачу, подумала она.

— Я с удовольствием сделаю для тебя кинжал, Джоз.

Мэм посмотрела на меч и скривила рот.

— Он лишил меня удачи, этот меч. Даже можно сказать, принес несчастье.

С трудом верилось, что Дракон Вена мог принести наемнице несчастье. В самом худшем случае его можно было продать и выручить хорошие деньги.

— Несчастье? — переспросила Катла.

Мэм угрюмо засмеялась.

— Твой милый братец, — сказала она, — одолжил этого маленького красавчика и умудрился угробить им корабельных дел мастера.

Катла нахмурилась. Значит, Фент совершил свое злое деяние с помощью Дракона. Хотя смерть Финна Ларсона не была большой потерей для отряда наемников.

— Король пообещал нам один из кораблей Ларсона, — вставил Джоз, словно читая ее мысли. — Мы думали сами отправиться в северные моря искать сокровища, вместо того чтобы помогать какому-нибудь богатому ублюдку. Да вот только проблемка вышла, Ларсон-то теперь покойничек.

— Но мы же заработали на корабль... — начал было толстяк Дого и замолчал, потому что высокий мужчина в военном облачении пнул его в голень. — Не надо меня бить, Клоббер, я просто подумал о том сундуке с деньгами, что мы выловили из его...

— Ай, что говорить, цены у Дансона взлетели до небес. Совсем не то, что при Ларсоне, — угрюмо пробурчала Мэм.

Катла вдруг притихла, что было совершенно не в ее характере. Она стала размышлять о сундуке с деньгами. Не там ли, интересно, деньги, которые ее отец украл у своих сыновей и отнес Финну Ларсону, чтобы заплатить за корабль?

— Эти деньги... — начала она, но Халли, хорошо знакомый с репутацией этих с виду дружелюбных людей и бывший свидетелем их неистовой жесткости на Ярмарке, быстро сменил тему разговора.

— Раз уж мой брат стал причиной ваших несчастий, — сказал он, — я могу предложить вам пива в качестве хотя бы некоторой компенсации.

Мэм криво ухмыльнулась.

— Понадобится гораздо больше пива, чем ты можешь себе представить, медвежонок. Хотя для начала недурно.

«Вражья нога» — гласила уродливая вывеска на входе. Рядом болталось несколько истрепанных старых веревок, по-разному завязанных. Халли, Катла и наемники остановились и с интересом изучили все надписи, полные грубых ошибок. «Пастуший глаз» — пожалуй, это блюдо не стоило заказывать. Надпись «Крепкий эль: две монеты за бутыл» привлекла внимание Дока, и он уже чмокал губами в предвкушении.

— Как раз по мне!

— Не понимаю, как можно пить эту дрянь, — заметил однорукий. — На вкус редкая гадость. Рыбья моча.

— Ну да, немного солоновато, — признал Док, — хотя, знаешь, Кноббер, этот эль напоминает мне о доме. На вкус — я бы сказал «аутентичный», но тогда мне пришлось бы объяснять тебе значение этого слова. Так что просто скажу, что это как раз для меня.

Однорукий беззлобно замахнулся на Дока, однако тот увернулся, и кулак Кноббера опустился на череп Дого. Обойдя их, Катла первой нырнула в таверну. Внутри оказалось темно, сверху нависал низкий потолок, а дым был таким ядовитым, что у девушки сразу защипало глаза. Посетителей в таверне было хоть отбавляй. Толпа сзади напирала, и Катле пришлось пройти дальше. Под ногами при каждом шаге скрипели деревянные половицы. Настоящий город мореплавателей и кораблестроителей, подумала она с одобрением. Куда бы девушка ни посмотрела, все говорило об этом: столы и сиденья, сделанные из старых морских сундуков, старинные резные головы, черные от копоти, названия сортов пива «Якорная стоянка», «Двойное рыбацкое», «Тухлая трюмная вода». Катла надеялась, что последнее название — шутка, а не точное описание, и заказала себе бутылку, чтобы выяснить это, хотя Халли и уговаривал ее на маленький стаканчик легкого вина, которое, по его понятиям, было более подходящим напитком для сестренки.

Оказалось, что «Тухлая трюмная вода» — это темное густое пиво с горьким привкусом. Катла залпом осушила кружку и предоставила Халли вести беседу с наемниками.

— Вы, значит, приехали с Тэмом Лисицей? — спросила Мэм.

Халли кивнул. Не было смысла отрицать это, так как после них в гавань не зашло ни одно судно.

— Отец послал нас за товарами, — скупое пояснил он, и это была правда, — раз уж «Снежный Волк» все равно сюда направлялся...

— А как вы собираетесь возвращаться, интересно мне знать? — спросила Мэм, наклонив голову. — Насколько мне известно, у Арана есть свое собственное хорошее судно. Как раз для таких целей.

— Оно на ремонте, — быстро вставила Катла, зная, что брат не умеет убедительно врать. — «Птичий Дар» называется.

— Хорошенькое названьице! — хмыкнул Кноббер. Джоз Медвежья Рука ухмыльнулся.

Дого, озадаченно сдвинув брови, посмотрел на Кноббера, потом на Катлу и, наконец, на Мэм.

— Что?

Кноббер изобразил позыв на рвоту, потом смачно плюнул на стол.

— Птичий дар, — весело повторил он, показывая на плевок. — Вот что они делают, эти чертовы птицы.

Дого выглядел огорченным.

— Не понимаю, над чем вы смеетесь, — пробормотал он. — И зачем так называли корабль?

— Такие они все, жители Запада, — сказал Джоз, подмигивая Катле. — Странное у них чувство юмора.

— Да ты на себя посмотри, — угрюмо ответила Мэм и повернулась к Катле. — Ты очень похожа на своего рыжего братца.

— Мне часто говорят об этом.

— А он что же, не с вами?

— Нет. Остался дома.

Фент, пытающийся вырваться из веревок в амбаре и гневно сверкающий глазами, неожиданно всплыл в мозгу Катлы. Она опустила голову, чтобы спрятать улыбку, которую не смогла подавить, но Мэм все равно увидела ее и прищурилась.

— Я слышал, труппа Тэма Лисицы собирается давать представление в честь свадьбы короля в Полнолуние. Это будет через одну ночь, и мне говорили, что «Снежный Волк» должен прибыть как раз сегодня вечером, — вставил Кноббер в наступившей тишине. —

Кое-кто болтал об этом сегодня у Крысиной пристани.

— Мы и сами не знали, куда будет дуть ветер и когда мы придем, — озадаченно сказал Халли. — Откуда же им было известно?

— Птица-вестник прилетела с корабля — один из чудесных голубей Тэма.

Катла нахмурилась. Она не видела никаких голубей на борту «Снежного Волка», но вспомнила, как на верхнюю рею мачты опустился ворон. Ей это показалось странным, потому что вороны над морем не летают, однако Катла была так взволнована близостью земли, что не придавала этому значения.

— Мы собирались устроить встречу, — сказал парень в шапочке, которого называли Док, и с укором посмотрел на Дого. — Но это было еще до того, как мы попытались компенсировать убытки.

— Было же темно, верно? — стал оправдываться толстяк. — Откуда мне было знать, что это корабль Врана?

Катла, не веря ушам, переводила взгляд с одного на другого.

— Вы что, пытались украсть «Ворона Сура» прямо из-под носа у короля?

Дого пожал плечами.

— Для меня они все одинаковы. Но от Кноббера совсем никакого толку.

Высокий человек засмеялся.

— Подняли якорь, несколько сильных фаремских ребят на веслах. Дого с одной стороны, я с единственной рукой — с другой. Все, что мы сумели сделать, так это врезаться в другое судно и пройти по кругу!

— Счастье, что король сейчас занят, — сурово произнесла Мэм. — Говорят, он решил, что это веселая шутка. Но Штормовой Путь не дурак. Велел страже хорошенько смотреть за нами, ни под каким предлогом не давать проходу во дворец и близко не подпускать к кораблям. Ладно, не все развлечения устраивают только для богатых, — повеселела она. — Почему бы вам с братом не присоединиться к нам и не провести вместе Лунную ночь? Мы бы показали вам кучу достопримечательностей.

Катла увидела в глазах Халли панику.

— Еще родственников навещать, — с ходу соврала она и закатила глаза, демонстрируя всю утомительность этого занятия. — Нужно передать привет сестре матушки. Недавно узнали, что у нее болят руки и опухли колени.

— На жизнь надо смотреть проще. — Мэм состроила гримасу. — Вот эти парни — моя семья. Я плачу им деньги, а они берегут мою задницу. Лучше любой семьи. Тут тебе и доверие, и честность.

После этого разговор перешел на воспоминания, и Катла была крайне удивлена, даже потрясена, обнаружив, что Мэм, Дого и Джоз сражались в битве за гавань Хедера, в которой ее отец чуть не лишился жизни. Правда, бились они на вражеской стороне.

— А зачем драться бесплатно, если истрийцы предлагают хорошие деньги?

— Разве у вас нет привязанности к родной стране? — спросила Катла.

— Все, что дала мне Эйра, — засмеялась Мэм, — это оспа и необходимость братья за оружие с нежного возраста. — Она угрожающе клацнула своими заостренными зубами. — Я не испытываю любви ни к одному королю, будь он старым серым лисом или молодым вороном. Они все считают, что могут заставить тебя выполнять их повеления, даже если это идет вразрез с твоими собственными интересами. Истрийцы — жирные ублюдки, но у них достаточно ума, чтобы понимать: если работа стоит того, чтобы ее делать, она стоит и того, чтобы за нее платить. И всем обещаниям эйранцев я предпочту истрийскую монету.

Когда нет семьи, думала Катла, чтобы защищать ее, и нет места, которое можно назвать домом, утверждения Мэм трудно что-либо противопоставить.

— А еще, — добавил Джоз, — монеты истрийцев идут людям вроде тебя как плата за оружие.

Он похлопал по своему мечу.

— Угу, — буркнул Халли, — или оборачиваются кровью на клинке.

Глава 4 ПРОКЛЯТИЕ

На следующий день не успело еще взойти солнце, а Саро уже был на ногах. Он почти не спал — мысли о том, что ему предстоит, бесконечно крутились в голове и не давали сомкнуть глаз. Он как в тумане оделся, заметил отсутствие своего кинжала на стуле — должно быть, оставил на кухне, хотя совсем не помнил, чтобы брал его туда, — затем натянул ботинки.

Внизу Танто лежал в своей постели, точно личинка в коконе. Глаза его сияли. Он предвкушал изысканную месть братцу. Во всем произошедшем виноват только Саро. Если бы он не отнес свой выигрыш той маленькой бродячей шлюхе, Танто сейчас был бы лордом, обладал замком и красивой, преданной женой. Он остался бы цел и невредим, и им бы по-прежнему восхищались. Его бы уважали все те дурни, что считают себя лучше — Фортран Дистра и Ордон Каран, к примеру, — со всеми их деньгами, землями и прекрасным будущим, которое расстилалось перед ними, такое же сияющее и бесконечное, как поверхность озера Йетра. Он ненавидел их. Но во сто крат больше он ненавидел Саро.

Танто сделал над собой усилие и начал ворочаться в кровати, пока не почувствовал спазм в кишечнике.

Вонь была невыносимой. Саро стоял над братом, сжимая и разжимая кулаки, стараясь побороть приступы тошноты. Глаза Танто были закрыты, дыхание ровное и спокойное. Легкая улыбка играла в уголках рта. Казалось, он спит, как невинный младенец, и видит сны о лучших временах. Но на виске лихорадочно пульсировала жилка, и лицо было напряжено. Саро стоял над ним, вглядываясь, довольно долго. Он ждал, не выдаст ли себя брат невольным движением. Затем, сжав зубы, вышел из комнаты, подогрел на печке воду, принес несколько тряпок для мытья и горшок с крышкой для нечистот.

Когда Саро вернулся в комнату, там был Фавио. Он стоял у кровати, глядя на спящего старшего сына. Подбородок Фавио потемнел от щетины, а одет он был в запятнанный красный халат, подвязанный синим потертым поясом. Лысая голова блестела на свету, который лился в комнату через единственное окно. Редкий случай, чтобы Фавио появился перед кем-нибудь в таком виде, он был очень щепетилен в отношении своей внешности: тщательно брился каждое утро и прятал недостаток волос под повязкой. Это доказывает, думал Саро, как мало его беспокоит теперь что-либо, кроме гордости клана Винго, которая лежит перед ним, прикованная к постели и воняющая нечистотами.

Когда Саро вошел, Фавио торопливо отдернул руку от носа и выпрямился. Глаза его были влажными. Интересно, подумал Саро без тени сочувствия, эти слезы от горя или от зловония?

Взгляд Фавио прошелся по предметам, которые принес Саро, ошеломленно задержавшись на горшке. Затем поднял голову и с презрением посмотрел на младшего сына.

— Я виню в этом только тебя, — произнес он голосом, дрожащим от переполнявших его эмоций. — Что бы ты ни делал, как бы ни старался, ты никогда не сравнишься с Танто. Даже не думай, что когда-либо займешь его место в моем сердце и в доме.

С этими словами Фавио прошел мимо Саро к выходу.

Саро отшатнулся, словно отброшенный волной отцовского презрения. Он считал, что привык к такому обращению, но это только казалось ему. Несмотря на то что подобные тирады повторялись регулярно, они не могли ожесточить его сердце, сделать равнодушным.

Передернув плечами, он подошел к кровати и откинул одеяло. От резкой вони отшатнулся в сторону. И вдруг Танто сел в постели, злобно глядя на Саро.

— Грустно, правда? — Брат был весел и ликовал. — Раз ты можешь ходить в уборную, принимать ванну или купаться в озере с хорошенькими мальчиками, я подумал, что тебе стоит проводить как можно больше времени по локоть в дерьме, моче и блевотине. Если бы я мог на тебя наблевать, я бы так и сделал. Хочу, чтобы ты испытал то омерзительное

состояние, в котором я оказался по твоей милости.

Саро в смятении отскочил назад.

— Ты знаешь, Танто, что не я сделал это с тобой, — сказал он тихо, протягивая горшок и отворачиваясь от немигающего темного взгляда. — Я не понимаю, почему ты хочешь наказать меня за несчастье, которое постигло тебя.

— Несчастье! — Танто зашелся горьким смехом. Он оттолкнул от себя горшок с такой силой, что тот выскользнул из рук Саро и с грохотом упал на пол. — Несчастный случай, неудачное стечение обстоятельств, вот что привело меня к этому, так? Насмешка Фаллы Милосердной, да? Сплетение линий судьбы? Вряд ли, братец...

Пальцы его впились в руку Саро. Кожа к коже. Волна враждебности и злобы брата охватила Саро. Он стоял словно парализованный и видел перед собой темный ночной берег, и волна за волной — черные, смешанные с нечистотами, кишасшие уродливыми осьминогами, акулами и ядовитыми змеями — поднимались вверх до самого неба, стремясь завладеть им, унести на дно морское и отдать во власть ужасов. Первая волна накрыла его с головой, и он увидел и почувствовал...

Записка, написанная его рукой, возле заметно уменьшившейся горки монет. Надвигающаяся тень, потом обыск его комнаты. Детали всплывали как галлюцинация. Он видел, как содержимое чернильницы выплеснули на аккуратную стопку его белья и любимые замшевые тапочки, как ткань жадно впитала темную жидкость. Что-то серебряное виднеется из-под белоснежной подушки. Змеей потянулась рука — темная, загорелая, мускулистая рука Танто, — пальцы сомкнулись на рукояти. На него нахлынули ненависть и бешенство, потом — ярость убийцы. *Я убью его. Возьму этот кинжал и...*

Разящий нож. Перья. Везде перья.

Кто-то убил птицу? Он не понимал. Пальцы впивались в его руку, безжалостно, оставляя синяки на коже.

Сцена изменилась до неузнаваемости. Пара нелепых пурпурных туфель с загнутыми носками, под ними черная, обгоревшая земля. Значит, Большая Ярмарка, долина вулканов. Свет луны и отблески огня. Алтарь Богини, со смехом перевернутый ударом ноги. Дермо красно-коричневого цвета, потом запах сафлора, ароматный и пьянящим.

Потом он оказался возле шатра, освещенного изнутри, увидел силуэты двух женских фигур, лицо одной закрыто вуалью, профиль другой четко вырисовывается. Это Селен Ишиан. Горячая волна похоти накрыла его. Затем был голос, эхом отдававшийся в его голове, цитаты из «Лужи Алесто», огненные блики на клинке кинжала...

Потом он видел только кровь. Время, казалось, остановилось. Кровь была везде — в воздухе, на лезвии кинжала, на его руках. Темное расплывшееся пятно крови на дорожке шли...

Что-то дрогнуло внутри Саро. Он шарахнулся в сторону, схватившись за голову, рука Танто соскользнула. Но даже теперь, когда контакт между ними был разорван, жуткие образы продолжали проноситься в мозгу один за другим. Саро сосредоточился, пытаясь понять их суть. Записка и бешенство, которое она, должно быть, вызвала — тут все ясно: его собственная записка брату, что он отнес половину выигрыша Гайе, как они и договаривались, — так ему казалось по крайней мере. Хотя он должен был знать, что у Танто нет никаких понятий о чести, особенно если речь шла о расплате за кровь старого кочевника. Перья, алтарь, запах сафлора — все эти образы никак не связывались в единое осмысленное целое. Мысли продолжали возвращаться к кинжалу. Он прокручивал в голове эту картину снова и снова, вспомнил особую отделку из серебра и красивый рисунок. Клинок наверняка эйранский, тот самый, что дала ему она, Катла, Катла Арансон...

Воспоминание о ней — о ее незаурядных способностях, веселом характере, дикой красоте — придало мыслям ясность. Да, это был тот самый клинок, который он клал себе под подушку и который так странно исчез потом. Но Танто клялся, что его изранили именно этим клинком, когда он пытался защитить дочь лорда Ишиана от эйранских рейдеров. Значит, именно он украл его из комнаты Саро. Тогда легко можно объяснить перья —

подушка, распоротая в спешке. Потом дорога. Те туфли могли принадлежать только Танто, никто другой не одевался столь вульгарно. Шатер. Две женщины внутри. Очевидно, это шатер Селен Ишиан, но никаких признаков истрийских рейдеров, никакой угрозы, пока не...

Он распахнул глаза, ослепленный неожиданной, яркой вспышкой понимания.

— О Богиня! Танто, что ты наделал?

Брате любопытством уставился на него.

— О Богиня! Саро, о чем ты говоришь?

— Это был ты! Когда ты коснулся меня, я видел...

Он резко оборвал фразу, но было уже поздно. Он заметил, как изменилось выражение лица Танто — нет, в нем не было и тени вины или угрызений совести или даже страха быть раскрытым. Это было выражение зависти и алчности.

— Я так и знал! — В голосе Танто звучал триумф. — Ты читаешь мои мысли! Когда я дотрагиваюсь до тебя, ты видишь меня насквозь! Ты всегда был таким чувствительным, таким добреньким, трусливый, мягкий молокосос, внимательный к рабам, ласковый с животными, даже самые дикие из них шли к тебе. И ведь они никогда не кусали тебя, правда? О нет! Они кусали меня, потому что ты знал их мысли и заставлял их кусать меня! — Танто снова ухватился за запястье Саро. Он с восторгом наблюдал, как брат вырывается с искаженным от внутренней боли лицом. Ненависть полыхала в темных глазах Танто. — Никогда я не мог поверить, что ты на самом деле мой брат. Ты — ничтожное создание, мягкотелый идиот — и *мой брат* ! Что за нелепая мысль! Наверное, мать переспала с каким-то смазливym бродячим торговцем и зачала тебя, пока отец был на войне. И тебя оставили, несмотря на всю твою недоделанность. Посмотрим теперь, верна ли моя теория. Может, и правда твоя лицемерная, чистоплюйская душонка умеет читать мысли? А?

Лицо Танто исказилось в гримасе, означавшей веселье. Затем он закрыл глаза, словно пытаясь настроиться на самые лучшие воспоминания.

Поток образов снова полился в мозг Саро, хотя он и старался изо всех сил остановить его, вырваться из медвежьей хватки брата — пожалуй, слишком сильной для увечного.

Красивая девушка-рабыня, ее тонкая сабатка разорвана и болтается вокруг ног. Она била его своими маленькими кулачками, маша руками, будто крыльями, но он грубо схватил ее за запястья, чуть не переломав кости, и дважды ударил ее о стол — стол в их гостиной. Рабыня, бедная маленькая Сани, — она умерла в прошлом году от чахотки, вспомнил Саро, чувствуя беспомощность и страдая от этого. Он раздвинул ей ноги и запустил внутрь нее руку, она закричала от боли... В апельсиновой роще мальчик-раб стоит на коленях, выкрикивая что-то невнятное на своем гортанном языке. Возбужденный ужасом мальчика, он схватил его за волосы и откинул голову назад, а другой рукой взял свой член... Карие глаза с длинными ресницами смотрят на него с презрением и отчаянием, нежные белые груди с рисунком бледно-голубых вен под его руками. Женское лицо, мокрое от слез; она умоляет его, умоляет так трогательно, что ему захотелось ударить ее снова. Круглый белый живот с шестимесячным ребенком внутри... его собственным... его первый внебрачный сын!.. Отупевшее, в синяках, лицо проститутки, к которой он приходил, хорошо расплачиваясь с хозяином публичного дома за свои необычные пристрастия... Рабыня, испускающая дух в море крови у его ног. Селен Ишиан пристально смотрит на него, ее розовый и пухлый рот открыт от удивления. Его жена, его *жена* ! Или скоро станет ею, потому что разве будет лорд Тайхо или его отец препятствовать браку, если товар уже испорчен? И не важно, уплачена цена по договору или нет. Такая вот маленькая перестановка, дерзкий, опережающий шаг. Он видел бледные округлости ее груди, соски, маленькие и темные, просвечивающие сквозь тонкую ткань. Сорвать ткань, и его взгляду открылось все ее тело, мягкое и податливое: груди как раз такие, какие нравились ему, зрелые, чуть тяжелые, плоский живот, готовый принять его семя, а это место внизу, не тронутое ни одним мужчиной, его по праву, сейчас, сейчас! Первое обжигающее проникновение в нее было великолепным сочетанием боли и неопишуемого удовольствия. Он чувствовал сопротивление девственной плевы. Ощутил, как она разорвалась под сильным

напором и впустила его — желанного, конечно, желанного. Он пахал и пахал это девственное поле, а ее сильные руки обхватили его, ногти впились в кожу, выражая всю силу ее желания. Потом ни с чем не сравнимое облегчение...

Танто отпустил руку брата перед тем ненавистным моментом. Он не хотел даже вспоминать об этом, не говоря уж о том, чтобы делиться с Саро. В любом случае он с трудом мог поверить в то, что она, его будущая жена... Нет, наверняка это были другие люди, это они взяли его кинжал и воткнули в него. Он почти убедил себя в этом, мог даже мысленно представить их лица.

— Ты чудовище!

Освободившись от хватки брата, Саро попятился и прислонился к стене. Грудь его тяжело вздымалась, лицо горело. Он чувствовал себя грязным оттого, чему стал свидетелем, он испытывал отвращение. Он и раньше знал о мерзких чертах брата, видел его хитрость, жадность, ложь, жестокость к кошкам и собакам, намеренную грубость с лошадьми, то, как он обращался со слугами, как издевался над маленьким Дено, слепым на один глаз. Еще он слышал, как Танто болтал о своих встречах с женщинами, но затыкал уши и воспринимал это как пустое хвастовство или в худшем случае как фантазии, которые брат, будь у него такая возможность, претворил бы в жизнь.

Но познав в полной мере порочность брата, Саро почувствовал тошноту.

В ответ Танто лишь ухмыльнулся и ткнул пальцем куда-то ниже пояса Саро.

— Не такой уж молокосос, как я вижу. Возможно, после этого я даже назову тебя братом!

Саро посмотрел вниз и с ужасом увидел, что тело под воздействием нечистых мыслей Танто предало его — под туникой ясно различалась напрягающаяся плоть.

С криком отчаяния он выскочил из комнаты на ярко освещенный солнцем двор.

Со злобным удовлетворением Танто слушал, как брат громко блюет на бархатцы под окошком. «Будет ему урок, — думал он. — А то возомнил, что сам такой чистый и только я ненормальный».

Звуки рвоты все не стихали. Танто отбросил в сторону стеганое покрывало и спустил с кровати оплывшие жиром ноги. Осторожно перенес на них вес, затем выпрямился во весь рост. Пол был прохладным. Подняв тряпки, которые кинул Саро, Танто оттер с себя собственные нечистоты, морщась от гадкого запаха. Затем, дрожа и потев от усилий, нетвердой походкой подошел к окну и выглянул наружу. На другой стороне двора он увидел Саро, прислонившегося к стене. Каждая линия его тела говорила об отчаянии: плечи опущены, голова висит, руки распластались по нагретому солнцем камню — казалось, только они и не дают ему упасть.

Танто улыбнулся. Это было самое радостное утро за все последнее время. Он так чудесно спланировал все, чтобы отец приказал Саро убирать за прикованным к постели калекой. Это прекрасно уже само по себе, но новое развитие событий превзошло все его ожидания, потому что теперь он сможет свести Саро с ума посредством страха и пыток. Это гораздо лучше, чем просто неприятная обязанность убирать за ним и исполнять все его капризы. Не прилагая никаких усилий, Танто мог превратить жизнь брата в непрекращающуюся муку. А к тому времени, когда он будет готов идти на войну — сама идея о том, что Саро способен вести отряд в бой, яростно сражаться, казалась абсурдной, — он уже будет сумасшедшим и злым, как летняя оса с жалом на изготовку. Он погибнет в первом же сражении, может быть, напорется на собственный меч и возблагодарит за это богиню!

Убедившись, что брат не идет к дому, Танто вернулся к кровати и из горы подушек вытащил поясной нож, который украл вчера из комнаты Саро. Не нужно, чтобы Иллюстрия обнаружила его, когда придет повидать сына. Все должны верить, что он — немощный инвалид, прикованный к постели.

Кинжал был тяжелым. Синяк на груди от его рукояти болел, но теперь страдания Танто

возмещены сторицей. Такого триумфа он не мог ожидать!

Возможность свести Саро с ума доставляла Танто такое удовольствие, что он забыл о собственной боли.

Он тихонько прокрался к двери и высунул голову наружу. Никого. Отец и дядя Фабел скорее всего читают утренние молитвы, стоя на коленях и склонив головы, — суеверные идиоты! Служанки вряд ли посмеют доложить о его похождениях, даже если выследят его, они уже на собственной шкуре испытали, что значит переходить ему дорогу.

Опираясь на стену, чтобы не упасть, Танто прошел вдоль по коридору со скоростью удивительной для калеки и на четвереньках, будто гигантский таракан, поднялся по лестнице.

Солнце поднялось выше. Саро подумал, что сегодня худший день в его жизни. Вернувшись в комнату брата, он вычистил постель, поменял простыни, а потом его заставили постирать их. Затем, пока слуги относили Танто свежее белье и завтрак, подобающий лорду, Саро отправили практиковаться в военной науке с одним черствым куском хлеба. Хорошо, что по дороге нашлось немного фруктов.

Потом Саро попал в руки капитана Гало Бастидо, который избил ученика до черных синяков по всему телу. Предлогом послужила его медлительность и неповоротливость. Зверюга — так прозвали капитана те, в кого он вколачивал некое подобие умения фехтовать. В военное время Бастидо был одним из командиров ополчения Алтеи; сейчас, в период затишья, которое гордо называли мирным временем, даже несмотря на нависшую угрозу, он исполнял обязанности надсмотрщика в поместье Винго и отвечал за наем людей на работы. Более высокое положение управляющего поместьем занимал Сантио Каста, и капитан должен был подчиняться ему, что было крайней несправедливостью, с точки зрения Бастидо, потому что во время последнего военного конфликта с Севером Каста был младше его званием.

Ничто из вышеперечисленного не способствовало доброму нраву этого человека, не говоря уже о его природной склонности к жестокости. Заносчивость и толстокожесть сослужили ему хорошую службу во время войны. А унижительное занятие надсмотрщика за рабами, которые едва говорили по-истрийски, но все время бормотали на своих непонятных языках, породило в капитане полное равнодушие к людям, кроме тех случаев, когда он делал им больно. Резкий вскрик, протяжный стон, мокрые от слез глаза и искаженные лица — это он понимал и использовал в процессе обучения, так что ему удавалось добиться превосходных результатов в короткое время.

Когда Бастидо велели уделить внимание младшему, нелюбимому сыну хозяина, он развеселился. Каждый раз, когда Саро в изнеможении падал на землю или же сдавался под напором огромного тренировочного меча Зверюги, тот заходилась от смеха.

— «Будь с ним суров» — так сказал мне твой отец, — весело проинформировал юношу Бастидо после того, как уложил его на землю в третий раз за утро. Несмотря на то что капитан был на полголовы ниже Саро, в ширину он превосходил его почти в два раза, и мускулы его были тугими, как сушеная баранина. — «Он ленив и неповоротлив, кроме того, совсем не умеет обращаться с клинком. Сделай из него мужчину, — сказал он мне, — солдата, которым могли бы гордиться Винго». Именно за это мне и платят деньги.

Каждый сантиметр кожи Саро, казалось, был покрыт синяками и порезами, каждое волокно его мышц пульсировало от боли. Еле волоча ноги, он поднялся по лестнице в свою комнату, думая о том, что как только коснется головой подушки, тут же провалится в сон, такой глубокий и долгожданный, что, пожалуй, не проснется к ужину. А если он не сможет поесть, то не вынесет забот Зверюги на следующий день.

В нем не осталось ни силы, ни воли сделать хоть одно лишнее движение. Он чувствовал себя как побитая дворняжка, как истрепанный в драке волк, вернувшийся в логово. Завтра будет завтра. Если повезет, может, он и не дотянет до следующего дня.

Саро толкнул плечом тяжелую деревянную дверь и, пошатываясь, вошел в комнату.

Скинув туфли, принялся снимать пыльную тунику. До конца не сняв ее, плюхнулся на кровать. Ноющими мышцами спины он почувствовал под собой что-то жесткое и холодное. Откатившись в сторону, Саро сорвал мешавшую тунику и швырнул ее на стул у кровати. Правой рукой он нащупал предмет. Достал его и поднес к лицу. В сумрачном свете умирающего дня он разглядел свой поясной кинжал, который безуспешно искал все утро. Рукоятка была запачкана и воняла дерьмом.

Вздвогнув от отвращения, Саро бросил кинжал на пол, где он и остался лежать. Лезвие в свете заката было красным, словно его окунули в кровь.

И вдруг он понял, где был кинжал все то время, пока он искал его, и каким образом вернулся назад. Неожиданная ярость охватила юношу.

В эту ночь он так и не сомкнул глаз.

Глава 5 КОРОЛЕВСКИЙ КОРАБЕЛЬЩИК

Первую ночь в королевской столице они провели на чердаке заведения, в котором наемники вели какие-то дела. Когда Катла поинтересовалась, какого рода эти дела, Дого соорудил идиотскую рожу и оскалился, а Халли тихонько покачал головой. Катла решила воздержаться от расспросов до тех пор, пока они не распрощаются с наемниками.

С утра они отправились к верфям Мортена Дансона, чтобы передать ему приглашение Тэма на представление — не веревочку с узелками, а отличный пергамент из козлиной шкуры, исписанный собственноручно Тэмом рыбьими чернилами.

На Катле была туника в зеленую и красную клетку, позаимствованная специально для этой цели у одной из актрис, Сильвы Легкой Руки, еще до того, как они покинули корабль. Халли чувствовал себя крайне неуютно в зеленом с золотом костюме. Яркость наряда несколько смягчал просторный плат неброского серого цвета, на котором красным шелком был вышит «Снежный волк» во всей своей красе.

Катла была удивлена, узнав, что Тэм умеет так здорово писать, но еще больше ее поразило то, что Тэм Лисица самостоятельно вышил этот плащ. Трудно было представить, что его огромные волосатые руки пригодны на что-либо, кроме метания ножей, управления судном или тисканья баб. Но главарь комедиантов не заметил, что Катла посмеивается над ним.

— Представление — это не только веселье и игры, — говорил он. — Во-первых, мы все время в пути. При этом бывает даже очень скучно, особенно если какой-нибудь мелкий лордик решит, что тебе нужно подождать денек-два-три, пока он охотится за каким-нибудь мифическим драконом, или, еще хуже, если тебя заставляют проигрывать одни и те же куски по сто раз. Кроме того, мы не можем себе позволить держать швею, повара или прачку, и приходится делать все самим. Мы сами шьем и поддерживаем в хорошем состоянии свои костюмы. Моей труппе приходится учиться обращаться с иглой так же мастерски, как и с жонглерскими мячиками и ножами.

Первые полчаса прогулки по королевскому городу сами по себе были развлечением для Катлы. На каждом повороте она то и дело вскрикивала от восторга.

— Посмотри, брат, окна со стеклами!.. Взгляни-ка на ту женщину с фиолетовыми волосами! Ой, да это же парик!.. Что за человек может жить в таком доме? А зачем решетки на дверях и штыри на стенах? А что это за знаки там, как паленый деготь? Ой, да это и есть паленый деготь. С войны остался? А зачем эйранскому лорду сражаться с королем? Из-за женщины?..

И так далее в том же духе, пока Халли не пригрозил дать сестре оплеуху и оставить в ближайшей канаве, где ее найдет какой-нибудь попрошайка. Приблизившись к окраине города, они увидели кавалькаду, рысью идущую в их сторону: конные мужчины в прекрасных плащах и сверкающих шлемах, с длинными волосами, заплетенными в косички, и бородами, перевязанными пестрыми лентами, со знаменами, развевающимися на копьях,

которые блестели так, точно их никогда не использовали для других целей. Из крытых повозок, которые тащили выносливые пони Северных островов, выглядывали женщины, а гривы пони и их хвосты в косичках тоже были щедро украшены лентами. Одна из повозок, в которой ехали хихикающие девицы, расчесывающие друг дружке длинные волосы, прошла так близко от Катлы и Халли, что им пришлось отскочить с дороги. Катла было ринулась вперед, гневно ругаясь и потрясая кулаками, но Халли схватил ее за руку.

— Не смей!

Она удивленно уставилась на него.

— Они же могли задавить нас... — Катла осеклась — лицо Халли было бледным и напряженным, по взгляду темных глаз невозможно было понять, о чем он думает. — В чем дело?

Он просто помотал головой и пошел вперед, погрузившись в свои мысли. Больше Халли не произнес ни слова, пока они не добрались до верфи.

Верфи Мортена Дансона располагались в широкой морской Лагуне, по сторонам которой возносились вверх, в необъятное голубое небо, высокие холмы. Когда-то это место, возможно, было одним из самых красивых на Северных островах, ибо всю землю здесь, насколько хватал глаз, покрывали леса. Чистые воды залива отражали десятки оттенков зеленого, ветер гнал по бескрайнему небу высокие облака. Теперь же тут не осталось и трех пеньков — леса были выкорчеваны, везде торчали обожженные корни, беспорядочно росла черника или ежевика. Это место уже ничем не могло привлечь ни животных, ни человека.

Внизу, ближе к реке, все открытое пространство занимали ветхие домишки. Везде виднелись жестяные крыши, постройки из камня, бревенчатые хижины, склады, временные укрытия, сделанные из шкур и весел, — убогий с виду береговой город. Посреди этого хаоса лежали корпуса сотен кораблей на разных стадиях постройки, шпангоуты и балки торчали во все стороны, будто ребра разделанных китов. Казалось, здесь тысячелетия назад произошла великая морская битва, и воды отступили, чтобы показать останки погибших как предупреждение для других.

На берегах лагуны виднелись кучи строительного мусора. На милях вокруг не росло ни одно подходящее дерево, и Мортену Дансону приходилось привозить материалы издалека. Самые большие бревна, должно быть, доставляли со священной Холмистой Плантации — эти деревья когда-то поднимались на высоту сотен футов. Древние гиганты, низложенные человеком.

Приток реки, которая впадала в море в южной части лагуны, был вытеснен со своего первоначального русла. Оно выделялось более темным цветом трав и сухими камешками, среди которых пробивались новые побеги. А речка, что когда-то текла здесь, теперь бежала по искусственному руслу в самое сердце верфи. Мужчины с огромными кожаными мехами для воды бегали от реки к сараям. Из этих сараев вырывалось в воздух над лагуной так много пара, что издалека чудилось, будто здесь делают не корабли, а облака: своеобразная фабрика погоды, которой мог управлять только сам Сур.

Катла и Халли направились вниз по дороге и с удивлением смотрели по сторонам. Даже Халли, который путешествовал гораздо больше, чем сестра (он был в Нессе и Чистых Водах, а однажды после Большой Ярмарки даже в Иксте на севере Истрии), не видел, чтобы воля человека могла так подчинить себе природу.

— Восхитительно, — произнес Халли, задыхаясь от восторга и быстрой ходьбы.

— Ужасно, — сказала Катла. — Никогда больше не взойду на борт корабля.

— Это место — источник жизни для Эйры, сестра. Как еще мы можем преодолеть океан? Неужели ты думала, что дедушка выстрогал «Птичий Дар» из пары веток со своих любимых дубов?

— Я не знаю. Просто... — Катла раскинула руки. — Здесь нет ничего... Ничто не возвращается... — Она нахмурилась. — Не могу объяснить, что я имею в виду. Все это очень жестоко.

Она в растерянности остановилась. Когда Катла работала с металлом в кузнице, она чувствовала, как сила Эльды поднимается вверх от жара, проходит через нее и возвращается назад в землю. То было как благословение мира. Но это...

— Что вы здесь делаете?

Человек, обратившийся к ним, был маленького роста и одет богато. Он не носил бороды на южный манер, зато имел маленькие усики над тонкими губами. Отделанный совсем неуместной здесь парчой воротник врезался в шею, нижняя рубашка настолько бела, будто ее надели в первый раз. Катла подумала, что никогда не встречала человека, который одевался бы так подчеркнуто аккуратно и даже изящно. Однако голос выдавал его происхождение: бедняцкий диалект восточной части островов, резкий и неприятный для слуха. Его еще нужно было доводить до того же уровня совершенства, что и наряд.

— Мы пришли повидать Мортена Дансона, владельца этой верфи, — ответил Халли.

Человек оглядел его с головы до ног, потом повернулся к Катле. Она почувствовала, как его взгляд прошелся по ней, остановившись на растрепанных волосах и нелепом, по его мнению, костюме.

— Попрошкам здесь нечего делать, работу искать бесполезно, — вздохнул он. — У нас достаточно тупоумных работников. Нечего тут шляться в шутовских нарядах. Отправляйтесь куда-нибудь еще. До свидания.

С этими словами незнакомец повернулся на каблуках и собрался уходить.

Халли уже открыл рот, чтобы ответить, но Катла опередила его.

— Не переживай, брат, — сказала она достаточно громко, чтобы ее слова настигли удаляющуюся фигуру. — Если этот джентльмен не желает позволить нам отдать Мортену Дансону приглашение от имени короля, что ж, его воля. Уверена, что отсутствия простого корабельщика никто и не заметит среди такого количества влиятельных людей королевства.

Маленький человечек поспешно обернулся.

— Приглашение? Мне? От самого короля?

Так этот напыщенный петух и есть Мортен Дансон? Катла вдруг почувствовала беспокойство. Неужели высокомерный и заносчивый сноб — лучший корабельщик Эйры? Руки белые и гладкие, как у женщины, сразу видно, что он не держал плотницких инструментов уже лет десять. Как же так?

Халли полез в сумку и достал пергамент, свернутый в трубку и перевязанный шелковой лентой. Протянул его корабельщику, который жадно выхватил свиток и развернул его. Катла наблюдала, как он бегаёт глазами по тексту, сосредоточенно нахмутив брови. Он не умеет читать, с восторгом подумала она. А еще называет других недоумками. Она деликатно кашлянула и проворно выхватила пергамент из рук корабельщика.

— Ты же знаешь, брат, нам было велено огласить приглашение вслух, — сказала она Халли, протягивая ему послание. — Невежливо заставлять такого важного господина читать самостоятельно...

Халли улыбнулся и сердечно посмотрел на Мортена Дансона, но Катла видела, что напускная кротость скрывает торопливую работу мысли.

— Ах да, — произнес он после мига замешательства. Потом вытянул перед собой руки с пергаментом и стал читать:

— Их величество Вран, сын Ашара, внук Стена, владыка Северных островов, просит своего самого верного и уважаемого корабельных дел мастера Мортена Дансона присутствовать на вечере развлечений, который состоится в Полнолуние в замке Халбо. В честь празднования его женитьбы на прекрасной Розе, королеве его сердца, будет давать представление всемирно известная труппа артистов под руководством Тэма Лисицы.

— Представление? Завтра вечером? В замке Халбо? Тэм Лисица и его артисты? Приглашен самим королем Враном Ашарсоном? — Глаза корабельщика сияли.

— Вы приглашены участвовать в пире и насладиться королевским гостеприимством в течение ночи в гостевых палатах, — важно закончил Халли.

Он скрутил пергамент в трубочку и протянул его Дансону.

— Вот это да! Я в восторге. Какое чудесное предложение! А что же мне надеть по такому случаю? — Дансон посмотрел на Халли и быстро отвел взгляд. — О чем я думаю? Разве о таких вещах спрашивают у посыльных? Не говоря уже о том, что, судя по их виду, сами они одевались из чужого шкафа и в крошечной тьме.

Катла с ухмылкой взглянула на брата.

— Не в бровь, а в глаз, — тихонько пробормотала она.

— Кроме того, нас просили, — продолжил Халли, игнорируя ее слова, — провести осмотр верфи и рассказать нашему господину обо всех чудесах, что вы здесь творите.

Он очень предусмотрительно употребил слово «господин», не уточнив, чье именно приказание они выполняют. Если корабельщик настолько самонадеян и поверил, будто Вран мог действительно послать ему приглашение, то пусть думает, что это тоже просьба короля.

Уловка сработала, корабельщик был крайне доволен собой.

— Конечно, конечно. Следуйте за мной.

Экскурсия по верфи сопровождалась нескончаемым потоком хвалебных речей Мортена в свой же адрес. Катле не терпелось хорошенько стукнуть его по голове и тем самым избавить их всех от предстоящих хлопот. Тем не менее они собрали всю необходимую информацию. У Мортена Дансона было три заказа на корабли-ледоломы, и он занимался плавкой металла для четвертого. Повалил все дубы на Восточных островах, включая священную рощу Несса. «Потому что, поговаривают, надвигается война, сами знаете, — сказал корабельщик, покачивая головой точно дрозд, рассматривающий червяка, — и тогда выиграет тот, у кого будет лес». Еще он прорубил просеку на Холмистой Плантации и имел на верфи не только хорошего управляющего, которого звали Орм Плоский Нос, на редкость талантливого и мастеровитого, но и человека покойного Финна Ларсена по имени Гар Финтсон.

Любому эйранцу, который захочет построить корабль для плавания по морям, пришлось бы протоптать дорожку к двери Мортена Дансона и занять место в постоянно растущей очереди. При этом еще и согласиться с грабительскими ценами. «Я практически вне конкуренции», — приговаривал коротышка, хитро поглядывая на них.

— Ларсен погиб, и что осталось от клана Чистых Вод? Последними деревьяшками заделывают пробойны на своих посудилах. Неудивительно, что они опустили до того, что продали свою призовую корову.

При этих словах лицо Халли потемнело от гнева. Точь-в-точь как у отца, когда он зол, заметила Катла.

Корабельщик показал им управляющего, мастера, который высушивал древесину для обшивки, клепальщика и шпунтовщика. Еще они узнали, что из-за большого числа срочных заказов все мастера жили на верфи или рядом с ней. Парусных дел мастеров и канатчиков было в достатке на Западных островах и необходимости похищать их не возникало. Катла с Халли заметили, где сложена самая лучшая древесина, особенно обратили внимание на дуб. Очень рискованно плыть на двух баржах через все препятствия лагуны, а потом по морю, но остальные суда были слишком малы, так что Катла совсем не завидовала брату, на которого ляжет такая ответственность.

С другой стороны, она с нетерпением ожидала того момента, когда корабельщика наконец можно будет треснуть по затылку и погрузить на «Снежного Волка».

Следующий день начался с дурного предзнаменования. Последние солнечные лучи окрасили облака, обложившие небо, в огненно-красный цвет, вскоре все потемнело, и наступил сумрак, в котором полыхнула серебряная молния. Небеса с глухим рычанием разверзлись, и хлынул проливной дождь. С упавшим сердцем Катла смотрела на тучи за окном, разглядывала скользкие от дождя камни, грязные улицы и канавы. В первый раз с тех пор, как пробралась на борт корабля комедиантов, она пожалела о том, что не сидит сейчас дома, на Камнепаде, где шторма на море напоминали театр богов, а дождь служил главным образом для того, чтобы позеленели поля и смылся птичий помёт ее любимых горных круч.

Рядом, завернувшись в пару мешков из-под муки, что-то нечленораздельно бурчал Халли. Он спал очень беспокойно, и Катла тоже, потому что ей пришлось просыпаться несколько раз, чтобы утихомирить его. Слово «Йенна» повторилось в сонном бормотании восемь раз.

Катла втянула холодную голую ногу под мешки и резко поставила ее на горячий живот брата. Халли подскочил, сердито фыркая.

— Что?..

— Пора оставить свои счастливые сны, — безжалостно сказала она. — Тебе сегодня возглавлять рейд, а мне еще надо немного научиться акробатике.

— Она будет там. Сегодня вечером. И я даже не увижу ее.

Катла непонимающе уставилась на него.

— Богиня! О чем ты?

— О Йенне.

— Откуда ты знаешь, что она там будет?

— Я видел ее вчера в той повозке, помнишь?

Катла вспомнила кавалькаду, которая проехала мимо них вчера по дороге с востока, вереницу повозок, кучку хихикающих девиц, длинные светлые волосы, потом плохое настроение Халли. Какая же она идиотка!

— Ох, Халли, — та повозка, что чуть не переехала нас вчера...

Он напряженно кивнул.

— Все эти глупости, что говорил корабельщик про клан Чистых Вод...

— Они продают свою призовую молочную корову, — горько перебил ее Халли. — А ее, наверное, привезли, чтобы выдать замуж за какого-нибудь древнего хромого старикашку. Или за жирненького лордика, рвущегося к власти.

Катла сделала недовольное лицо.

— Знаешь, ты лучше не говори таких вещей в городе, а то не сносить тебе головы.

— Моя сестра — дипломат! — рассмеялся Халли, затем подошел к окну и посмотрел сквозь тонкую прозрачную пленку — наверняка растянутый желудок тюленя. — Что это там сверху: тень или летающая свинья?

Катла, улыбаясь, глянула на облака, сощурила глаза, будто внимательно смотрит.

— Свинья, определенно свинья.

Несколько мгновений они молча стояли, просто глядя в хмурое небо. Потом Халли заговорил.

— Что мне делать, Катла? — страдальческим голосом спросил он. — Отец толкает меня в одну сторону, а мое сердце и совесть рвутся в другую... — Он провел рукой по лицу. — Если я стану участвовать в затее отца, то буду находиться за многие мили отсюда, буду воровать корабли и лес, а Йенна останется здесь совсем одна, и некому будет ее спасти. Тогда я навсегда потеряю ее.

Катла не знала, что сказать, она просто сжала его руку.

— Ты в самом деле любишь ее?

Халли кивнул.

— Но боюсь, она совсем не любит меня.

Катла усмехнулась.

— Йенна знает, как можно любить только себя и никого больше. Я найду ее сегодня вечером и поговорю с ней. Доверься мне, брат.

Она оттолкнулась от стены, крутанула неуклюжее сальто и приземлилась на кучу тряпок на полу. В волосах ее запуталась солома, а щеки были грязны от пыли. Она выглядела презабавно, как четырехлетний ребенок. Халли не смог удержаться от улыбки.

— Сегодня ты должна быть гибкой и проворной, как настоящая змея. Тебе еще тренироваться и тренироваться.

Катла с опозданием добралась до конюшни, где договорились поупражняться перед выступлением, — что в общем-то было неудивительно, потому что она заблудилась. А кроме того, задержалась, чтобы исследовать город в районе замка. Там в узком извилистом проулке под стенами крепости Катла нашла пирожковую и оружейную лавки. Она с удовольствием наелась до отвала в первой и вступила в интересную беседу о ковке металла во второй.

Артисты уже закончили разминку и теперь стояли группками насквозь мокрые от пота. Мужчины разделись до нижнего белья или мягких кожаных бриджей, женщины туго перетянули груди и завязали волосы в хвосты. Все уставились на Катлу, когда она, запыхавшись, вбежала в конюшню. Тэм Лисица, великолепный в своем лохматом плаще, наградил ее холодным, сердитым взглядом и жестом подозвал к себе Одноухого Урса, своего помощника огромных размеров.

— Свяжи ей второй и третий пальцы на левой руке, — велел он. — Пусть это послужит ей напоминанием, что надо приходиться вовремя.

Он повернулся к Катле.

— Четвертый час. Парадный Зал. Если опоздаешь, я прикажу Урсу отрезать тебе оба пальца.

Не оглядываясь, Тэм пошел прочь.

— Ты не смеешь так обращаться со мной! — с яростью крикнула Катла вслед удаляющейся фигуре. — Мой отец платит тебе...

Она пожалела о своих словах, еще не успев договорить их. Все притихли. Тэм Лисица медленно повернулся к Катле. Взгляд его был холодным и жестким.

— Твой отец, дорогуша, — сказал он мягко, — дурак и сумасшедший, да еще и без денег, чтобы сполна рассчитаться. Я взялся за дело только потому, что у меня есть личные причины. Запомни это хорошенько и попридержи свой дурной язык.

Урс повернул к Катле свое искалеченное лицо. От одной женщины она слыхала, что травма — следствие несчастного случая с топором, а кто-то из мужчин рассказывал, что Урса покалечил белый медведь. Впрочем, не будь Катла так подавлена, она бы непременно заметила, что он улыбается.

— Давай сюда руку, детка.

Кувырки давались Катле очень легко, однако с кожаной повязкой на пальцах требовалась гораздо большая сосредоточенность, и наказание Тэма Лисицы казалось ей теперь весьма изощренным.

Урс намотал ей на пальцы несколько крепких узлов, так что ремешок не мог соскочить. Катла чувствовала поток энергии, проходящий по ней каждый раз, когда она, изогнув спину дугой, касалась руками и ногами каменного пола. К концу тренировки она изрядно вымоталась, но глаза ее сияли от удовольствия. Она была довольна своим гибким телом и прекрасной координацией движений. Задача была очень простой: требовалось пройтись колесом по полу, потом проделать серию сальто и прыжков, пригрозить актеру, исполняющему роль бога, и упасть на пол, когда он поразит ее гигантским, набитым соломой якорем — они разыгрывали легенду о схватке Сура со Змеем, возжелавшим проглотить мир. Потом Белла, гимнастка, должна выбежать на сцену в полосатом костюме и с наклеенными кошачьими усами и сыграть роль Огненной Кошки. При этом Сур свистом позовет Снежного Волка, который швырнет Огненную Кошку в зрителей, а потом бог вступит в сражение с Драконом Вена. Все это сильно отдавало детством, но легенда очень нравилась королю, а Катле, к счастью, не надо было произносить никаких слов.

Она с благодарностью приняла фляжку с подсоленной водой, которую протянула ей Белла, жадно сделала несколько глотков, потом принялась развязывать ремешок на пальцах. Сделать это одной рукой было почти невозможно. Катла только начала ослаблять первый узел, но неожиданно поняла с удивлением: Урс сплел ей узелковое послание. Она отошла в сторонку и ошарашено уставилась на руку.

Встретимся — козлий узел, затянутый вокруг себя.

После — бабушкин узелок.

Тренировки — искусный узел, названия которого она никак не могла вспомнить.

У меня есть — два простых перехлеста.

План — беседочный узел и половина восьмерки.

Третье дерево — три загиба и дубовый узел.

От ворот — двойной беседочный узел, заканчивавший письмо.

Катла огляделась по сторонам. Путь, которым она сюда пришла, был окольным: извилистая боковая тропка среди служебных построек и хибар. Никаких ворот там не было. Все еще перебирая пальцами узелки, она побрела прочь. Прошла мимо группы мужчин в длинных плащах, потом миновала стайку хохочущих женщин с корзинами хлеба на головах, поднимающихся вверх по холму к королевским кухням. Никто не обращал на нее внимания. Катла обогнула пруд, где крикали и гоготали утки и гуси, взобралась на холм позади него, посмотрела вниз и увидела аллею, которая была усажена дубовыми деревьями и вела к высоким деревянным воротам.

Усмехнувшись, она спустилась вниз и пошла по аллее, остановившись у третьего дуба от ворот. Никого. Сур тебя побери! — безмолвно выругалась она. Потом решила обойти дерево вокруг. Ничего. Он, наверное, разочаровался в ее умственных способностях и ушел. Что ж, его трудно винить. Разозлившись на себя, Катла медленно побрела вдоль аллеи.

— Ух-у! — ухнула сова.

Странно — сова среди бела дня? Катла оглянулась. Высоко в ветвях третьего дуба от ворот сидел, болтая ногами, Тэм Лисица. Он кивнул ей.

— Забирайся сюда, но прежде убедись, что никто тебя не видит.

Катла оглянулась. Поблизости ни души. Дуб был толстый, до нижних веток недостать. Она не привыкла лазать по деревьям: на Западных островах единственными деревьями, которые могли выдержать суровые зимы и порывистые северо-западные ветры, налетающие с ледяных полей севера, были низкорослые березы да еще, пожалуй, немного дубов и ясеней, которые тоже никогда не вырастали высоко. Но не зря же она всю жизнь провела в скалах. На уровне пояса Катла разглядела небольшое углубление в стволе дерева, а над ним выступ, где раньше была ветка. Встав на самый высокий из выдававшихся над землей корней, она поставила ступню в углубление, обхватила остатки сучка правой рукой и выпрямилась. Теперь она могла дотянуться до нижней ветки, а дальше было совсем просто. Через мгновение Катла уже сидела верхом на толстой ветке и смотрела на Тэма.

— Очень по-женски, — заметил тот, смеясь над тем, как задралась ее юбка.

Катла, которая никогда не задумывалась о вещах подобного рода, одернула юбку.

— Наверное, твой план не слишком хорош, если ты тратишь время, заглядывая мне под юбку.

— Как я могу считать такое зрелище потерей времени? — Зубы Тэма сквозь бороду казались ослепительно белыми. Катла сверкнула глазами, и он быстро добавил: — У меня для тебя сегодня особая роль; надеюсь, тебе понравится.

Катла, тяжело дыша, лежала на полу. Флинт Эрсон с торжествующим видом возвышался над ней в своих изорванных одеждах цвета морской волны и с бородой из крашеной овечьей шерсти. Огромный набитый соломой якорь снова опустился на нее.

— Сур тебя побери! — прошипела она, уворачиваясь от прямого удара. — Не так сильно!

Толпа ревела от хохота, свистела и топала ногами, наслаждаясь представлением. Хотя, казалось, не так сильно, как Флинт Эрсон. Потом раздалась охи и ахи, и появилась Белла в роли Огненной Кошки. Ее облегающий костюм был сшит из крашенных лошадиных шкур — таким образом, чтобы максимально подчеркнуть женские прелести гимнастки. Нарисованные языки пламени поднимались от самых ступней до короны на голове, особо подчеркивая бедра и грудь. Огненная Кошка опустилась на четвереньки и замурлыкала. Она

обвилась вокруг ног бога так, как не смогла бы ни одна женщина. Белла была самой гибкой в труппе.

Катла улыбнулась. Воспользовавшись замороженностью зрителей, она быстро и незаметно скрылась за кулисы, сняла голову Змея и вылезла из своих лососевых шкурок. Костюм прекрасно подходит для акробатики, подумала она, но запах от него ужасный. Ее первый выход закончен, и до следующего еще оставалось время. Впервые за весь вечер она смогла спокойно вздохнуть и оглядеть зал. Особенно ее впечатлили резные монументальные колонны, которые поднимались вверх на пятьдесят футов или того больше, и потрясающие цвета гобеленов, украшавших каменные стены, со сценами из легенд и истории — король Фент и тролли Черных гор, битва в Акульем проливе, Сур, стоящий по пояс в воде Северного океана и швыряющий в воду камни, из которых и получились Эйранские острова. Потом девушка начала разглядывать гостей.

Происходящее очень напоминало Собрание, решила она: эйранская знать в ярких, безвкусных костюмах, все перебивают друг друга, чтобы их заметил король. Вран Ашарсон, позволивший истрийцам сжечь Катлу, не сводил глаз с женщины, которую взял себе в жены, с новой королевы Севера. Он не глядел на актеров — и зачем было столько репетировать? — и тихонько разговаривал со своей избранницей. Рука его покоилась у нее на коленях, а ее длинные белые пальцы подрагивали на запястье Врана, будто она перебирала шерсть любимой кошки. Позади них сидела строгого вида женщина, одетая во все черное, с орлиным носом. Она тоже не следила за представлением — с нескрываемой ненавистью женщина смотрела на новую королеву Эйры. Леди Ауда, догадалась Катла, мать короля и вдова Ночного Волка, самого Повелителя Тени, Ашара Стенсона. Ее потеснила с места первой леди королевства безродная кочевница, с которой ее сын не сводит зачарованных глаз. Неудивительно, что она выглядит такой гневной, подумала Катла, ведь ей пришлось уступить дорогу женщине без роду-племени и потерять не только свой статус, но и единственного сына.

Ее взгляд снова вернулся к жене короля. Катла впервые имела возможность хорошенько рассмотреть Розу Эльды. Девушке изрядно досталось от стражников на Ярмарке, когда они вели ее к столбу на сожжение, и она не могла тогда уделить Розе Эльды должное внимание. Она, думала Катла, очень сильно отличается от крепких и здоровых женщин Эйры — худая, бледная и почти прозрачная. Невольно создавалось впечатление, что она выросла где-нибудь в снежной пещере без хорошей еды и солнечного света. Но было в ней нечто, чего не замечали другие. Люди называли Розу Эльды блондинкой или светловолосой. Но Катла видела шкуры белых медведей с самых холодных северных островов, и ее поразил тогда цвет шерсти, которая при ближайшем рассмотрении, если поднести к свету, была вовсе не бледного желтовато-белого цвета, который она ожидала, потому что видела животных издалека (именно так на них безопаснее всего смотреть — несмотря на кажущуюся неповоротливость, они известны своим быстрым бегом и свирепостью, что наверняка мог бы подтвердить Урс), — нет, шерсть их казалась полупрозрачной, как сосулька, внутри которой заморожен огонь. Именно такой эта женщина представилась Катле: бледная, холодная, красивая, с прекрасными чертами лица и гибким телом, но в то же время таящая в себе какую-то опасность, невидимую энергию, которая в любой момент способна прорваться сквозь обманчиво хрупкую оболочку и в одно мгновение уничтожить всех присутствующих.

Поежившись, Катла отвернулась, и тут же ее взгляд привлекла еще одна волна прекрасных светлых волос. На сей раз естественного золотого оттенка, а не того зеленоватого цвета незрелой пшеницы, которым они отливали, когда Катла видела свою подругу в последний раз. Всего через несколько человек от короля, между костлявым юношей в пурпурной тунике и седобородым, разжиревшим лордом сидела Йенна Финнсен. А чуть дальше от нее расположился корабельщик Мортен Дансон.

Идеально, подумала Катла. Двух зайцев одним выстрелом. Раздался взрыв аплодисментов. Катла повернулась к сцене. Сур только что победил Дракона Вена и

размахивал своим огромным мечом.

Потом на сцену вышел Тэм Лисица и несколько раз хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

— А теперь, — объявил он, — наступило время чудес, магической, чарующей тайны. Вас ждет феноменальная фантасмагория, триумф метаморфоз!

Толпа зааплодировала — всем очень понравилась его многообещающая речь. Четыре комедианта внесли на сцену полосатый шатер из шестов и плотной материи и поставили позади Тэма Лисицы. Несмотря на легкость, конструкция была прочной.

— Мне нужны два добровольца, — объявил Тэм Лисица, — мужчина и представительница прекрасного пола. Они войдут в волшебную палатку и — конечно, чем они будут заниматься там вдвоем, их личное дело... — Раздались свист и пошловатые комментарии. — Но могу обещать, что вы узрите редкое и древнее искусство перевоплощения! Так что, есть желающие?

Только одна женщина — Сильва Легкая Рука, сидевшая между корабельщиком и тем самым толстяком по левую сторону от Йенны, — откликнулась на его зов, следуя инструкции.

Тэм Лисица улыбнулся.

— Неужели не найдется мужчины достаточно храброго, чтобы ответить на мой вызов?

Это был сигнал для Катлы. Торопливо натянув на лицо маску Змея, она колесом выкатилась из-за кулис — маленькая фигурка в отливающей серебром одежде остановилась перед Враном Ашарсоном и его новой женой. Подобострастно поклонившись им, Катла, как ей и было велено, повернулась к Тэму Лисице.

— Не примет ли вызов мой король? — выкрикнул Тэм Лисица.

Толпа притихла, потрясенная такой невиданной наглостью, но Катла тут же с улыбкой двинулась дальше. Изящное сальто — и она уже напротив Мортена Дансона. Корабельщик с нескрываемым ужасом уставился на нее, а Катла взяла его за руку, потянула и заставила встать, проигнорировав руку Сильвы.

— Что ты делаешь? — зашипела Сильва, но Катла шикнула на нее и повернулась к девушке из клана Чистых Вод.

Йенна открыла было рот, чтобы протестовать, однако Змей склонил перед ней голову и неожиданно подмигнул через прорезь для глаз.

Катла схватила подругу за руку и вытолкнула ее и корабельщика на помост.

— Что ж, — объявил Тэм Лисица, — похоже, Змей отыскал двух храбрецов, которых он заберет с собой в свое подземное царство.

Толпа взорвалась веселыми криками и аплодисментами.

Отказываться было поздно. Мортен Дансон решил хоть как-то скрыть свое замешательство и начал улыбаться и размахивать свободной рукой, однако ладонь, за которую его крепко держала Катла, была влажной от пота. Ему это совсем не нравится, с ликованием подумала она. А до чего ж ему не понравится все то, что ждет его впереди...

Тэм Лисица громко проинструктировал обоих, как следует себя вести в шатре (присутствие Змея намекало на всяческие соблазны). Потом он попытался заглянуть Йенне под юбку, чтобы убедиться, достаточно ли прочное на ней белье, но она оттолкнула его и покраснела до корней волос. Толпа дико визжала, пытаясь поддержать корабельщика, который выглядел весьма озадаченным. Потом Катла завела их в шатер. Заиграли музыканты, раздался топот танцующих ног. И вдруг пол под ними провалился, и они полетели вниз.

Громкие звуки труб и грохот барабанов заглушили испуганный вопль Мортена Дансона и клацанье крышки люка. В следующий миг корабельщик затих, оказавшись в огромных ручищах Урса, который быстро и аккуратно заткнул ему кляпом рот.

Катла выбралась из сена, смягчившего их падение, и потянула за собой Йенну, чтобы двое комедиантов, которые должны были занять места корабельщика и женщины, могли взобраться наверх. Дансона заменял маленький, гибкий, лысый Лем, совсем голый, если не

считать пары огромных ботинок и набедренной повязки, к которой привязали огромную сосиску.

— Готова, моя маленькая рыбка?

Мин Треска, одетая в тонкую короткую сорочку и нелепый парик, подтолкнула Лема вверх, а потом с атлетической легкостью сама подтянулась на руках. Когда она закрывала люк, Катла заметила, что к ее бедрам и икрам прикреплены метательные ножи. На всякий случай.

— Ради Фаллы, Катла, во что ты ввязалась? — говорила Йенна. Лицо ее покраснело, казалось, она готова расплакаться.

— Ну и кто из них собирается на тебе жениться, — угрюмо спросила Катла, снимая голову Змея, — тощий суслик или старый жирный козел?

Йенна моргнула.

— Я догадалась, что это ты, — наконец произнесла она. — Поняла, когда ты подмигнула мне, хотя казалось бы, что за глупое предположение? Разве может приличная девушка выступать с труппой актеров? — Она призадумалась. — Или все-таки может?

— Так который из них?

— Козел, — невесело ответила Йенна.

— А ты за него хочешь?

— У меня нет выбора. Мне сказали, что у клана нет денег, а он очень богатый человек.

— Халли все еще любит тебя.

Йенна уставилась на нее. Потом начала плакать.

— Ох, Катла, я так несчастна...

Наверху музыка умолкла, затем раздался шуршащий звук отодвигаемого занавеса, и после некоторого замешательства зрители принялись кричать, хохотать и хлопать в ладоши.

Катла схватила подругу за руку.

— Нет времени болтать. Ты едешь с нами или остаешься и выходишь за козла?

Несколько мгновений девушка колебалась, потом решительно кивнула.

— Еду с вами.

Позади них послышались звуки возни, Мортена Дансона завернули в кусок старого занавеса и швырнули в крытую повозку. Йенна выглядела встревоженной.

— С ним все в порядке?

— Просто такая шутка, — ухмыльнулась Катла, — с ним все будет в порядке.

Раскалится, правда, добела от гнева, весело подумала она, когда поймет, куда его везут. И зачем.

Глава 6 ИЗГНАННИКИ

Эрно Хамсон тихонько сидел в углу таверны и слушал, о чем говорят вокруг. Он провел тут не меньше двух часов. Здесь было гораздо теплее и уютнее, чем снаружи, а место называлось «Леопард и девушка» (хотя среди моряков и рабочих порта Гедеры оно было известно как «Кот и телка»). Особенно Эрно устраивало то, что он мог сидеть отдельно от всех и оставаться незамеченным. С ним была женщина, с которой они вместе бежали из Лунной равнины. А еще в его распоряжении имелись плот и большой кусок парусины, который он умудрился прошлой ночью стянуть на верфи. Они путешествовали уже несколько недель, питаясь дарами земли и моря, и не имели никакого плана дальнейших действий. Женщина часто жаловалась, но Эрно не обращал на нее внимания. Катла Арансон умерла, и мир стал для него пустым и холодным, поэтому не имело значения, где жить: что во дворце, что в чистом поле — все равно.

Впрочем, сидеть в «Коте и телке» было гораздо приятнее, чем торчать на берегу. По крайней мере здесь он не слышал бесконечного и бессмысленного пения своей спутницы-южанки.

Поначалу Эрно думал, что слишком плохо понимает по-истрийски, когда ему удавалось уловить слово или фразу — что-то несуразное про лягушку и ложку, или про кошку в колодце, или про паука и творог. Потом до него дошло, что женщина просто мурлычет себе под нос колыбельные песенки — у него дома, на Северных островах, колыбельные были почти такими же.

Теперь, после трех месяцев, проведенных в компании Селен Ишиан, он мог свободно изъясняться на языке южан. Но когда они оказывались в местах вроде порта Гедеры, приходилось объяснять, что родом он с дальних южных гор, и потому у него такой странный акцент. Не стоило привлекать к себе лишнего внимания.

Однако сколько же она впихивала в себя еды! Трудно было поверить, что девушка способна съедать так много и при этом ничуть не толстеть. Путешествие с ней превратилось в настоящую муку. Когда Эрно удавалось разжиться хлебом, проснувшись на следующее утро, он неизменно обнаруживал, что и хлеб, и вяленая рыба, и головка сыра, прибереженная на черный день, — все съедено.

Сознавая всю безнадежность положения Селен — она бежала от истрийского правосудия за убийство человека, который изнасиловал ее на Большой Ярмарке, — Эрно чувствовал себя ответственным за нее, несмотря на то, что именно из-за Селен приговорили к сожжению Катлу. Случались дни, когда он едва мог смотреть на нее, и сегодня был один из таких дней. Вот почему Эрно торчал в таверне. Он сидел в капюшоне, натянутом до самых глаз, и потягивал пиво из бутылки, которую растянул почти на час. Он потратил свою последнюю монету на первую бутылку, которую очень быстро опустошил до дна. А когда вышел, чтобы облегчиться, нашел один кантари, втоптаный в грязь — оброненный кем-то из перебравших спиртного посетителей. На эти деньги Эрно купил себе вторую бутылку и мог позволить себе еще две или немного еды. Как ни крути, подумал он, а Сур нынешним вечером благоволил ему.

«Леопард и девушка» была первой истрийской харчевней, в которую Эрно осмелился зайти. Он был удивлен, обнаружив, как похожи таверны Южной Империи на подобные же заведения Севера. Харчевня была тесной, дымной и темной, заказы приходилось выкрикивать в полный голос, чтобы перекрыть шум, пиво было разведенное и стоило недешево. Несмотря на огромные различия в культурах двух стран, таверны оставались единственным местом, куда мужчины ходили, чтобы отдохнуть от женщин и скучной работы. Они шли сюда, чтобы выпить в хорошей мужской компании и выговориться.

Чего только не услышишь в подобных местах, если сидеть тихо, как мышка, и не обращать на себя внимания. Эрно удалось узнать массу мелких, но интересных подробностей.

Он узнал, что у некоего Пико Лансинга в борделе «Объятия девственницы», вниз по улице в сторону доков, особые расценки. Там сейчас можно взять двух девиц за десять кантари, а может, даже и за восемь, если хорошенько поторговаться, потому как дела у Пико идут плохо из-за того, что в доках теперь много работы по металлу. Узнал, что высокий парень с лысой головой и крючковатым носом, угрюмо стоящий у стойки со стаканом розовой араки — отвратительного вонючего пойла, которое так нравится ист-рийцам, — никак не разберется с доставшимся от родителей домом на Сестрийском холме, нуждающемся в ремонте. Дело не двигалось с мертвой точки из-за того, что невозможно было притащить туда плотника — ни полюбовно, ни за деньги, а крыша протекала и вода заливала мебель, о которой его жена мечтала целых семь лет. Еще Эрно услышал, что цены на жезл и медь непонятно почему подскочили до небес, а на серебро — совсем упали. Что караван Потерянных проходил в окрестностях города на прошлой неделе, что их согнали с места, где они обычно останавливались последние двадцать лет, из-за чего жена торговца Пауло Форинга преждевременно родила чудовище — ребенка с огромной головой и крыльями вместо рук, который разорвал ее при родах, и наверняка она не выживет. Последовала еще масса подробностей, но уже шепотом.

Затем байки подобного рода посыпались одна за другой: беременная кобыла произвела

на свет двух взрослых львов и испустила дух, потому что они выжрали ее изнутри; на прошлой неделе в сети попалась рыба с маленькими пальцами на плавниках и на хвосте, ее повесили на столб рядом с доком Калабрия, если кому-то хочется взглянуть. Девушке из хорошей семьи — Лайонов, у которых имение в долине, — удалось убежать от Сестер огня, к которым ее послал отец в наказание за то, что она не хотела выходить замуж за подобранного для нее человека; девушка пришла к кочевникам, умоляла взять ее с собой, но ее, изнасиловав, закидали камнями, и теперь она лежит при смерти. Она даже не смогла помолиться богине и попросить у нее прощения, потому что злые люди лишили ее не только невинности, но и языка.

От такой истории многие в таверне принялись горестно вздыхать.

— Потерянных надо сжечь раз и навсегда! — выкрикнул один, а другие согласно закачали головами.

Да, их магия опасна и губительна. Все эти годы их зелья и снадобья, приносившие так мало пользы, несомненно, усыпляли бдительность народа, тогда как сами кочевники готовились к захвату Империи с целью отомстить им всем.

Эрно с усмешкой слушал пьяные разглагольствования. Едва ли можно верить хоть слову из всей этой суеверной чепухи про кочевников, которых, Сур знает, ему, Эрно, не за что любить, но которые после краткого недавнего знакомства показались ему приятными, вежливыми людьми — и их совершенно не интересовали ни богатство, ни власть. Чего Эрно никак не мог сказать ни об эйранцах, ни об истрийцах, которых встречал. Большинство из них видели цель жизни в преследовании и уничтожении врагов. Та девушка скорее всего пострадала от истрийцев, и ее лишили языка, чтобы она не проболталась. Ничего удивительного: истрийцы очень странно относились к своим женщинам — лелеяли их точно бесценные сокровища, но обращались с ними как с предметами, используя по первому зову плоти, как будто те были невольницами или не имели собственных чувств, не говоря уже о воле и душе.

Между тем Эрно понял, что действительно готовится война с Севером: если верфи и рабочие настолько заняты, значит, истрийский Совет отдал приказание готовить флот. А значит, если его раскроют, Эрно не поживет. Рукой он неосознанно потянулся к волосам. Он попросил Селен постричь его, когда понял, что южане редко носят длинные волосы, не говоря уже о косичках с ракушками и вплетенными лентами. А ведь каждое такое украшение имело особое значение. Одна косичка была заплетена в память о матери Эрно, которая умерла от лихорадки, в нее он вплел лоскут ее одежды и вставил ракушку, которую она когда-то подарила ему. Еще одну он заплел в память о Катле, там был локон ее рыже-золотых волос, простой узел и камушек, приглянувшийся ей однажды. Эрно провел над ним несколько часов, проделывая маленькую дырочку при помощи шила, которое он обычно использовал для работы с кожей. Серебряная проволока, которой Эрно привязал камушек к волосам, была украдкой позаимствована из кузницы Катлы. Она использовала ее для гравировки изысканного узелкового узора на клинках. Когда Эрно стянул проволоку, он был уверен, что Катла ничуть не станет сожалеть о пропаже. Сейчас, конечно, ей все это совершенно не нужно, потому что теперь она рукодельничает вместе с Фейей в Женском Зале, а неподалеку, в Великом Зале, пирует сам Сур.

Эрно сохранил все свои косички — они были завернуты в кусок парусины и лежали в тайнике на лодке: он считал, что лучше не брать их с собой на вылазки. Бороду Эрно снял хорошо наточенным ножом, и теперь ему приходилось бриться через день, что казалось слишком утомительным. Волосы он покрасил в черный цвет чернилами осьминога, которые купил в маленькой гавани недалеко отсюда. Невозможно было спрятать только его светлые глаза, поэтому Эрно не снимал капюшон.

Он уже позволил было разуму возобладать над желаниями и собрался покинуть таверну, зайти на рынок и купить немного еды, как вдруг услышал, как кто-то обронил в разговоре имя Винго. Эрно вздрогнул точно волк, почуявший запах добычи.

— Выл, как собака, да, и клялся, что полностью ослеп, но просто в комнате было

темно, и он ошибся. Да, скажу я, не было на свете счастливее человека, чем Фавио Винго, когда Фалла Милосердная вернула ему сына.

— Что ж, может быть, она просто не захотела держать этого парня у себя. Я слышал...

— Танто Винго? Он же сокровище Империи, этот парень. Занял второе место в состязании на мечах на Большой Ярмарке, а потом напоролся на эйранский клинок, пытаясь спасти свою жену от головорезов с Севера...

— Она ещё только должна была стать его женой, — поправил его другой. — Они даже не были обручены в ночь Совета. Лорд Тайхо отказался от сделки.

— А я слышал, именно Винго дали задний ход, — возразил первый. — Станный он, этот Тайхо Ишиан, честное слово.

— Он очень набожный человек, самый благочестивый лорд, каждый день выступает против унижения женщин эйранцами. Я слышал, как он говорил в Форенте на прошлой неделе, очень убедительно, надо сказать. Прямо захотелось сесть на корабль, отправиться на Северные острова и вывезти оттуда всех женщин, каких только найду, ради богини...

— Ради себя, уж точно!

Раздался громкий хохот, и разговор перешел на вопросы специфического использования женщин и того, как с их помощью можно поклоняться богине. Эрно нахмурился, пытаясь вникнуть в смысл слов, которые услышал. Потом допил пиво, тихо и быстро проскользнул между столами и выбрался на свежий воздух.

Прежде всего он направился на рынок, чтобы успеть потратить последние деньги на еду до того, как соблазнится чем-нибудь еще. Он купил дешевого ржаного хлеба, мешочек риса и кусок солонины. По дороге в город он проходил мимо яблоневого сада, где на деревьях висели спелые плоды, а еще нужно было проверить ловушку, которую он ставил с утра на крабов. Всего этого должно хватить на несколько дней, если мясо есть с рисом. Эрно подсчитал оставшиеся деньги — их как раз хватало еще на один кусок солонины. Но в тот момент он проходил мимо лавки, продавец которой шумно расхваливал свой товар — живую курицу. Он и рта не раскрыл, как торговец проворно выхватил из его рук деньги, достал из клетки курицу, свернул ей шею и быстро и ловко сунул ему в руки. Эрно не успел попросить оставить курицу живой и только перевязать ей ноги. Тут он понял, что выпил слишком много, чтобы спорить с торговцем по-истрийски, и теперь придется готовить курицу сегодня вечером вне зависимости оттого, есть в ловушке крабы или нет.

Эрно шагал по тропинке вдоль каменных утесов. Отойдя от города подальше, он скинул капюшон и высоко поднял голову. Холодный прибрежный ветер заиграл его волосами. Потом тропинка побежала через сжатые ржаные и ячменные поля. Куда ни кинь взгляд, почва была плодородной, давала богатый урожай. Все это, думал Эрно, сжав зубы, когда-то принадлежало Эйре, все, до самых Золотых гор, по крайней мере так рассказывали старики. Когда он увидел эту прекрасную, но утраченную ими землю и осознал, насколько она жирнее и мягче избитых штормами, бесплодных, каменистых пустынь Северных островов, в нем вспыхнул гнев. Огонь ярости разгорался все сильнее и ярче.

Он вспоминал все те злые слова, что Тор и Фент говорили о южанах, их древних врагах, слова, казавшиеся ему тогда глупыми и жестокими. Теперь он здесь, на истрийской земле, маскируется под местного жителя и несет еду истрийской женщине, а вся Южная Империя тем временем готовится к войне с его народом.

Эрно тряхнул головой. Тор непременно сказал бы что-нибудь крепкое по этому поводу. Если бы они встретились.

Вскоре он разглядел завитки дыма над фермой. Эрно свернул к перелеску и шел под прикрытием, пока не подобрался достаточно близко, чтобы разглядеть простыни на веревке и кур, бегающих туда-сюда по двору. Его осенила мысль.

Через несколько мгновений он уже мчался во весь дух к берегу, его мешок пополнился новой добычей, а позади лаяли разъяренные собаки.

Когда он проверил ловушку на крабов, которая оказалась пустой, солнце уже опустилось за горизонт. Его спутница сидела на бревне перед маленьким костерком и ворочала палкой пару скумбрий, которых он поймал утром, почистил и оставил в углублении между камнями, чтобы сохранить свежими до ужина. Рыба лежала на тлеющих угольках, узорчатая кожа шипела и пузырилась. Отсветы пламени озаряли лицо Селен Ишиан. Будь на ее месте другая женщина, он сказал бы, что она красива, но сердце Эрно ожесточилось на нее. Он взял ее сабатку.

— Надень это!

— Зачем? — Селен Ишиан отбросила в сторону темную ткань. Это была традиционная одежда истрийских женщин, скрывавшая их с головой, оставляя открытой только нижнюю часть лица. Женщина озадаченно уставилась на эйранца. — Я думала, мы договорились после того случая, что лучше, если никто не будет видеть меня с тобой.

— Я не собираюсь брать тебя с собой в город, я намерен отвести тебя к отцу. Он сейчас в Форенте с лордом Руи Финко. Это недалеко отсюда: максимум три-четыре дня пути, если поедем верхом.

Даже в красноватом свете огня лицо женщины стало мертвенно-бледным.

— Ты не можешь... ты обещал, что будешь заботиться обо мне. Ты обещал, что мне не придется снова возвращаться к нему...

— Человек, про которого ты думала, что убила, остался жив, так что обстоятельства переменились.

— Танто? Танто Винго жив?

Как мог выжить человек, потерявший так много крови? Сколько раз она ударила его кинжалом — три, четыре? Она потеряла счет, обезумев от ужаса, — кровь была всюду, растекалась по рукам, по полу. Как он мог выжить?

— В таверне был человек, который навешал семейство Винго, когда Танто пришел в себя. — Эрно не стал добавлять, что парень «выл, как собака», когда очнулся. — И сейчас он пошел на поправку. Так что, мне кажется, в худшем случае твоему отцу придется заплатить семье Винго выкуп, но на костер тебя никто не отправит. Ты можешь спокойно вернуться домой.

Селен всматривалась в лицо Эрно, пытаясь отыскать признаки того, что он лжет, но безуспешно. Он смотрел на нее, ожидая истерики, но она закусил губу и уставилась на огонь в таком напряжении, что казалось, готова скорее броситься в костер, чем согласиться на его предложение. Потом Селен осторожно сняла с угляй рыбу и швырнула в огонь свою сабатку, а когда Эрно попытался вытащить ее, замахнулась на него палкой, которой переворачивала скумбрию.

— Клянусь всем святым, что есть в этом мире, — произнесла Селен, и в голосе ее была непримиримость, — я никогда больше не надену эту безобразную одежду. Почему я должна скрывать лицо, будто стыжусь, что меня увидит мир? Почему должна постоянно прятать себя, будто я чем-то хуже мужчины, будто я не человек? Нас ограничивают во всем, мы живем как в загоне, огражденные от всего мира. Нам не позволено иметь личное мнение, мы можем только соглашаться с волей отца или мужа. Все, хватит, с меня достаточно. Больше я этого не потерплю ни от отца, ни от тебя, ни от кого бы то ни было в Эльде.

Языки пламени вздымались вверх, пожирая сабатку и освещая берег адским огнем.

— Я не желаю, чтобы меня покупали или продавали для удовлетворения чьих-то желаний. У меня есть свои собственные желания. Я больше не позволю, чтобы со мной обращались как с невольницей и выставляли на брачный торг, чтобы пополнить сундуки моего отца и увеличить размеры его владений. Я отказываюсь возвращаться к отцу, я отрекаюсь от него, от своей семьи, от своей страны и... — она глубоко вздохнула, — от богини!

Эрно сел на землю рядом с ней, лицо его было угрюмым.

— Ради твоего же блага, Селен, вернись к своей семье. Что толку от громких речей? Мир такой, какой есть, и ни я, ни ты не можем изменить его. Что бы мы ни делали, все

пойдет прахом.

Он взял у нее из рук палку и принялся ворошить обгоревшую тряпку в костре. Маленькие искорки рассыпались в темном ночном воздухе, точно светлячки.

Женщина расплакалась.

— Я не могу вернуться домой, Эрно. Для меня больше нет места в Истрии.

— Твой отец позаботится о тебе.

Селен горько усмехнулась.

— Мой отец не заботится ни о ком, кроме самого себя. Теперь я ему не нужна, потому что я — испорченный товар. Даже если мне удастся скрыть это, ни один мужчина все равно не захочет на мне жениться. У отца не будет другого выбора, кроме как отдать меня Сестрам, а они быстро меня раскусят, потому что я больше не верю в богиню. Так что, как ни крути, меня ждет костер.

Эрно потер лицо. Он мысленно проигрывал этот разговор несколько раз по дороге сюда, и тогда все казалось предельно простым: парень не умер, значит, нет преступления, за которое надо расплачиваться, значит, она может вернуться домой, а он...

...Нет, так далеко он не загадывал.

— Это твои рыбины? Обе? — тихо спросил он.

Селен вытерла слезы тыльной стороной ладони. Влажные щеки блестели в отсветах огня. Она посмотрела на северянина, но взгляд его был чем-то затуманен, и Селен не могла понять, о чем он думает. Тогда она вздохнула и ответила:

— Я... нет. Возьми одну, если хочешь. Я подумала, ты перекусишь в городе.

Эрно достал из мешка хлеб и отрезал большой кусок.

— На вот.

Он протянул Селен ломоть, не глядя в глаза.

Это было что-то вроде мирного соглашения. Эрно ничего не мог возразить ей, понимая ее бедственное положение. Почему все всегда оказывается гораздо труднее и сложнее, чем представляется в начале?

Селен приняла хлеб из рук Эрно и увидела, как он побледнел, когда она коснулась его ладони. Даже теперь он не поднимал на нее глаз и смотрел на землю, на огонь, на рыбу — куда угодно, только не на нее.

«Мне нужно спастись, — думала Селен. — Но я не знаю, как сделать это с таким мужчиной».

Она молча смотрела на его нахмуренное лицо. Противоположные чувства боролись в нем — только это и было ей понятно. Он не хотел нести за нее ответственность, но внутреннее благородство не позволяло ему оставить ее одну.

«Он даже не смеет взглянуть на меня, — думала она. — Неужели я так сильно отягощаю его? Возможно, стоит ему рассказать...»

На Селен вновь накатила жалость к самой себе, слезы заблестели в глазах, но мысль не перестала работать. Нет, сейчас не время, в этом обеспокоенном состоянии он может запаниковать и просто бросить ее, зная, что у нее не останется выбора, кроме как броситься к ногам отца, умоляя о милости. Чтобы отвлечь от этих невеселых размышлений и себя, и его, Селен вытерла слезы, а потом насколько возможно спокойным голосом спросила, указывая на мешок с провизией:

— Что там, курица?

Эрно подавил усмешку.

— Она самая, и она не испортится до завтра, если оставить ее на берегу.

— И с приливом она достанется крабам.

— Это была бы потеря.

— Дай мне, я ее сейчас поджарю.

— Если я отдам ее тебе, ты просто кинешь ее в огонь со всеми внутренностями и перьями, и у нас будет курица черная снаружи и красная внутри, да ещё и больные животы на неделю!

— У нас женщин не учат таким вещам, — пожалала она плечами.

— Ты видела, как я готовлю птицу, уже не меньше дюжины раз, но так и не научилась. Ты что, хочешь, чтобы я был твоим рабом?

— Я не виновата, что родилась в знатной семье и многого не умею. Я очень стараюсь научиться, но у меня никогда ничего не получится, если ты будешь таким нетерпеливым.

Сжав зубы, чтобы не сказать что-нибудь, о чем придется потом жалеть, Эрно достал курицу из мешка и направился к воде, чтобы ощипать и выпотрошить ее. Когда он вернулся назад, оказалось, что Селен уже съела обе рыбины и всю краюху хлеба и теперь смотрела на него огромными, круглыми глазами.

— Если хочешь рыбы, я могу снова закинуть леску, — виновато проговорила она.

Эрно поднял глаза к небу, с трудом сдерживая бешенство.

— Почему бы тебе не сварить немного риса? — наконец предложил он.

Селен беспомощно посмотрела на него, Эрно тяжело вздохнул и направился к морю с котелком в руках. Он поговорит с ней еще раз утром. После хорошего ужина и сна все будет казаться не таким безнадежным. При свете дня она, конечно же, поймет всю невыносимость ситуации, в которую поставила его. Теперь, когда Селен больше не нуждается в его защите, незачем продолжать это опасное, безумное странствие.

Завтра будет лучше.

Позднее, когда они устроились на ночевку и лежали спиной к спине, Эрно понял, что не может сомкнуть глаз.

Глава 7 ИЛЛЮЗИИ

С ним определенно что-то было не так. Виралай думал об этом ночью, но огонь свечи судорожно дрожал, и трудно было сказать что-то с уверенностью. Теперь же, при неумолимом свете прохладного истрийского рассвета, он видел, что не ошибся. Кожа между большим и указательным пальцами левой руки начала сохнуть и отшелушиваться точно так же, как на правой руке две недели назад, при этом под ней открывались неприятного вида мертвенно-бледные ткани. Мази и смягчающие кремы немного помогли, но ненадолго, так что в конце концов Виралаю пришлось прибегнуть к непонятному заклинанию, которое он силой вытащил из кошки. Теперь правая рука выглядела розовее и «живее», чем все его бледное тело. Если так пойдет и дальше, он совсем скоро станет похожим на лоскутное одеяло.

Интересно, думал Виралай, может быть, просто сказалось глубокое погружение в истрийскую жизнь на столь долгий срок? Или же причиной стало напряжение от частого использования магических заклинаний? Или здешняя диета? Мастер, преподавая Виралаю азы кулинарного искусства, не считал нужным учить его использованию специй, которыми южане богато приправляли свою пищу. Его питание в Святилище было более чем скромным: пресный хлеб, коренья и репа, да еще в рацион входили довольно костлявые цыплята, которых Рахе вызывал заклинаниями из воздуха и которые были ненамного питательнее этого воздуха. Самого Мастера еда не заботила, впрочем, в последнее время его вообще мало что заботило. Когда Виралай покидал остров, позади оставались лишь руины былого.

Мастера не интересовало ничего, кроме Розы Эльды, существа, которое Виралай возненавидел. За время их путешествия у них сложились довольно странные отношения. Хотя сам Виралай не мог наслаждаться ее прелестями, он убедился, что другие готовы платить и переплачивать за них. Но теперь она свободна, а он влачит жалкое существование у нового, жестокого хозяина и вынужден прибегать к магии в угоду его капризам...

Виралай вздохнул и отправился искать кошку. Надо будет прошептать несколько слов над облезающей рукой, чтобы остановить болезнь.

Но Бете, кошки, в которую Рахе вложил огромное множество важных заклинаний, нигде не было.

— Чтоб тебя Фалла разорвала!

Это было самое страшное ругательство, которое он знал. Если Тайхо Ишиан услышит, Виралая жестоко накажут. Но лорд Кантары все еще был с девицей, которую Виралай приготовил для него предыдущей ночью, и покинет ее не раньше чем через час. Жизнь здесь, в Форенте, которым правил Руи Финко, состояла из сплошного разврата и чревоугодия, по крайней мере для лордов. Даже кошка, казалось, попала под дурное влияние, потому что, хотя ее и не выпускали за стены замка, она все равно умудрялась находить и убивать огромное количество зверьков. Виралаю были принесены в дар несколько мышинных семей, выложенных аккуратными рядами, пара ножек жаворонка вместе с крючками шпор, но без самого жаворонка, который, видимо, оказался слишком большим соблазном для кошки, три жирные крысы, почтовый голубь, несущий послание на серо-розовой ножке, а однажды — полумертвый кролик, который очень удивился, когда Виралай вернул его к жизни. Откуда кошка приносила этих тварей, он не имел ни малейшего представления. Мыши и крысы кишели в каждом замке, а голубь, должно быть, по глупости слетел на подоконник. Но жаворонок? Кролик? Эти существа жили только в открытом поле, а полей в окрестностях Форента почти не было.

Послание на ноге голубя оказалось весьма интересным.

Оно состояло из длинных веревок, связанных в узелки и причудливые завитушки. Расшифровка письма заняла у Виралая несколько дней, в нем говорилось про какой-то план, который провалился, потому что корабельщик по имени Дан, или что-то в этом роде, бесследно исчез.

Виралай не мог представить, почему этот корабельщик Дан кому-то так важен, что даже послали почтового голубя. Он решил выяснить это. За долгие месяцы, проведенные в мире Эльды, он понял очень важную вещь: информация здесь иной раз дороже серебра, женщин, кораблей и любых других товаров.

Он подошел к окну и выглянул — внизу лежала пропасть, глубокая до головокружения. В Истрии любили строить высоко, комната, которую он занимал в огромном замке Сэры, тоже располагалась где-то под чердаком башни. Однако если в Сэре вид из окна был на редкость приятен для глаз — парки, леса и сады, ласкаемые ветерком, — то панорама, открывавшаяся из окна замка в Форенте, вызывала уныние: мелкие улочки, рынки, люди, муравьями снующие внизу. А из северного окна открывалось море и скалы. И огромное небо. И все это было серым. Густая, влажная мгла приходила в эти богиней забытые места с Северного океана и превращала вид из окна в одно бесцветное пятно.

Виралай ненавидел эту тоскливую картину; возненавидел, как только его водворили сюда. Она слишком напоминала ему Святилище с его ледяными утесами и замерзшими пейзажами, где господствовали разные оттенки серого. Человек более романтического склада или же тот, кто много путешествовал и имел возможность сравнивать, разглядел бы в необычной палитре Святилища нежнейшие оттенки голубого, зеленого и фиолетового, но Виралай в своей жизни не знал ничего, кроме ледяного ада Мастера, и ненавидел его от всего сердца, а потому не находил ничего поэтического и в том, что окружало его сегодня.

Далеко внизу огромная волна с ревом и грохотом разбилась о зубчатые скалы под стенами замка, подняв невероятных размеров белый фонтан. Хлопья пены взлетели во влажный воздух.

Виралай поежился — инстинктивная реакция на дурные воспоминания и промозглую сырость, но когда волосы у него на затылке стали дыбом, он понял, что причина более существенна. Бете вернулась.

После того странного видения, которое посетило Виралая в Сэре, он стал вести себя с кошкой осторожно. Он быстро повернулся к ней, взволнованный тем, что животное смотрит на его незащитную спину.

Она сидела на пороге, изящная, как статуя Баст, любимой кошки Фаллы — голова поднята, лапы вместе, хвост обвивает ноги, — и глядела на него беспощадными зелеными глазами. Виралая не покидало чувство, что Бете винит его в разлуке с Розой Эльды. Полмира

отделяло сейчас кошку от успокаивающих рук женщины, которые превращали ее в ласковое, мурлычущее домашнее животное, да к тому же она теперь вынуждена выдавать заклинания ради капризов другого человека. Характер кошки начал портиться. Однако нельзя сказать, что раньше у нее был кроткий нрав: руки Виралая были покрыты маленькими белыми шрамами.

Внимательно наблюдая за кошкой краем глаза, Виралай пересек комнату и сел на кровать, чтобы позволить животному спокойно войти. Он уже оставил затею вынудить кошку смутиться под его взглядом. С того дня, когда Виралай увидел, как она превращается в огромное демоническое существо там, в Сэре, он старался избегать открытого противостояния, которое могло повлечь за собой что-либо в этом же роде. Однако волшебнику почти удалось убедить себя в том, что злобное чудовище и отдающий эхом голос, который сопровождал его появление, было лишь галлюцинацией.

Почти, но не совсем. Был еще эпизод с мертвой овчаркой, которую Виралай на следующее утро нашел на пороге своей комнаты: ее горло было разорвано, серая жесткая шерсть заляпана пятнами запекшейся крови. Овчарка из своры охотничьих псов лорда Сэры была огромна, но насколько крупнее и беспощаднее должен быть хищник, который лишил ее жизни и притащил на самый верх башни?

— Что ж, теперь, лорд Кантары, я прекрасно вижу, почему вы опоздали к завтраку.

Руи Финко, лорд Форента, прислонился к косяку, весело разглядывая спальню. Тайхо Ишиан, лицемер и ханжа, грубо оттолкнул в сторону женщину, которая сидела на нем верхом, натянул покрывало до груди и уставился на гостя.

— Вам негде уединиться?

— В этом замке — негде.

Руи с сожалением наблюдал, как женщина оправила сабатку и ускользнула в туалетную комнату. У нее была хорошая фигура, может быть, слишком стройная на его вкус, это он заметил даже несмотря на то, что женщина была одета. Лорд Форента считал себя знатоком женщин — ведь он уже столько уложил в постель. В конце концов, это его право и привилегия как владельца земель, и Руи тратил большую часть своего времени, доходов и усилий на создание самого лучшего гарема в Империи.

Это была Рагла? Ему стало интересно. Рагла — его любимица: неумолимая, если ее хорошенько взбодрить, обожавшая взбираться на него верхом и скакать, в то время как он любовался ее подпрыгивающими грудями. Наслаждаясь женщиной за плотно закрытыми дверьми, лорд Форента не признавал никаких сабатов — ему нравилось, как вылеплено женское тело, и он не понимал, почему благочестивее поклоняться богине, путаясь в одежде, нежели восхищаться всем великолепием ее творения.

Но Руи мог поклясться, что заметил прядь светлых волос, а ведь волосы Раглы черны как смоль...

Любопытно. Он не мог вспомнить эту женщину, перебирая всех, кого держал в гареме, а их было более сотни. Неужели лорд Кантары настолько безрассуден, что отверг более чем щедрое гостеприимство хозяина и приказал тайно доставить сюда женщину из города? Невероятно, особенно если учесть услуги информаторов, которым Руи хорошо платил, чтобы они следили за каждым шагом Тайхо. Впрочем, южный лорд — человек странный и достаточно одержимый, чтобы делать все, что взбредет в голову.

— Если ваша светлость уже отдохнули, мы могли бы продолжить нашу дискуссию.

Тайхо нетерпеливо махнул рукой. Его лицо казалось желтоватым и болезненным. Он выглядел так, будто провел неделю без сна, а не ночь удовольствий в объятиях шустрой девицы.

— Дайте мне немного времени, и я с удовольствием присоединюсь к вам, Руи. Неужели в этом чертовом дворце не закрывается ни одна дверь?

Руи Финко не стал утруждать себя ответом на такой наивный вопрос. Конечно, ни на одной двери, кроме его собственной, не было замков. Разве был бы он хорошим лордом, если

бы не знал обо всех передвижениях гостей в замке Форент? Улыбнувшись и кивнув, Руи вышел, захлопнув за собой дубовую дверь.

Тайхо вскочил с кровати и кинулся через комнату к зеркалу, которое висело над каменной умывальней и кувшином с водой. В мозаичной раме зеркала его лицо выглядело ужасно: глаза налились кровью, щеки запали, подбородок черен от щетины. На лбу и вокруг глаз целый лес морщин. Выглядел сейчас Тайхо не на свои сорок три, а на все шестьдесят. Он и в самом деле мало спал, но не из-за ночных упражнений с девками, которых Тайхо регулярно требовал у Виралая: они были нужны ему для того, чтобы отвлечься, отогнать от себя демона, который захватил его душу в свои беспощадные лапы. Тайхо не мог спокойно спать уже... он подсчитал: он приехал сюда из Кантары, через Сэру, примерно во время Урожайной Луны, а Большая Ярмарка была на Четвертину года — прошло уже целых четыре луны с тех пор, как он поражен этой болезнью. От нее можно было сойти с ума.

До той роковой встречи с женщиной, которую все называли Розой Эльды, он мог считать себя человеком трезвомыслящим, думающим в первую очередь о выгоде, которую можно получить от каждого предприятия, использующим все возможные способы для укрепления своей власти и увеличения состояния. Кроме того, во многих районах Империи его имя стало символом благочестия и патриотизма, Тайхо был известен как политический оратор и защитник законов Фаллы. Он усердно трудился всю свою жизнь, чтобы показать миру человека с сильным характером; человека, живущего богато и безупречно; человека немилосердного к преступникам и имеющего безукоризненную репутацию.

А теперь? Роза Эльды — вот единственное, о чем он мог думать день и ночь: ее молочно-белая кожа, длинные золотистые волосы, которые могли бы ласково касаться его, тонкая талия, полные груди, которые могли бы нежиться в его ладонях, жар ее мягкой, безволосой...

Тайхо поймал себя на том, что уже в тысячный раз этот образ погружает его в глубокое смятение тем физическим эффектом, который производит в нем. Он ни разу не видел даже мельком обнаженной плоти этой женщины, но того единственного поцелуя в повозке продавца карт на Большой Ярмарке было достаточно, чтобы она завладела им, его телом, мыслями и душой. Он был уверен, что она одарила его совершенным пониманием того, как это — познать каждый изгиб ее тела. Тайхо навсегда потерял покой от влечения к ней.

Он был не только изможден — член его теперь постоянно находился в упругом состоянии. Настоящий кошмар, не говоря уже о смущении и отчаянии в присутствии людей. Чтобы он ни делал, ничто не могло устранить эрекцию. Холодные ванны, ледяные компрессы, часы молитв — ничто не помогало. Теперь он решил обратиться к услугам женщин гарема — наверняка им приходилось сталкиваться с проблемами и похуже. Женщины старались вовсю, от их усердий ныло все тело, а Тайхо никак не мог кончить. Даже последний эксперимент окончился провалом.

Он взял новый отрез бельевой ткани и плотно перевязал себя, вздрагивая и морщась.

«Это мое наказание, — в ярости думал он, — за то, что я позволил Розе Эльды уйти к безбожникам. И я буду терпеть эти муки до тех пор, пока не освобожу ее из рук полоумного варвара и его злобных слуг. Я должен взять ее и очистить от скверны своими священными излияниями. Мы будем вместе поклоняться богине, от которой произошли. Я скрою ее плоть от похотливых глаз. Я покажу ей истинный Путь Огня. Я верну ее назад на тропу добродетели».

Он сам начал верить в слова, которые выкрикивал на городских площадях, слова, заставлявшие людей толпиться вокруг него и призывать к священной войне против Эйры, к последней войне, которая положит конец всем войнам.

Руи Финко терпеливо ждал за дверью в коридоре, пока не услышал плеск воды в умывальнике и голос лорда, велевшего женщине уйти через потайную дверь; он тут же сбежал вниз по лестнице и вошел в Галийскую комнату. Позади широкой кровати с балдахином и массивными резными спинками он открыл неприметную дверку и

проскользнул на узкую лестницу, скрывавшуюся за ней. Его прапрадед, печально известный Тахи Финко, соорудил в стенах замка лабиринт секретных ходов. В прошлом столетии нравы были строгими, и общение с женщиной, не являвшейся подаренной богиней женой, считалось преступлением, наказуемым кастрацией. Тахи был человеком непомерных appetитов, а его жена — болезненным созданием, она отказала ему в супружеском общении после рождения их единственного сына, а потом и вовсе зачахла и умерла. Через эти ходы Тахи тайно проводил женщин в Галийскую комнату, где наслаждался ими долгими страстными ночами. По слухам, он наплодил не меньше полусотни незаконнорожденных ублюдков.

Каждый день Руи благословлял своего предка, потому что в наследство от лорда Тахи Финко ему достался не только замок, но и ненасытность.

Он услышал щелчок вверх, затем раздались шаги по деревянным ступеням лестницы, и через миг появилась гибкая фигура в темной сабатке — босоногая девушка торопливо спускалась из комнаты наверх.

— Ага, моя прелесть!

Шагнув вперед из тени, Руи схватил девушку и затащил в Галийскую комнату. Прежде чем раздеть ее, по первому прикосновению к ней он определил, что это Рагла. Уверенной рукой он перекинул сабатку ей через голову, и шелковая ткань с шелестом упала на пол.

— О груди Баст!

Если бы он был слеп и ориентировался только по своим ощущениям, он мог поклясться, что это Рагла. Но глаза убеждали его в обратном. Женщина, стоящая перед ним и скромно прикрывающая одной рукой грудь, а другой — безволосую промежность, была бледнокожей блондинкой — редкий цвет волос для Южных островов, где и мужчины, и женщины были смуглыми и темноволосыми. Он уставился на нее, часто моргая и не находя слов.

Потом ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Ну-ка повернись кругом.

Она встревоженно глянула на него, но повернулась и показала ему изящную спину и круглые ягодицы — на правой выделялась большая коричневая родинка, резко контрастировавшая с молочно-белой кожей. Он потрогал ее пальцем и почувствовал, как женщина напряглась. Он прекрасно знал эту отметину, ведь он так часто ласкал ее. Руи почувствовал, как суеверный страх пополз по позвоночнику. Он осенил себя знаком богини, наклонился, чтобы поднять упавшую сабатку, и кинул ее женщине.

— Оденься!

Девушка поймала ткань, встряхнула и ловким движением натянула на себя. Потом расправила ткань на лице. Лорд Форента шагнул к ней.

— Нет, подожди.

Он вставил руки в отверстие для рта и резким движением разорвал ткань, откинув ее с головы. Он стоял перед ней и оценивающе вглядывался в лицо. Затем взял ее за подбородок и стал вертеть лицо то в одну, то в другую сторону. Глаза у девушки были огромными и черными, как угольки, и он прекрасно знал их. Может быть, у нее на голове парик? Он обмотал шелковистую прядь волос вокруг пальца и резко дернул. Женщина вскрикнула от боли. Значит, не парик.

— Зачем ты выкрасила волосы?

Женщина не поднимала взгляда от пола, боясь его пристальных глаз. Она занималась любовью с этим человеком, который превосходил всех знаменитых любовников, описанных в запрещенной эротической книге «Путешествие Цестии», она знала его тело во всех деталях, наблюдала за ним, когда он был абсолютно беззащитен — во сне или в безудержном экстазе, но все равно не могла посмотреть ему в глаза. Она знала, что совершила постыдную вещь и наказанием ей будет смерть...

Когда Руи заговорил, голос его был мягче, чем она предполагала.

— Кто сделал это с тобой, Рагла? — спросил он.

Но когда она шепотом ответила ему, он гневно стиснул зубы, и взгляд его стал жестоким.

— Стой ровно. Нет, не так, мне нужно, чтобы на твое лицо падал свет...

Эта была трудная задача. Подбородок у нее сильно выдавался вперед, да еще был неправильный прикус. С волосами на этот раз удалось справиться намного быстрее. Но глаза — еще ни разу ему не удалось изменить глаза. В одной из книг библиотеки Мастера поэт, очень почитаемый в Южной Империи, назвал глаза окнами души, но тогда Виралай не мог представить себе, что это означало. Теперь же, выяснив, что на глаза не действуют даже самые сильные заклинания, которые он мог вытянуть из кошки, он начал с удивлением задумываться: неужели в поэзии есть доля правды?

С другой стороны, он очень гордился результатами своей работы с этой женщиной. Бедра были почти такими, какие нужны, — стройными и узкими, как у мальчишки, с небольшими округлостями ягодиц; груди тоже имели совершенную форму. Каким удовольствием было слепить их своими руками, даже несмотря на риск серьезного наказания, если его застанут за этим занятием!

Он поднял кошку на уровень лица женщины и увидел, как глаза ее широко раскрылись при виде злобно урчащего, вырывающегося зверя. Крепче сжав толстую шкуру на загривке, он закрыл глаза, мысленно сконцентрировался на красивой линии лица, которое так легко мог вызвать в памяти, и осторожно повторил заклинание.

— Сейчас же прекрати это издевательство, а не то я быстро спущу тебя вниз через окно. — Голос звучал угрожающе холодно. — У акул в этом году голодное лето. Малое число штормов означает для них нехватку потонувших моряков. Нечем попить, а им так нравится вкус человеческой плоти...

Виралай распахнул глаза. Он не слышал звука шагов и открывающейся двери, поэтому зрелище лорда Руи Финко, стоящего в дверях комнаты с лицом, которое говорило о едва сдерживаемом гневе, а рядом с ним — девушки в разорванной сабатке, на коленях, над которой он так удачно поработал вчера, было для Виралая чересчур неожиданным.

Но даже в такой ситуации он не мог оторвать взгляда от лиц двух женщин. С некоторым удовлетворением он заметил, что линия подбородка Балии ближе к оригиналу, чем у Раглы, с которой он работал раньше. Мастерство его росло изо дня в день.

— Что ты себе позволяешь?

Виралай очнулся от своих мыслей, вспомнив про затруднительное положение, в котором оказался. Он еще не видел лорда Форента разгневанным, но подозревал, что из тех, кто лицезрел его в ярости, выжили немногие.

— О, лорд... я...

Руи бесшумно закрыл за собой дверь. Виралаю это не понравилось. Когда Тайхо был зол, он имел склонность громко кричать и размахивать кулаками. Виралай уже заработал множество синяков из-за вспыльчивости лорда Кантары, а однажды его даже высекли плеткой. Но лорд Форента выглядел так, будто и в самом деле собирался скормить его рыбам с обеими девицами вместе. И никто не услышит. Да если и услышит, это ведь собственный замок лорда, и кто посмеет спросить его об исчезнувшем слуге?

— Колдовство! Я чувствую его запах в воздухе. — Лицо Руи Финко скривилось от отвращения. — Я так и знал, что с хозяином на пару вы творите тут какие-то гадости. — Он перевел взгляд на черную кошку, ставшую на удивление мягкой и покладистой в руках Виралая. — Да отпусти же ты это несчастное создание, ради Фаллы!

Виралай ослабил железную хватку. Бете упала на лапы, наградила его безжалостным взглядом, который обещал, что она добавит это последнее унижение к его текущему счету, и вспрыгнула на высокий сундук в противоположной стороне комнаты, с которого могла в безопасности наблюдать за происходящим.

— В нашем королевстве колдунов сжигают на костре, — произнес Руи, не отводя взгляда от Виралая.

— Я знаю, господин. — Виралай почувствовал, как его колени начали трястись, как будто размягчились кости.

— Ты знаешь, когда кочевников стали преследовать у нас всерьез?

— Нет, господин.

— Это было во времена правления моего отца. У него были причины верить, что чародей-кочевник предал его, настав чары на его врага. Я не стану обременять тебя всей этой мерзкой историей, достаточно будет сказать, что в этом мире у меня есть брат, который на самом деле не приходится мне братом, и мой отец вовсе не был счастлив оттого, что люди, топтавшие истрийскую землю, посмели навлечь позор на его дом таким грязным способом. Он обратил оружие против Потерянных и ненавидел их до самой своей смерти. Он сжег примерно... — Руи устремил взгляд на потолок и начал считать: — Так, посмотрим, две, три, четыре сотни, нет, нет, что такое я говорю? Целую тысячу таких. В том первом караване их было несколько дюжин — мужчин, женщин и детей: огромный был костер, уж я-то знаю, мастер Виралай. Мне было тогда восемь, меня привели туда и заставили смотреть. Думаю, отец относился к этому как к наказанию для меня за то, что я не встал на защиту его семейного очага и жены, как должен был сделать настоящий истрийский воин. Но сказать по правде, мне ужасно понравилось слышать их вопли и смотреть, как их кожа съеживалась, пузырилась и стекала с костей, как сало со свечи. А ты знаешь, что, когда сжигаешь человека, дым, который поднимается в воздух, покрывает все дома на расстоянии в пол-лиги или даже больше очень неприятным, черным, липким жиром?

Ноги Виралая начали подкашиваться. Лорд Форента поймал его за локоть.

— Как же так, мой друг волшебник, ты слишком слаб для таких подробностей? А может быть, ты видишь, как всходишь на такой же костер? Как думаешь, ты бы кричал или принял смерть с достоинством? Должен сказать, это очень больно, когда от огня глаза начинают кипеть.

Виралай рухнул на пол, дрожа от ужаса. Все так, как он и предполагал: если Мастер был строг, а лорд Кантары бесчеловечен и жесток, то этот человек гораздо опаснее — он мог смотреть на них всех, горящих в огне, и посмеиваться при этом.

— Я сожалею, господин, — выговорил Виралай. Слова полились из него сплошным потоком, как будто прорвало плотину. — Это все мой хозяин, господин, Тайхо Ишиан, лорд Кантары, для него я творю чудеса. Он заболел от страсти по... по одной леди, и я пытаюсь облегчить его страдания. Это очень сложная работа, господин, и мои усилия не всегда вызывают у него одобрение. Много раз он избивал меня, когда чары рассеивались раньше времени. Очень трудно сотворить что-то на долгое время, господин...

Но Руи Финко едва слушал его. Он внимательно оглядел сначала одну, потом другую женщину. Заставил Раглу подняться с колен и поставил ее рядом с Балией. Потом он повернулся к Виралаю:

— Не смей этого больше делать.

Виралай безмолвно кивнул. Тайхо, несомненно, избьет его до черных синяков, но пусть лучше это, чем гнев лорда Финко.

— Он не должен растрачивать себя. Я не могу позволить, чтобы его одержимость уменьшилась хоть на каплю.

Последняя фраза была произнесена лордом тихо и вкрадчиво и явно не адресовалась колдуну, но Виралай все равно кивнул.

— Ты можешь вернуть им прежний облик?

Осознав, что его не сожгут, по крайней мере пока, Виралай поднялся на ноги.

— В этом нет необходимости, господин. Очень скоро Рагла станет прежней, ее волосы снова будут черными, а фигура полной. А если Баляя поспит часок, волшебство рассеется само по себе. Чтобы сохранять иллюзию, которую вы видите, мой господин, требуются некоторые усилия и концентрация человека, для которого она создана...

Лорд Форента замахал руками. Потом его глаза сузились, как будто что-то пришло ему в голову.

— А серебро, которым лорд Кантары так неожиданно завладел недавно, тоже наколдованное?

Испуганное выражение на лице Виралая подсказало лорду ответ.

— Даже то серебро, которое он дал мне для нашего предприятия?

Виралай яростно замотал головой.

— Нет, мой господин. Лорд Тайхо решил, что будет лучше, если мы обменяем серебро, которое я сделал, на настоящее, мой господин. Хотя, мне кажется, я добиваюсь все больших успехов в превращении других металлов в серебро: у меня есть несколько монет, которые сохраняют свой вид уже почти два месяца.

Лорд Форента погрузился в размышления.

— Понятно. Очень интересно. Однако, хоть я и не разделяю склонности моего отца к аромату жареной плоти Потерянных, я не стану колебаться и насажу тебя на вертел, если вдруг обнаружу, что ты продолжаешь свои извращенные опыты...

— Мой господин, я...

— Не перебивай меня. Я лично насажу тебя на вертел, если обнаружу, что ты занимаешься магией для кого бы то ни было, кроме меня. Ты понимаешь меня, кочевник? Ты останешься здесь как мой гость, и твой прежний хозяин, лорд Кантары, и твоя кошка тоже. Но с этого момента вы все трое будете выполнять мои распоряжения, иначе окажетесь на костре за колдовство. — Он повернулся к женщинам. — Уже много времени у меня в постели не было светловолосой женщины. Ну что, посмотрим, не обучились ли вы новым приемам, изменив внешность?

Виралаю показалось, что обе женщины с радостью последовали за хозяином — как будто они не просто подчинялись его приказаниям, а мечтали снова испытать на себе его мастерство.

Он остался в комнате один. Один, это если не брать в расчет кошку, сверлящий взгляд которой он чувствовал на себе, — она смотрела на него с презрением и даже ненавистью.

Каждый раз, когда ему начинало казаться, что жизнь его хуже некуда, судьба будто в издевку подкидывала ему нечто совсем отвратительное. Он вздохнул, вспоминая слова Мастера: «Ты должен благодарить меня за то, что я привез тебя сюда и спас от алчности и ужасов мира».

Виралай снова почувствовал, как вернулись старые сомнения.

Глава 8 ПИСЬМА

— Сур поберей, как я ненавижу это чертово море!

Она снова навалилась на планшир, схватив свои выбеленные солнцем и завязанные узелками косички в руку и издавая звуки ужасной рвоты. Не видя происходящего, вполне можно было подумать, что их издает овца, которую медленно и беспощадно душат.

Высокий худой человек, стоящий рядом, хладнокровно наблюдал за ней и, когда она выпрямилась, бесстрастно поднял бровь.

— Ты ошиблась с выбором профессии, если у тебя такой нежный желудок, Мэм.

Загорелая обветренная кожа женщины имела сейчас слабый оттенок зеленого. Кноббер считал, что ей это очень идет: так она выглядела более беззащитной, женственной. Он не видел, чтобы она проявляла слабость: с того давнего вечера в Йетре и происшествия с горцем, чье исчезновение вызвало такой прилив эмоций у Мэм, что Кноббер, можно сказать, застал ее утирающей слезу. Одну-единственную слезу, и ту она сердито стерла тыльной стороной ладони. Но и одна-единственная слеза на ее лице казалась чудом. В общем, Мэм с трудом можно было назвать женщиной, даже если ее отмыть, причесать и одеть в один из легких, прозрачных нарядов, которые, по слухам, носила новая королева и которые производили фурор среди окружения короля в Халбо. Кноббер передернул плечами. Картинка получалась не из приятных, и если бы Мэм узнала, о чем он думает, ей бы точно не

понравилось. А от Мэм, которой что-то не нравится, лучше держаться подальше.

— Ну, что придумала, что мы ему скажем? — спросил он, меняя предмет разговора.

Мэм сердито рыкнула.

— Ты думаешь, мне надо выдумать байку, которая прозвучит еще более неестественно, чем правда?

Кноббер пожал плечами. Конечно, их наниматель, Руи Финко, лорд Форента, совсем не обрадуется, так как, несмотря на то, что им повезло украсть целый трюм отличного эйранского оружия, по странному стечению обстоятельств им не удалось привезти самый главный груз: человека, без которого все остальное окажется бесполезным. Хотя дальность полета стрелы значительно увеличилась в последние времена, все еще не было оружия, которое могло стрелять через широкий Северный океан из Истрии в Эйру. Нужен был корабль, который мог приблизить к врагу на расстояние выстрела.

Когда наемники прибыли на корабельную верфь, выяснилось, что пропал не только Мортен Дансон, но и большинство его рабочих и лучший строевой лес. С кем бы они ни разговаривали, никто ничего не знал: невнятное бормотание про представление в Халбо, на которое пригласили Дансона, едва ли объясняло пропажу людей и леса. Кноббер решил, что к этому приложил руку кто-то из врагов короля. Когда они вернулись в Халбо и доложили о неудаче, Мэм уже выглядела сердитой и полной безадресного гнева. Не выясняя причину ее расстройства, наемники выпалили свои нерадостные вести и скрылись в одной из таверн.

Кноббер размышлял о том, что ему бы не хотелось объясняться с лордом Форента. Нет кораблей — нет войны. Поправка: нет эйранских кораблей — без эйранского корабельщика; а войны нет, потому что мелкие истрийские суденышки более чем бесполезны в открытом море. Нет войны — нет работы для наемников. «Возможно, — думал Кноббер, — нам стоит затеять гражданскую войну в Южной Империи или...»

— Мы бы могли заставить капитана повернуть и взять к северу через Акулий пролив, а потом продать корабль лорду Несса...

— Этот капитан не сможет найти Акулий пролив, даже если акула укусит его за задницу. Потом у Несса нет денег, — спокойно ответила Мэм, и это означало, что она уже обдумала и отвергла такой вариант.

— Эрл Бардсон?

— Он работает по-тихому и не вступает в открытые конфликты. Пара слов и нож в спину — и все дела. Война с Истрией, возможно, и отвечает его интересам, но покупать целый корабль с оружием — это слишком заметно. Нет, у Бардсона совсем другие планы, держу пари. Притом я совершенно не уверена, что взяла бы у него деньги, если бы он меня позвал.

Кноббер задумчиво поскреб подбородок.

— У тебя все учтено, Мэм. Может, ты знаешь и слабое место молодого Врана?

— Этого жеребца? — фыркнула Мэм. — Бедный парень едва ли вообще что-нибудь сейчас соображает. Скоро в Халбо станет нужен новый король, и вовсе не из-за происков Бардсона: эта женщина уже небось пообтесала его член до размера червяка, поэтому вряд ли он доставляет ей много удовольствия.

Кноббер искоса посмотрел на командиршу. Конечно, женщины получают удовольствие от постели, но такую, которая могла в этом признаться, еще надо поискать.

— Думаешь, Бардсон будет пытаться занять трон?

— Есть много таких, кто встанет на его сторону. Вран нажил немало врагов, взяв в жены кочевницу без роду-племени вместо девицы из эйранской знати. И он совсем не обращает внимания на своих советников, даже когда сидит рядом с ними, что, по моим сведениям, случается крайне редко. Проводит большую часть времени в объятиях новой королевы, а все остальное — гори огнем. Говорят, Штормовой Путь и Шепси делают все, что могут, но они уже стары и не так влиятельны, как прежде. А вокруг них, как собачонки, вьются властолюбивые лорды и жадные фермеры.

— Южный Глаз всех их держал в кулаке.

— Да уж. Ладно, мы сделали свое дело, и нам за это хорошо заплатили — так или иначе.

Они потерпели фиаско на Собрании и потом, когда королю Врану удалось сбежать. Поэтому было очень трудно уговорить лорда Форента заплатить им оставшуюся часть денег, даже несмотря на то, что, как недвусмысленно объяснила Мэм, они выполнили свою часть сделки, доставив короля. Только из-за глупости Варикса Врану удалось бежать. Руи был, мягко говоря, впечатлен тем, с какой легкостью Мэм перешла на сторону врага, когда изменилась расстановка сил. Когда стало ясно, что может подняться ненужная шумиха, он им все-таки заплатил, правда, с недовольным лицом. И тем более они были удивлены, когда лорд Форента предложил им новую сделку. Работа есть работа, и ее не так много, чтобы отказываться.

Двое наемников угрюмо пялились на нескончаемую череду серых волн за бортом и размышляли о своей несчастной судьбе. Но если Мэм внутренне кляла себя за опоздание и недостаток интуиции в деле с похищением корабельщика, то Кноббера неожиданно посетило желание вернуться на тот маленький остров, на расстоянии одного дня пути к востоку от Галийских островов. На этом островке он оказался случайно, из-за неудачной стычки с пиратами. Солнце там светило изо дня в день, а прибрежные волны были того же мутного молочно-зеленого оттенка, что и камень на подвеске, которую он однажды сорвал со смертельно раненного воина-южанина в небольшой схватке у подножия Золотых гор, когда наемники оказались на проигравшей стороне и быстро поменяли свои убеждения на противоположные. Он повесил эту штуку себе на шею и подарил ее прежнему владельцу быструю смерть, которой тот не заслуживал. Таким образом этот камень стал его талисманом.

Иногда, когда он снимал его и изучал, Кноббер мог поклясться, что камень меняет цвета. Лежа на великолепном, сияющем берегу того островка, усыпанном поломанными ракушками — солнце жарило его спину, и рубашка высыхала жесткими складки, — он наблюдал, как отполированный камушек из серого прямо на глазах становится цвета морской волны...

Его вышвырнуло из воспоминаний, когда особенно высокая волна ударила в борт так сильно, что деревянная обшивка крикнула, судно вздрогнуло, затрещало, и этот треск неприятно отозвался у Кноббера в костях.

— Сур! Дай истрийскому капитану прекрасное эйранское судно, и он все равно, черт его побери, пустит его ко дну! Неужели они совсем ничего не понимают в мореплавании? Просто чудо, что мы еще не опрокинулись. Если бы мы были ближе к суше, я бы лично утопила эту бестолочь и взяла штурвал в свои руки!

Налетела еще одна волна. Мэм зарычала. Затем схватила за планшир и снова в отчаянии перегнулась через него.

— Уф! Вот это да!

Толстяк Дого встал рядом с Кноббером, улыбаясь во весь рот. Его коротко остриженные пегие волосы торчали жесткими колтунами — частью из-за морской соли, частью оттого, что у них не было воды для мытья... Но Кноббер не мог вспомнить, когда Собачий Дух вообще мыл хоть какую-то часть себя, не говоря уже о таком пустяке, как волосы. Дого утверждал, что из-за мытья человек лишается важного слоя кожи, а поскольку она и так тонка, он едва ли может рисковать и терять ещё хоть чуточку.

— Что случилось, Мэм? Не то съела? Может, это тот вчерашний хогфиш? Как-то он пах не очень. Или, может, утрешний суп из крабов?

Звук рвоты усилился, а затем неожиданно оборвался. Мэм резко выпрямилась, сгребла толстяка за грудки и стала поднимать вверх, пока ноги его не оторвались от палубы.

— Почему бы тебе не пойти и не заняться чем-нибудь полезным, Собачий Дух?

Каждое ее слово сопровождалось встряской.

— Держись от меня подальше и не смей упоминать о еде в моем присутствии, иначе ты очень скоро познакомишься с акулами!

Когда она отпустила его, Дого быстро укрылся за спиной Кноббера.

— Меня послал за тобой Джоз, — выпалил он, — от Форента прилетела птичка.

— Сур меня побери, — вздохнул Кноббер и суеверно воздел руки к небу. — Как эти хреновы голуби находят одну-единственную лодочку посреди проклятого океана?

— Мне платят за то, что я воюю и ворую и не забиваю себе голову всякими лишними знаниями, — мрачно сказала Мэм. — Может, лучше спросить Дока? По мне, так следовало задушить того гадкого голубя, но Лазло клялся, что это его ручная птица. Помнишь, еще до того, как мы послали Руи Финко сообщение о нашей маленькой неудаче? Ручная птица, ха. Хоть у кого-нибудь когда-нибудь была ручная птица на корабле? Поджарили бы его, будь моя воля...

— У Сура, — перебил ее Дого.

— Что?

— У Сура был ворон, который везде следовал за ним.

Мэм угрюмо уставилась на толстяка.

— Заткнись, — сказала она.

— И что?

— Готовься запугивать этого проныру-капитана, если новости плохие. У него храбрости, как у мыши. Он такого про нас нарасказать может лорду...

— Я мог бы насадить его на вертел специально для тебя, Мэм, — весело добавил Собачий Дух из надежного укрытия за широкой спиной Кноббера. — Я мог бы проткнуть вертелом его горло, да так быстро, что он подумает, будто его муха укусила!

— Наверно, так думают женщины, с которыми ты спишь, коротыш. — Командирша приняла наигранно озадаченный вид и запищала неестественно высоким голосом: — Ой, мамочки, это маленький комарик побеспокоил мое укромное место, или меня только что посетил могучий Дого? — Мэм злобно глянула на толстяка. — Не смей сажать Лазло на вертел, ты, тупица, он ведет корабль. Мне нужно, чтобы его всего лишь запугали, и то если понадобится. Надо перейти реку, прежде чем мы перережем веревки, так?

А голубь тем временем устроился на рее над широким парусом и отказывался спускаться вниз.

Двое наемников — Джоз и Док — и пестрая толпа матросов из полудюжины истрийских провинций собрались под мачтой и таращились вверх. Невысокий, озабоченного вида человек в дорогой кожаной одежде велел забраться на мачту худому темнокожему мальчишке с Южных гор Империи, которого все называли Мартышкой (за его умение лазать и в честь легендарного существа Дальнего Запада). Однако мальчик возражал, и, с точки зрения Мэм, вполне разумно. Он говорил, что голубь испугается его и улетит, может быть, вообще покинет корабль. И что тогда делать? За это Мартышка получил от капитана удар по уху.

Джоз Медвежья Рука вздохнул и покачал головой. Эти люди были слишком несообразительны, что вызывало у него раздражение. Он отступил на пару шагов, вытащил что-то из-за спины, прицелился. Мгновением позже птица, трепыхаясь, упала на палубу. Посреди ошеломленной тишины, которая последовала за этим, Джоз подобрал камень (один из его самых любимых — отполированный морской водой, из белого кварца, тот, что он нашел на Огненных островах) и положил в мешочек. Потом подобрал безвольную тушку голубя, отвязал послание с его ноги и вручил Мэм.

Она развернула пергамент и посмотрела на чередования точек и тире.

— Это послание адресовано мне!

Истрийский капитан с яростным видом подскочил к ней, протянул руку и надменно щелкнул пальцами.

Мэм одарила его своей самой отвратительной улыбкой, чтобы он увидел все до единого обточенные зубы. «Вообрази, как будет приятно, если я укушу тебя, — говорил ее взгляд. — Вообрази, как будет приятно, если я укушу тебя за твой...» Затем она передала ему письмо с безразличием, которое о многом говорило. Джоз поймал взгляд Дока, и тот подмигнул ему.

Дого выглядел разочарованным: он мечтал продемонстрировать капитану свой клинок.

Наемники разошлись, чтобы собраться снова в другом месте.

— Ну? — нетерпеливо спросил Кноббер. — Что он написал?

— Грустно, но, кажется, последняя птичка капитана не долетела до места, — оскалилась Мэм. — Лорд Форента крайне недоволен отсутствием новостей и требует сведений о королевском корабельщике.

Джоз ухмыльнулся.

— Вот позор, — сказал он. — Лазло будет иметь грустный вид, если мы приплывем, а лорд еще ничего не будет знать о Дансоне.

Но Лазло, капитан, уже выглядел расстроенным. Мэм внезапно развеселилась.

— Может, мы и не получим денег за это дело, но мне не терпится увидеть лицо его светлости, когда я расскажу ему, что его драгоценного корабельщика украли люди из клана Камнепада!

Джоз и Кноббер обменялись взглядами. Это была неожиданная новость. Временами они подозревали, что Мэм командовала ими так успешно, потому что скрывала самую важную информацию. Ведь именно она постоянно напоминала им, что знания — это сила, и каким-то образом она всегда умудрялась узнавать больше, чем все они вместе.

Эрно проснулся еще до рассвета; каждый его мускул пел в предвкушении того, что ему предстоит сегодня сделать.

Серый утренний свет еще не перешел грань между сумерками и рассветом. Стараясь не шуршать галькой под ногами, Эрно направился через маленький каменистый берег к кромке воды. Утро было холодным, в нем уже чувствовалась близость зимы. Но здесь зима будет гораздо мягче, чем в Эйре, размышлял он, наблюдая, как выдыхаемый воздух превращается в пар. Может, здесь даже не бывает снега. Или он сразу тает, достигая земли, которую все лето напролет грело жаркое солнце.

На Западных островах снег устилал землю и кружился в хаосе вихрей, как будто Сур вытряхивал над миром огромные мешки гагачьего пуха. Снег, однажды выпав, не сходил весь сезон. Живя в доме Арана Арансона, Эрно всегда вставал раньше всех и благодаря какому-то первобытному инстинкту всегда знал, когда начинал идти первый снег. Ему нравилось стоять во дворе, подняв лицо, чтобы чувствовать прикосновение первых кружащихся хлопьев к теплой коже щек и любоваться, как они, будто мошки, садятся на его плечи и руки. Зимой на Камнепаде было красивее всего — снег покрывал поля и холмы ровным белым покрывалом, которое сияло и мерцало в лучах солнца. А лед соединял землю и воду в одно целое. Полупрозрачная замерзшая поверхность озер, рек и даже прибрежной части моря могла выдержать вес чаек, гусей и даже мальчика, быстродвигающегося на длинных деревянных полозьях, привязанных к ногам кожаными шнурками и смазанных китовым жиром.

Красота зимы на Камнепаде никогда не переставала удивлять его, даже несмотря на то, что он видел все это каждый день, а другие люди постоянно жаловались на холод, дым в доме, вяленое мясо и соленую рыбу, которыми приходилось питаться в эти тяжелые месяцы, и, сидя у очага вечерами, рассказывали долгие тоскливые истории о землях, где солнце светит круглый год, о плодах, растущих на деревьях, и пшенице, что поднималась в человеческий рост. Но для Эрно ничто не могло сравниться с видом неба над Голубым пиком, когда в День Последней Луны садилось солнце. Однажды в приступе отчаянной храбрости он забрался на Голубой пик как раз тогда, когда солнце уже почти исчезло из виду, и его не остановила даже мысль о том, что спускаться вниз придется в полной темноте. Усевшись на камень, он достал кожаный шнурок, который всегда носил с собой для таких целей, и завязал на нем узелки — они будут напоминать ему о том, как дымчатые следы алого исчертили синее небо, как низкое облако, висящее над западной оконечностью острова, окрасилось в огненно-золотистый цвет, как клубы тумана от горячих источников внизу поднимались в темнеющем воздухе, словно духи острова, и устремлялись прочь,

плывя над замерзшими торфяниками и древними выбросами лавы.

Как раз сейчас он теребил этот шнурок, который носил вокруг левого запястья. Он вспоминал тот вечер и видел все так ясно, что почти чувствовал, как волоски в его ноздрях превращаются в сосульки.

Пора было ехать домой, в Эйру.

— Где он?

Голос Руи Финко, обычно такой ровный и слащавый, сорвался на бешеный рев.

Мэм отклонилась назад вместе со стулом, отчего две его ножки пронзительно скрипнули по деревянному полированному полу, и бесцеремонно закинула ноги на дубовый стол лорда Форента. Ее башмаки — огромные, бесформенные и покрытые грязью — составляли разящий контраст с аккуратными стопками книг, бережно перевязанными пергаментными свитками, разложенной картой и изящным чернильным прибором.

— На Камнепаде, мой господин, на далеких Западных островах, где живет Аран Арансон и его клан.

Лорд Форента нахмурился.

— Арансон?

В памяти всплывали неясные воспоминания — темноволосый мужчина средних лет с пронизательным взглядом, коротко подстриженная борода, темные волосы вперемишку с седыми, надменная манера держаться.

— Арансон... Это тот, чью дочь мы сожгли на костре? Отец той маленькой ведьмы, что забралась на Скалу Фаллы?

Мэм угрюмо кивнула. Она не собиралась говорить ему, что Катла Арансон выжила, — не видела выгоды для себя. А о предположительном местонахождении корабельщика рассказывала только потому, что Руи Финко ничего не мог изменить в этом: Камнепад был слишком отдаленным островом, до него надо плыть через весь Северный океан, и Финко туда ни за что не доберется.

Руи мерил шагами комнату, переваривая новую информацию. Потом с темным от бешенства лицом повернулся к Мэм.

— И убери свои вонючие ноги с моего стола!

Мэм покачала головой, нахально улыбнулась, а потом неспешно убрала ноги. На поверхности стола остались лепешки грязи. Естественно, лорд не станет опускаться до того, чтобы убирать их самому, но ей доставляло удовольствие думать о том, как ему придется позвать слугу, чтобы тот почистил стол, а слуга непременно догадается, каким образом дорогая мебель пропиталась отвратительным запахом собачьего дерьма.

Руи подошел к столу и стал сосредоточенно изучать карту, пытаясь при этом держать себя в руках. Старинную карту он позаимствовал в огромной библиотеке в Сэре. Там она валялась в пыли; никто и не заметит ее исчезновения. Карта была прекрасной работы и настолько древняя, что даже Йетра там называлась Йелдра. Это было имя Вечного города еще до того, как истрийцы пересекли реку Тильзен во время Долгой войны и прогнали своих врагов прочь с богатых земель. Они теснили их на север так долго, что тем оставалось лишь сесть на корабль и отправиться в неизвестность. Конечно же, в той стороне еще не было обозначено никаких островов. Пространство выше крайней северной точки Истрии — порта Гедера — занимала пустота, обозначающая «неисследованные воды».

Руи поднял взгляд на Мэм, наблюдавшую за ним, насмешливо подняв одну бровь. Невыносимо, когда тебя заставляет чувствовать себя полным дураком грубая наемница, и оттого, что она женщина, было еще хуже. Он торопливо скатал карту в рулон и глубоко вздохнул.

— Ну так почему же вы не последовали за ними к этому... Камнепаду... и не взяли его силой?

— Согласно приказу, мы должны были вернуться сюда с оружием до Дня Басты, то есть, по моим подсчетам, как раз через три дня. Если бы мы стали преследовать их до

Западных островов, это добавило бы еще дней десять к нашему плаванью. Кроме того, не факт, что Мортена Дансона увезли именно туда. Может, это всего лишь совпадение, что ребята с Камнепада и корабельщик испарились в одно и то же время.

Выражение лица лорда точно передавало его мысли по поводу этих аргументов.

— Неужели вы не могли додуматься до того, что едва ли вообще стоило заниматься перевозкой чьего-то оружия, если нет человека, который мог бы построить нам корабли, чтобы мы могли это оружие использовать?

Глаза Мэм вспыхнули.

— Я простая наемница, мой господин, мне платят за то, что дерусь, а не за то, что думаю. А поскольку ваша светлость не удостоили меня каким бы то ни было объяснением относительно связи между двумя грузами, которые я должна была доставить, то я выполнила заказ наилучшим возможным при сложившихся обстоятельствах образом.

Лорд Форента клацнул зубами.

— Надо было знать, что нельзя поручать такое ответственное задание безмозглым варварам!..

— Ваша светлость считает, что вы добились бы лучшего результата, если бы послали в северную столицу команду верных истрийцев? Им бы там, конечно, было самое место, как шлюхам в храме...

— Убирайся! — взревел Руи.

— Сначала оплата.

— Оплата?

— Я не стану просить у вас всю сумму, но, принимая во внимание, что мы привезли сюда трюм оружия, как и было договорено, я уверена, ваша светлость признает, что нам положена половина обещанных денег...

— Ты не получишь от меня ни единого кантари за этот провал. Радуйся, если я не прикажу содрать с тебя шкуру заживо, а твои останки повесить над гаванью на корм чайкам.

Мэм шагнула к лорду и посмотрела на него в упор.

— Если я не вернусь к своим людям в целостности и сохранности ко времени Второго Ритуала, Джоз Медвежья Рука пойдет просить аудиенции у герцога Сэры, чтобы предложить ему информацию относительно ваших отношений с северным королем... мой господин. Я не уверена, что члены Совета встретят вас радушно, если почувствуют, что ваши интересы не совпадают с их собственными.

Она вынашивала это подозрение еще с ночи Собрании, когда бесцеремонно затолкала Врана Ашарсона в шатер лорда Форента. Она заметила несколько любопытных деталей и подслушала разговор этих двоих, который был ей непонятен. Однако она сохранила его в памяти и раз за разом принималась размышлять над ним, пока ей не стало казаться, что она поняла его суть. Это был намеренный риск — так открыто продемонстрировать свои подозрения, тем более она сомневалась, что герцог Сэры не является тайным союзником лорда Форента. Но все слышанное ею от главы истрийского Совета заставляло верить, что этот старик слишком прямолинеен и консервативен, чтобы быть сообщником амбициозного Руи Финко. Всю свою жизнь Мэм имела дело с людьми вроде лорда Форента и прекрасно знала, какого сорта друзей они заводят. Она сделала высокую ставку на то, что могло показаться незначительным пустяком, но восемь тысяч кантари, которые был им должен этот человек, тоже сумма немаленькая.

Руи Финко стоило невероятных усилий сохранить спокойствие. Он клял себя за то, что недооценил умственные способности этой женщины и ее выдержку. Ему стоило вести себя с ней гораздо осторожнее. Мысленно он прокрутил все возможности. Обозвать ее обманщицей и приказать дворцовой страже разделаться с ней прямо здесь? Он благоразумно поступил, вынудив ее оставить на входе оружие, но все равно опасался, что она может положить его людей голыми руками, да и его самого тоже, даже если она не пронесла на себе тайком какой-нибудь нож (ни один истриец не захочет марать руки, обыскивая женщину-варвара; Фалла знает, в каких потайных щелях своего тела она может прятать клинок). А если она

говорит правду и ее человек отправится к герцогу Сэры... Харо, конечно, скорее поверит ему, чем словам наемника, пока не... Наверное, лучше все же заплатить ей, сколько она просит, а потом подослать убийцу, чтобы ночью разделался с ней и ее парнями. Да, так будет лучше всего. Тот долговязый горец из Фарема с татуировками на лице... Персо. Варикс пользовался его услугами, чтобы убрать целое семейство в Сестрии, когда они стали на него клеветать... Задешево он не согласится работать, но может взять деньги, которые получит женщина. Восемь тысяч? Руи захотелось тут же отдать ей обещанное, чтобы поскорее от нее избавиться, но если он хорошенько не поторгует, она заподозрит неладное. Он выдавил улыбку.

— Что ж, возможно, ты в чем-то права. Но ты же не ждешь, что я заплачу половину суммы...

— Восемь тысяч, — твердо сказала Мэм.

— Я дам вам шесть. — Ему было невыносимо тяжело разыгрывать эту сцену.

— Восемь.

Руи достал огромный ключ из ящика своего стола, прошел через комнату и открыл кованый медный сундук в нише под ликом богини. Вернулся назад, неся в руках три звенящих мешочка.

— Во имя Фаллы, женщина, возьми шесть и считай, что тебе крупно повезло.

Мэм наградила его своим лучшим оскалом.

— Годится.

Лорд Форента смотрел, как она неторопливо выходит из комнаты. При каждом шаге косички ее подпрыгивали и монеты в мешочках бряцали.

— Посмотрим, — угрюмо пробормотал он. — Посмотрим.

Глава 9 РЕШЕНИЯ

Селен Ишиан откинула волосы с глаз и попыталась стряхнуть с себя сон. В последнее время ей почему-то было трудно подниматься по утрам и еще труднее отвыкнуть от удобств плотной одежды, которая раньше покрывала все ее тело и лицо и смягчала переход от тепла лежанки к холоду рассветного воздуха, — каждое утро она спускалась к воде, чтобы проверить лески, которые вечером устанавливал Эрно. Редкие лучики света робко пробивались сквозь щели в укрытии, сооруженном северянином из перевернутой лодки, камней, мха и листьев папоротника.

Утро было серым, промозглым и на редкость непривлекательным. Селен повернулась на другой бок, укутала одеялом плечи, закрыла глаза и попыталась ухватить тающие очертания сна, который ей только что привиделся. Опустив веки, она снова увидела себя сидящей на вершине крутого холма, прислонившись спиной к холодному камню, а ветер свободно трепал ее волосы, и это означало, что на ней не было сабатки. Она видела, как черная собака пыталась подойти к отаре пасущихся овец; те, обезумев от страха, сначала кинулись вправо, потом резко влево. Собака выла от бешенства и мчалась за ними, яростно клацая зубами. Селен сонно наблюдала, как животные неслись зигзагами по засеянному полю — маленькие белые стежки на огромном полотне зелени. Своим лаем собака приводила овец в такую панику, что Селен хотелось спуститься с холма и успокоить ее, прекратить это сумасшедшее преследование, которое она затеяла.

Все было очень четким, очень правдоподобным, даже слишком. Она ясно видела детали: мох, камни и ветки папоротника; свежая зелень пастбища, невероятные размеры собаки. Селен поднялась на ноги и почувствовала, как мир покачнулся и накренился. Она стояла, выпрямившись во весь рост, ветер свистел вокруг, и она понимала, что на ней нет ничего, кроме тонкой белой сорочки, которая прилипла к телу. Собака замерла. Овцы продолжали носиться по кругу. В пристальном, испытующем взгляде собаки светилась алчность, и это беспокоило. Селен почувствовала тревогу, но ноги уже несли ее вниз по

тропе к собаке, хотя разум заставлял ее вернуться назад, выйти из сна.

Только вблизи она увидела, как тяжело дышит собака, округлив глаза, странные для животного — слишком выразительные, слишком... человеческие. Зрачки были темно-коричневого цвета с золотыми прожилками. Белки налились кровью, как глаза пьяного или готового сражаться до смерти. Хлопья белой пены показались в уголках пасти. Несмотря на свой ужас, Селен вдруг протянула руку и прикоснулась к голове собаки, а та зарычала, очертив острые зубы. И только теперь Селен заметила ошейник из сардоникса рыжевато-коричневого цвета. Что-то всколыхнулось в ее памяти. Она вспомнила, где видела раньше этот камень. И открыла рот, чтобы закричать, но черная собака уже укусила ее за руку. Клыки вонзились в ее плоть, челюсти сжались...

Через мгновение она оказалась на земле, и над ней стояла уже другая собака: белая, еще больше, чем предыдущая. Селен в страхе съежилась.

И проснулась.

Она еще продолжала чувствовать горячее дыхание собаки и слышать рычание. Но в укрытии подлодкой единственным горячим дыханием было ее собственное, и единственными звуками, которые она слышала, были отдаленные крики чаек и мягкий шелест волн. Тревога превратилась в маленький тяжелый комок внизу живота. Что-то изменилось. Что-то было не так.

Она выбралась из-под лодки, уверенная в том, что с Эрно приключилась какая-то беда. Но когда она осмотрела берег, то почти сразу нашла его в дальнем конце бухты. Он стоял неподвижно, будто камень, вглядываясь в даль моря. Она увидела, как он взглянул на нее и снова отвернулся. Напевая, она направилась к кромке воды. За камнями она присела на корточки и справила нужду. Потом, задрав платье, которое было заляпано грязью и оборвано по краям, она вошла в ласкающие волны моря и тщательно вымылась. Соль высохнет, и на одежде останутся разводы, но у них не было столько пресной воды, чтобы тратить на излишества вроде стирки. Эрно частенько напоминал ей об этом. Она умыла лицо и почувствовала вкус соли на губах. Пробежала пальцами по слипшимся, грязным волосам. Потом, зачерпнув воды ладонью, аккуратно подмылась. Они странствовали уже примерно три месяца, но и в этот раз ее пальцы не запачкались кровью, как она ожидала каждый раз после полнолуния.

Что ж, неудивительно.

Она прогнала мысль о том, что это могло означать, сжала зубы и стала осторожно подниматься по тропинке на скалу, чтобы проверить лески, которые Эрно поставил вчера вечером. На крючки попались три скумбрии. Они неподвижно лежали в темной воде под скалой, их полосатая чешуя переливалась на свету, когда накатывала волна. Селен почувствовала укол жалости к себе из-за их убогого существования. Потом она вытянула лески и отнесла улов вниз.

К тому времени как она спустилась, Эрно уже вышел из своего оцепенения. Она осмотрела берег и удивилась, когда заметила, что он разбирает их укрытие. Он уже перевернул лодку килем вниз. Селен была так увлечена вытаскиванием рыбы и так старательно отгоняла от себя свои мысли, что даже не слышала шума. Теперь Эрно был занят разборкой каменной стены, прикладывая при этом гораздо больше усилий, чем требовалось на самом деле. Камни падали вниз и отскакивали друг от друга. Глухие звуки, издаваемые ими, эхом отражались от скал. Мох и папоротник разлетались в стороны.

Их пожитки были сложены в две кучки.

Уронив лески и скумбрию, Селен подошла к северянину неуклюжей, пошатывающейся походкой.

Позади беспомощно билась о землю рыба.

— Что ты делаешь?

Получилось более высокомерно, чем она хотела. Эрно обернулся. От усилий и холодного ветра на щеках его вспыхнул лихорадочный румянец. В голубых глазах было исступление, а на лице решимость, которая совсем не понравилась Селен.

— Я ухожу, — только и сказал он.

Потом он повернулся к ней спиной, подобрал свой мешок, нож и рыболовные снасти, запихнул все под сиденье на корме лодки.

Селен почувствовала, как кровь отлила от лица. Она торопливо увязала жалкую кучку своих вещей — украденный плащ, нижнее белье, которое она смастерила из лоскутов, оторванных от украденной рубашки, поясной нож, который дал ей Эрно для разделки рыбы, ложка, которую он вырезал для нее, когда она стала жаловаться, что не может есть руками. Отнесла узел в лодку. Эрно посмотрел на узел, потом на нее. Наклонился, достал ее вещи и швырнул на землю.

— Я ухожу один.

Это заявление пролетело мимо ее ушей. Не мог же он и в самом деле иметь в виду то, что сказал. Селен нахмурилась, попыталась сформулировать вопрос, но не получилось. Она смотрела, как он толкает лодку к воде. Мышцы на его руках и спине вздулись под тонкой рубашкой от усилий, потом лодку подхватила волна.

Эрно шел за ней до тех пор, пока вода не достигла ему до пояса. Он перекинул ногу через борт и стал взбираться на лодку. Посудина закачалась и была готова вот-вот перевернуться, но Эрно все же влез в нее.

Не оглядываясь на берег, он устроился на скамье и вытащил весла.

Он бросил ее. Оставлял здесь, на пустынном берегу, не думая и не мучаясь угрызениями совести.

— Не-е-ет!

Возмущение, наполнившее ее, придало ей сил. Подхватив узел, который он выкинул из лодки, она решительно вошла в воду.

— Вернись! Как ты смеешь оставлять меня, Эрно Хамсон! Ты трус, ничтожество, варвар!

Эрно собрал всю свою волю в кулак, чтобы не слышать ее слов, и начал грести. Она рвалась к нему. Волны хлестали ее, тянули за платье. Ещё миг, и она почувствовала, что ноги ее уже не касаются дна. В панике она стала изо всех сил бить ногами и руками, потеряла свои пожитки. Вода плескалась вокруг нее, намочила ей волосы, наполнила рот. Селен выплюнула воду и снова завопила:

— Неужели ты позволишь мне утонуть? Неужели уплывешь в море, не оглянувшись?

Она увидела, как фигура в лодке напряглась, и подумала, что он обернется, но потом ее с головой накрыла волна, и какое-то время она не видела ничего, даже неба. Но волна скоро прошла, и Селен вынырнула на поверхность, красное платье расплылось вокруг нее, словно лужа крови. Она делала все возможное, чтобы оставаться на плаву, молотила по воде руками и ногами.

— Я беременна, Эрно! Если ты оставишь меня сейчас, ты будешь в ответе не только за смерть женщины, которую винишь в гибели Катлы, но и за смерть невинного младенца!

Она пошла ко дну, вода вокруг была тяжелой и холодной. Она почувствовала, как волны сомкнулись над ее головой. Она тонула. Тщетно она махала руками, ноги свело судорогой. Вода сдавливала грудь, выжимала из нее воздух, потом полилась ей в рот. Селен почувствовала ее холодное, страшное вторжение, ощутила, как теряет тепло, которое делало ее живым человеком. И неожиданно она испытала острое сочувствие к бедной скумбрии, которая осталась на берегу, задыхаясь в чужеродной стихии.

Потом свет померк, и больше она уже ничего не чувствовала.

Вместо обычного грязного постоялого двора сегодня отряд наемников разместился в довольно приличных условиях. В гостинице, согласно вывеске, была общая комната, а спальни находились над конюшней. Поблизости отсюда располагались лучшие публичные дома Форента. Город принадлежал Руи Финко, и бордели тут были многочисленны и славились по всей Истрии красивыми и умелыми женщинами. Форент был тем местом, куда стекались женщины, бегущие от карающего огня Фаллы, приговоренные к нему за

прелюбодеяние, за нечестивость, за непочтительность к отцам, братьям и мужьям. Всем было известно, что Руи Финко смотрит на это сквозь пальцы в отличие от других имперских лордов. В сочетании с его подвигами за закрытыми дверьми это делало его любимцем женщин Форента. Док уже успел убедиться в этом на своем горьком опыте.

— Я ей только и сказал, что наверняка его нос гораздо больше, чем член, и она тут же выкинула меня из постели, да еще отказалась взять у меня кантари.

— Ну а ты все успел сделать?

Док мечтательно улыбнулся.

— И не раз.

Дого выглядел задумчивым.

— Как, говоришь, ее звали?

— Сестрина.

— А в каком борделе ты был?

— «Башня Земных Желаний», второй поворот налево после рыночной площади, там еще пара розовых столбов по сторонам от двери. Меня туда Кноббер отвел.

Дого пошлепал по карману и вытащил мешочек с деньгами. Набитый монетами, которые им только что раздала Мэм, мешочек покачивался на кожаном шнурке из стороны в сторону.

— Ну что, начать? — ухмыльнулся Дого, затем подбросил мешочек и, поймав другой рукой, убрал в карман. — А если она устанет — мне придется тогда тащиться еще в какое-нибудь заведение?

Джоз Медвежья Рука, занимавшийся тем, что чистил и затачивал свое многочисленное оружие, презрительно хмыкнул. Он редко сопровождал своих товарищей в их бордельных похождениях, а когда это все-таки случалось, то вместо того, чтобы предаться наслаждениям, он оставался при входе и, держась за свой меч, внимательно оглядывал новых посетителей «на случай неприятностей». Хотя единственная неприятность заключалась в том, что владельцам борделей приходилось мириться с присутствием Джоза. При виде его посетители призадумывались, а не повернуть ли им назад и не посетить ли другое подобное заведение, где бы их не встречал человек, похожий на злобного великана из легенд, готовый снести им головы за их простые желания. И тогда Доку, Кнобберу и Дого приходилось спрашивать Джоза прочь — желательно до того, как он начнет читать им лекцию о том, как плохо платить женщинам за любовные утехы. Это была интересная жизненная философия: человек, который убивал за деньги, не допускал и мысли о том, что можно потратить несколько с таким трудом заработанных монет на то, чтобы какая-нибудь красotka заставила его забыть обо всех неприятностях мира.

— Поосторожнее с деньгами, — предупредила Мэм. — Ты же не собираешься, надеюсь, открыто их демонстрировать в таком заведении?

Она повторяла это, куда бы они ни пошли. Иногда им казалось, что она для них как мамка, и от этого они чувствовали себя неловко, когда собирались навестить очередной бордель.

Дого подмигнул Доку, а тот пожал плечами. Собачий Дух похлопал себя по бедру.

— Вот он, нож, — сказал он. Потом похлопал по правой икре. — И еще один. — Потом с радостным видом продемонстрировал еще два ножа, которые были спрятаны у него в сапогах. — Опа, чуть не забыл про эти.

— Да идите вы уже, сколько можно!

— Я иду с вами, — появился в дверях Кноббер, сияющий и розовый после своей ежегодной ванны. Мокрые волосы, которые он обычно носил заплетенными в десятки косичек и завязанными в узелки, чтобы не мешали в сражениях, были сейчас рассыпаны по плечам. Он надел свою лучшую рубашку, ту, что купил у торговца-кочевника на Большой Ярмарке, — бледно-голубого цвета с серебряно-зеленой окантовкой. Судя по всему, он только что прошелся по рубашке горячим металлом, чтобы разгладить складки. В вырезе среди обильной поросли на груди виднелся его камень-талисман. На вид Кнобберу сейчас

можно было дать не больше девятнадцати вместо тридцати с хвостиком, и было ясно, что он отправляется на свидание.

— Ты снял эту свою штуку, — заметил Док с удивлением, глядя на искаленную культю, оставшуюся от левой руки Кноббера. Не прикрытый кожаным лоскутком, под которым он обычно прятал увечье, обрубок напоминал новорожденного щенка: совсем без волос, морщинистый и розовый. В сочетании с темной, обветренной кожей предплечья это выглядело шокирующе. Глядя на нежную, бледную плоть культи, можно было почти поверить, что у Кноббера когда-то было детство, что когда-то он жил в мире, совсем не похожем на грубый и жестокий мир наемников.

— Она у меня чешется, — ответил он, поежившись. — Гайя может умирять зуд своими руками.

— Это та девчушка, к которой ты всю неделю бегаешь?

Кноббер покраснел до корней волос.

— Угу.

— У меня тоже есть небольшой обрубочек, который она могла бы успокоить... — заржал Собачий Дух.

— Заткнись, Дого. — Док шлепнул его по башке, заставив вскрикнуть. — Мы скоро уходим отсюда, — напомнил он Кнобберу. — Думаю, не стоит слишком привязываться к кому-то из этих милашек. Дешевле не выйдет. Может, лучше будет просто потратить деньги на что-то другое.

— Например, на весь ассортимент, — ухмыльнулся Дого.

Кноббер выглядел обиженным.

— Думаю, каждому когда-нибудь попадается что-то стоящее. И если я не чувствую необходимости заглядывать под каждую юбку в Форенте, это не значит, что я совсем безмозглый. Она хорошая девушка и работает в таком заведении только потому, что ей очень не повезло в жизни и пришлось многое пережить. Мы много времени провели за разговорами, она и я. Просто удивительно, как много у нас с ней общего.

— Ага, — заржал Собачий Дух, — например, постель как у крыс в мешке...

— Заткни свою пасть, Дого, — оборвала его Мэм. — По-моему, нет ничего дурного в том, чтобы относиться к женщине как к человеку, а не как к удобному месту, куда можно пристроить свой член. А теперь убирайтесь отсюда и оставьте нас с Джозом в покое, нам нужно кое-что обмозговать. Кому-то же нужно думать о вещах посерьезнее, чем то, какой бордель выбрать в следующий раз.

Холодный воздух снаружи застал их врасплох, и Собачий Дух с Доком вдоволь повеселились, поддразнивая Кноббера тем, что он отказался надеть поверх нарядной рубашки старый запятнанный плащ и даже не стал застегивать ремень, на котором носил меч, чтобы не помять ее.

— Хороший же из тебя воин! — сказал Док.

— Это всего через две улицы отсюда, да и Гайя не любит, когда я прихожу с оружием. Кроме того, чего мне бояться с такими телохранителями, как вы?

Никто из них не заметил, как позади появилась пара теней, когда они прошли мимо переулка Ножовщиков, и еще две возникли впереди.

Эрно пристально рассматривал тело женщины, лежащей на дне лодки. Жгучие слезы застилали ему глаза. Ему нелегко было решиться оставить Селен Ишиан. Он ничего не мог добиться, споря с ней, но каждый раз, начиная размышлять о том, какая жизнь ожидает ее по возвращении в семью, несмотря на спасение Танто Винго, он чувствовал, как разум его сопротивляется. Была великая несправедливость в том, что женщин на Южном континенте можно продавать и покупать, передавать от одного мужчины в дом другого, где они продолжают жизнь в унижении и рабстве. Но так устроена жизнь в Истрии, так здесь всегда было и всегда будет, и Эрно постоянно напоминал себе, что ничего изменить не может. В сложившейся ситуации не было его вины.

И однако именно чувство вины заставило его вывести лодку в море, не сказав на прощание ни слова, грести вперед, не оглядываясь, не видя, что она бросилась вслед за ним, и море поглотило ее.

Правда заключалась в том — он признался себе в этом только сейчас, когда было слишком поздно, — что он знал о ее беременности в течение уже нескольких недель. Знал, потому что вырос на ферме в большой семье, а там всем известно о таких вещах, — но не сформулировал это для себя. Интуитивно он угадал изменения, происходившие внутри Селен, хотя сама она ни о чем не догадывалась: она раздалась вширь, ей требовалось больше еды, она искала место потеплее и поудобнее, как будто новая жизнь внутри нее устраивала в ее теле гнездышко для себя. Он заметил, как груди ее налились, как линии тела приобрели еще большую округлость, догадался, что такое количество провизии поглощалось ею вовсе не из жадности и прожорливости. Поэтому он никогда не укорял ее за съеденную его долю, не ругался на ее странные колыбельные песенки, не упрекал за то, что она спала до обеда, а ночью перетаскивала на себя все одеяло. Конечно же, он заметил и перемены в ее настроении — вспыльчивость и раздражительность по отношению к нему и к ситуации, в которой они оказались, — и списал это на женский характер, тем более что она была из знатной семьи. Но когда она крикнула ему, когда волны уже накрывали ее с головой, что беременна и что он будет в ответе за две смерти, а не за одну, он наконец в полной мере осознал эту простую истину.

Однако даже в тот миг он колебался. Удивительно, сколько всего может пронестись в голове в такие моменты. Он представил себя год спустя — странник в чужой земле, с перекрашенными волосами, обритой бородой, говорящий на языке врага, чтобы можно было наняться на работу и обеспечить пропитанием женщину и ребенка, которому не был отцом. А потом он подумал, как все могло бы быть в другом мире, в котором Катла не умерла, а он сумел завоевать ее любовь — сам, а не при помощи волшебства Потерянных. Мысленно он увидел солнце, сияющее над маленьким земельным участком на Северном острове, группку домов с торфяными крышами возле небольшой бухты, в которой на якорях покачивались рыбацкие лодки и красавец-корабль. На холмах вокруг паслись овцы и козы — они жевали траву и толстели. А на крыльце самого большого дома стояла стройная женщина с длинной рыжей косой, уложенной вокруг головы, и держала у груди ребенка. Он увидел все это с такой невероятной четкостью, что на миг ему показалось, будто это и в самом деле может быть видением будущего, а не просто мечтой. Но затем жестокая реальность обрушилась на него, и он понял, что даже если бы Катла не умерла, она никогда не пожелала бы такой жизни, и что на расстоянии тридцати футов от него тонет другая женщина.

Тремя сильными взмахами весел он подгрел к тому месту, где виднелось неясное пятно ее красного платья. Он прыгнул за борт и, ухватившись за платье, стал тянуть его к себе до тех пор, пока не поймал Селен за руки. Она безвольно и тяжело повисла на нем, но он справился с ней и поднял на поверхность, хотя его легкие в какой-то момент готовы были разорваться.

Было отчаянно трудно перевалить ее в лодку, не опрокинув суденышка, но страх придал ему сил. Потом, когда она лежала на дне лодки, точно огромный мокрый и мертвый тюлень, он вспоминал, как позапрошлой зимой Торо Твистарм чуть не утонул у Песчаного острова, а Гар Оттерсон резкими движениями давил ему на грудь, пока тот не стал давиться, кашлять и грубо материться. Из Селен вышло много воды — сначала она хлынула сильной струей, потом долго вытекала тонким ручейком. Но женщина даже не вздрогнула и, похоже, совсем не дышала. Когда он в панике (все это время тоненький голосок в мозгу монотонно напевал: это ты натворил, это ты натворил, это ты натворил) потрогал ее шею и запястье, то почувствовал едва заметное трепетание жизни. Тогда он снял с себя одежду, оставив только набедренную тряпицу, и стал растирать ее руки, лицо, ноги. Но даже сейчас, зная, что источник телесного тепла находится в груди и животе, он не мог позволить себе прикоснуться к этим частям ее тела. Потом он просто сидел, дрожа на холодном ветру, и смотрел на нее, как будто сила его воли могла вернуть ее в мир живых. Он боялся, что она

умерла, но в то же время это было лучше, чем та ужасная альтернатива, которая ожидала ее по возвращении к жизни.

— Мы могли бы попытаться счастья в Сэре.

— Могли бы. — Джоз пробежался точильным камнем по лезвию Дракона Вена, потом протер клинок промасленной тряпкой и, откинувшись назад, в тысячный раз залюбовался мастерской работой Катлы Арансон.

— Я слышала, герцог набирает войска.

— Он не возьмет эйранских наемников, потому что Коб Мерсон в свое время предал его и предпочел монеты герцога Ги́ла в Каластрине.

Мэм задумалась.

— Тогда, может быть, дальше на юг? Там конкуренция поменьше.

— Там и денег поменьше будет. Хотя, наверное, в Йетру следовало бы наведаться.

— Я бы не возражала против Вечного города.

Джоз уловил в голосе Мэм почти тоску. Он взглянул на нее и заметил, что глаза ее мечтательно затуманились.

— Любопытное место — Йетра, — осторожно сказал он, — там полно всякого бродячего люда.

— Думаю, — вздохнула Мэм, — все они только проходят через город и очень редко остаются. — Она усмехнулась, не открывая страшных зубов. — Это слишком далеко, но нам в любом случае лучше поскорее убраться из Форента. Лорду нельзя доверять.

— Но нам все-таки заплатили, — сказал Джоз, — и даже больше, чем я предполагал, принимая во внимание обстоятельства. Мэм, ты просто чудо. И как это тебе удастся?

Мэм потерла рукой переносицу.

— Я знаю больше, чем ему хотелось бы, — ответила она загадочно, — и поэтому мы до сих пор живы. — Она встала, пересекла комнату и выглянула из окна. По улице нетвердой походкой шли гуляки, звеня монетами в кошельках. — Хорошая ночь будет у шлюх, — сказала она, — их клиенты упьются до такой степени, что забудут, зачем пришли.

— Я бы и сам не прочь осушить несколько бутылок пива. Почему бы нам не спуститься вниз и не продолжить разговор в трактире? — предложил Джоз.

Мэм сложила руки на груди.

— А кто будет охранять деньги, если мы напьемся до беспамятства?

— Мы могли бы взять их с собой.

— А еще мы могли бы вывесить на окне флаг, приглашая всех воров Форента. Только греметь ими будем и обращать на себя внимание.

Монеты, которые они заработали за последние несколько месяцев — честно или не слишком, — лежали в огромном эйранском деревянном сундуке. Сейчас в нем находилось почти две дюжины мешочков: больше, чем они вдвоем могли бы держать при себе, не привлекая внимания, даже если бы надели пояса для денег и плащи с потайными карманами.

— Вот что, — произнесла Мэм чуть погодя. — Почему бы тебе не начать тратить? Пошел бы вниз, купил нам несколько бутылок того превосходного красного вина, которое тут делают, и принес бы все это сюда. Да и мясного пирога недурно бы отведать.

Джоз с готовностью вскочил на ноги. Он открыл сундук, достал горсть монет и поспешно скрылся за дверью, чтобы Мэм не успела передумать. Дракон Вена остался лежать на скамье, поблескивая в отсветах огня.

Как только дверь захлопнулась, Мэм снова подошла к окну и стала оглядывать город. Место неплохое, думала она. Кормят тут хорошо, дома расположены свободнее, чем в других истрийских городах. Однако ей не нравился лорд и постоянные ночные прогулки ее парней, из-за чего могли возникнуть ненужные проблемы. Но завтра их здесь уже не будет. Может быть, сейчас самое время направиться на юг и встретиться лицом к лицу с демоном, с которым она познакомилась в Йетре, конечно, если он все ещё там.

Ее размышления были прерваны скрипом половицы. Джоз не мог вернуться так скоро.

Она резко обернулась с ножом в руке, но клинок убийцы опередил ее, ударив в шею.

Кноббер, Док и Дого пересекли рыночную площадь и через два квартала повернули налево, пройдя мимо двух напившихся драчунов. Фонарщик ещё не добрался до Тигровой аллеи, чтобы зажечь там дюжину фонарей, — улица была погружена во тьму. Но «Башня Земных Желаний» по правой стороне улицы была видна хорошо — вход в нее обозначался светлым портиком. Кноббер нервно пробежал рукой по волосам.

— Темно, — лаконично заметил он.

Док засмеялся.

— Готов поспорить, ты найдешь сюда дорогу и вслепую — ты же ходишь сюда каждую ночь с тех пор, как мы приехали.

— Как думаешь, Мэм разрешит мне взять ее с собой?

— Гайю? Ты шутишь! Что она может делать, кроме как тра...

— Она занимается этим не по своей воле, — угрюмо перебил его Кноббер. — Она вела приличный образ жизни до того, как ее ублюдок-муж не пресытился ею и не заплатил одному из рабов, чтобы тот выдал ее за свою любовницу. И тогда он отказался от нее по закону. Если бы она не попала в Форент, ее бы сожгли.

— У них у всех есть в запасе какие-нибудь душещипательные истории. Они всегда рассказывают, что стали жертвой гнусного обмана, чтобы пробудить в тебе лучшие чувства и встряхнуть из тебя чуть больше денег. С этой Гайей то же самое, ты запутался в паутине ее лжи, вот и все. Ты просто кивай и улыбайся, но свое дело знай, — ухмыльнулся Дого. — Не верь им ни на миг. Ты же не дурак?

Кноббер остановился и обернулся. Лунный свет упал на его ширококостное лицо.

— Еще одно слово о ней, и ты захлебнешься в собственной рвоте.

Дого вздрогнул. Потом взгляд его наполнился яростью. Рыча от гнева, он вытащил один из ножей, привязанных к ноге, и отпрыгнул от Кноббера, который уставился на него в недоумении.

Мгновением позже однорукий грохнулся лицом вниз на булыжную мостовую от сильного удара сзади и умер, не узнав, что вызвало эту сильную, резкую боль в спине, и не успев подумать, станет ли Гайя сердиться, если он придет к ней в грязной рубашке. Амулет, болтавшийся у него на шее, стал из зеленого мутно-серым, а потом молочно-белым, словно цвет из него вытек в темную лужу, которая растеклась вокруг тела Кноббера. Ни один из его товарищей не заметил этого, потому что в тот момент они дрались за собственные жизни.

Когда Джоз распахнул дверь, руки его были заняты подносом с хлебом, мясом и бульоном, да еще две бутылки лучшего хозяйского вина торчали под мышками. Только через несколько мгновений до него дошел смысл увиденного. Мэм стояла на коленях посреди комнаты перед крепким, темноволосым мужчиной, который за волосы тянул ее голову назад. В какой-то момент Джоз подумал, что их командирша решила таким затейливым способом развлечься с парнем, но потом увидел кровь, стекающую по ее шее, и серебряный блеск клинка в руке мужчины. С диким ревом он швырнул ужин в убийцу. Поднос пронесся над головой Мэм, окатив ее дождем из булок и бульона. Одна из винных бутылок пролетела мимо, но другая скользящим ударом задела мужчину. Содержимое их цвета крови растеклось по полу.

Отшатнувшись от убийцы, Мэм покатила в сторону Джоза, зажимая рукой шею. Кровь лилась сквозь ее пальцы. Бульон стекал с волос.

— Какого хрена ты делаешь? — хрипло прокаркала она. — Не надейся утопить этого ублюдка, лучше проткни его мечом!

Дракон Вены лежал, поблескивая, на скамье, где его и оставили. Джоз видел, как черные глаза убийцы обратились к его мечу. В тот же момент Джоз прыгнул, но не за прекрасным оружием Катлы Арансон. Он бросился прямо на убийцу, ударив его изо всех сил головой в живот — проверенный веками прием эйранской борьбы.левой рукой он вцепился

в запястье мужчины и безжалостно вывернул его. Хрустнули кости, убийца закричал. Изогнутое на южный манер лезвие со звоном упало на пол и откатилось на безопасное расстояние. Не выдержав сильного толчка Джоза Медвежьей Руки, его противник потерял равновесие и тяжело завалился на пол. Джоз прижал его коленями и приготовился выжать из него жизнь, но мигом позже он сам упал на бок от сильного и неожиданного удара ногой. К тому времени, как он поднялся, мужчина был уже мертв. Неровно дыша, Мэм стояла над поверженным врагом, опираясь на огромный меч, который она с такой силой вогнала в грудь убийцы, что он на пол-ладони вошел в деревянный пол. Поглаживая пальцами искусно вырезанное на рукояти меча изображение волка в лапах дракона, она смотрела на человека, который едва не лишил ее жизни, и странная полуулыбка скользнула на ее измазанном кровью и бульоном лице. В наступившей тишине раздавался равномерный звук капающей на пол крови из раны Мэм.

— Тебе бы лучше перевязать это... — начал было он, но она приложила палец к губам.

Снаружи на лестнице раздались шаги — тяжелые и неуклюжие.

Мэм встала ногой на грудь мертвеца и попыталась вытащить Дракона Вена, напрягая остатки сил. Она дергала меч из стороны в сторону, металл со скрежетом царапал кости, но клинок застрял намертво. Джоз протянул ей свой короткий меч. Мэм посмотрела на него, потом, пожав плечами, взяла меч и отступила в сторону. Джоз рывком выдернул Дракона и занял позицию лицом к двери.

Через мгновение появился Дого, который втащил в комнату человека в плаще, с покрытым татуировками лицом. За ним вошел Док, неся на плече тело Кноббера.

Ноги Мэм неожиданно подкосились, и она рухнула на пол. Джоз тут же подскочил к ней, но оказалось, что причиной слабости была не только потеря крови.

— Персо, — выдохнула она. — Я думала ты погиб.

Убийца в плаще натужно улыбнулся.

— Уже несколько раз, — произнес он по-эйрански с сильным акцентом. — У меня девять жизней. Прямо как у Баст.

— Наверно, теперь добрался до девятой, — прорычал Док, сваливая тело Кноббера на пол. Мертвый наемник упал с глухим стуком и лежал между ними, как немой укор. Амулет на кожаном шнурке стукнулся о доски пола. Камень был таким же пустым, как и потухший взгляд его владельца.

— Я подумал, ты захочешь допросить этого ублюдка лично, потому как он клянется, что знает тебя, — сказал Док, поворачиваясь к Мэм. Его глаза округлились при виде ее промокшей от крови одежды и раны на шее. — Что тут случилось? — До сих пор он никогда не видел командиршу раненой, и сейчас это зрелище поколебало его веру в справедливость мира.

Мэм улыбнулась ему, и оскал ее был страшнее, чем обычно, от крови на зубах. Потом она туго затянула шею платком, склонилась над Кноббером и тщательно осмотрела тело.

— У него не было меча? — наконец спросила она.

— Он сказал, что Гайя пугается оружия.

Дого издал неуместный смешок.

Мэм сурово глянула на него, потом провела рукой по лицу мертвеца, закрыв ему глаза.

— Зачем ты притащил его сюда?

— Я подумал, ты захочешь допросить его, — повторил Док. — Выяснить, кто ему заплатил.

Мэм закатила глаза.

— Не его, тупица. Кноббера.

Док в смятении глянул на Джоза.

— Нельзя же было оставлять его на улице... Это было бы неправильно.

Командирша выпрямилась и подошла к нему вплотную.

— Неправильно? С каких это пор мы стали интересоваться, что правильно, а что нет? Мы наемники, и Кноббер погиб, потому что забыл одну простую вещь. Нет меча — нет

воина. Все просто. А если наемник умирает, его оставляют там, где он упал. Мы не хороним, мы убиваем. — Она снова наклонилась, сняла амулет с шеи Кноббера и сунула в карман.

Горец осенил себя священным знаком и сказал:

— Бедняга.

Мэм враждебно глянула на него.

— Что-то я не помню, чтобы ты мучился от угрызений совести в прошлой жизни. Более того, я даже скажу, что еще не встречала более беспринципного типа, чем ты. Кроме еще одного. Вы с Руи Финко — отличная пара.

Персо осклабился. Клановые татуировки покрывали его лицо сложным узором из завитков от подбородка до линии волос на голове. Он был молод, гладкая кожа обтягивала широкие скулы, лицо имело хитрое выражение. Когда он улыбался, смеялись и его широко посаженные карие глаза. Татуировки предназначались для запугивания людей, но еще в юности он научился вызывать у других доверие: как оружие это действовало лучше любого меча.

Однако по глазам его можно было сказать, что ему не меньше сотни лет: они видели такие сцены, от которых слабые духом лишились бы рассудка.

— Тебя не проведешь.

— В Йетре у тебя это очень хорошо получилось.

— Кто кого на самом деле провел? Я был восхищен, очарован, околдован.

Мэм покраснела.

Собачий Дух бросил взгляд на Джоза Медвежьей Руку, а тот подмигнул ему в ответ. Док с ошалевшим видом переводил взгляд с пленника на Мэм и обратно, он не мог поверить ни глазам, ни ушам. Мэм и этот... горец? Мэм может очаровывать?

— Так очарован, что однажды утром вышел, чтобы принести хлеба и вина, но так и не вернулся, — прохрипела она.

Глаза Персо потемнели.

— У меня не было выбора.

— И сейчас у тебя тоже не было выбора — братья или не братья за это небольшое поручение лорда Форента?

— Если бы я только знал...

— Да все ты знал, — угрюмо поморщилась Мэм. — Ты всегда все знаешь.

Персо кивнул и едва заметно пожал плечами.

— Надеюсь, Руи хорошо тебе заплатил? — проворчала Мэм.

— Хорошо. — Док поднял пояс, набитый монетами, и задумчиво взвесил его в руке. — Я заставил его привести нас к деньгам. Не было возможности пересчитать, но я бы сказал, тут не меньше четырех тысяч кантари.

Южанин скривился.

— За меньшие деньги я бы не согласился.

Мэм засмеялась, потом поморщилась.

— И что, не хватило смелости самому прийти ко мне?

— Может, я просто не хотел видеть, как ты умираешь.

— Я так тронута.

— Хами никогда не был настолько искусен, как ему казалось.

Кровь убитого растеклась по полу большой лужей. Темное загорелое лицо Хами уже начало приобретать мертвенный оттенок, щеки ввалились, глаза пусто смотрели в потолок. Все пятеро наемников хладнокровно посмотрели на труп.

— Он почти справился со мной, — сказала Мэм. — Наверно, к старости становлюсь глухой и медлительной.

Она отстегнула кинжал, который носила на левом бедре, и проверила остроту лезвия большим пальцем. На коже появилась тонкая линия. Она задумчиво слизнула кровь с пальца.

— Для меня ты выглядишь такой же молодой и прекрасной, как и тогда, — галантно произнес Персо.

Собачий Дух громко заржал, но потом попытался замаскировать грубость кашлем.

— Я никогда не выглядела молодой и красивой.

— Для меня — всегда.

— Ты настолько отчаялся спасти свою шкуру? — спросила Мэм, ткнув кончик клинка под подбородок горца. Завитки узора в нижней части татуировки, обозначающей его принадлежность к клану Катро из юго-восточной части Фаремских гор, исчезали под завязками плаща. Мэм легонько провела лезвием вниз по шее вдоль линии узора. Затем кинжал резко ушел в сторону и вниз, разрезав завязки. Плащ соскользнул на пол. На лбу Персо выступили мелкие капли пота. Мэм ухмыльнулась. Клинок дрогнул, затем продолжил свое путешествие вдоль чернильного рисунка вниз, к ключице, где татуировка заканчивалась изящным разветвлением. — Мне всегда нравились твои татуировки, — с грустью в голосе произнесла она.

— Я помню, — прохрипел Персо, явно нервничая.

— А остальные все еще на месте?

Это был бессмысленный вопрос. Нанесенные вождем клана фаремские татуировки удалить можно было только с кожей. Персо кивнул. Мэм подняла бровь, затем разрезала его рубашку, обнажив тело до талии. Джоз присвистнул. Если верхние рисунки были абстрактными, то те, что скрывались под одеждой, — очень реалистичными и чрезвычайно подробными. Это был эпизод из легенды горцев: наказание бога Сирио у Красного пика и полет его сестры, богини Фаллы. Хвост и задняя часть магической кошки Баст исчезали под брюками Персо. Мэм прекрасно знала все эти рисунки: она провела так много часов, изучая их на теле горца. Она знала, что находится между лап у кошки. Да, она помнила все это слишком хорошо...

— Что ж, Персо, ты по-прежнему остаешься произведением искусства, — улыбнулась она. — Было бы неразумно уничтожить такую красоту.

Он выдохнул с облегчением.

— Хотя, конечно же, я могла бы просто снять с тебя шкуру, чтобы она напоминала мне о... об интересных временах. — Она перевела взгляд с его испуганного лица на любопытные физиономии товарищей. — Как думаете, парни, пощадить мне его теперь, когда нас на одного стало меньше?

Док угрюмо уставился на труп, который он волок сюда из Тигровой аллеи.

— Я бы лучше покончил с ним и убрался из этого паршивого места.

Собачий Дух тер свой нож о штанину.

— Был бы счастлив помочь в этом деле.

Лицо Джоза оставалось каменным.

— Кноббер мертв, и назад его не вернешь. Но я думаю, Персо делал работу, за которую ему заплатили, точно так же, как и мы.

Мэм кивнула.

— Если нам придется украсть корабль, чтобы убраться отсюда к утру, нам понадобится помощь.

— Украсть корабль? — повторил Док, не веря ушам.

Командирша ухмыльнулась.

— Ах да, не было времени рассказать вам мой новый план, — прохрипела она. — Мы отправимся к докам с... ну, я собиралась вложить немного наших добытых тяжелым трудом денег в это предприятие, но поскольку Сур сделал нам такой подарок... — она показала на пояс с деньгами в руках Дока, — ...и послал на редкость умелого морехода... — она показала на горца, — было бы глупо не воспользоваться идущей в руки удачей на полную катушку.

— Морехода? — скептически переспросил Джоз. — Этот человек с гор, что он может знать о плавании по океану?

Персо наклонил голову.

— У меня... — Он сделал паузу. Если он примет решение остаться с ними, его

нынешние приятели-истрийцы очень сильно рассердятся. Но банду наемников Финны Фолсен едва ли можно было считать хорошей компанией. Он глубоко вздохнул. — У меня есть особая тяга к камням и минералам.

— А что с нее толку-то, с этой тяги? — Дого безнадежно махнул рукой.

— Среди фаремских горцев есть люди, которые обладают сверхъестественными способностями — они чувствуют землю, могут видеть любую ее особенность, даже скрытую от глаз. Их называют эльдианни — землевидцы, а Персо — один из лучших, — объяснила Мэм с какой-то собственнической гордостью. — Это означает, что он может чувствовать подводные скалы и землю за сотни миль, рифы, острова, континенты. В Эйре он был бы на вес золота, в Истрии еще в детстве он прославился тем, что выкапывал кристаллы и находил драгоценные камни в Золотых горах. Но в результате почти все его племя было угнано в рабство.

Док кинул решительный взгляд на горца.

— Ты заколол Кноббера ножом в спину, когда он был безоружен. Но если ты умеешь делать все то, что сейчас сказала Мэм, и не накликаешь нам неприятностей, я потерплю твое присутствие.

— Хороший ход, — ухмыльнулся Дого, — но все равно я буду за тобой смотреть.

— Кноббер был моим другом, — тихо произнес Джоз Медвежья Рука, — и на всем белом свете очень мало людей, о которых я мог бы сказать то же самое. Человек, который убивает моих друзей, должен считаться моим врагом, а мои враги редко живут долго. Тебе лучше как можно скорее доказать свою неоценимую пользу для нашей команды, иначе я лично перережу тебе глотку.

Персо глянул на великана. Потом протянул руку. Джоз быстро кивнул и взял жилистую руку горца своей огромной лапой.

— Добро пожаловать в нашу компанию, — сказал он.

Мир был красного цвета и полон боли, но когда она открыла глаза, все стало отчаянно, ослепительно белым. Она заморгала и закашлялась. Красный, белый, красный, белый, красный. Она была вся мокрая и замерзла. Когда она попыталась шевельнуться, то почувствовала, что связана, и начала биться в панике. Она каталась и вопила, и мир плясал вокруг нее.

— Селен! Селен!

Сильные руки обхватили ее за плечи. Появилось лицо. Мужчина с темными волосами, у которых были светлые корни, и с обветренной кожей. Его серо-голубые глаза выражали озабоченность. Она попыталась говорить, но слова не шли с языка. Когда она снова дернулась, мужчина наклонился, подставил ей под спину руку и помог сесть. Она огляделась по сторонам и осознала, что находится в маленькой лодочке, что объясняло качку. Все это казалось ей очень знакомым, но в то же время чужеродным.

— Слава Суру, ты жива! Я уж совсем решил, что ты умерла. Я никогда в жизни так не молился. Возможно, бог и в самом деле существует.

Она нахмурилась. Сур? Кто такой Сур? Умерла? О чем это он говорит?

— Кто ты? — невнятно прохрипела она. Она видела, как он нахмурил лоб, пытаясь понять ее. С невероятным усилием она сконцентрировалась и увидела перед мысленным взором темного мужчину с крючковатым носом, который шел на нее с плеткой и ненавистью в черных глазах. Это был не тот, кто сидел перед ней сейчас, но большего она не могла вспомнить. Она попыталась заговорить снова.

— Кто я? — На этот раз слова прозвучали членораздельно, хотя она понятия не имела, почему задала именно этот вопрос, тогда как собиралась спросить совсем о другом.

— Селен Ишиан, — ответил мужчина. — Ты что, не помнишь?

Она помотала головой, снова закашлялась. В горле невыносимо жгло.

Словно прочитав ее мысли, мужчина предложил ей кожаный мех с жидкостью. Она сделала небольшой глоток воды. Никогда в жизни она не пила ничего более вкусного. Она

засмеялась. Мужчина выглядел удивленным.

— Селен Ишиан, — повторила она. — Какое нелепое имя!

Это был не самый лучший день для бегства из Форента на украденном корабле, несмотря на то, что на небе не было ни облачка, сплошная голубизна. Ветра не было тоже, и им пришлось грести более трех часов, пока они не ушли от возможного преследования. Однако очертания замка Форент все еще виднелись вдали как продолжение высоких черных утесов. Руки Мэм — коричневые и задубелые — горели от усилий. Спина ныла. Ладони были влажными от пота. Сзади на шее, над перевязанной раной, она чувствовала дыхание человека, к которому когда-то давно испытывала сильное, до слабости в ногах, влечение, хотя никогда в жизни не призналась бы в этом ни ему, ни кому-либо еще. Она напонила себе, что это человек, зарезавший одного из ее парней и пославший убийцу к ней самой. «Не мог сделать этого сам, — сказал он ей, наклонив голову набок для пушей убедительности, — слишком много приятных воспоминаний».

Она чуть не убила его сгоряча за такое нахальство.

— Вон там! Смотрите!

Мэм подскочила, едва не уронив весло.

Кричавший был смуглым моряком, родом с подножий Золотых гор. Его забрали в матросы примерно лет двадцать назад из-за жадности истрийского купца, которому нужна была команда, чтобы отправиться в опаснейшее путешествие через зону штормов в Галийском море. У него болела голова от того вина, которым его угостили ночью наемники в прибрежной таверне, и из-за этого его акцент стал еще сильнее.

— Что?

Матрос сделал нетерпеливый жест. Он не испытал большой радости, когда проснулся на борту украденного северного судна и был снова приставлен к веслу. Но в его кошельке звенели монеты, а по прибытии в Эйру обещали еще больше. И пусть его новыми нанимателями оказались странные люди — банда эйранских наемников и эльдианни с Фаремских гор, — по крайней мере у них не было надсмотрщика с плеткой вроде ублюдка Оранио. Моряк выругался на своем родном языке и показал рукой вдале.

Мэм поднесла ладонь к глазам и стала всматриваться туда, куда он указывал.

— Маленькая лодка, — сказала она через какое-то время. — Думаю, это маленькая лодка.

— Точно, — подтвердил Док со своего места справа от нее, — эйранская лодка.

— Слишком далеко от берега для лодки, — заметил Джоз, — не говоря уже об Эйре.

— Гребите к ней, — приказала Мэм. — Быстрее, ну!

Трудно сказать, что она ожидала увидеть в этом маленьком суденышке, которое то появлялось, то исчезало на волнах. В любом случае увидели они нечто удивительное.

В лодке сидел мужчина, чьи светлые волосы совсем недавно были неумело выкрашены в черный цвет: об этом говорили пестрые пряди на голове. Щетина, что пробивалась на подбородке, имела светло-золотистый цвет. Рядом с ним сидела темноволосая женщина в изорванном красном платье, с огромными глазами и гордым изгибом шеи.

— Я знаю тебя, — выдохнула Мэм, уставившись на мужчину. — Клянусь, я тебя знаю.

Он посмотрел ей в глаза.

— Эрно Хамсон, — наконец сказал он, — из клана Камнепада.

Джоз Медвежья Рука заржал.

— Сур! Жизнь иногда сплетает судьбы в такие странные узоры!

— А ты? — спросила Мэм женщину.

— Мое имя ни о чем не говорит, — произнесла та на высокопарном Древнем языке. — Я свободная женщина и сама забочусь о своем будущем.

Мэм усмехнулась.

— Хорошая девочка. Только вот... — ее взгляд упал на мягкую округлость ее живота, — похоже, у кого-то было совсем другое мнение относительно твоей свободы.

Селен покраснела.

— У вас острый глаз. — Она положила руку на живот и сидела так какое-то время, раздумывая. — Этот ребенок тоже сам выберет свое будущее, — наконец произнесла она.

— Это твой? — с любопытством спросила Эрно командирша. — Ребенок?

Он выглядел потрясенным.

— Нет... нет, конечно, нет.

— Мне нравятся загадки, — засмеялась Мэм. — Вы выглядите достаточно сильными, чтобы держать весла. Если в ближайшее время не поднимется ветер, нам придется грести всю дорогу до Халбо. Если предложите нам свою помощь, мы вас подвезем.

Это была нелегкая сделка. Сердце Эрно бешено заколотилось. Это был шанс, в котором он так нуждался, чтобы вернуться домой, но упрямство Селен могло все испортить. Он ожидал ее обычных жалоб по поводу того, что дочь истрийского лорда вынуждена выполнять грязную работу. Если она не могла даже шкуру с кролика снять, чтобы самой же поесть, то как она отреагирует на предложение выполнять сугубо мужскую работу — грести — на судне наемников? Как она будет терпеть грубое обращение? В ее-то положении? Он почувствовал, как дыхание замерло в его груди, вдохнул ставший неожиданно резким запах морской воды и пота.

Селен ничего не сказала. Вместо этого она, шатаясь, поднялась на ноги и, опершись рукой о плечо Эрно, подождала, пока лодка прекратит качаться. Потом она сделала шаг к планширу, взяла протянутую руку Мэм и взобралась на корабль. Немного побледнев, огляделась. Потом усмехнулась. Этот мимический жест показался ей незнакомым, но сейчас все в мире было для нее незнакомым. Она повернулась к командирше.

— Я понятия не имею, как нужно работать веслом, но уверена, вы меня научите. Меня зовут Селен Ишиан, и я думаю, это и есть начало моей новой жизни. Надеюсь, у вас есть для меня что-нибудь более подходящее из одежды?

Глава 10 ТРОЕ

Кочевникам пришлось долго идти в обход Гибсона, и теперь их провиант был на исходе. Алисия по прозвищу Жаворонок провела по лицу усталой рукой, заправила непослушный локон вьющихся волос за ухо, снова взялась за камень и постаралась сконцентрироваться. Кристалл сегодня был на редкость неуступчивым, ее измученные глаза видели в нем лишь полосы, темные и размытые, как облака в небе после дождя.

— Ну что, мам, видишь там что-нибудь?

Она чуть не подпрыгнула от неожиданности — Фало подкрался почти неслышно. Ну что она за провидица, если не чувствует даже приближения собственного ребенка?

Она подтянула мальчика к себе и зарылась лицом в его ароматные, пушистые волосы.

— Ничего, моя пчелка. Вообще ничего.

И это было неприятно. Когда ее мать, Фезак Поющая Звезда, умерла во время перехода через Золотые горы, выкрикнув напоследок что-то невнятное о каких-то Трои, кристалл будто вобрал в себя ее провидческую сущность. Но Алисия с ролью предсказательницы явно не справлялась. Каравану не было от нее никакой пользы. Картины, которые демонстрировал ей камень, были неясны: фрагментарные образы мелькали так быстро, что иногда она даже не могла сообразить, какой это город или край. Не то чтобы кто-то из кочевников укорял ее за это, но Алисия чувствовала тяжесть груза сомнений и страхов и мало-помалу начала утрачивать веру в предвидение. Она подозревала, что это недоверие в какой-то мере досталось ей по наследству. Потому что подобные мысли не были характерны для Потерянных, которые точно знали, что их роль в мире уникальна, предопределена самим миром и каждый из них вписан в ткань мироздания, как маленький стежок на огромном гобелене. Но истрийский солдат, который силой овладел ее матерью в тот роковой день, когда ее дедушка и бабушка извлекли из земли огромный кристалл, был человеком низким, и

его пороки вместе с семенем проникли в лоно Фезак, а оттуда в душу ее дочери.

А может быть, вовсе не ее вина, что камень упорствовал, может быть, правду говорят, что великие кристаллы полностью открываются только тем, кому обязаны жизнью, а со смертью провидца их магическая сила угасает?

Но она чувствовала, что дело не только в этом. Она начала ощущать какое-то неудобство, находясь рядом с кристаллом, как будто в него и вправду перешел дух Фезак или еще что-нибудь похуже... С того самого происшествия в горах Алисию не отпускало чувство, что их преследуют, как будто смерть Фезак открыла дверь в неведомое ипустила в мир нечто мощное и злое. Но поскольку Фало, ее сына, камень не пугал, она стала учиться не обращать на свои страхи внимания.

— Мам, дай мне посмотреть.

Фало взобрался ей на колени. Она подумала, что он уже слишком большой для этого. Его ноги больно наступили ей на бедро, а когда она тихо охнула, мальчик повернулся к ней и заулыбался. Это была солнечная, очень светлая улыбка, от которой на нее нахлынули воспоминания об отце ребенка, красивом, волевом мужчине. Он давно ушел из ее жизни. Их любовная связь была недолгой, и она жалела об этом. Она прекрасно знала, что кочевница не должна жалеть о таких вещах, и потому воспринимала это как излишнее доказательство того, что она полукровка.

Она наблюдала, как мальчик схватил кристалл с уверенностью, заимствованной от матери и бабушки, которые часами всматривались в него, предсказывая будущее. Она видела, как странные блики света скользили по его лицу. Фало был энергичным, открытым жизни ребенком. И она надеялась, что жизнь подарит ему много светлых моментов, прежде чем предложить наихудшее.

— Видишь что-нибудь, Фало?

Мальчик сидел с сосредоточенным видом. Кончик его языка высунулся наружу, глаза округлились. Он нетерпеливо помотал головой и повернул камень в руках, слегка приподняв одно плечо, словно чтобы закрыться от матери.

Алисия отклонилась назад, оперлась о стенку повозки, закрыла глаза и целиком отдалась мерному ритму езды. Она должна решить, что им делать дальше, куда безопаснее отправиться торговать, чтобы заработать на хлеб. Гибеон был для них хорошим местом. Но утром в небе сияли красные всполохи, а Элида увидела во сне, как канюки слетаются на труп. Когда она задала вопрос кристаллу, он ответил быстрой вспышкой пламени и показал бегущую женщину, рот которой был открыт в беззвучном крике, потом он стал темным и перестал реагировать, показывая только красные искры. Три плохих предзнаменования, решила она, и они отправились по окружной дороге на юг от города невольников. Дорога шла через холмы, потом она пойдет через Тильзийскую равнину и деревни, где их магические предметы вряд ли будут встречены с таким суеверным ужасом. Хотя скорее всего им придется голодать, пока они не доберутся дотуда. Все продукты, которые они увезли с Большой Ярмарки, уже давно кончились. Недавно в Скарнских горах из-за нехватки пищи пала старая йека Один Глаз Карий Один Зеленый.

Караван был в пути уже почти четыре лунных цикла. Они редко задерживались в одном месте больше чем на одну ночь, обходили города и деревни, торговали очень осторожно и не продавали никаких зелий. На некоторое время они остановились в Кантаре, поскольку печально известный лорд этого города был сейчас на севере, и люди с большим удовольствием покупали товары у кочевников в его отсутствие. Некоторые из танцовщиц смогли хорошо там заработать, потому что в городе не было публичного дома, и вид открытого женского лица пришелся в новинку молодым людям, которые еще ни разу не ездили на ежегодную Большую Ярмарку. Многие женщины даже остались в городе и нагоняли караван позже. В Кантаре они отъелись и получили множество даров от леди из замка, престарелой матери лорда, Константы Ишиан.

Эта почтенная женщина прислала им пряных вин и блюда с аппетитным рисом, огромную корзину сладких свежеиспеченных кексов и печенье с сухофруктами. Алисия

отметила, каким продуманным был выбор еды. Старая леди не прислала им ни мяса, ни рыбы, ни дичи. Возможно, конечно, она проводила много времени в библиотеках и читала об их традициях в древних книгах, рассказывавших о том, что Странствующие не едят никакой живности, но Алисия видела ее мельком в кристалле и подозревала, что знания леди происходят из совсем другого источника.

— Ох!

Восклицание ребенка вывело ее из размышлений.

— Что такое, Фало? Что ты там видишь?

— Смотри, мама, смотри туда.

Фало осторожно показал пальцем.

Алисия вытянула шею. Все, что она могла различить, — это водоворот, вспышка света, как будто она увидела блестящую рыбку нырнувшую в глубины темного пруда. Она нахмурилась и положила руки на ладони сына. Кристалл на ощупь был теплым, и поначалу она решила, что он нагрелся от рук Фало, но потом кристалл начал вибрировать и дрожать. Она прикрыла глаза, заставила свой разум открыться камню. А потом стала проваливаться внутрь него...

Огромный золотисто-зеленый глаз удерживал ее взгляд. Зрачок его был вертикальным — сияющая черная щель посреди переливающегося многоцветия. Под этим сосредоточенным, изучающим взглядом Алисия почувствовала, как сначала ее обдало жаром, потом бросило в холод. Глаз моргнул, потом исчез, словно позволяя ей увидеть все остальное. Оказалось, что она смотрит в глаза кошке. Это было не домашнее животное и не кошка, которая просто бродила поблизости от другого видящего на расстоянии кристалла и сунула к нему морду. Это был необыкновенный зверь. Он возвышался над хрустальным шаром, как орел над маленькой мышкой, и глаза кошки светились древней мудростью. Мех кошки был чернее ночи, а когда она разинула пасть, чтобы издать звук, открылась глотка, жаркая, как сердце огня.

Кристалл остался безмолвен, но глубоко в сознании Алисия слышала голос.

«Алисия», — произнес он.

Кошка знала ее имя. Алисия почувствовала, что дрожит.

«Алисия, слушай меня. Нас в мире всего Трое. Леди увезли на север, Лорд лежит в своей тюрьме из камня. А я, которая полна Силы, служу источником магии для сущих пустяков и жестоких игр. Она себя не знает, он не может освободиться, а я в руках невежд, тех, кто бессмысленно топчет землю Эльды, вместо того чтобы умереть...»

Голос неожиданно ослабел, изображение задрожало и расплылось.

Когда кошка появилась снова, она была маленькой и, казалось, взволнованной. Позади нее двигалась в тени огромная фигура.

«Йетра, — снова появился голос в ее мозгу, и его тембр был прежним, несмотря на уменьшение кошки в размерах. — Они увозят меня в Вечный город...»

Кристалл в той комнате пошевелился, поднялся в воздух. Появилась рука, потом лицо. Алисия вскрикнула и убрала ладони с камня.

— Мама? Мама?

Фало уставился на нее, глаза его были широко раскрыты.

— Все в порядке, мой воробышек, — сказала она дрожащим голосом. — Все в порядке.

Она сидела, обняв сына руками, и ждала, пока бешено стучащее сердце утихомирится. Кристалл, поблескивая, лежал на столе, его поверхность снова стала матовой и ничего не отражала.

— Ты видела кошку, мама? — взволнованно спросил Фало. — Ты слышала, как она разговаривает? Я не знал, что кошки могут говорить. Можно и мне говорящую кошечку?

Алисия вздрогнула и выпрямилась.

— Ты слышал, как она говорила?

Фало кивнул.

— Она хочет, чтобы мы ехали в Йетру, — весело сказал он. Потом на миг

призадумался и продолжил: — А может, в Йетре мы найдем говорящую кошечку?

Алисия улыбнулась, хотя волнение не оставляло ее.

— Может быть, — только и смогла она ответить.

Глава 11 ИЗ ГЛУБИН

Катла повернулась лицом к ветру и почувствовала, как морская соль, растворенная в воздухе, жалит ее кожу. Волосы длиной до подбородка — слишком короткие, чтобы завязать сзади, — хлестали ее по щекам, глаза сияли, а руки сжимали планшир на носу «Снежного Волка» скорее от волнения, чем от страха. Она начала замечать, что чувствует связь между землей и древним дубом, из которого сделан корабль. Этого она не могла объяснить никому, ее наверняка посчитали бы сумасшедшей, но это чувство странно бодрило. Она никогда не ощущала в себе столько жизни. Сильный восточный ветер надувал паруса, и волк, изображенный на них, казалось, гордо возвышался над огромным извивающимся драконом, чей хвост обвивал кольцом лапы волка. Они будут дома через четыре дня — даже меньше, если ветер не стихнет, — но она хотела бы, чтобы они плыли и плыли до тех пор, пока не свалятся вниз с края мира.

Не то чтобы она боялась возвращаться на Камнепад, как непременно боялась бы любая другая непокорная дочь. Нет, Катла никогда не считала покорность достоинством, скорее ей не нравилась мысль о наступлении зимы, когда совершенно нечего делать — только ждать, пока не спустят на воду новый корабль. Это начинало ее угнетать. Последние полгода жизнь ее состояла из сплошных драматических эпизодов. Это была жизнь, в которой ничего нельзя было сказать наверняка. Она размышляла об этом, и все больше ей казалось, что жизнь ее напоминает лазанье по горам: то и дело ее поджидали какие-то неожиданные препятствия, скрытые опасности, но всегда находилась опора, а внизу ревело море, как голодный волк, ждущий, когда ты сделаешь неверное движение и попадешь в его лапы. Она подозревала, что стала привыкать к таким крайностям существования. Неизвестность завтрашнего дня была во много раз притягательнее для нее, чем бесконечные зимние вечера в семейном кругу, которые ожидали ее дома.

Но по крайней мере можно будет начать работу над кораблем для нового плавания, который увезет ее из дома в покрытые льдом моря дальнего севера. И тогда снова начнутся приключения. Ей придется быть терпеливой и хорошо выполнять все скучные обязанности, чтобы у отца не было отговорок и он взял ее с собой. Ему непременно, думала она, понравится то, с какой легкостью они добились успеха в нынешнем деле. Каждый раз, когда она вспоминала об их мастерски организованном похищении королевского корабельщика, о быстром отплытии, об отсутствии погони, она громко смеялась и ликовала от радости. Она представляла, какое волнение на острове вызовет сообщение дозорных, рисовала себе восторженное лицо отца, когда он увидит «Снежного волка», выплывающего из-за мыса и с триумфом входящего в гавань, а позади него две огромные баржи с верфи, набитые доверху самым лучшим дубом, какой только можно найти в Эйре.

Баржи шли тяжелее, чем судно Тэма Лисицы, и даже сейчас, прикрыв глаза рукой, она с трудом могла различить их в далекой дымке позади, но они были вполне годны для плавания по океану, и управляли ими два опытных капитана, которых предусмотрительный Тэм нанял в Халбо. Эти люди знали путь среди отмелей возле Камнепада, и на них можно было положиться даже в случае тумана.

Катла повернулась, чтобы посмотреть на их пленника. Мортен Дансон скорчился в неудобной позе посередине корабля, колени его были подтянуты к подбородку, глаза закрыты, руки вцепились в мачту, к которой он прислонился щекой, точно это была единственная верная опора во всей этой трясущейся, качающейся вселенной. С тех пор как они покинули Халбо, он отказывался принимать пищу. Катла думала, что Дансон выражает этим протест против бесчестного похищения, но подозревала также и то, что его желудок

просто не переносит моря, потому что даже вода, которую он пил маленькими глотками, не удерживалась в нем надолго. Ирония судьбы, думала она, корабельщик, совершенно не приспособленный к жизни на море!

Страдал, однако, не только Мортен Дансон. Совсем рядом раздался приглушенный стон, за которым последовал булькающий звук. Катла отметила, что улыбается сама себе.

— О, Йенна, бедная Йенна, я думала, только твои волосы позеленели!

«Снежный Волк» снова сильно качнуло, и ее подруга скорчила ужасную гримасу. Йенна Финнсен с трудом удерживала в себе содержимое желудка все последние дни. Катла никогда не видела человека, столь упорно стремящегося не испортить одежду. Но все усилия Йенны были напрасны, потому что голубое платье — единственная вещь, которая принадлежала ей теперь, после того, как ее умыкнули с пира в Халбо, несмотря на все ее жалобы, — было уже покрыто солью от морских брызг. Была еще одна вещь, о которой Йенна не знала, потому что на борту не имелось зеркала, и никто не считал нужным сказать ей, что сзади по платью от плеча до самой талии растеклась обильная порция птичьего помета, намертво прилипнув к ткани. Сур знает, что могла съесть эта птичка, которую так жестоко пронесло, но количество дерьма было непомерным. Хотя, думала Катла, Йенна сама виновата, потому что отказалась от одежды, которую ей предлагали: широкие штаны, пропитанная солью и потом рубашка, кожаный жилет. «Я не могу это надеть! — заплакала она, когда затем Катла развернула перед ней помятую, но относительно чистую бледно-зеленую тунику из льна. — Я в ней буду выглядеть такой полинявшей!» Сейчас Катла решила, что этот оттенок очень подошел бы к теперешнему цвету ее лица.

Катла знала, почему Йенна так себя ведет. Это было тщеславие, да, но не то, которое происходит от преувеличенного мнения о собственной красоте, а скорее тщеславие от волнения, возникающее в присутствии мужчины. На Большой Ярмарке, когда она по глупости выпила разом все зелье, купленное у кочевницы, и ее длинные золотистые локоны превратились в нечто неправдоподобное, было ясно, что все это ради короля Врана Ашарсона. Теперь же Катла более чем подозревала, что причиной замешательства Йенны был Халли. Однако новая их встреча не выглядела как счастливое событие, на что так надеялась Катла.

— Тебе плохо, девочка?

Это снова был Урс, огромный помощник Тэма Лисицы, его правая рука. Казалось, он проникся симпатией к Йенне, и она, хотя в первый день и скривилась при виде его изуродованного лица, казалось, быстро привыкла к его виду. Сейчас Катла с удивлением наблюдала, как она жеманно улыбнулась и запротестовала: нет, с ней все в порядке — просто немного устала и продрогла, а великан предложил ей свой плащ, объяснив, что неправильно скрывать под одеждой такие прелестные формы, но он не может видеть, как она дрожит.

Оказывается, Йенна могла вести себя как настоящая кокетка.

Халли Арансон сгреб игральные кости в могучий кулак и потряс. Он пытался сконцентрироваться на игре, но мысли его постоянно устремлялись прочь, как блуждающие овечки. Он уже проиграл восемь кантари Тэму Лисице и знал, что следует остановиться, поскольку актер был профессиональным мошенником без стыда и совести. Но остановиться означало подняться с мешка пшеницы, где он сидел, и пройти мимо Йенны Финнсен, которая стояла в нескольких футах у борта и улыбалась великану, похожему на медведя. Халли просто не знал, что говорить и как себя вести.

Он был ошарашен, увидев свою возлюбленную на борту «Снежного Волка»: это было, без всякого преувеличения, последнее место в Эльде, где бы он ожидал ее увидеть, и не только из-за слухов о ее скорой свадьбе. Йенна, несмотря на то, что была дочерью королевского корабельщика, ненавидела море всем сердцем и ни за что на свете добровольно не ступила бы на борт судна, разве что в исключительных обстоятельствах.

Когда он уводил первую баржу прочь от Халбо, настроение у него было безрадостное.

Он думал о том, что крадет людей и инструменты — а подобная кража непременно грозила судебным разбирательством, — чтобы отец мог взять его в свою проклятую экспедицию, в которой он либо погибнет, либо станет невообразимо богатым. Но даже в последнем случае все его усилия будут напрасны, потому что его ненаглядная уже станет женой другого.

И поэтому, увидев развевающиеся на ветру золотистые волосы, которые не узнать было невозможно, он решил, что это галлюцинация вроде тех, что завладевают моряками, когда те слишком долго плавают без сна и пищи. Правда, поел и выспался он от души, несмотря на все свои тревобления.

На борту Катла тут же бросилась к нему с диким восторгом на лице, таща за собой упирающуюся подругу.

— Ну-ка посмотри, Халли, кто у меня тут! Прекрасная Йенна! Видишь? Я ее спасла! Я спасла ее от свадьбы с этим старым, вонючим козлом! — Катла обняла их обоих. — Она твоя, братец, бери и властвуй, украдена прямо из-под носа самого короля (правда, он бы не заметил, укради ты у него трон из-под зада, потому что не может отвести взгляда от своей бледной супруги) и одного тощего, богатого, старого канюка! Я импровизировала. — Это слово иногда использовал Тэм Лисица. — Уронила ее вниз, прямо в дыру в полу, в подвал, а потом мы убежали, и вот она здесь! И не говори, что я тебе никогда ничего не дарю!

Халли перевел изумленный взгляд с сияющих глаз Катлы на лицо Йенны Финнсен и почувствовал, как сердце его тяжело забилося в груди. Он открыл было рот, чтобы что-нибудь сказать, но не смог произнести ни слова. А Йенна, ошибочно приняв его молчание и смущение за равнодушие, отвела от него свой ждущий взгляд и отскочила в сторону как ошпаренная, покраснев до корней волос. В конце концов ему удалось довольно грубо поприветствовать ее, а потом он сбежал, пробормотав что-то невнятное насчет того, что ему срочно нужно найти Тэма Лисицу и доложить обо всем. И с тех пор, несмотря на то, что желал бы сказать Йенне все ласковые слова, какие только знал, он не мог заставить себя даже просто обратиться к ней.

Халли видел, что у других мужчин подобных проблем не было и в помине. Он наблюдал, как Тэм Лисица развеселил ее до слез, угрюмо слушал, как огромный уродливый Урс неуклюже одаривает ее комплиментами, и, стискивая зубы, клял себя за то, что он такой дурак и не может ничего сделать. Но казалось, на него наложено проклятие: куда-то исчез тот уверенный, веселый молодой человек, который обхаживал Йенну на Большой Ярмарке и дразнил ее за то, что она целует изображение короля Врана, а на его месте оказался бессловесный ягненок, как она его когда-то назвала.

Он кинул кости и снова увидел, что очки выпали не в его пользу.

Тэм Лисица рассмеялся.

— Десять кантари!

Он потянулся, собрал кости, подбросил их и аккуратно поймал. Его пальцы ласково погладили отполированные грани костей, как будто он наполнял их магией. Возможно, так оно и было, думал Халли. Он никогда не видел, чтобы Тэм проигрывал в кости, и хотя тот мог просто в совершенстве владеть искусством бросания костей, так, чтобы они всегда ложились как нужно, у Халли это почему-то вызывало сомнения. Еще больше сомнений у него возникало, когда он рассматривал самого Тэма. Актер был хитрым и изворотливым, как лис, и удача никогда не покидала его, касалось ли дело игры, войны или женщин. Пожалуй, Катла была единственной, кто сумел его переиграть, размышлял Халли.

— Десять кантари, мой мальчик! — Тэм усмехнулся. — Что с тобой сегодня? Как будто чайки утащили твою удачу, кошка забрала твой язык, а медведь — твою девушку!

Халли грустно улыбнулся и потянулся к кошельку, чтобы рассчитаться.

— Нет, подожди! — Тэм схватил его за руку. — У меня есть идея получше. Давай удвоим и будем квиты.

Халли помотал головой.

— Я не умею играть в эту игру, и у меня нет никакого желания проигрывать тебе еще больше.

— У меня на уме кое-что другое, — рассмеялся Тэм Лисица, и его глаза засияли. — Это скорее сделка, чем игра на удачу. — Он наклонился к Халли и зашептал ему на ухо.

Халли от удивления моргнул, и его брови сошлись в одну линию. Казалось, он вот-вот ударит актера, но потом лицо его посветлело.

— Хорошо, — сказал он. — Ты в игре.

Катла оставила подружку на попечение обходительного Урса. Несмотря на его размеры, он был совершенно безобиден. Да и что можно натворить под открытым небом на борту «Снежного Волка»? Единственным укрытием здесь была ширма уборной, но это вряд ли располагало к романтике.

Позади послышался смех Йенны, звенящий, как колокольчик. Катла увидела, как брат кинул на возлюбленную голодный взгляд.

Бедный Халли.

Сводничество вовсе не было в натуре Катлы, но ее раздражало зрелище влюбленных, которые ведут себя так по-идиотски. Она решила за время этого плавания сделать все, чтобы они снова сошлись. Мысль о том, что придется целую зиму наблюдать, как эти двое старательно избегают друг друга, казалась ей нелепой, хотя идея провести зиму, глядя на то, как они строят друг другу глазки и шепчутся в уголках, едва ли была лучше.

Она переступила через кольцо каната, схватила пустую корзину, перевернула кверху дном и уселась на нее, ухмыляясь, как маленький бесенок.

— Что, опять проиграл, братец?

Халли посмотрел на нее.

— Это всего лишь игра.

— Ага, и вовсе не в кости, должна заметить.

— Как поживает мой любимый тролль с самым острым языком во всей Эйре? — спросил ее Тэм.

Он прислонился спиной к борту корабля, с наслаждением вытянул свои длинные ноги и холодно окинул ее взглядом. Серебряная брошь с сияющим синим камнем скрепляла у него на груди широкий, отороченный мехом плащ. Кристаллики соли мерцали в густых, песочного цвета волосах и на ракушках, которые их украшали. Серо-зеленые глаза внимательно оценивали ее.

Неожиданно Катла осознала, насколько мала ей туника (она одолжила ее у меньшей ростом Беллы, пока ее собственная сохла после стирки, которую она устроила, чтобы наконец избавиться от запаха Фента), как плотно она обтягивает ее грудь и какая огромная дыра красуется на штанах, демонстрируя загорелую кожу.

Она увидела, как взгляд его скользнул вниз, к дыре, словно он прочитал ее мысли. Когда она прикрыла дыру рукой, он стал бесхитростно рассматривать ее лицо, при этом вид у него был как у простодушного ребенка. Потом уголок его губ искривился в злой усмешке, обнажив острый резец. Наклонив голову, он смотрел на нее оценивающим взглядом, от которого она почувствовала себя раздетой.

Чтобы скрыть смущение, она спросила:

— А что это за остров там впереди?

Темные очертания земли показались на горизонте, похожие на горб кита.

— Это Кджали, — ответил Тэм. — Остров Киль. Место многих кораблекрушений. — Он подтянул ноги и встал, гибкий, как кошка. — Правь туда! Причаливаем! — крикнул он команде. Потом снова посмотрел на Катлу. — Сегодня мы будем есть, пить и спать в человеческих условиях!

Остров Киль оправдывал свое название. Когда они подплыли ближе, Катла увидела остовы не менее дюжины разбившихся кораблей. На берегу вулканического острова валялось очень много канатов, которые напоминали ребра китов. На волнах в беспорядке плавали бревна. Там и тут в темном песке белели кости. Место казалось очень странным,

диким, и было непонятно, почему Тэм избрал его для ночлега. Однако он чувствовал себя здесь как дома, точно знал, где провести суда, чтобы избежать столкновения с рифами. Он послал одну партию людей собирать лес для костров, а другую наполнять кожаные мехи свежей водой из ручья, который падал с отвесного черного утеса. Остальным было дано задание расставлять палатки и переносить на берег пиво.

К тому времени, когда село солнце и малиново-красный свет окрасил все вокруг, команда уже была в веселом настроении. Огромный костер трещал и рассыпал вихри искр. Рыба пузырилась и шипела на вертелах. Одна бочка пива была уже опустошена и перевернута. Белла и Сильва Легкая Рука демонстрировали кувырки, сальто и кульбиты. Флинт Эрсон выполнял кувырок за кувырком, пока не врезался в Мин Кодфейс, которая заорала на него и загнала по колено в воду, где он упал и окунулся с головой. А один из жонглеров пытался безуспешно научить Йенну подбрасывать и ловить три цветных мячика, набитых сушеными бобами.

Мортен Дансон сидел отдельно от всех, бросая сердитые взгляды на любого, кто проходил поблизости. Но аппетит к нему вернулся: скелеты по меньшей мере трех макрелей валялись возле него, и их полосатые головы смотрели в сторону моря.

К тому времени, когда совсем стемнело, Катла осушила уже пятую кружку пива и начала чувствовать приятную расслабленность. Кто-то отбивал руками танцевальный ритм на барабанах, и музыканты, притаившиеся с корабля свои трубы и рожки, начали играть. У костра кружились в танце люди. К своему удивлению Катла заметила, что все они были в театральных костюмах. Тэм Лисица всегда был в этом отношении строг со своей командой, и костюмы после представлений тщательно заворачивались в некрашеный лен, а потом еще в промасленный холст, чтобы уберечь от сырости и непогоды. Их складывали в огромный, обитый медью сундук, в котором хранился и меч с сердоликом, выкованный Катлой. Этот меч составлял значительную часть платы за участие труппы в деле.

Кто-то нацепил огромную красную голову от костюма Дракона Вена и гонял одного из певцов, еще кто-то, в балахоне цвета морской волны с изображением Матери Морей, занимался тем, что соблазнял Леди Огня. Катла снова налила себе полную кружку пива и прислушалась к ощущению тепла, разлившегося по телу.

— Эй, полегче?

Она повернулась слишком резко. Мир кувыркнулся, и она рухнула на брата.

— Опа, — сказала она, опустившись на землю и криво улыбаясь. — Привет, Халли.

Халли сел рядом.

— Ты напилась, — ответил он с укором.

— Нет. Это неправда. — Катла помотала головой. Ощущение было не из приятных. — Только немножко тошнит. Я еще будто на корабле.

— На корабле! — рассмеялся Халли. — Ладно, пусть будет по-твоему. Я пришел, чтобы передать тебе привет от Тэма Лисицы и приглашение отужинать в его компании.

— Я ела. Кажется.

Ела она или нет? Она помнила, как жарили скумбрию, помнила, что собиралась угоститься одной из них, но потом отвлеклась, потому что принесли пиво. Она нахмурилась, понюхала руки. Они пахли солью, но другого и нельзя было ожидать после нескольких дней таскания просоленных канатов. Однако на руках не было ни чешуи, ни рыбьего жира. Она пожала плечами, прищурила глаза, пытаясь отыскать Лисицу. Его не было видно у костра среди актеров, хотя от света языков пламени у каждого вокруг головы сиял такой рыже-красный нимб, что трудно было с уверенностью сказать, кто из них кто. Прохладный бриз неожиданно принес отчетливый запах жарящегося ягненка, и ее желудок бурно выразил свое одобрение. Ягненок! После стольких дней на мясе угрей и акул это показалось ей настоящим деликатесом.

— Ну ладно, отведи меня к нему.

Она встала и неуклюже качнулась в сторону. Халли подскочил и поймал ее, прежде чем она успела снова упасть.

— Я думаю, тебе было бы неплохо чего-нибудь поесть, — сказал он, — пока совсем не развезло.

Катла наклонила голову набок и посмотрела на него. Но у нее никак не получалось сфокусироваться: он превратился в двух угрюмых молодых людей, глядящих на нее в четыре глаза. Под таким испытующим взглядом она почувствовала себя неудобно, совсем как маленький ребенок, который описался. Максимально сосредоточившись, она смогла соединить две фигуры в одну.

— Иногда ты такой... занудный, — заявила она, едва выговаривая слова. — Такой взрослый.

— Кому-то же надо быть взрослым, — сердито ответил Халли, подумав о своем своенравном отце, сумасшедшем брате и безответственной сестрице. Тэм был прав: ее замужество — это всего лишь вопрос времени.

Лисица разжег свой собственный костер на некотором отдалении, и именно оттуда доносился пьянящий запах жареного ягненка. Тэм соорудил просторное укрытие из большого куска парусины, натянутого на ветки и весла, и довольно уютное сиденье из нескольких мешков, набитых тряпьем и накрытых мехом. Тут он и развалился с фляжкой вина и полной тарелкой мяса в руках. Мясо было не до конца прожаренным: кровь вытекала из него на блюдо. Отсветы огня играли на лице Тэма Лисицы, озаряя его широкие скулы, высокий лоб и десятки косичек на голове и в бороде. Пламя играло на серебряном шейном обруче, превратив его в золотой, и фонтаны искр кружились в его глубоко посаженных зеленых глазах. Он выглядел великолепно, как огромный кот, охраняющий свою добычу: рыжий, томный, грациозный и сильный. У Катлы захватило дух от такого зрелища.

Его собеседница была одета богато, как королева. Просторное белое платье окутывало ее, подол и рукава были расшиты серебряной парчой с замысловатым рисунком. Вырез платья был настолько открытым, что виднелись прекрасные белые груди. Катла узнала это платье: его надевал вместе с чудовищным париком из желтой соломы Флинт Эрсон на Камнепаде, выступая в роли Розы Эльды. Но Тэм Лисица сидел вовсе не в компании волосатого Флинта. Катла не могла ошибиться. Однако это не была и кочевница-королева.

Катла сильно изумилась, узнав Йенну Финнсен.

Щеки Йенны пылали. Она накручивала на палец локон своих золотистых волос, громко смеясь над тем, что ей рассказал вожак труппы. Но увидев Катлу и Халли, она неожиданно притихла.

— Ах, Йенна, — пробормотала Катла, — ты платьице передела, вижу...

Йенна покраснела еще гуще.

— Могла бы и сказать мне, что оно все заляпано птичьим дерьмом! — ответила она, защищаясь. — Тэм любезно сообщил мне и попросил Сильву постирать его. — Она улыбнулась лениво разлегшемуся мужчине. — Он заботится обо мне: сказал, что я выгляжу бледной и изнуренной и мне нужно хорошее мясо и красное вино, чтобы вернуть цвет лица.

— Еще я сказал, что ей нужен мужчина, который оценит ее красоту, наполнит ее своим семенем и сделает ей десяток хороших, пухленьких малышей.

Йенна стала давиться от смеха, и капля вина скатилась с губ вниз по подбородку. Она закрыла руками лицо.

— Это возмутительно! — воскликнула она, поглядывая на него сквозь щелки между пальцами. — Ты самый грубый из мужчин, которых я знала!

Тэм посмотрел на Халли, желая подбодрить его.

— Я не гож для цивилизованного общества, это правда, — признал он. — Я провел слишком много времени, плавая по морям в компании хуже некуда. И я слишком распушенный плут, чтобы претендовать на внимание такой красивой и хорошо воспитанной девушки. Тебе нужен, моя дорогая, молодой человек, не испорченный миром, честный и благородный, который женится на тебе и обеспечит всем необходимым. Человек, похожий, например, на Халли Арансона.

Тэм Лисица поднялся и отодвинулся в сторону, чтобы уступить место Халли, а когда

тот заколебался, схватил его за руку и дернул, да так сильно, что тот упал едва ли не на колени Йенне. Катла засмеялась. Так вот что у них за игра. Едва ли их план можно назвать изысканным: напоить Йенну крепким вином пополам с щедрыми комплиментами Тэма Лисицы, чтобы Халли мог приняться за ее обольщение. Но эта прямая попытка сводничества, предпринятая Тэмом, могла оказаться гораздо более эффективной, чем усилия Катлы. Несмотря на грусть в глазах Йенны, она совсем не расстроилась от того, что Лисица покинул ее. Напротив, она сразу начала жеманничать и кокетничать с Халли, как четырнадцатилетняя девственница. Катла уже собралась сказать это вслух, как вдруг сильные руки сгребли ее и закружили, потом отпустили, и она почти упала на подушки. А когда мир перестал кружиться, оказалось, что она сидит, плотно прижатая к боку Тэма Лисицы. Тэм потянулся рукой за мешки и извлек еще две фляжки.

— «Кровь жеребца»? — спросил Халли, осторожно нюхая вино. Он не имел склонности к винам и признавал только этот густой горький напиток, который получил свое название на Северных островах.

Тэм Лисица презрительно фыркнул.

— Может, я бандит и вор, шут и дурак, но я не скряга и не собираюсь травить свои кишки! «Кровь жеребца» годится только для вымачивания селедки и закрепления краски, а это — это, друзья мои, вино самого высшего качества из Йетры, датируется годами правления короля Райка, который самолично изъясил его из подвалов лорда Вечного города. Ко мне оно попало, проделав длинный, кружной и не совсем законный путь, поэтому не пророните ни капли и не глотайте его как пиво. Наслаждайтесь не спеша богатейшим букетом ежевичного аромата, смакуйте этот великолепный вкус!

Он продемонстрировал весь процесс с таким преувеличенным артистизмом, что Халли и Катла, обменявшись взглядами, покатались со смеху.

— А мне нравится «Кровь жеребца», — весело заявила Катла, не веря ни единому слову Тэма. — Я нахожу ее весьма... бодрящей.

Она отхлебнула из фляжки и покатила вино во рту, издав горлом клопочущий звук. И, проглотив, тут же принялась кашлять, как кошка, пытающаяся избавиться от комка шерсти в глотке. Йенна стала бить ее по спине.

Тэм Лисица начал отрезать от ягненка сочащиеся жиром куски. Предложил Катле полную тарелку и дал нож. Она недоверчиво глянула на него.

— Ты уверен, что можешь доверить мне свой маленький ножичек? — спросила она. — Особенно в моем состоянии?

— Я слышал, в твоих пальцах столько магии, что стоит тебе взять самый безобидный клинок, и он превращается в смертельное оружие. — Он смотрел на нее, не улыбаясь, только глаза светились лукавством. — Вот бы посмотреть, что твои пальцы могут сотворить с моим... металлом.

Катла нахмурилась. О чем это он толкует?

— Я кую мечи, — сказала она. — Это правда.

— Да, но ты не охлаждаешь их?

Показалось ей, или он в самом деле подмигнул? Она внимательно посмотрела ему в лицо, расслабленная алкоголем и раздраженная тем, что не может разобраться в ситуации. Ее поразила сила его взгляда. «У него поразительные глаза, — подумала она, — полные огня и неистовые, как у дикой кошки». Она почти готова была увидеть, что зрачки у него не круглые, а вертикальные.

— Ешь, пока не остыло, — сказал Тэм и сунул ей тарелку, а она взяла ее, не понимая, что произошло между ними. Но прежде чем Катла успела поразмыслить над этим, она увидела, как Халли что-то тихонько сказал на ухо Йенне, потом встал и потянул ее за собой. Поднялась она немного неуверенно, да и широкое платье доставляло массу неудобств, но Халли обнял ее за талию, и она прижалась к нему. Катла подумала, что вместе они прекрасно смотрятся. Они дополняли друг друга: Халли, высокий и смуглый, золотоволосая Йенна вся в белом. На них падал серебристый лунный свет, позади тянулась темная прибрежная

полоса, и на берег накатывали белые волны прибоя. Потом Халли наклонился и поцеловал Йенну, а Катла почувствовала, как в ее сердце шевельнулось нечто вроде сожаления.

— Они прекрасная пара, — произнес Тэм Лисица, словно читая ее мысли, и голос его был мягким и мелодичным.

Они сидели вдвоем в тишине, нарушаемой только потрескиванием дров в костре и приглушенными звуками пирушки в отдалении. Потом он повернулся к Катле и спросил:

— Будешь у Йенны свидетельницей?

Она вытаращилась на него.

— Что?

— Завтра я собираюсь заключить брачный договор с твоим братом.

Катла рассмеялась.

— Халли придется подождать с брачным договором, пока он вернется в Камнепад, и то, если отец согласится.

— Как капитан «Снежного Волка», который плавает по лунным дорожкам Сура и на котором Халли является членом команды, а Йенна моей гостьей, я имею право, данное богом, обручить их, если они того пожелают, — спокойно объяснил Тэм.

Катла подняла бровь.

— А что, если она не захочет?

Тэм пожал плечами.

— Ну и дура будет. Хотя, я думаю, она согласится. Она такая женщина, которой требуется мужская забота, и любой мало-мальски зрячий увидит, что твой брат любит ее всем сердцем.

— Ты что, такой эксперт в любви? — спросила Катла, прожевав кусок мяса и запив его вином из фляги. Мясо было горячее и жирное, и она быстро проглотила вино, чтобы не срыгнуть.

— Некоторые так считают.

— Но ты же никогда не был женат.

— В прошлой жизни — был.

Катла удивилась. Она подняла глаза от тарелки с едой и посмотрела на него. Взгляд его стал задумчивым и туманным. Что-то в его лице смягчилось, и теперь он выглядел одновременно и моложе, и старше своих лет.

— А что случилось? Где она теперь, твоя жена?

Тэм Лисица помотал головой.

— Это не предмет для разговора в такой приятный вечер. Давай лучше поговорим о тебе, Катла Арансон.

— Обо мне?

Тэм отобрал у нее блюдо с мясом и поставил на землю. Потом взял ее руки в свои. Они были очень большие, его руки, и очень теплые, с большими пальцами, которые украшали несколько замысловатых серебряных колец. У Катлы сильно забило сердце.

— Катла, ты очень красивая женщина.

Она изумилась. Никогда она не думала, что слово «красивая» можно применить к ней. Возможно, Эрн и считал ее такой, но все это было обманом. Молодой истриец — Саро Винго — смотрел на нее так, что заставил ее почувствовать себя красавицей: но это было еще до костра, до того как он бросился к ней в огонь с мечом в руках. Она отогнала воспоминания о настойчивом взгляде темноглазого истрийца. Тэм Лисица был совсем другое дело. Она знала о том, что он не равнодушен к ней, но относилась это на счет его похотливости. Однако, проведя месяц в его компании, она ни разу не видела его ни с одной женщиной и не слышала, чтобы другие сплетничали о его похождениях, и теперь понимала, что, возможно, ей придется изменить свое мнение о нем. Не то чтобы месяца было достаточно для каких-то выводов, просто неожиданно оказалось, что ее не волнует его репутация.

— Мои приставания к тебе по дороге в Халбо были грубыми и неуместными, —

продолжал Тэм голосом чуть громче шепота. — Но твое присутствие на корабле в такой близости сводило меня с ума.

Он погладил ее по щеке, и она почувствовала, как кровь ее хлынула от живота к груди, к горлу и прилила к лицу и ушам, отчего они запылали. Лицо Тэма Лисицы неожиданно оказалось очень близко к ее лицу, она могла чувствовать его теплое дыхание на своей шее, ощущать запах вина, но что бы он ни говорил сейчас, все сливалось в поток ничего не означающих звуков. Она смогла сфокусировать взгляд на его губах, а все остальное расплывалось перед глазами. Катла поймала себя на том, что рассматривает его верхнюю, резко очерченную губу, глубокий желобок над ней, частично скрытый рыже-золотистыми волосами, полную нижнюю губу, сухую, мягкую, бледно-розовую. Потом, не отводя глаз, она медленно поставила флягу с вином на землю, взяла его обеими руками за лицо и поцеловала. Губы его были такими, какими она и представляла: горячие, сильные, пахнущие специями и дымом. Потом она отдалась во власть настойчивого языка Тэма, его рук и прижалась к нему с такой силой, что казалось, жар ее тела способен спалить всю мешавшую им одежду. Через некоторое время она ощутила, как прибрежный ветер гладит ее кожу, и поняла, что он снял с нее одежду, а она даже не почувствовала этого.

Утром ее разбудила орда маленьких троллей, стучащих изнутри по ее черепу своими ужасными маленькими топориками. Каждый удар заставлял ее морщиться от боли даже до того, как она открыла глаза. Солнечные лучи пронзили ее зрачки горячими иглами, она тут же снова закрыла глаза, но яркий поток красной лавы стал жечь ее глазные яблоки изнутри. Во рту у нее, казалось, все было покрыто мехом, она чувствовала непреодолимую жажду, ее тошнило и хотелось просто умереть.

Чувствуя, как что-то вбивается в ее голую ягодицу, она перевернулась и пошарила рукой. Ее пальцы схватили какие-то мелкие предметы. Очень медленно она снова открыла глаза, прикрывая их ладонью от яркого света, и посмотрела. В руке оказалась пара бледно-розовых ракушек каури и скрученная серебряная проволока с несколькими длинными рыжими волосками. Множество ракушек было разбросано по одеялу, на подушке лежал сморщенный кусок змеиной кожи. Совершенно сбита с толку Катла огляделась. Пришлось потрудиться, чтобы понять, где она находится и кто лежит рядом с ней.

Она была в палатке, сделанной из парусины и весел, а возле, опершись на локоть, лежал Тэм Лисица и с довольным видом глядел на нее. На лице его играла широкая улыбка. Некоторые из косичек расплелись, и волосы были в полном беспорядке.

События ночи начали потихоньку восстанавливаться в памяти, вспыхивая отдельными фрагментами. Неожиданно она осознала, что единственным предметом одежды, который оставался на ней, был шерстяной носок, да и тот наполовину стянут с ноги.

Катла простонала. Теперь смерть казалась ей наилучшим вариантом.

— Что ж, прекрасное приветствие, Катла Арансон. И тебе доброе утро. А утро действительно превосходное; солнце сияет, ветер сильный, а в моей постели — красивая, нагая девушка. Не самый плохой вариант начала дня.

— Мы что?..

Вопрос был бессмысленным. Медвежья шкура под ее бедрами была все еще влажной. Катла не была девственницей и знала, что это означает. Следующий стон прозвучал еще громче.

— О Сур, я, наверное, напилась.

Тэм Лисица с любопытством посмотрел на нее.

— Неужели ты думаешь, что спать со мной можно, только напившись до потери пульса?

Это выражение использовали в основном жители Светлых островов. Совершенно без связи со всем происходящим она подумала, что, наверное, он оттуда родом. Ответом ему был ее короткий, мучительный смех. Тэм придвинулся ближе и протянул руку к ее лицу, но она дернулась в сторону, как норовистая лошадь.

— Ага, — сказал он. — Понятно. Но даже если так, я опять буду просить у твоего отца разрешения взять тебя в жены. Когда вернемся назад.

— Опять?

Тэм кивнул.

Катла была ошеломлена.

— А что он ответил тебе в первый раз?

— Это секрет, — ответил актер, легонько похлопав себя по носу.

— Я никогда не выйду замуж, — упрямо сказала она.

— Никогда?

— Никогда.

Тэм поднял брови.

— Ну, если это твой выбор, то так тому и быть. Хотя это будет ужасная потеря, если такое прекрасное тело не станет украшением для постели мужчины, например, моей...

Он встал, откинул парусину, закрывавшую вход, и вышел из палатки на солнце абсолютно голый. Свет падал на его подтянутые мышцы, узкую талию и аккуратные ягодицы. Он был хорошо сложен, но Катлу поразило множество шрамов на его спине и плечах. Она позвала его, намереваясь спросить, откуда они. Но когда он повернулся к ней, демонстрируя свою мужскую готовность, вопрос тут же вылетел из головы. Он улыбнулся и вернулся в палатку, и Катла только сделала вид, что протестует, когда он снова скользнул под покрывало и начал ласкать ее своими огромными ручищами.

Через некоторое время теперь уже она лежала, опершись на локоть, и разглядывала его лицо.

— Даже не думай, что это что-то значит. Я все равно не выйду замуж — ни за тебя, ни за кого-нибудь еще.

— Значит, еще как значит! Это означает сплошное удовольствие! — сказал он, улыбаясь. — Кроме того, я сказал, что, возможно, попрошу твоей руки у отца. А я ведь могу переменить свое мнение теперь, испробовав товар.

Катла яростно оттолкнула его и поспешно оделась. И только позже, услышав веселый смех Тэма, она поняла, что натянула штаны задом наперед, и дыра в них, должно быть, открывала всем (большинство актеров, судя по улыбкам, знали, где и как она провела ночь) весьма значительную часть ее зада.

Они отплыли от Кджали примерно в полдень и шли в юго-западном направлении до тех пор, пока солнце не начало склоняться к горизонту, проделав большой путь. Сильный ветер раздувал паруса, и они неслись с огромной скоростью. Катла могла поклясться, что «Северный Волк» едва касался поверхности моря. Завтра в это же время они будут дома. Она чувствовала притяжение островов всем своим телом, как знакомый аромат, наполнявший воздух.

Халли наверняка думал о том же, хотя исходил он скорее из точных расчетов и знания навигации. Она увидела, как он встал рядом с Тэмом Лисицей, и они долго разговаривали, потом Тэм взял прядь волос Халли и отрезал ножом. Катла нахмурилась, вспомнив, как сама лишилась волос. Потом Тэм достал моток старой, выцветшей веревки из сундука с костюмами и передал Урсу, который неторопливо направился на корму, привязал один конец веревки, а другой выкинул за борт. После этого никто ничего не делал целый час, кроме Йенны, которая снова надела голубое платье и возилась со своими волосами.

Катла наконец решилась подойти к Тэму, который сидел на сундуке, плетя косичку из темных и светлых волос.

— Что происходит? — требовательно спросила она, уперев руки в боки.

Он даже не поднял головы.

— Увидишь.

— Что увижу? — настаивала Катла.

Тэм не ответил. Его ловкие пальцы аккуратно завязали коней косички сложным узлом,

после чего он взмахнул ею у самого носа Катлы и убрал в кожаный мешочек на поясе.

— Подожди и все увидишь.

С этими словами он вскочил и направился на корму. Там он вытянул мокрую веревку, отвязал ее и притащил на середину палубы. Выжал из нее воду, потом позвал к себе Йенну и Халли. Катла с любопытством наблюдала, как он поставил их лицом друг к другу и мокрым концом связал их запястья, навертев сложную комбинацию узлов-восьмерок. Потом он обмакнул пальцы в луже соленой воды, натекающей с веревки, и смочил каждому из них лоб и губы.

Труппа артистов окружила своего капитана и влюбленную пару, и Катле пришлось пробиваться в первые ряды, чтобы услышать, что там говорит Тэм Лисица.

— Эта соль, которую вы вкусили, знак того, что Великий Сур станет свидетелем ваших клятв. — Он повысил голос: — Лорд Всех Вод, Лорд Штормов, Лорд Островов смотрит, как ты, Халли Арансон, и ты, Йенна Финнсен, клянетесь в день вашего обручения. Эта веревка, которой я связал ваши руки, символизирует круг жизни, которую даровал нам бог. В дар ему я предлагаю эту косичку как символ их клятвы стать мужем и женой в течение года с этого дня и почитать имя Сура всю свою жизнь.

Он достал косичку из черных и золотистых волос из мешочка на поясе и поднял ее вверх, чтобы все могли видеть. Потом бросил ее через плечо. Йенна со счастливой улыбкой проследила за ней взглядом, ее лицо было окрашено в золотистый цвет лучами заходящего солнца. Халли тоже выглядел радостным. Сейчас, подумала Катла, он очень похож на себя в детстве. Если не брать во внимание бороду... Косичка мгновение лежала, покачиваясь на сверкающих волнах, потом намокла и медленно потонула.

Все начали говорить одновременно, поздравляя молодых, восхищаясь, как крепко связал их руки Тэм и какой необычной формы были узлы.

— Смотри, — говорила Мин Кодфейс, — судя по узлам, бог благословил их на пятерых детей. Пять! Подумать только!

— А ты уверена, что это не пять овец? — спросил кто-то. — Узлы очень похожи и на «детей», и на «овец».

Все рассмеялись.

Катла тоже смеялась, хотя чувствовала некоторое раздражение от того, что ее не посвятили в план. Она уже собралась подойти к брату и подруге с поздравлениями, как вдруг почувствовала какие-то неясные толчки под ногами. Вибрация, которую она ощутила, прошла через ступни и добралась до голеней, отдаваясь слабой болью в ногах. Корабль слегка покачнулся, но потом все прошло.

Она нахмурилась, посмотрела под ноги. Когда она подняла голову, увидела, что Тэм Лисица с любопытством ее разглядывает, и быстро отвернулась. И сразу заметила странный, похожий на вилку хвост над пеной за кораблем, быстро исчезнувший.

Она побежала к борту и посмотрела. Ничего. Ничего, кроме волн, окрашенных последними лучами солнца, и белой пены волн позади корабля. Но дерево под ее ладонями говорило совсем о другом. Оно было наполнено сверхъестественной энергией: ее руки на планшире воспринимали дрожь и гудение дерева, но не так, как обычно, когда приближалась земля или корабль проходил над рифами либо рудными залежами, жилами ценных металлов. Разряды были более сильными и отчетливыми, они шли яростными потоками, беспорядочными волнами. Поэтому когда вода в море стала странным образом изменяться — медленно вздыматься широкими кругами, вырываться вверх, как бьющий гейзер, — она, затаив дыхание, ждала, зачарованная, не в силах пошевелиться. Волны медленно расступились перед существом, которое преследовало корабль и только что задело киль «Снежного Волка». Катла пришла в неописуемый восторг.

Оно было огромным. Сперва она подумала, что это кит, только гораздо большего размера, чем обычно ловили в водах у Камнепада, может быть, даже больше того огромного серого кита, которого прибило к северному побережью острова несколько лет назад и который обеспечил их мясом и жиром на всю зиму и даже больше. Но когда оно подняло из

воды голову, она поняла, что это не кит, а вообще неизвестное ей существо.

Его широкое мощное тело пестрело всеми оттенками серого и зеленого, как будто было покрыто мхом и лишайником. И действительно, когда оно поднялось выше, взору открылись огромные гирлянды бурых и зеленых водорослей, которые висели на нем, как оборванный подол свободного одеяния. Ряд плавников шел вдоль его шишковатого хребта, который был снабжен еще и щупальцами, словно это существо проглотило какого-то огромного кальмара и частично позаимствовало у него некоторые его приспособления. Хвост, который Катла разглядела перед тем среди волн, не давал представления об истинных размерах существа, потому что оказался лишь одним из многих отростков на теле гиганта, каждое из которых завершалось по-разному: то разветвлением вроде вилки, то уродливым узлом. Некоторые очень напоминали руки. Настоящий хвост оставался под водой: было очевидно, что какое-то мощное приспособление работало внизу, под тушей чудища, создавая огромный, пугающий водоворот позади него.

Существо поднялось из волн, открыв пасть, похожую на черную пещеру, с устрашающими зубами вокруг фиолетового чешуйчатого языка. Катла увидела, что некоторые части его шкуры были такими же блестящими и гладкими, как кожа тюленя, а другие — пористыми, разбухшими от воды, как будто это создание только частично адаптировалось к жизни в океане.

Оно поднялось уже на двадцать футов над водой, открыв бледно-зеленый с белым живот, усеянный множеством маленьких пастьей. Позади Катлы раздавались крики ужаса, но она едва ли слышала их. Рядом с ней встал Тэм Лисица с веслом наперевес. Кто-то запустил в монстра гарпун. Он вошел в спину существа, в один из пористых лоскутков кожи, и из пробоины вырвалась вода вперемешку с какими-то вонючими жидкостями. Что-то блестящее просвистело над головой Катлы, потом еще и еще. Катла повернулась и увидела, как Мин Кодфейс на мачте, обхватив ее одной рукой и ногой, с убийственной точностью метает свои ножи в животное и пронзительно кричит: «Убирайся в бездну, ты, мерзкий кальмар, переросток-гуппи, плод больного воображения!»

Фонтанчики крови брызнули из спины монстра, и он взревел. Один миг казалось, что он уходит: существо взмахнуло своими отростками и нырнуло под воду, оставляя за собой красный след. Катла посмотрела на лица людей — ошеломленные, возбужденные, испуганные или, как Мин, ликующие.

— Это научит вонючую селедку не соваться, куда не надо! — Метательница ножей сползала по мачте вниз, глаза ее сияли. — Эта гадкая морская щука теперь долго не вернется!

Но она ошибалась. Через мгновение раздался скрежещущий звук, и каждый кусок обшивки корабля заскрипел, протестуя. Окрашенная кровью вода начала хлестать между досками палубы, обливая людей. Кто-то, ругаясь, прокатился мимо нее. Корабль опасно накренился, потом с грохотом и треском выпрямился.

Катла поняла, что существо сознательно стремится перевернуть корабль, вместо того чтобы скрыться, спасая жизнь. Неожиданно она вспомнила суеверные байки, которые так часто рассказывались у костра: сказки о страшных местах, необычных трупах, прибитых к пустынным берегам, странных предметах, попавшихся в сети. Монстр не собирался оставлять их в покое, и нужно было что-то предпринимать.

Люди бегали туда-сюда, пытаясь спасти весла и пожитки, сундуки с одеждой и товары для торговли, которые были разложены по всей палубе. Посреди всего этого бедлама стояла пара со связанными руками. Йенна положила голову на плечо любимого и закрыла глаза, как будто таким образом можно было скрыться от опасности. Остальные под руководством Тэма Лисицы вооружались мечами, веслами и шестами. Сам он ходил по палубе, раздавая приказы, его короткий меч — смертоносное орудие при близком бое — постукивал по бедру.

Где-то в глубине сознания Катлы появилось странное гудение, высокий, резкий звук, призыв. Красный Меч. Она чувствовала, как его лезвие поет ей, словно кузнецик в зарослях травы. Перепрыгивая через разбросанные горшки и сковородки, похожие на змей канаты,

она бросилась на корму. Решительно развязав морские узлы, Катла откинула крышку сундука и вытащила меч. В свете заходящего солнца он отливал кроваво-красным. Меч удобно лег в руку. Радостная готовность к действию наполняла ее, пьянящая песня звучала в ее жилах, отдаваясь в руках, плечах, в животе, жидким металлом растекаясь по ногам. Красный Меч! С этим оружием, поющим в ее руках, она чувствовала себя непобедимой.

Она помотала головой. Иметь такой меч прекрасно, но ведь она не собиралась подходить к монстру настолько близко...

Схватив веревку, которым был привязан сундук, она побежала назад на нос корабля, где снова появилось чудовище, окруженное розовой морской пеной. Его шипы и щупальца тряслись от ярости, морда высоко поднялась над носом «Снежного Волка», будто сова нависла над воробьем. Брошенное кем-то весло задело Катлу по голени. Страшно ругаясь, она опустилась на палубу, вытащила поясной нож и быстро вырезала из весла большой кусок. Пока Тэм Лисица и его люди стреляли по чудовищу из луков, Катла вставила рукоять Красного Меча в отверстие в весле и закрепила веревкой, используя все виды узлов, какие только знала.

Раздался еще один сильный удар, за которым последовали крики ужаса. Монстр таранил судно. Обшивка скрипела, сопротивляясь, потом раздался оглушительный треск, и нос корабля разлетелся на куски. Катла подняла голову и увидела, как Флинт Эрсон упал в бушующие волны и тотчас исчез под водой. Разъяренный потерей одного из членов команды и лучшего акробата Тэм Лисица изрыгал проклятия и, размахнувшись, с силой швырнул свой меч в морду чудовища. Лезвие почти полностью ушло в плоть монстра, но он продолжал надвигаться на них.

Катла вскочила, держа в руках самодельный гарпун, и стала продвигаться к изуродованному носу корабля. Остановившись, она посмотрела прямо в огромный глаз чудовища. Сначала она увидела только свое отражение: ужасная пародия, размахивающая смешным обрубок дерева с булавкой на конце. Потом сердце ее дрогнуло. Она смотрела — в этом не было сомнений — в человеческий глаз.

Он был густого коричневого цвета, как у коровы, но с белком вокруг и с ресницами. Он мигнул, а потом Катла услышала в голове странно знакомый голос, произнесший ее имя, умоляя остановиться. Голос был низким, словно подземный рокот, идущий из глубин Эльды. Потом глаз затуманился и снова моргнул. Самая огромная слеза в мире медленно покатилась по гигантской рыбьей морде. Катла разрывалась между симпатией и отвращением, но Красный Меч знал свое дело. Ошеломленная Катла увидела, как ее рука с гарпуном поднялась и выпрямилась, бросив его с невероятной силой. Клинок по саму рукоятку вошел в глаз монстра. На мгновение все затихло. Но затем чудовище взвилось в воздух, и рев агонии взорвался в воздухе. Все выше и выше поднималось существо под ударами всех его хвостов и плавников. Его многочисленные пасти на брюхе открывались и закрывались, издавая свой собственный вопль отчаяния и боли.

Катла стояла, покачиваясь, накрытая тенью монстра. Существо нависло над ней, но она чувствовала, что не может пошевелиться.

— Катла!

Голос звучал почти неразличимо на фоне рева раненого зверя. И вдруг существо рухнуло на корабль.

Халли схватил Катлу и потянул назад в тот момент, когда чудовище начало падать. Едва сознавая боль от приземления в локтях, спине, левом плече, Катла наблюдала, как монстр обрушился на «Снежного Волка», как форштевень врезался в пятнистое брюхо чудовища, пронзив его. Истекая вонючей жидкостью, монстр стал погружаться в воду.

Но худшее еще ожидало их впереди.

Корабль под тяжестью чудовища сильно накренился. Настала зловещая тишина, а затем в воду полетели бочки и ящики, сметая за борт Беллу и еще двоих из команды. Котел и его тренога покатались по палубе, набирая скорость, и врезались в голову Урса, и без того уже изуродованную. Чудовище уходило вниз, и «Снежный Волк» вместе с ним, неумолимо

затягиваемый в водоворот.

Мачта, сделанная два столетия назад мастером Хедебу из сердцевины огромного дуба с его корабельных плантаций, со стоном раскололась на части и упала на палубу, накрыв судно парусом. Люди под ним пытались освободиться, и казалось, что волк и дракон, изображенные на парусе, снова сошлись в битве. Потом корабль накренился, и мачта с парусом перевалилась через левый борт корабля, утянув за собой полдюжины кричащих людей. Там, где прошла мачта, остались только два человека, лежащих посреди обломков рангоута и канатов, тряпья и луж крови.

Последним, что увидела Катла, когда вода хлынула на корабль, были ее брат и Йенна, прижавшаяся к нему, как котенок. Он отчаянно пытался развязать узлы на руках. А потом волна унесла их прочь.

Глава 12 МАСТЕР

Покинутый созданием, сотворенным им, другим, украденным им, и животным, в которое он вложил так много своей магии, Мастер как безумный бродил по залам своей ледяной крепости — Святилища. За последние несколько месяцев он не раз пытался создать себе новых компаньонов — из слюны, земли и капли крови, — но без кошки все было тщетно. Получались уродливые существа, которые спотыкались и врезались в стены, тонули в бассейне или убегали прочь в снежные просторы, чтобы уже никогда не вернуться, а иногда просто таяли. Он не делал попыток залатать их или переделать, более того, он даже не пытался убрать их останки, и потому они валялись повсюду, разлагаясь.

Долгий сон, кажется, высосал из него всю энергию и волю, и он оставил свои эксперименты, поскольку даже самые лучшие из его созданий едва могли связать два слова. Он страстно мечтал о собеседнике; о живом взаимодействии разумов, а не просто о компании, которую могут составить морские птицы, киты и тюлени. Ночью, забываясь в беспокойном сне, он видел тело Розы Эльды, бледное, гибкое и зовущее. Она никогда не задавала вопросов и, отдавая ему свою волю, поддерживала его силу духа. Каждое утро теперь он просыпался еще более слабым, чем накануне.

Большую часть времени он бродил в поисках пищи по заброшенным садам, за которыми раньше ухаживал Виралай. Сейчас там почти ничего не осталось, особенно после арктических ветров и одичавших существ, которых он создал, а потом забыл лишить воли. Он ел все, что находил, сырым, обгладывая до костей, как крыса, а когда находил в себе силы сварить репу или пожарить лук, то все равно блюдо получалось пресным и безвкусным. Для него теперь все имело вкус пепла.

Все его попытки пошли прахом. Он держал в руках целый мир, но то, что должно было стать рецептом вечного счастья, ушло от него. Потеряно, все потеряно, навсегда.

Он проводил одинокие дни в верхней комнате башни, оглядывая мир, который когда-то считал своим, с помощью сложных устройств из кристаллов и отражающего стекла. И то, что он видел, лишь удручало его. Он поворачивал рычаги, чтобы увидеть неплодородные земли Северных островов, но, кроме странного морского чудовища (скорее всего вызванного на свет сильным потоком магии), не находил ничего интересного — люди ловили рыбу, сражались, рождались и умирали точно так же, как прежде.

Он искал Розу Эльды в Южной Империи, но тщетно. Вместо этого после долгих беспорядочных видений он нашел своего злополучного ученика, занятого неумелыми попытками создания серебра для человека, который стоял над ним, теряя терпение.

Наконец он увидел свою кошку.

Но даже она или Виралай, пытающийся использовать магические заклинания, которые он украл, не удержали надолго его интерес. Вяло и апатично он продолжал поиски женщины, совершенной женщины. Он прочесывал Южную Империю вдоль и поперек, ведь только там могли по достоинству оценить эту редкую красоту, но не находил никаких ее

признаков, кроме нескольких крупинок магии, которая проникла в ткань мира, но проявлялась беспорядочно. Бесцельно поворачивая кристаллы, он видел далеко на юге колодцы и ручьи, которые когда-то были чистыми, а теперь отравленными тяжелыми металлами, вышедшими из земли; он видел рыб, у которых выросли ноги, птиц с зубами и другие необычные явления, которые лишь ненадолго задевали его любопытство. Потом он возобновлял поиски Розы Эльды в городах и селениях Истрии.

И снова ему казалось, люди Юга готовятся к войне, они обозлены и предпочитают изливать свое недовольство жизнью на соседей, объясняя вражду неуважением со стороны северян. Он прочел по губам — что-то насчет северного короля, который отказался от какой-то леди. Вздор и чепуха, как и всегда, становятся причиной больших неприятностей. Он помнил, как на Северных островах после долгой междоусобицы принесли в жертву целых два клана, из-за того, что один пьяный идиот помочился на землю, которую другой идиот назвал священной. Как будто эти дурни имеют представление об истинном священном! Если бы они знали, то не стали бы называть этим словом клочки торфяных болот!

Ему наскучило смотреть на южан, и он обратил взор на кочевников — на эти блуждающие души, которые он так легко согнал с их земель и отправил в бесконечное странствие. Они тщательно обходили города, где можно столкнуться с враждебностью и жестокостью. Оказывается, рвение, охватившее южан, снова внушило им ненависть ко всем чужакам и страх даже перед самой незначительной ворожкой. Он вздохнул. Так было всегда. Маги и колдуны всегда вызывали недоверие и подозрительность. Ему пришлось обойтись с кочевниками более жестоко, чем хотелось бы, когда он поселился в этом мире. Вкус боли, ужасный образ того, что может произойти, был единственным способом, который удерживал их на верном пути.

Он навел фокус на маленький караван, передвигающийся на йеках. В поле зрения попала молодая женщина, ее волосы и кожа — неопределенного красноватого оттенка, что говорит о смешанной крови, текущей в ее жилах. Глаза у нее тоже светлые в отличие от других кочевников. Но мальчик, который сидит рядом с ней, определенно принадлежит Странствующему Народу: темноволосый, черноглазый, худощавый. Он осматривает остальных и замечает, что все они — кожа да кости, жилистые мышцы и обвисшие груди. Тяжелые времена переживает этот народ. У них не осталось свободно идущих животных; это плохо, в долгой дороге животные должны время от времени отдыхать без упряжи. Наверняка они потеряли нескольких в пути; скорее всего их украли.

Следуя своим размышлениям, он направил кристалл далеко на юг, к подножию Красного Пика. Там он нашел еще больше свидетельств надвигающейся беды, и на этот раз мороз пробежал по его коже. Маленькие трещины появились на склонах огромной горы, и стала видна кровь мира, текущая внутри, красная и кипящая. Над вершиной горы вздымались вверх клубы вонючего желтого дыма, который мог убить любую птицу: одно мгновение — она парит в вечернем воздухе, расправив мощные крылья, а в следующее — камнем летит вниз и исчезает в жерле горы.

Он отклонился назад, руки его затряслись. Может ли он хоть как-то предотвратить беду? Еще сотню лет назад, когда он был сильнее и увереннее, когда он был влюблен в возможности, которые рисовало ему будущее, он сумел бы. А сейчас? Он мог собрать всю свою энергию и остатки магии и отправиться на юг, наказать своего слугу и силой вернуть кошку, потом уйти в те дикие места, чтобы вернуть силу древним заклинаниям, которые когда-то были наложены им. Но его древний возраст и усталость делают задачу почти невыполнимой, слишком это серьезное предприятие. Однако если он не возьмется за это...

Он опустил голову на руки. В первый раз за двести лет величайший маг, какого когда-либо видел мир, Рахе Великолепный, как он любил величать себя в дни своей славы, безвольно опустил голову и заплакал.

Глава 13 ПРИЗРАКИ

— Ха!

Хищное лицо лорда Форента светилось от радости. Он триумфально размахивал пергаментным свитком перед Тайхо Ишианом. Зеленая с красным ленточка, обозначавшая, что послание пришло от герцога Сэры, упала на пол ванной комнаты. В ванне по грудь в пене сидел лорд Кантары. Женщина, что ухаживала за Тайхо — согбенная старуха, закутанная с ног до головы в сабатку из грубой мешковины, — только глянула на Руи Финко и тут же поспешно скрылась за дверью.

— Фу-у! — Руи помахал рукой перед носом. — Ради Фаллы, скажите мне, чем эта старая каракатица пользуется вас?

— Дикий чеснок, — грустно ответил Тайхо, потянувшись к полотну из беленого льна. Ванна опасно покачнулась. Тонкие ручейки бледно-зеленой воды полились через край, увлекая за собой салат из мелко порезанных листьев.

Лорд Форента осторожно переступил через лужу, дотянулся до полотенца и подал Тайхо. Старуха, приставленная им к лорду Кантары, должна была каким угодно способом добиться того, чтобы даже самые последние шлюхи потеряли интерес к Тайхо, не говоря уже об избалованных женщинах из гарема Руи. Теперь он наверняка будет смердеть в течение нескольких дней.

Лорд Кантары вышел из ванны и быстро завернулся в материю, но Руи все же успел заметить, что лекарства старой карги, как ей и было велено, не возымели успокаивающего действия: его эрекция оставалась по-прежнему стойкой. Руи не смог сдержать усмешку. Если они не начнут вскоре войну с Севером и не захватят шлюху-кочевницу, Тайхо, пожалуй, может взорваться.

— Ну что, никаких улучшений, милорд? — спросил он учтиво. Тайхо искоса посмотрел на него и плотнее замотал полотенце.

— Нет, — ответил он коротко и перевел взгляд на свиток в руке лорда Форента. — Что в послании?

— Лорд Лодоно, герцог Сэры, и лорды Дистра, божественной волей главы Высшего совета, созывают всех лордов Истрии на собрание, которое состоится в день после полнолуния в Большом Зале Рассветного замка Йетры, — церемонно произнес Руи, не разворачивая пергамента. — И всякая прочая чепуха подобного рода. Особенно интересным мне кажется тот факт, что они организуют это собрание в Йетре.

Тайхо нахмурился.

— Отдать дань почтения Леди?

— Наверняка это будет военный совет, — сказал лорд Форента, еще раз просмотрев содержание свитка. — Хотя об этом здесь прямо не говорится. Но зачем еще собираться в городе, принадлежащем Дистрам и Леди, так презренно отвергнутой варварским королем? — Он поднял взгляд, глаза его сияли. — А вас, милорд, удостоили особого упоминания.

— Меня? — Он был удивлен. Герцог Сэры не снисходил даже до разговора с ним. Все из-за того, что Лодоно проследил его родословную до славных дней Стодневной войны, в которой его предки полностью вырезали все кланы, жившие у подножия Скарнских гор. Тайхо Ишиан тщательно скрывал свое происхождение от лордов. Он выхватил пергамент из рук лорда Форента и прочитал:

— Лорду Тайхо Ишиану, который так славно правит в Кантаре, мы шлем особое приглашение в связи с его горестной утратой.

Он побледнел.

— Какой еще горестной утратой? — Он стал дико озиаться по сторонам, решив, что всем уже известно о его позорном вожделении. Но внезапно он понял, что имелось в виду. — Ах да... Селен... они же о моей дочери, так? Может, у них есть какие-то известия? Может, они нашли ее истерзанное тело, выброшенное на какой-нибудь пустынный берег?

Руи помотал головой.

— Не паникуйте, мой друг. Я нюхом чую, здесь все дело в политике, а не в чем-то несчастье. Можете заставить своего колдуна посмотреть в магический кристалл, если вам от этого станет легче. Мне кажется, Совет хочет использовать вас как вдохновителя народа, чтобы повлиять на них этой ужасной историей похищения... — Он сделал паузу, призадумался. — А может быть, наш план сработал лучше, чем мы ожидали, и мнение народа вынуждает их к действию, потому что я никак не могу поверить, чтобы старый вояка стал приветствовать новую войну. Очевидно, поднялись волнения, которые заставили их шевелиться. «В день после полнолуния» — это через неделю. Нам нужно подготовиться к путешествию. — Он похлопал лорда Кантары по спине. — Прекрасные новости, а, Тайхо? Готовьтесь проповедовать на каждой рыночной площади по пути на юг, чтобы поддать жару. И попросите эту каргу приготовить новое снадобье, которое не отпугнет от вас толпу!

— Сильнее, мальчик, сильнее. Ну же, поднапрягись...

— О, ради Фаллы!

Саро Винго с глухим ударом рухнул на землю, подняв в воздух облачко красной пыли. Капитан Гало Бастидо возвышался над ним с улыбкой маньяка, его огромные руки сжимали рукоять гигантского деревянного меча. У Саро болели руки, плечи, голова, ноги. Тренировка продолжалась больше полутора часов без передышки, и за все это время Саро сумел нанести противнику лишь несколько скользких ударов. Что касается капитана, то тут дело обстояло совсем наоборот. Он лупил парня мечом, казалось, специально для того, чтобы доказать наблюдателям — его отцу, дяде и заезжим торговцам лошадьми, — что младший Винго никогда не приобретет силу, мастерство и мужество, чтобы хоть в какой-то мере оправдать надежды, возлагавшиеся на старшего.

Саро устало потянулся за мечом и, опершись на него, с трудом встал на ноги.

— Еще раз! — крикнул Зверюга и занял позицию.

Саро посмотрел на отца, ожидая разрешения на передышку, но взгляд Фавио был непроницаем, казалось, он смотрит сквозь него на зеленую траву поля. Весь последний год Саро помогал копать оросительную систему, которая снабжала поле водой, тогда как остальную землю на милях вокруг палило безжалостное солнце. Танто, конечно же, и не подумали привлечь к тяжелому труду: пока Саро долбил каменистую почву, его брат ездил на лошади к соседнему поместью, где занимался совращением рабыни, о которой поговаривали, будто она провела некоторое время в гареме в Форенте, а следовательно, была исключительно опытной по части утех. Саро тогда сомневался в правдивости рассказов брата о своем времяпровождении. Теперь же, после стольких недель погружения в самые грязные воспоминания Танто, он убедился, что рассказы эти были урезаны по сравнению с тем, что происходило на самом деле.

Теперь Танто передвигался с помощью сложного приспособления, которое Фавио и Фабел заказали специально для него: высокое плетеное кресло на колесах, сидя в котором, инвалид мог прогуливаться по ровным тропинкам, окружающим виллу. Идея была неплохая, но Танто не желал перетруждать себя. Он настоял на том, чтобы двое слуг постоянно следовали за ним, поднимали его по ступенькам, переносили через неровности или толкали кресло вперед, когда он устанет. Рычаг с одной стороны останавливал кресло, а с другой — откидывал спинку назад, и оно превращалось в удобную кровать на колесах. Фавио долгими часами трудился, рисуя гусиными перьями и дорогими чернилами чертежи на пергаменте, чтобы потом вручить их человеку в Алтее, который изготавливал гоночные повозки для соревнований на лошадях. Это стоило семье небольшого состояния: Саро слышал, как рано утром отец с дядей говорили об их ужасном финансовом положении. Продать Ночного Предвестника, их лучшего коня, не удалось, казалось, никто ничего сейчас не покупает. В воздухе висела неопределенность, ходило слишком много разговоров о войне, чтобы можно было позволить себе тратить деньги на породистых животных или легкомысленные занятия вроде скачек. Но Фавио настаивал на том, что его сын должен обладать средством передвижения.

— Это, несомненно, придаст ему силы и уверенности в себе, он станет самостоятельнее, вот увидишь.

Но для Саро это означало, что брат будет следовать за ним по пятам по всему поместью и ни на миг не прекращать своих издевательств.

Сморщившись от боли, он поднял меч, демонстрируя готовность продолжить схватку. Он был настолько изможден, что когда Зверюга снова пошел на него, смог лишь инстинктивно увернуться от удара. Неожиданно спина капитана оказалась прямо перед ним, и он опустил на нее деревянный меч. Его обожгло это прикосновение, а когда он пришел в себя, услышал крики удивления, доносившиеся из-за ограждения.

— Удар!

— О Богиня, мальчик, ты сделал его!

Он поднял взгляд и увидел дядю Фабела, широко улыбающегося ему.

— Давай, давай, парень! — кричал он. — Врежь ему хорошенько!

Случившееся показалось Саро невероятным, но он не смог удержаться, чтобы не поздравить самого себя. Однако миг спустя, применив обманный удар, Зверюга со всей мочи ударил его кулаком в живот. Публика у забора застонала.

Почувствовав, что колени подгибаются, Саро схватился за руку противника, чтобы не упасть. Но тут же понял, что совершил ошибку. Его пронзило раненое честолюбие капитана, горькое как желчь, и уязвленная гордость: его, капитана Гало Бастидо, лучшего воина в этих краях, заставили играть в войну с этим жалким мальчишкой, в то время как он, прирожденный полководец, мог бы готовить к войне армию, красоваться в шлеме с красными перьями и шелковом плаще, обращая на себя внимание дам своей прекрасной выправкой и заставляя дрожать от страха солдат, боящихся его строгости. Это было нестерпимо. Несправедливо. При всех его талантах ему приходится возиться с этим червяком...

Саро увидел удар — аккуратный, с вывертом удар, который должен был разбить его колено...

Он откатился как раз вовремя. Тяжелый тренировочный клинок Зверюги со свистом опустился, содрал кожу на голени и ушел в красную землю. Выражение глаз капитана было красноречивым: Гало Бастидо намеревался его покалечить.

— Хватит!

Фавио Винго устало вышел на поле, каждая черточка его лица говорила о разочаровании. Мальчик безнадежен, но будет очень нехорошо, если армию Алтеи поведет не Винго, а кто-то другой, как постоянно напоминал ему Танто...

В тот же день прибыл посыльный из Йетры. Винго призывали присоединиться к Совету, собирающемуся в Вечном городе.

— Наверное, не могут собрать денег, брат, — сказал Фабел, поднимая глаза от послания герцога Сэры, — раз им так понадобилось наше присутствие. Скребут по сусекам.

Они не являлись членами Высшего Совета — Алтея приносила весьма скудный доход в государственную казну даже в хорошие годы, — но входили в расширенное правление провинций.

— Это, несомненно, означает войну, — мрачно ответил Фавио, забирая пергамент из рук брата и подозрительно вглядываясь в короткое приглашение, как будто искал в каждом слове скрытый подтекст. — Но если так, почему бы им прямо не написать? Мне как-то не хочется тащиться в такую даль без важной причины. Тем более в эту кровавую Йетру.

— Я надеюсь, что ты прав! — хлопнул по столу Танто. Он ухмыльнулся в сторону Саро, который сидел на скамейке рядом с братом, делая все возможное, чтобы не прикоснуться к нему. Танто же, напротив, вертелся на лавке и наслаждался дискомфортом, который испытывал Саро.

— Почему же, сын мой? — Фавио повернул озадаченное лицо к любимому отпрыску.

— Тогда Саро смог бы отомстить за мои несчастья варварам, которые превратили меня

в жалкого калеку.

Фабел кивнул.

— В самом деле, я уверен, твой брат мечтает об этом. Разве не для того он так усердно тренировался в последние несколько недель?

«Даже в мыслях не было, — подумал Саро. — Как раз наоборот: я готов благословить тех, кто так изуродовал моего братца, за пытки, что мне пришлось вытерпеть от него». Но он лишь послушно улыбнулся и склонил голову.

— Конечно, дядя, только мне кажется, что вояка из меня никудышный.

В других обстоятельствах Танто с удовольствием воспользовался бы этим, чтобы унизить слабосильного брата, но сейчас он только сказал:

— Отлично, брат. Я знал, что ты меня не подведешь. Ты заставишь нас всех гордиться тобой.

Взгляд, который он бросил на Саро, был темен и непонятен. Но тот слишком хорошо знал его и почувствовал, что брат ведет какую-то игру. Краем глаза он следил за Танто и увидел, как тот наклонился через стол к отцу и что-то тихо сказал ему на ухо. Потом шелкнул пальцами двум приставленным к нему слугам, которые стояли неподалеку. Они тут же сорвались с места, демонстрируя прыть, которую воспитал в них Танто своими приступами гнева, и усадили его в инвалидное кресло еще до того, как он успел что-либо сказать.

Фавио поднялся из-за стола, и Саро за ним, но отец замахал на него руками.

— Нет, нет — останься здесь и развлекай наших гостей, дорогой сынок. Мы скоро вернемся.

Саро не мог припомнить, чтобы к нему обращались так ласково. Происходило что-то непонятное. Он снова сел за стол и наблюдал, как его брат с отцом исчезли за дверью. Холодное предчувствие закралось к нему в душу.

Их гостями были двое торговцев лошадьми с северо-востока. Они заключили сделку на трех кобыл, но жеребцы им были не нужны, поэтому Винго остались со своим Ночным Предвестником, выручив лишь немного денег. Стоимость одного обеда — довольно щедрого — наверняка перекроет выгоду сделки, но, по крайней мере эти люди были приятными собеседниками. Один — полный и острый на язык, другой худой как жердь, его смех был похож на карканье вороны. Они вместе вели дела со времен последней войны и, казалось, сроднились как муж и жена: стоило одному начать предложение, другой с готовностью его заканчивал, при этом они приходили в восторг от остроумия друг друга. Едва ли была необходимость в том, чтобы развлекать их, но Фабел, как всегда, играл роль гостеприимного хозяина.

— Итак, — начал он, потирая руки словно в предвкушении удовольствия, — какую самую выгодную сделку вы провернули в последнее время?

Полный мужчина — Дано — подмигнул своему товарищу.

— О вдове мы, пожалуй, упоминать не будем, а, Габрио?

Отрывистый смех тощего разнесся по комнате.

— И о ее глупой дочери не будем. Но тот гнедой жеребец...

— ...со звездой; хотя хребет у него слабый!

— Тридцать кантари...

— Тридцать один!

— Тридцать один, ты прав, как всегда, мой друг.

— Она была крупная женщина...

— Просто огромная. Уверен, спина у несчастного Фигуэро прогнулась под ее тяжестью.

— Почти как ее ноги...

— Она могла бы подойти тебе, Дано!

И они снова весело рассмеялись. Саро с дядей обменялись взглядами, и Фабел

попытался перевести разговор на другую тему.

— Так вы говорите, что пришли в наши места из Йетры?

Тоший Габрио проглотил свой каркающий смех и серьезно посмотрел на Фабела.

— Ах да, из Вечного города, цветка Империи. Странно видеть город столь прославленный своим спокойствием в таком волнении.

— Волнении?

— Я еще ни разу не видел, чтобы так много лордов собрались в одном месте: из Сэры, Прионана, Гилы, даже один из Цирцезийских лордов, и, конечно же, Дистры. Думаю, все готовятся к собранию Совета.

Фабел нахмурился.

— А как насчет Руи Финко, лорда Форента?

Дано наклонился к нему через стол.

— Говорят, прибыл вместе с сумасшедшим.

— Сумасшедшим?

— С лордом Кантары, который никогда не входил в Высший Совет, если память мне не изменяет. — Габрио почесал лоб. — Они направлялись на юг, когда мы их встретили. Останавливались с проповедями в каждом городе.

— С проповедями? Руи Финко? Не могу в это поверить! Он же известный развратник, полная противоположность Тайхо Ишиану.

Дано поднял бровь.

— Лорд Кантары ваш друг? — спросил он осторожно.

— Едва ли, — фыркнул Фабел.

— Тогда все в порядке, — вздохнул с облегчением торговец. — Полный псих. Сумасшедший. Призывает всех подняться на священную войну против Севера.

— Священную? — переспросил Саро. О южном лорде он слышал только, что тот призывает к походу на Эйру в ответ на похищение его дочери Селен. Вполне понятное желание отомстить, но ничего священного в этом нет.

— Везде с собой берет высокого, бледного человека...

— ...куда бы ни пошел. Он просто стоит...

— ...позади него. С кошкой.

— С кошкой на руках. А лапы у нее перевязаны, как у цыпленка...

— Бедолага.

— Бедолага.

— А что они делают, этот бледный человек и кошка? — спросил Саро.

— В общем-то ничего, — сказал Дано. — Это как...

— ...театр, — закончил Габрио, и оба они усмехнулись. — Что-то вроде декорации. Привлекают взор и притягивают толпу. Люди не могут отвести от них глаз, стоят как замороженные.

Саро и дядя переглянулись.

— Довольно странная компания, — наконец проговорил Фабел. — А что, и вправду ходят разговоры о войне?

— Кажется, люди действительно ее хотят, — ответил Дано. — Не Совет, вовсе нет. Там они гораздо осмотрительнее.

— Старые лорды знают, что такое война, — добавил Габрио. — Они видели, что она приносит зверства и разрушения. У них пылу поменьше. Плюс к тому они прекрасно знают, в каком состоянии государственная казна. В плачевном.

— В плачевном, — эхом повторил Дано. — А война — дело дорогое.

— Хотя дает некоторые возможности, — произнес Габрио, — например, заработать денег...

— ...захватить власть.

Саро передернуло. Если начнется война, ему и впрямь придется сражаться. Он представил схватку с каким-нибудь огромным опытным северянином с окровавленным

топором в руках, человеком, готовым убивать. Нет уж, лучше начать учиться быстро бегать.

За дверью слышались голоса отца и брата. Потом въехал на своем кресле Танто, на коленях у него лежали предметы, сиявшие в мерцающем пламени свечей, как настоящие сокровища.

Торговцы присвистнули.

— Это тебе, брат, — мягко произнес Танто, размещаясь таким образом, чтобы отрезать Саро пути к отступлению.

Это было вооружение Платино Винго, легендарного героя, лорда Алтеи, Пекса и Талсии, главы Высшего Совета еще до того, как удача отвернулась от рода Винго и засуха наинулась на их земли, как бешеная собака. Поверх выцветшей льняной рубахи лежал бронзовый нагрудник с серебряной гравировкой: летящий ястреб, сжимающий в когтях змею. Кожаные налокотники и наколенники, перчатки, покрытые металлом башмаки — все лежало в беспорядке. На верху кучи возвышался шлем из бронзы и железа с прорезями для глаз, похожими на глубокие раны, с плюмажем из конского волоса выцветшего красного цвета.

Саро почти перестал дышать.

— Поскольку я никогда не смогу надеть все это, то отдаю тебе, мой брат, — сказал Танто, улыбаясь. Несмотря на его бледность и ввалившиеся щеки, он выглядел как ребенок, невинно предлагающий матери луговые цветы.

Саро устался на шлем и рассматривал мельчайшие вмятины и царапины на его полированной поверхности.

Когда он поднял голову, то увидел, что Танто неотрывно смотрит на него, и зрачки его были черны от какого-то сильного чувства, переполнявшего его.

— Возьми, — сказал Танто. Он взял шлем и протянул Саро. — Теперь он твой, брат.

Саро посмотрел на Фавио, который стоял в дверях. Отец холодно кивнул ему.

— Давай, парень, — весело проговорил сзади дядя Фабел. — Может, он и древний, но лучшего ты все равно не найдешь. Его выковал сам Куло, ты знаешь, кто это. Говорят, это была его ученическая работа, еще до того, как он стал кузнецом Константина.

Прошло уже более ста шестидесяти лет с тех пор, как в Истрии свергли последнего императора, а значит, этим доспехам более ста восьмидесяти лет, быстро подсчитал в уме Саро. Он совершенно не хотел брать шлем в руки, которые начали предательски трястись.

— Этот шлем — частица истории, — продолжал Фабел, очевидно, не замечая состояния Саро. — Он был в битве у Шести Холмов, у брода через Альту, в войне Воронов. Только Фалла знает, в скольких схватках он побывал.

Саро чувствовал, как комната сжимается, ощущал на себе тяжесть взглядов. Стиснув зубы, он потянулся к шлему, но Танто был быстрее. Чересчур быстро и ловко для инвалида он нахлобучил шлем на голову брата.

Смерть нахлынула на Саро холодной волной. Ржали лошади, звенели мечи, кричали люди. Дикая мешанина звуков, означающих агонию, отчаяние и ярость, пронзала его. Сладковатый запах крови и резкий пота людей и животных наполнил его ноздри. Он чувствовал, как дрожат его кости, когда его меч встречался с мечом другого, оружие ранило его в спину. Кольца кольчуги впились в его грудь под жестоким ударом топора, он видел острие меча, которое оборвало его жизнь, войдя в отверстие для глаз. Отчаяние нахлынуло на него, отчаяние и неверие, и вереница вопросов, на которые невозможно было дать ответ:

«Неужели это в самом деле конец? Неужели это так просто? Дурак, глупец: я не заметил его второго клинка.

А за что мы сражаемся тут? Разве не пришли известия о том, что вчера мы выиграли эту войну в битве при Талсии?

Надо было блокировать его последний удар и уйти влево. Если я упаду, меня затопчут. Держись в седле, держись из последних сил. Почему я не чувствую пальцев?

Это ворон там кружит или чайка? Глаза почти не видят. Кто присмотрит за урожаем? Можно ли доверить Пали управление поместьем?

О Фалла, теперь я знаю, что такое боль!

Неужели я никогда больше не увижу мой Коразон? Моих сыновей? Моих любимых овчарок?»

Резкий, пронзительный крик нарастал в его голове, становился все громче.

Темнота и благословенный покой объяли его. Но тут на него легли чьи-то руки, и образы изменились, теперь это были уже не война и смерть, а беспокойство и боль. Он ощущал железную хватку пальцев на шее. Зазвучал голос:

— Видишь, братец, что я могу? Я тебя еще достану.

Потом он услышал другие голоса, за которыми последовало ощущение острого неудобства, наконец шлем был снят с него, и образы ушли в небытие.

Глава 14 ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Виралай стал грезить Вечным городом еще с тех пор, когда случайно нашел маленький кусок пергамента между страницами трактата по анатомии собак, который он стащил из кабинета Мастера. Слова «собака» и «город» ничего тогда для него не значили, поскольку он еще не был знаком с чудесным, хитроумным устройством для обозревания мира, которое находилось в секретной комнате, и, следовательно, не видел других мест, кроме Святилища, и других животных, кроме Бете. Но он пришел в восторг от детальных изображений внутренних органов собаки и от мысли о том, что столько всего может находиться внутри одного живого существа. А потом из книги выпал этот пергамент с изображением города.

Сначала он не мог понять, на что смотрит: башни, шпили и арки на картинке изображались дважды вверху и внизу, те, что внизу — кверху ногами. Он повертел пергамент и понял, что это крепость, венчающая скалу, которая высилась на берегу озера. Отражение в воде в точности повторяло очертания города.

Что-то в этой картинке доставляло ему необъяснимое удовольствие, что-то в ее симметрии казалось волнующим и одновременно успокаивающим, хотя и этих понятий он тогда не мог обозначить словами. Этот образ стал преследовать его по ночам, во сне он снова и снова бежал по коридорам Святилища и неожиданно оказывался у возвышающихся над ним резных воротах картинке. Он смотрел на них и чувствовал, что за ними хранится много тайн.

И вот он здесь, в миле оттого самого места, преодолевает крутой спуск и продирается через колючие кусты, его зад невыносимо болит от тряски на пони, на которого его усадили. И вместо того чтобы испытывать восторженное предвкушение, он чувствует себя как никогда плохо. Уже более пяти дней он ехал на пони, но все еще не мог освоить этой сложной науки. Он никогда не ездил верхом.

Тайхо был глух к его страданиям. Чтобы, заезжая во все населенные пункты на пути от Форента в Йетру, тем не менее прибыть в город вовремя, приходилось избирать самые короткие маршруты, а это предполагало такие скалистые местности и густые леса, узкие тропки и крутые склоны, что ни о каких повозках не было и речи. Поэтому Виралаю пришлось ремнем привязать плетеную клетку Бете к одному боку животного — своенравного пони под грязной попоной и жуткими желтыми зубами, которые он очень любил демонстрировать, — а свои пожитки к другому. Сам же он чувствовал себя в седле как глыба, готовая сорваться со скалы в любой момент. Временами он думал, что уже никогда не сможет нормально ни сидеть, ни стоять.

Кошка между тем, несмотря на свое упрямство, не выказывала никакого недовольства. Тряска, казалось, убаюкивала ее. Он не слышал от нее ни единого звука за все время пути. Виралай почти завидовал ее заточению, ее просторной клетке, устланной тряпьем. Он как раз размышлял об этом, когда пони споткнулся о камень. Виралай сразу выпустил поводья и в ужасе вцепился в гриву животного. Когда он открыл глаза, оказалось, что он висит вниз головой под потным животом пони и смотрит на Вечный город, каким тот

впервые предстал перед ним на пергаменте.

Семейство Винго двигалось к Вечному городу через Долину Алтана, обогнув гористые склоны Белого Пика и перебравшись через Золотые горы рядом с Гибеоном, где Фабел погасил небольшой долг (это означало, что другому кредитору придется еще подождать). Они остановились на ночь в гостинице «Три Леди», которая имела дурную славу публичного дома во времена лорда Фаро — о чем не преминул весело упомянуть Танто, — но теперь славилась по всей стране превосходным вином и вкусной едой.

— Мы заслуживаем одну ночь, проведенную в нормальных постелях, — заявил Фавио, когда его брат стал возмущаться по поводу дороговизны. — После всех этих дней, проведенных на дороге.

Даже опустошив несколько стаканов превосходного красного вина, Саро не мог заснуть. Сказывалось и то, что его заставили ночевать в одной комнате с Танто, хотя тот, утомленный тряской в повозке и убаюканный тремя бутылками самого дорогого вина, давно уже громко сопел. Древний шлем, казалось, еще больше обострил чуткость Саро: он мог слышать мысли тысяч людей, которые засыпали на кровати, на которой сейчас лежал он. Многие из них, естественно, не только спали здесь. Отпечатки, которые они оставили после себя, словно вырезанные на кровати, были расплывчаты, но достаточно многочисленны, чтобы лишить его сна. Тогда он ушел в конюшню и провел ночь среди лошадей. Их воспоминания были коротки, а жизнь проста, и даже Ночной Предвестник, так легко возбудимый, не доставлял ему беспокойства.

На следующее утро они отправились в путь по торговой дороге, которая извивалась у подножия Золотых гор, а потом выходила на Тильзийскую равнину. Там они издалека увидели караван кочевников, медленно двигавшийся через необозримое пространство, поросшее травой. Неподалеку паслись пони, и приближение Странствующего Народа ничуть не побеспокоило их. Впереди плавно поднялась в небо стая гусей. Птицы заинтересовали людей, сопровождавших их, гораздо больше, чем кочевники. Охота за йетранскими гусями была на редкость увлекательным занятием, кроме того, их перья шли на изготовление лучших стрел, как объяснил Танто.

Саро сконцентрировал внимание на Потерянных. Он насчитал только пять тележек и меньше дюжины животных, наверняка это был лишь головной отряд. Он оглядел линию горизонта в поисках остальных, потому что читал, что Потерянные путешествуют большими караванами, часто состоящими из полусотни повозок и большого числа огромных косматых йек, впряженных в них. Но в последние месяцы ему часто приходилось слышать, что эти огромные караваны разбивались на небольшие группы, чтобы привлекать меньше внимания, а в случае чего так было легче скрыться. Но путешествовать таким маленьким караваном еще опаснее: никакой защиты. Если эти пять повозок были первыми, то где же остальные? На горизонте ничего не видно. А может, когда они начали путь, их было больше? Саро с содроганием вспомнил гниющие, обезображенные тела, которые они видели на берегу реки на юге Пекса по пути с Большой Ярмарки. И снова он начал молиться о маленькой Гайе, чтобы она осталась жива.

Над ярко-голубой водой возвышались красные и коричневато-желтые стены; красные и коричнево-желтые отражения мерцали на поверхности озера. «Йетранская синь», неожиданно вспомнил Виралай, сжимая в кулаках поводья. Он вспомнил экзотические названия чернил, стоявших на полках в кабинете Рахе. Солнце освещало каменные стены, детали резьбы, бойницы для лучников. Стены соединяли собой высокие башни, резные шпили пронзали небосвод. Виралай раскрыл от изумления рот.

Впереди него ехали лорды: Тайхо Ишиан и Руи Финко, они не обращали внимания на эту красоту, их не трогало великолепие открывшегося вида. Они уже видели Йетру много раз, для них в этом не было никакого волшебства.

Когда они проезжали под аркой Рассветных ворот, Виралай снова чуть не свалился с

пони, на этот раз оттого, что слишком далеко отклонился назад, пытаясь разглядеть сложную резьбу, украшавшую вход. С большого расстояния казалось, что это всего лишь абстрактный орнамент, но когда они подъехали ближе, Виралай смог разглядеть фигурки людей и животных. Мужчина, схвативший за лапы огромного хищника, женщина, обвитая змеей с кошачьей головой или, может быть, наоборот, кошкой с телом змеи, огромные крылатые животные, не меньше лошади или йеки, — драконы или другие мифические существа. Теперь Виралай жалел, что не уделял больше внимания книгам Мастера. Некоторые из изображений распознать было невозможно, как бы усердно он на них ни смотрел, детали были стерты как будто рукой гиганта, но скорее всего это поработали ветра, обдувавшие их веками.

Они шли на юг мимо Голубого пика, над Белыми пропастями, потом следовали долиной реки Тильзсн, их путь прерывался остановками на отдых в городах, где лорды разжигали религиозный пыл народа. Виралай собирал для Тайхо толпу за толпой, вытаскивая людей из их домов. Они шли на улицу, повинаясь неожиданному острому желанию купить хлеб, яйца или гусиные перья, которые им в действительности были не нужны. Он просто гладил Бете по голове, вытягивая из нее очередное заклинание, привлекающее толпу. Когда на площади собиралось больше сотни человек, необходимость в магии отпадала, потому что вид такого количества людей, собравшихся вместе, всегда притягивал еще больше народу, люди шли уже из простого любопытства. Скоро Виралай обнаружил, что может собрать целую площадь народа менее чем за треть часа. Потом Тайхо начинал свои страстные речи, опираясь то на сочувствие публики (похищение варварами его единственной дочери и насилие над ней), то на их ненависть ко всему чужеродному. Во имя Фаллы он требовал освобождения женщин Севера из-под власти их мужчин, заставляющих их ходить непокрытыми пред очами богини, которой они к тому же не поклонялись.

Поскольку местность по мере приближения к Вечному городу была заселена все гуще, Тайхо приходилось ораторствовать по три раза в день. Он заставлял лошадей нестись галопом от города к городу, и именно поэтому Виралай так скверно себя чувствовал. Где бы они ни появлялись, везде оставляли после себя брожение умов, беспокойство, воспламененный фанатизм и жажду крови.

В Звездной Палате уже собрались многие из правящих лордов Истрии со своими свитами. Они либо расхаживали по залу, угощаясь аракой и миндальными пирожными, либо вели споры. Еще больше лордов должно было прибыть в течение дня. Собрание Совета начнется завтра после Первого Ритуала.

Саро в восторге оглядывался по сторонам. Это был его первый приезд в Вечный город, но он много читал о нем и знал наизусть поэму Фано Сирио, который прислуживал Леди при Йетранском дворе.

Научи меня, моя леди Фалла,
Всему, что ты видишь,
Среди колонн твоего города,
Столь прекрасного и древнего.

Тот, кто глядится в зеркало Йетры,
Не может глаз отвести,
Все, что желает он, в нем есть,
И красота твоих небес.

Этот чудесный город
Все превращает в золото,
Потому что иного
Недостойна прекрасная Леди.

Наконец поняв смысл последних строчек поэмы, Саро решил, что это очень умный ход для выманивания денег у знатных господ, для которых и предназначались эти стихи. Он оглядывался по сторонам и любовался золочеными колоннами, изумительными гобеленами, украшавшими стены, массивной резной мебелью с ножками в виде лап — знак умельцев из Белых Лесов — и сложной конструкцией потолка на высоте не меньше пятидесяти футов, усеянного серебряными звездами, от которых и пошло название зала. Ничего удивительного, что Сирио так вдохновенно об этом писал. Саро чувствовал себя маленьким и околдованным. Он ощущал древность этого места в каждой его детали. Резьба, которая вилась вокруг колонн и ползла по стенам, исчезала под гобеленами и огибала высокие окна. Она выглядела слишком простой, чтобы быть истрийской. Фигуры людей и животные были вплетены в сложные узоры, которые на первый взгляд казались абстрактными, а потом неожиданно взору открывались изображения собак и лошадей, крылатых созданий, охотников и завоевателей. Одна резная панель особенно привлекла внимание Саро. На ней группа мужчин в длинных туниках с копьями в руках преследовала кого-то, таинственно скрытого под одним из гобеленов. Была видна только одна нога: судя по всему, принадлежащая теленку. Изображение заинтриговало Саро. Он огляделся по сторонам. Отец и дядя увлеченно беседовали с лордом Сестрин, а Танто отдыхал в отведенных им покоях.

Из нечаянного прикосновения к брату Саро узнал, что Танто уже отыскал здесь особенно привлекательную рабыню, и несмотря на то, что толку от ее прелестей для него было мало, он все равно намеревался позабавиться с ней. Саро нашел девушку, до того как он и отправились в Звездную Палату, и хотел предупредить, но она совершенно не понимала по-истрийски и знала только пару слов на Древнем языке. Она присвистывала и трещала в какой-то странной манере, которая напомнила ему речь старой женщины-кочевницы, бабушки Гайи. Они расстались, так и не поняв друг друга, а у Саро осталось подозрение, что она решила, будто он сам хотел заполучить ее. Тень беспокойства не оставляла его и тогда, когда он отделился от группы беседующих и пересек зал, направившись к противоположной стене. Гобелен, скрывавший преследуемого, был особенно хорош: полотно темно-красного цвета, рисунок выткан зеленью и золотом. Розы вились вокруг ног Баст и Леди, огромные деревья роняли кремовые лепестки им под ноги, птицы сидели на ветках, некоторые летали между деревьями. Но внимание Саро привлек не гобелен, его интересовал владелец странной ноги. Проскользнув за спинами лорда Варикса и высокого, худого человека с сияющей лысиной, Саро приподнял гобелен и заглянул под него.

Это был полностью обнаженный и весело смотрящий через плечо мужчина с огромным эрегированным членом. А перед ним бежал еще один такой же, и еще, и еще. Саро стало трудно дышать и он выпустил ткань. Щеки его горели. Фигуры запечатлелись в его сознании так ярко, как будто их вытатуировали на внутренней стороне черепа.

Соитие мужчин с мужчинами было запрещено в Истрии уже более сотни лет, хотя во многих рассказах об ушедших днях рассказывалось и про это. Внезапно на Саро вновь накатила волна воспоминаний Танто — мальчик-раб в апельсиновой роще. Его затошнило, желчь подкатила к его горлу, и он бросился прочь в поисках цветочного горшка или открытого окна.

— Ты, должно быть, оставшийся в живых сын Винго?

Голос был приятный, ровный, как отполированный водой камень. Саро оглянулся и увидел лорда Форента, с любопытством разглядывающего его.

Он сглотнул.

— Мой брат еще жив, — сказал он сухо.

Бровь Руи Финко изогнулась дугой.

— Не многие выживают в руках хирурга Бриго. Твой брат счастливчик.

Саро подумал о теперешнем уродстве брата, его становящемся с каждым днем все более ядовитым характере и горько усмехнулся.

— Едва ли.

В этот момент за плечом лорда Форента появилась еще одна фигура, заслонившая свет фонаря позади него. Саро почувствовал тень, которую отбрасывал этот человек, еще до того, как она упала на него.

Мужчина был высоким и бледным, с волосами желтовато-белого цвета, как шкура белого медведя, и бледными, как у кальмара, глазами. Когда он улыбнулся, Саро почувствовал себя так, будто все его внутренности вот-вот превратятся в воду. На руках у него сидела маленькая черная кошка, на которой был красный ошейник и намордник искусной работы. Не в состоянии смотреть на мужчину, Саро сфокусировал внимание на кошке. Все в ее поведении говорило о том, что она раздражена: вставшая дыбом шерсть вдоль позвоночника, круговые движения черного хвоста, то, как она отводила голову от длинных пальцев мужчины, которые ритмично поглаживали ее по шее. Он увидел, как ее когти — жемчужно-розовые и острые, словно иглы, — впивались в руку мужчины при каждом ее движении, как ее глаза сияют яростью из-за этого унижительного положения. И он вспомнил, что торговцы рассказывали о высоком бледном человеке с кошкой, который стоял позади Тайхо Ишиана, пока тот разглагольствовал о войне против Севера.

Когда Саро снова осмелился поднять взгляд, мужчина смотрел на него: но не в лицо, а в то место над сердцем, где под туникой в кожаном мешочке висел камень, — как будто его пристальный взгляд мог проникнуть под материю и почувствовать спрятанный там предмет. Камень же, казалось, был встревожен присутствием этого странного человека: он обжег кожу холодом, а потом начал ровно пульсировать, отчего Саро почувствовал головокружение, слабость и горячее желание оказаться подальше отсюда. Он уже повернулся, чтобы уйти, но путь ему преградил подошедший Тайхо Ишиан.

Однако лорд Кантары едва удостоил Саро взгляда — он возбужденно схватил Руи Финко за руку и потянул его в сторону. Он выглядел так, будто выпил целую бутылку араки, глаза его были выпучены и горели страстью, а обычно сурово-неподвижное лицо покраснело и оживилось.

— Наши усилия дали даже лучший результат, чем мы могли надеяться!

Это все, что удалось услышать Саро. В тот момент, когда Тайхо Ишиан начал говорить, бледный мужчина подошел к Саро и положил руку ему на плечо. Ужасный холод разлился по телу Саро. Казалось, ледяная вода наполняет его живот, грудь. Он не мог пошевелиться и едва дышал. Он ждал, что его, как обычно, захлестнет поток образов — шквал воспоминаний и желаний, отрывочные мысли и неконтролируемые побуждения, — но он не почувствовал ничего, кроме ужасного, парализующего холода, образы были столь призрачны и слабы, что можно было принять их за проявления его собственной фантазии. Затем холод исчез, и Саро понял, что бледный человек отдернул от него руку, как будто обжегся, и теперь пятился назад. Кошка, почувствовав ослабление хватки, выскочила из его рук и побежала под стол, волоча за собой красный поводок. Однако мужчина, казалось, даже не заметил этого — глаза его смотрели на Саро, выражая смертельный страх. Саро уже видел такой взгляд — у рабов, над которыми издевался Танта, у кролика, слегка прибитого, но еще живого. Последний раз он видел этот взгляд у старой кочевницы, которую Фавио привел на борт судна в Пексе, чтобы она полечила не приходившего в сознание Танта. Камень смерти — так она назвала его амулет и скрылась. А Саро остался один на один со своими снами, в которых его преследовали люди, ненамеренно убитые им на Большой Ярмарке.

Его рука потянулась к камню, а бледный начал что-то быстро, нечленораздельно бормотать.

— Ради Фаллы, Виралай, — резко одернул его лорд Форента, глядя на колдуна через плечо Тайхо Ишиана. — Постарайся не выставять себя полным дураком, и нас в том числе, в столь избранном обществе. — Потом глаза его сузились, и взгляд скользнул на пол, где из-под накрытого бордовой скатертью стола торчал черный кошачий хвост. — Поймай свое животное и закрой его в комнате.

Бледный человек — Виралай — колебался. Нужно было поймать кошку, но он не испытывал ни малейшего желания проходить мимо парня, который носит самое страшное

оружие в мире у себя на шее, как если бы это была простая безделушка.

Саро с любопытством наблюдал за ним. Потом извинился, кивнув лорду Форента, который подозрительно смотрел на него, и лорду Кантары, не обращавшему на него внимания, и быстро удалился прочь.

— Я проезжал через город Монвия и видел там на улицах людей, кричащих о войне, воющих, как стая волков.

— В Ине, в Голубых лесах, на рыночной площади сожгли изображение северного короля.

— И в Йете тоже.

— Я приехал из Гибеона, где люди редко обращают внимание на такие вещи, но даже там все клянут варваров.

— Лорд Кантары хорошо известен в Гибеоне. Похищение его дочери приняли там близко сердцу.

— Герцог не даст санкций на военные действия, ведь так?

— Сэра не защищена от варварского нападения.

— Ай, ну кто сказал, что они будут нападать? Насколько я слышал, Вран полностью занят своим новым приобретением.

— Это-то и оскорбительно. Предпочесть кочевницу Леди Йетры! Это возмутительно!

— Но это лицо, однако...

— Виро, ты бы придержал язык, а не то загремишь на костер.

— Казна не потянет расходов на новую войну.

— Но выбор-то невелик: люди этого хотят, а как мы знаем, народ на редкость упрям, стоит им только вбить себе что-нибудь в голову. Горе постигнет того правителя, который осмелится пойти против желания народа.

— Да, это настоящая проблема. Все эти разговоры о войне подпитываются страстями, никто и не думает об экономике. Чего мы добьемся, если завоюем и разграбим Север? У них не осталось ничего, что могло бы нам понадобиться. Мы же согнали их на кучку скал посреди океана.

— Они могли бы проложить для нас путь по Вороновой Дороге...

— Только не смехотворный план лорда Форента! Я нисколько не верю в существование какого-то там Дальнего Запада. Все знают, что эти сокровища — всего лишь миф. Кроме того, если мы пойдем войной на Север, едва ли они захотят раскрыть нам свои секреты, а кто станет доверять информации, вырванной силой? Нет — все сошли с ума от своего религиозного пыла. Лично я буду голосовать против войны. У нас двадцать лет ушло на то, чтобы оправиться от последней.

— Бедная девушка украдена этими собаками для удовлетворения их извращенной похоти. Я боюсь даже представить, что могли с ней сделать. Вон там, видите? Ее отец. Он потрясен произошедшим. Говорят, он просил людей молиться вместе с ним Фалле о возвращении леди Селен.

— А разве он не убеждал их послать корабли на Север и вернуть ее силой?

— И спасти в придачу других женщин с островов.

— Бордели Сестрии только выгадают от этого.

— Варикс, ну что за неприличные шуточки?

— Ну а что еще может произойти с ними, если мы действительно «освободим» их от варваров?

— Ну, мы предложим им защиту, передадим их Сестрам для наставления на путь истинный.

— Ха! Очень я сомневаюсь, что Сестры с радостью согласятся на вмешательство в их размеренную молитвенную жизнь тысяч безбожниц-эйранок.

— Варикс, ты богохульник.

— Я просто прагматик, Палто, просто прагматик.

— Нужно шесть месяцев — даже больше, — чтобы построить флот. И это так дорого!

— Лорд Ишиан и лорд Финко, кажется, располагают достаточными суммами и очень заинтересованы в военном конфликте.

— Я бы назвал это любопытным везением. Хоть кто-нибудь может объяснить мне, откуда взялось их новоиспеченное богатство? Насколько я знаю, Прионан и Сэра совсем недавно требовали выплаты долга Кантары Высшему Совету. Бальто Мирон уже потирал руки, размышляя о новом замке.

— Ты отстал от времени! Насколько известно мне, лорд Кантары теперь добывает на своих землях серебро. Конечно же, все его долги уже уплачены сполна, и в последнее время он очень щедр.

— Неужели никого, кроме меня, не удивляет их странный союз? В конце концов, у Руи Финко уже много лет репутация самого распущенного человека в Истрии. У него наверняка множество побочных детей.

— Могу я посоветовать тебе говорить тише, Габран? Они прямо позади нас! Пойдем лучше прогуляемся по саду. Я слышал, что лорд Форента сильно изменился, он ежедневно приносит жертвы и проводит много времени, наставляя людей, призывая их к святости.

— К священной войне, ты хочешь сказать?

— Ну да, конечно, к тому, что нужно нести слово Леди Фаллы на варварские острова.

— Нести с огнем и мечом? Ты об этом?

— Если это поможет сделать наших северных соседей цивилизованными, тогда я с ним.

— У меня этот шрам остался с последней войны с Эйрой.

— А мой отец погиб.

— Мои поместья так и не восстановились после разрушений, сделанных северянами.

— Разве тебе не хочется воспользоваться этим шансом, чтобы отомстить? Я поклялся отыскать человека, который убил моего отца. Если объявят войну, я добровольцем запишусь на первый же корабль, который направится на север!

— А что ты понимаешь в мореплавании, Фестран? Ты помрешь от морской болезни еще до того, как корабль покинет гавань Гедеры.

Совет был созван сразу по окончании Первого Ритуала. Возгласы городского глашатая все еще отдавались эхом от розово-красных стен городских башен, когда лорды Истрии со своими сыновьями, племянниками и двоюродными братьями заняли места в Палате Высшего Совета. Зал был битком набит, раздавался гул взволнованных голосов. Здесь собралось более сотни наиболее могущественных людей Истрии: наследственные лорды, чья родословная уходила в глубь веков ко временам Первой Династии; главы кланов, представляющие все большие города и провинции Империи. В центре стоял широкий резной стол, на который, как рассказывали, пошел ствол огромного дуба из лесов вокруг Сестрии еще до указа о строительстве флота перед Третьей войной, когда все леса были опустошены. Во главе его сидели лорд Прионан, герцог Сэры и лорды Йетры, Гревинги Гесто Дистра. Последние, казалось, постарели на много лет всего за каких-то несколько месяцев. Они выглядели хрупкими и сутулыми, их седые волосы едва прикрывали розовые, сияющие лысины. Они приняли слишком близко к сердцу оскорбление, нанесенное их внучке, говорили некоторые, хотя другие утверждали, что ей очень повезло и если бы ее увезли в Эйру, на Дистрах это сказалось бы еще более болезненно. Прионан же, напротив, выглядел довольным и оживленным. Румяные щёки и пышные формы создавали впечатление, что его изысканное одеяние в любой момент может расползтись по швам. Герцог Сэры был полной ему противоположностью — стройный и строгий в своей темно-синей одежде с благородной серебряной отделкой, спокойный и грациозный, как его снежный барс. Он окидывал взглядом зал, оценивая каждую подробность в поведении присутствующих, каждую мысль, промелькнувшую на их лицах. Он не одобрял войны: как и Гедере, Сэре пришлось бы много потерять в войне с Севером, это уже неоднократно было доказано в течение последних столетий. Стены города, которым управлял его род уже около двухсот пятидесяти лет — с

тех самых пор, как отсюда выгнали варваров, — разрушались четырежды в разных войнах, и каждый раз горожане отстраивали их, делая выше и крепче. Стены замка носили на себе следы огня и обстрелов. После каждой войны приходилось рыть новые колодцы, так как старые отравлялись врагом. В последнее время у него впервые за многие годы появилось достаточно средств на постройку прекрасного вольера, о котором он давно мечтал: уж лучше провести старость со своими любимцами, чем сражаться в заведомо безнадежной войне.

Для Саро было отведено место на краю скамейки через ряд от большого стола. Его брата в кресле на колесиках, которое им пришлось тащить всю дорогу из Алтеи, с почтением расположили сбоку от него. Саро подумал, что это невероятная честь сидеть так близко к центру, и, вероятно, так получилось из-за ошибки какого-нибудь уставшего распорядителя.

Лорд Кантары должен был горько разочароваться, если ожидал, что ему предложат место за большим столом. Когда он вошел в Палату, уверенно держась рядом с Руи Финко, который прошествовал к своему месту по левую руку от герцога, лорда Ишиана сдержанно попросили проследовать к ряду, где размешался клан Винго, и Фавио с Фабелом пришлось встать, чтобы дать ему пройти. Саро увидел, как лицо его отца потемнело от ненависти, когда лорд проталкивался к своему месту, и понял, о чем он думает.

Саро тоже встал, чтобы позволить Тайхо сесть рядом с его братом, но лорд Кантары лишь в ужасе взглянул на бледное безволосое создание, напоминавшее огромную личинку, и быстро, не произнеся ни слова, опустился на скамейку между Саро и его дядей.

Глаза Танто вспыхнули от ярости, и он злобно ткнул Саро пальцем в бедро. Прикосновение было коротким, но, несмотря на это, Саро обожгла волна раздражительности и злости.

— Посторонись, чтобы я мог обратиться к лорду Кантары.

Саро много бы отдал за то, чтобы вообще пересесть в другое место, но он просто отклонился назад, насколько смог.

— Милорд, — заговорил Танто высоким подобострастным голосом.

Тайхо притворился, будто не понял, что обращаются к нему. Танто откашлялся и повторил уже громче.

— Достопочтенный лорд Кантары!

Проигнорировать это было невозможно. Другие люди задвигались на своих местах, вытягивая шею, чтобы подслушать их разговор. В конце концов, это же герой Большой Ярмарки, который чуть не погиб, пытаясь спасти дочь Тайхо Ишиана от эйранских разбойников; более того, этот человек когда-то был надеждой истрийского народа; поговаривали, что он никогда не сможет ходить и иметь детей. Это была настоящая трагедия.

Тайхо склонил голову набок со всем изяществом, на какое был способен.

— Танто Винго, какая честь видеть вас снова.

— Есть ли новости о вашей дочери, милорд?

Голос Танто прозвучал так громко, что люди замолкли, оторвавшись от своих споров, и стали оглядываться, чтобы посмотреть, кто говорит. Тайхо едва удалось скрыть восторг от вопроса, привлечшего к нему столько внимания. Едва ли ему удалось бы создать подобную ситуацию столь изящно, если бы его усадили ближе к центру стола.

Голосом более громким, чем требовалось, чтобы его услышал Танто, он ответил:

— Никаких новостей, мой мальчик. Совсем никаких новостей. Боюсь, что она мертва или, хуже того, попала в рабство к этим подлым безбожникам, которые украли ее и убили ее служанку. Я не спал нормально ни одной ночи с тех пор, как у меня отняли мою дочь. Каждый день я приношу жертвы богине, молясь о ее спасении, и верю, что рано или поздно буду вознагражден.

— Они просто чудовища! — воскликнул Танто. — Уверен, мы не можем равнодушно смотреть на происходящее. Если бы я был здоров и полон сил, я бы сам принес огонь Леди на их берега, но, как вы видите, их клинки стали причиной моего нынешнего унижительного положения. Мой брат между тем уже признался мне, что ни о чем так не мечтает, как о

мести, он хочет взять меч и щит и направиться к Северным островам, чтобы поквитаться за боль, причиненную вашей семье и моей.

Саро, даже если бы хотел, не мог оспорить эту ложь. Лорд Кантара повернулся к нему с пылающими глазами и со стоном заключил его в объятия.

В тот же момент все его существо наполнилось образами, он узнал каждую подлую мыслишку, каждое низкое желание этого человека, внешне столь благочестивого и набожного. Он вовсе не печалился о своей дочери, не желал восстановления справедливости. Огонь, который так ярко горел в нем, не был огнем праведности: это было лишь похотливое желание, этот человек намеревался топтать и убивать всех на своем пути ради того, чтобы выиграть приз. Вожделенной целью Тайхо была женщина, которую Саро видел раньше: она подошла к нему на покрытых пеплом черных берегах Лунной равнины, у костра, где горела Катла Арансон, и прикоснулась к камню, висевшему у него на шее. И этим простым прикосновением, с помощью сверхъестественной силы, которой обладала, она наделила камень силой смерти. Но женщина, которую он видел тогда — бледная и прекрасная, как морозный день, с серебристыми волосами и печальным взглядом, — в мыслях лорда Кантары имела совсем другой вид. Это была изменившаяся до неузнаваемости шлюха, распутная девка, которая выставяла напоказ свою наготу — сначала груди с розовыми сосками, потом вытянутые длинные белые ноги, открывающие зрелище столь же непристойное, сколь и захватывающее дух. Потом вспыхнул яркий образ короля Врана Ашарсона, великолепного в своей эйранской одежде, с длинными темными волосами, крепкими мышцами и пронизательным взглядом. Рядом с ним была женщина, сияющая красотой в свете огня, ее рука покоилась в его ладони. А затем это прекрасное видение заменил образ другого Врана Ашарсона — с выколотыми глазами, покрытого сочащимися кровью ранами, висящего вниз головой на столбе. И Тайхо собственными руками потрошил еще живую плоть.

Задышавшись, Саро отстранился от лорда, но все эти образы, изощренные и нечестивые, преследовали его в течение еще часа.

Поэтому он почти не слышал выступлений лордов Йетры, говоривших об оскорблении, нанесенном Югу, осквернении сада, который они создали для Леди, святотатстве по отношению к богине. Пока герцог Гилы жаловался на падение доходов и недостаток средств, Саро снова видел горящие города, кричащих людей и наложенный на все это образ зеленоглазой женщины. Когда заговорил герцог Сэры — о необходимости внимательно рассмотреть ситуацию и не принимать глупые, необдуманные решения, — он видел, как она раздвигает ноги. Когда поднялся Руи Финко и потребовал заступничества по отношению к лорду Кантары и каждому мужчине, женщине и ребенку в Истрии, приведя всех в волнение этой самой страстной и убедительной речью в истории Совета; когда было проведено голосование и принято решение большинством голосов; когда лорды Форента и Кантары были назначены командующими флота, который поведет армию и доставит священный огонь и слово богини в Эйру, и было названо имя Саро Винго, которого лорд Ишиан выбрал себе в лейтенанты, — сам Саро оставался глух и слеп ко всему происходящему, испытывая боль отвращения. Последнее видение, посетившее его перед тем, как на него посыпались комплименты и похлопывания по спине, привело его в ужас. Он увидел лорда Кантары рядом с высоким бледным человеком по имени Виралай, держащего в руках бесчувственную кочевницу, — они стояли на вершине высокой горы и смотрели на долину, где шла жестокая битва. В нескольких сотнях футов внизу огромная орда эйранцев сражалась с полчищем истрийцев. Они бились и падали, атаковали и умирали. Стрелы летали, как вороны. Звенели мечи и сверкали копыя. Кровь текла рекой, ржали лошади. А потом неожиданно наступила тишина, и лорд Тайхо Ишиан поднял тот самый талисман, который сейчас висел на шее Саро Винго. Вобравший в себя всю силу волшебника, его кошки и женщины, камень испускал белые лучи — они накрыли долину и умертвили все живое вокруг.

ОТНОШЕНИЯ

— Что случилось, любимая? Ты выглядишь такой грустной.

Вран пересек комнату и обнял жену. Не ответив на его объятия с обычной страстью, Роза Эльды повернула к нему лицо — в ее больших зеленых глазах отражалось беспокойство. Она хотела рассказать ему, но тут белая накидка из меха горностая, которую он заказал специально для нее по невероятно высокой цене, соскользнула с ее гладкого бледного плеча, открыв часть груди. Она поспешно ухватилась за накидку, но увиденное уже подействовало на мужа. Зрачки его расширились и загорелись, рука поднялась, чтобы прикоснуться к обнаженной плоти.

Она наблюдала, как неудержимое желание делало его красивое лицо пустым, невыразительным, похожим на лицо любого другого мужчины. В такие моменты он уже не был Враном Ашарсоном, королем Северных островов. Возбуждение стирало его индивидуальность так же основательно, как волны — следы ног и пустые панцири крабов с прибрежной полосы, оставляя лишь ровную песчаную поверхность. Видя это, она испытывала грусть. Когда бархат платья, струясь, упал к ее ногам, когда его горячие губы снова и снова касались ее шеи и он делался все более настойчивым, она понимала, что его душа не принадлежит ей, как она думала раньше, когда впервые поймала его в свои сети, что, несмотря на брачные узы, она теряет его, самая его сущность ускользает от нее.

Но самое странное — как только они упали на кровать и его губы приникли к ее рту, она почувствовала, что теряет и себя тоже. Ни в одном из уроков любви, которые преподавал ей Мастер в ледяной крепости, ничего не говорилось об удовольствии, которое она может испытать в постели с мужчиной. И поэтому она ничего и не ждала, она привыкла к отсутствию ощущений с Рахе, потом с мужчинами, которым продавал ее Виралай. Она ничего не испытывала. Но не сейчас.

На корабле, который увозил ее прочь от Лунной равнины, она ощутила, как прикосновения Врана пробудили в ней что-то новое. Поначалу она решила, что это вызвано ритмичной качкой судна, или же чувства ее обострились от близости океана. Но потом, когда они укрылись за высокими и крепкими стенами замка Халбо, это новое проявилось десятками разных способов. Она открыла в себе чувство отчужденности, когда мужа не было рядом, потому что, несмотря на всю простоту королевского двора, где люди говорили вслух что думали, не бросали слов на ветер, не хвастались и не тратили время на религиозные церемонии, в глубине души она знала, что это не ее дом и таковым никогда не станет. Хотя она понятия не имела, был ли у нее когда-нибудь свой дом. А когда он находился рядом, она чувствовала себя словно наполненной. Позже она начала замечать, что если видела Врана разговаривающим с другой женщиной, особенно если он клал ей руку на плечо или брал под локоть, пусть даже в самой невинной манере, то чувствовала приступы боли в груди или животе. Когда он ласкал ее — ночью или с утра, в короткие перерывы днем или когда они передевались к ужину, — каждое его прикосновение заставляло ее кожу пылать, как будто кровь бросалась навстречу его рукам и губам, чтобы сжечь физический барьер между их душами и они могли бы слиться воедино. Со всевозрастающей частотой она замечала, что ее саму захлестывают приливы страсти. Самые удивительные ощущения овладевали ею, заставляя забыть обо всем. Дыхание ее становилось таким же глубоким, как у мужа, ее чудная бледная кожа розовела, и крики — крики далекой птицы, в одиночестве скользящей над гладью моря, — эхом вторили стонам мужа. Временами ей казалось, что она превратилась в ту самую птицу, утратив себя. И все чаще она радовалась этому чувству потерянности и беспомощности. Соблазну уйти в темные волны и никогда не возвращаться было трудно противостоять.

Когда она приходила в себя после этих захватывающих переживаний, ей становилось страшно. Она потерялась в жизни, и не по собственной вине. Что станете ней, если она позволит себе уйти в эти темные волны?

И на этот раз, когда они — обнаженные и горящие желанием — упали на кровать,

покрытую мехом, она поборолась себя. Ради самой себя — и ради него — ей придется уменьшить свои чары, с помощью которых она завладела королем. И тогда она узнает больше об истинном характере мужчины, к которому так привязалась. Тогда, и только тогда, она поймет, насколько простирается ее власть над ним и окажется ли она как женщина сильнее чародейки.

В тот вечер был дан пир в честь свадьбы ярла Черного острова, этого скалистого куска земли в восточном проливе между материком и Светлыми островами, с дочерью самого старого и преданного друга Врана по прозвищу Штормовой Путь.

Брета Брансен выглядела очень даже неплохо, учитывая то, что обычно о ней трудно было сказать такое. Дочь Штормового Пути, обладая широкими плечами и бедрами и ростом как у мужчины, вполне могла бы быть приятной девушкой. Но она очень стеснялась собственных габаритов и потому выглядела почти как горбун — так сильно она сутулилась. Ее волосы — светлые, песочного оттенка, такие же жесткие и непокорные, как у отца, — были заплетены в несколько косичек, перевязанных серебряными лентами, и украшены бледно-голубыми цветами. Любой другой женщине это могло придать вид очаровательный и по-девичьи свежий, но на Брете это выглядело так, будто ее протащили по палисаднику и половина его растительности просто зацепилась ей за волосы. Непослушные пряди выбивались из лент, а цветы уже начали вянуть от сухого жара каминов зала. Ее одели в платье из светло-голубого льна, цвета спокойного моря, но ткань уже помялась и местами обвисла. Картину довершало крупное, пухлое лицо Бреты с выражением страдания и боли.

Она совершенно не хотела замуж, тем более за Брина Фоллсона, ярла Черного острова, человека с потеющей лысиной и смехом, как у испуганного осла. Не то чтобы он был жестоким или неприятным — она не могла сказать, что ей что-то сильно не нравится в нем, — просто он стал для нее окончательным подтверждением, если таковое еще требовалось, простой истины, что ни любовь, ни ум, ни доброта никогда не смогут возместить недостатка внешней красоты. Откровенно говоря, Брета была уродлива. И несправедливость природы, позволившей ей унаследовать резкие черты любимого отца вместо чарующей красоты матери, перевешивала все прекрасные качества девушки в глазах человека, которого она действительно страстно желала. Семи лет от роду Брета влюбилась во Врана Ашарсона, но для него она была не более чем медлительный, слабый и глупый товарищ по играм в прятки, догонялки, с которым он устраивал засады, боролся и дрался на дуэли. Все эти годы она сносила его насмешки и задиристый нрав, и время не стерло и не облегчило боль от сознания, что ее чувства не находят никакого отклика. Некоторое время назад ей удалось убедить себя, что Вран никогда не посмотрит на нее как на объект желаний, но она надеялась, что со временем дружба и душевная близость станут для него важнее. Фактически он никогда не смотрел на нее как на женщину, пока однажды отец не представил ее на Собрании. Вран, который в тот вечер был очень добр, похвалил покрой ее платья и сделал это вовсе не в насмешку. Но это было так унижительно!

Ее жених, напротив, с дрожью наблюдал, как она поднималась на помост, и обрадовался, когда выбор северного короля пал на другую женщину. Он тут же подошел к Штормовому Пути и попросил разрешения посвататься к его дочери по возвращении на остров. Для Бреты было новостью, что мужчина может обратить на нее внимание, но вместо того чтобы успокоиться, она впала в еще большее отчаяние от непостижимости мужской логики. Между тем, несмотря на то, что он был на двенадцать лет старше нее и уже начал лысеть, она не смогла найти причин для отказа. В тот момент, когда она увидела, как Вран смотрит в глаза бледной женщине-кочевнице во время выбора невесты, как он влюбляется в нее прямо на месте, она потеряла всякую надежду. И поэтому, когда отец пришел к ней с предложением Брина Фоллсона, она просто пожала плечами и согласилась. Если она не может обладать мужчиной, о котором мечтает, значит, она отдастся первому, кто попросит ее руки, и к черту последствия.

Однако перспектива брачной ночи наводила на нее ужас, как бы старательно ни гнала

она от себя эту мысль.

Как только закончится пир, жениха и невесту уведут в лучшую гостевую комнату и свяжут рука к руке и нога к ноге (с некоторой свободой для движений) голубыми и зелеными шнурами, которые символизируют союз моря и земли, соединение мужчины и женщины во имя Сура. Их не развяжут до тех пор, пока солнце не достигнет зенита на следующий день.

Брету передернуло, когда она шла, чтобы занять ненавистное почетное место рядом с женой ее любимого. По традиции королева должна была провести весь вечер рядом с новобрачной, давая ей советы. Мысль о том, что жена ее возлюбленного будет шептать ей на ухо, как лучше всего доставить удовольствие мужчине — как прикасаться к нему тут и там, как целовать, — была совершенно невыносимой. Однако бледная королева произнесла лишь пару поздравительных слов, и по всему было видно, что она вовсе не намерена доверять Брете свои секреты.

Роза Эльды слегка улыбнулась, когда девушка заняла место рядом с ней, потом взгляд ее упал на свадебные ленты голубого цвета, туго затянутые на талии Бреты, и вдруг в голове ее вспыхнула яркая, как никогда, картина собственной свадьбы: толпы народа, шум, смех, непристойные песни — и глаза матери Врана, когда она завязывала на ее поясе первый узел. Она почувствовала тогда что-то вроде страха, который был вызван не самой свадьбой, но присутствием большого числа людей, на которых ее влияние не распространялось — на женщин ее чары, казалось, совсем не действовали.

Вспомнив это, Роза Эльды снова почувствовала себя неуютно. Здесь было слишком много людей, и у нее создавалось тревожное впечатление, что все они смотрят на нее и говорят о ней, когда она не слышит. Она хваталась за обрывки разговоров, но даже сосредоточившись, не могла восстановить их полностью. «День и ночь, — слышала она, — уже четыре месяца»; «Надо было брать женщину из клана Светлых Вод». И затем отчетливое: «Если она не родит, ему придется взять другую».

Но сильнее всего действовал на нее неумолимый взгляд леди Ауды. Овдовевшую мать короля сегодня усадили — по ошибке или по ее желанию — напротив жены ее сына, и Роза Эльды беспрерывно чувствовала на себе ее холодный взгляд, инстинктивно понимая, чем заслужила такое отношение. Это была ненависть одной женщины к другой, которая сместила ее с прежней позиции. Своим вытянутым и сморщенным лицом Ауда была похожа на паучиху; темные с проседью волосы гладко зачесаны назад и тщательно убраны под чепец, губы сжаты так сильно, что казалось, будто лицо проваливается внутрь рта.

За все время, что Роза Эльды провела в Халбо, Ауда произнесла лишь три фразы, обращенные к ней.

Первая прозвучала в тот вечер, когда Роза вошла в Величественный Зал вскоре после прибытия на эйранскую землю: «Если ты думаешь, что своими трюками и распутством удержишь моего сына, ты глубоко ошибаешься». Вторая содержала традиционные слова, с которыми мать мужчины передает его в руки другой женщины, при этом явственно слышалось шипение воздуха, проходящего между ее редкими зубами. После этого Ауда удалилась в свои покои, отказавшись делить стол и помещение с женой сына. Третья фраза прозвучала несколько недель спустя, после того, как Вран приказал повесить в палаты леди Ауды новые картины и ковры, что потребовало передвижения мебели и переезда самой леди. Под этим предлогом он уговорил мать навестить его комнаты, где взял ее руку и положил на холодные пальцы Розы Эльды, так что она была вынуждена пробормотать: «Добро пожаловать в Халбо, жена моего сына».

Последняя часть приветствия — «и моя королева» — осталась не произнесенной. Роза Эльды видела, что муж ее потерял всякую надежду изменить положение вещей.

Однако Вран настоял на присутствии матери на всех торжествах, и она подчинялась, сжав губы и всем видом выражая высокомерие и недовольство.

Сегодня она выглядела особенно кисло, хотя в глазах ее светился огонек. Когда подали первые блюда, она резко наклонилась вперед, не обращая внимания на сына и невестку, и заговорила с ярлом Шепси, который занимал место справа от королевы.

— Ну что, Шепси, спина тебе так и не дает покоя?

Ярл Шепси ответил утвердительно и приписал свое состояние преклонным годам и сквознякам. А потом спросил новую королеву, не находит ли она, что в замке прохладно, но Ауда не дала ей рта раскрыть.

— Что ж, омолодиться без колдовства невозможно. — Она в упор посмотрела на Розу Эльды, но, не получив ответа, зарядила длинную тираду по поводу того, какие травы нужно добавлять в ванны для лечения спины. — И обязательно проверь температуру воды, прежде чем в нее забраться: слишком холодно — мышцы сведет, слишком горячо — станет хуже, чем было.

Шепси поблагодарил ее.

— Никакой магии, — громко произнесла старая королева. — Никаких трюков кочевников не требуется и в помине: старые добрые эйранские способы могут творить чудеса.

Было видно, что ярл Шепси чувствует себя крайне неудобно, но Вран был занят разговором с каким-то лордом и если и слышал колкое замечание матушки, виду не подал.

Ауда продолжила беседовать на ту же тему с леди, сидевшей напротив, а потом позвала свою служанку — столь же ядовитое и неприятное существо, как она сама. Служанку звали Лилия, однако она, широкая в кости и темнокожая, скорее напоминала лопух. Старая королева попросила подать вино той леди. Лилия, исполняя требование, неуклюже задела чашей плечо Розы Эльды. Та удивленно оглянулась. Ауда же тотчас крикнула громким голосом:

— Принесите мне чашу, которой не касалась рука этой женщины!

За столом наступила тишина.

— Мать! — одернул ее Вран, голос его был строгим и недовольным.

Брета Брансен, сидевшая по правую руку от старой королевы, молча, нахмуренно подала Ауде чашу. Она не испытывала любви к женщине, которая занимала все мысли Врана и место в его постели, но такая грубость показалась ей неуместной вдень, который и так был полон печали.

Ауда взяла чашу, не сказав ни слова. Немного позже она снова подозвала к себе Лилию и что-то прошептала ей на ухо, после чего служанка хитро улыбнулась и поспешно удалилась.

— Тебе надо будет быстро нарожать детей, — обратилась старая королева к Брете, которая сильно при этом покраснела. — Моложе не становятся. Поздновато ты выходишь замуж, поздновато. Сколько тебе сейчас? Двадцать три? Двадцать четыре?

Брета угрюмо кивнула.

— Столько же, сколько моему мальчику. Я всегда надеялась, что у тебя отыщется для него тепленькое местечко, — беспощадно продолжала Ауда. — И почему он не захотел взять в жены тебя или такую, как ты, одному Суру известно. Хорошая жена, говорила я ему про тебя, как раз то, что нужно королевству: прекрасная эйранская родословная и крепкие бедра, ты бы легко нарожала ему сколько угодно детей для продолжения династии. Но он всегда сходил с ума от смазливых мордашек, вот и взял себе жену, которая больше похожа на тощую, белую змею, чем на нормальную женщину. Но я уверена, он получит серьезный урок. Как и все мужчины.

Брета беспомощно уткнула взгляд в стол, щеки ее пылали, в то время как объект этой тирады потчевал жену маленьким кусочком цыпленка со своей тарелки и был совершенно безразличен к замечаниям матушки. Она попыталась сказать что-нибудь в ответ старой королеве, но тут снова появилась Лилия Мерсен с кувшином горького темного вина, которое давили из винограда с известковых полей клана Светлых Вод. Жестом Ауда велела ей наполнить чаши всех сидящих за столом, но когда Лилия подошла к молодой королеве, она споткнулась и громко выругалась. Вино выплеснулось на Розу Эльды — вылилось на волосы, которые она носила распущенными, как незамужняя женщина, потекло по плечам на светлое платье и на меховую накидку из горностая, которая быстро впитала жидкость,

сделавшись уродливо мокрой и красной. Маленькие ручейки вина потекли по белому телу Розы Эльды, исчезая под вышитым лифом между грудей. Разговоры резко прекратились.

Ауда открыла рот и выглядела потрясенной, будто сама была ошарашена неуклюжестью служанки. Потом она перегнулась через стол и схватила Розу Эльды за запястья, да так крепко, что та вскрикнула. Но вместо того, чтобы принести ей свои извинения, она громко объявила:

— Кровь придет с юга и замарает снега Эйры, плоть будет разверзнута и истечет кровью. Магия восстанет: вокруг волшебство. Огонь поглотит Халбо. Сердца остановятся, многие умрут.

Потом глаза ее закатились, и она повалилась на стул.

Это все подстроено, подумала Брета Брансен, которая видела перемигивание Ауды и ее служанки. Но в любом случае она как сидевшая ближе всех к старой королеве должна была поинтересоваться ее самочувствием.

— С вами все в порядке, миледи? Могу я вам чем-нибудь помочь?

Но пожилая женщина не пошевелилась. Брета взяла ее руку. Она казалась безвольной и слабой, пульс был быстрый, но еле ощутим, будто мотылек стучал по коже крылышками. Ауда не двигалась. Брета в растерянности окинула взглядом стол, но король был занят женой, которая, едва старая женщина произнесла свои зловещие слова, будто окаменела и начала дрожать всем телом, а ее зеленые глаза широко распахнулись. Брин Фоллсон быстро подошел к старой королеве, поднял ей голову и заглянул под дрожащие веки. Потом объявил, что королева упала в обморок, и ее следует перенести в покои.

Брета наблюдала, как человек, с которым отныне связана ее жизнь, взял на себя ответственность руководить ситуацией, послал мальчика за королевским лекарем, приказал слугам разжечь огонь в камине в комнате Ауды и принести туда немного еды и вина. Затем он на руках вынес пожилую женщину из зала так осторожно и легко, как если бы она была ребенком. И в первый раз за все время Брета подумала, что, в конце концов, ее доля не так уж плоха.

Пир быстро закончился, вино было допито, мясо оставлено собакам. Молодоженов проводили в их комнату с меньшими почестями и воодушевлением, чем обычно. Поскольку мать Бреты давно умерла, ей пришлось просить Розу Эльды завязать первый узел — восьмерка, символ вечности — и протянуть через нее концы голубого шнура, которым правая рука жены привязывалась к левой руке мужа. Но новая королева Северных островов никогда в жизни не завязывала узлов, и Брета вынуждена была сделать это за нее, а потом объяснить, куда протягивать веревку.

Ее отец привязал зеленый шнур к запястью Брины и потом повернулся к дочери. Он сжал ее руку, когда завязывал сложный узел, и, понизив свой обычно громовой голос до шепота, сказал:

— Он хороший человек, моя дорогая. Он не сделает тебе больно.

Брета почувствовала, как слезы обожгли глаза, но она быстро кивнула и продолжала улыбаться, когда король, приблизившись, благословил ее поцелуем в лоб и последним узлом. Обычно это было сложное плетение: двойной морской и якорь Сура, но сейчас он в одно мгновение завязал очень простой узелок, а потом бросился вслед за своей быстро удаляющейся женой.

Роза Эльды чувствовала непривычную боль в висках. Там яростно и жарко пульсировала кровь — если внутри нее текла кровь. Ей стало интересно. С тех пор как Виралай украл ее у Рахе и они уплыли из Святилища в той маленькой лодке, она жила как во сне, почти не обращая внимания на мир и людей вокруг: все это было непонятно и слишком странно. Она также не обращала внимания на время. Когда они шли с кочевниками, она была предоставлена сама себе, потому что Виралай не мог продавать ее тело любому, кто возжелает его. У Странствующего Народа не водилось денег, хотя несколько раз мужчины спрашивали ее, не желает ли она провести с ними время. Но Виралай их сердито

выпроваживал, когда понимал, что никакой выгоды из их интереса не будет. Как раз перед тем, как они приехали на Большую Ярмарку, дочь старой предсказательницы Фезак Поющей Звезды Алисия, которая часто общалась с Виралаем, пришла к ней однажды утром и спросила, не нужно ли ей зелье против зачатия. А когда Роза Эльды спросила, что она имеет в виду, Алисия рассмеялась и сунула ей в руки маленький мешочек сухих трав, который носила на шее.

— Это льнянка и кервель, да еще желтофиоль. Носи с собой, и тебе не придется беспокоиться о детях.

Тогда Роза Эльды пришла в замешательство. Неужели эти травы отпугивают детей, как запах апельсина отгоняет кошку? Алисия захлопала в ладоши и засмеялась. Но когда она увидела, что бледнокожая женщина вполне серьезна, она спросила, бывают ли у нее месячные. Но когда и это было встречено непониманием, Алисия пустилась в объяснения на предмет приливов и отливов, циклов луны и движения крови по женскому телу и того, как оно готовится каждый месяц к тому, чтобы принять мужское семя, чтобы оно там закрепилось. Роза Эльды нахмурилась и ответила:

— У меня нет крови, — потом отвернулась и ушла, оставив Алисию стоять с открытым ртом у повозки.

Теперь ей стало интересно: может быть, эти ее слова в самом деле были правдой? За прошедшие месяцы она узнала довольно много о мире. Четыре лунных цикла минуло с тех пор, как Вран Ашарсон ступил с ней на борт корабля и увез с Лунной равнины, четыре лунных цикла он еженощно оставлял в ней свое семя, а иногда и по нескольку раз за ночь. Но ее живот оставался плоским, как тарелка, а талия — тонкой, в то время как девушки при дворе, которые вышли замуж после того, как Роза поселилась в Халбо, уже хвастали своими округлившимися формами. Она научилась осторожно отвергать предложения служанок, желавших отнести ее белье в стирку. Она говорила им, что предпочитает ухаживать за собой сама. Но из обрывков разговоров, которые она подслушала сегодня, стало понятно, что злые языки уже давно прохаживаются на ее счет. А леди Ауда со временем станет ещё более нестерпимой.

— Дети, чтобы продолжить династию, — тихо повторила она, до конца не понимая, что хотела этим сказать старая королева.

— Что ты говоришь, моя голубка?

Вран тихо вошел в комнату вслед за ней, и она повернулась к нему.

— Кто я? — спросила она.

Этот вопрос она задавала ему уже не раз. Вран подошел к ней, мягко обнял за плечи и посмотрел в ее лицо, озаренное огнем настенных светильников.

— Ты — Роза Эльды, роза нашего мира, королева Северных островов и моего сердца.

Обычно это успокаивало ее, но не сегодня.

— Тебе недостаточно меня?

Вран нахмурился.

— Что ты хочешь сказать? Ты — все, о чем я когда-либо мечтал, самая красивая женщина, самая совершенная жена, которую только может пожелать мужчина и король.

— Но тебе нужны дети, чтобы продолжить династию. — Она произнесла это без всякого выражения.

— Дети, чтобы продолжить династию? Ха! Дети от тебя. Дети, чтобы было кому унаследовать королевство, чтобы волки перестали кружить вокруг. — Он улыбнулся ей, сверкнув белыми зубами сквозь бороду. — О чем ты толкуешь, любимая?

Лицо его сияло. Как будто кто-то разжег в нем огонь: глаза горели в предвкушении, светились необузданным весельем. Пламя светильников отражалось в его темных зрачках, смягчало резкие черты скул и подбородка. Откинув голову, он от души рассмеялся, наполнив смехом комнату.

Роза Эльды с упавшим сердцем наблюдала за этим неожиданным взрывом веселья. Что бы ни значили слова о детях, он все равно не понял ее, а теперь было поздно объяснять.

Когда он подхватил ее на руки и отнес на постель, она уже ни о чем не могла думать. Он раздел ее с чрезмерной осторожностью и провел руками по ее стройному телу. Она улыбалась. Но когда он положил голову ей на живот и заснул, из глаз ее потекла жидкость. Она заморгала, пыталась стряхнуть с себя нахлынувшие эмоции, испугавшись незнакомых ощущений. Слезы текли по ее лицу, попадали в рот. Они были жаркими, солеными и неожиданными.

Потом она кое-что вспомнила.

Это было нечто смутное и трудно определимое. Она стояла, глядя вниз в глубокую горную расщелину. Пыль еще не улеглась, и шум падающих камней не мог заглушить какого-то отдаленного глухого рокотания. Она вспомнила физическую боль в груди и в горле, ощущение, будто она проглотила один из этих падающих камней, болезненное покалывание в глазах. И такая же горячая соленая вода пролилась тогда по ее лицу. Красная пыль покрывала ее ступни, край белого платья. Одна капля упала, медленно, словно перышко, ей на ногу, прочертив белую дорожку посреди красного. А затем грубая рука толкнула ее, и она пошла, спотыкаясь и ничего не видя от первых в своей жизни слез.

Глава 16

ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ

Только половина команды «Снежного Волка», самого прекрасного корабля из всех когда-либо построенных Мортеном Дансоном, вернулась на Камнепад.

Тэм Лисица исчез в глубинах океана, а с ним и Сильва Легкая Рука, и Мин Кодфейс, и еще полдюжины лучших актеров и акробатов Эльды, к чьим талантам океан остался равнодушен. Спаслись Белла Огненная Кошка и еще две женщины, а также акробат Джад и корабельщик, ради которого и было затеяно это плавание. Люди уцепились за обломки мачты и куски обшивки и держались до тех пор, пока их не подобрал в уцелевшую лодку Урс, чье и без того изуродованное лицо перекосила новая рана. Катла Арансон часами вглядывалась в воду с носа лодки, не теряя надежды увидеть в волнах Тэма Лисицу, брата и Йенну Финнсен. Казалось невозможным поверить в то, что они утонули, хотя она своими глазами видела, как их смыло за борт. Халли обладал огромной силой духа и тела и не мог просто так сдаться и погибнуть. На миг он представился ей, стоящий в темноте, озаренный лунным светом, с развевающимися волосами, но она отогнала этот образ, не позволяя себе думать о его смерти.

Они гребли уже три дня без воды и пищи. На второй день пошел дождь, и они ртом ловили капли. Гребцы сменяли друг друга через несколько часов. Руки покрылись волдырями, и соленая вода жгла их. Женщины плакали, но звук их рыданий оставлял Катлу равнодушной, она чувствовала себя опустошенной. Вцепившись в весло, она сидела, уставившись на серые волны и ничего не чувствуя. Может, она ненормальная? В один миг она потеряла любимого брата, подругу и... Она не знала, как теперь относиться к Тэму Лисице, поэтому старалась не думать о нем.

Смерть Йенны ее почти не затронула: видя, как брат страдает из-за ее глупых колебаний и непостоянства, она чувствовала, что если и была когда-то между ними дружба, то теперь от нее мало что осталось. Но воспоминания о Халли не давали ей покоя. Море напоминало о нем — это была его стихия. Сотни раз они выплывали с ним из гавани Камнепада на маленьком деревянном суденышке, которое Аран соорудил для сына, когда тому было шесть лет. Они рыбачили недалеко от рифов, там, куда им было запрещено заплывать. Приносили домой скумбрию и сайру, а иногда им удавалось добыть даже большого морского окуня. Однажды он поймал морскую щуку, и когда странное существо начало неистово биться о днище лодки, он в панике выпрыгнул за борт и оставил Катлу одну управляться с рыбиной, скачущей по лодке. Она вытащила изо рта щуки крючок и избавилась от нее. Правда, вместо того, чтобы просто вышвырнуть ее за борт, Катла подождала, когда Халли вынырнет, и запустила в него рыбой. Попала в голову. Она до сих

пор помнила звук мокрого шлепка и вопль Халли. А сколько брызг он поднял, в ужасе уплывая от жуткого создания! Он был сильным пловцом, и когда они соревновались, она еще только выпрыгивала из лодки, а он уже преодолевал половину расстояния до берега. Она усмехнулась, вспомнив, какое у Халли было разъяренное лицо, когда он вытолкнул ее за борт и заставил плыть к острову; как они вваливались в дом, похожие на пару мокрых котов, и как ругалась на них мать за выпачканную одежду.

— Вот-вот, так-то лучше, девочка. — Урс наклонился к ней и похлопал по коленке. — Постарайся увидеть и хорошую сторону. Они сейчас с Суром, а мы живы и жаримся на солнце без воды.

Она безрадостно улыбнулась, не зная, что из этого предпочтительнее. Но немного погодя они разглядели вдали рыбацкое судно. Их приняли на борт, и на всех парусах они помчались к Камнепаду.

Остальное — прибытие в гавань, где уже стояли две баржи; лица людей, собравшихся на причале и не понимающих, как могло случиться так, чтобы два груженных судна обогнали одно быстроходное; причитания матери, молчаливое горе Арана, бледность ошеломленного Фента; неестественная тишина в доме оттого, что все ходили на цыпочках, не зная, что сказать, — все это она запомнила плохо. Выпив кувшин молока, она завалилась спать и проспала, как мертвая, по меньшей мере два дня.

— На его месте должен был быть я, — сказал Фент в сотый раз. — Проклятие сейды предназначалось для меня, а не для Халли.

Катле до смерти наскучило выслушивать его, она уже устала от разговоров об этом. Она чувствовала себя измученной. Фент раз за разом заставлял ее описывать нападение чудовища, их защиту, крушение корабля и все остальное, последовательность событий уже начала путаться у нее в голове. А Фент заставлял ее пересказывать все это, словно завидовал ее решительному поступку. Казалось, ее брат-близнец жалел, что не участвовал в этой драме.

— Это всего лишь суеверие!

— Катла! — Он выглядел ошарашенным. — Не говори так. Если ты будешь так говорить, то навлечешь несчастья на всех нас.

— Неужели может быть что-то хуже? Фент, это был просто огромный нарвал или что-то в этом роде, нам просто не повезло.

Она подобрала деревянную палку и швырнула ее через поле. Ферг, старая овчарка, с интересом посмотрел на описанную палкой дугу, потом тяжело сел и стал вылизывать шерсть. Он не отходил от нее ни на шаг тех пор, как она вернулась, и его молчаливое присутствие было для нее гораздо важнее, чем множество ненужных слов, сказанных людьми.

— Ну а как же баржи? — настаивал он. — Наверняка на них видели нападение.

— «Снежный Волк» делал остановку, — объяснила Катла, удерживаясь от подробностей. Она вовсе не собиралась описывать все, происходившее той ночью. Какая-то маленькая заноза в голове беспокоила ее и раздражала. — Баржи отправились в путь раньше нас, оттуда не могли ничего видеть.

Было любопытно, насколько различались описания чудовища у разных людей, как будто они столкнулись с дюжиной разных монстров. Даже на лодке через несколько часов после происшествия их рассказы сильно отличались от того, что помнила Катла. И с тех пор эта история зажила собственной жизнью. Спасшиеся добавляли к ней свои детали, слушатели приукрашивали и передавали дальше в слегка (или не слегка) отличающемся варианте людям из других поселений и заезжим торговцам, женщинам на рынке и путникам, проходившим через их края. Катла подслушала, как Фотур Керилсон рассказывал главе семейства Эрлингсонов, что «Снежный Волк» был перевернут странной волной, и поняла, что со стариком свел знакомство Урс, чья версия оставалась самой осторожной. Стейн Гарсон утверждал, что на корабль напал косяк русалок, одетых в водоросли, они забрали мужчин для пополнения своей коллекции моряков и рыбаков. В конце концов, уже столько

месяцев стоит хорошая погода, штормов нет, и корабли не терпят крушений.

Что касается ее самой, она не видела смысла в том, чтобы добавлять ко всем домыслам подробности своих собственных наблюдений. Никто, кроме нее, казалось, не заметил глаз чудовища. Шли дни, и она все больше начинала верить, что это было игрой света или же просто ее фантазией. Но когда она вспоминала ту вибрирующую энергию, которую ощутила, держась за борт судна, свою уверенность при взгляде на чудовище, что оно имеет сверхъестественное происхождение, на нее снова нахлынуло ужасное ощущение смерти. С каждым разом ей становилось все труднее отогнать чувство, что в мире что-то не так, появилось нечто извращенное, неправильное, и какая-то часть исказившегося мира выплеснулась наружу, убив ее брата, его невесту, Тэма Лисицу и половину его трупы. Именно это ощущение заставляло ее так резко говорить с Фентом. Он словно сыпал ей соль на раны.

Она наблюдала, как Фент угрюмо уходит прочь, пиная ногами камни. Его всегда сердило, когда она отказывалась играть в его игры, и несмотря на то, что он уже взрослый, характер его не изменился. Халли всегда был третейским судьей между ними, делая все возможное, чтобы не дать их несогласиям перерасти в ссору. Она совершенно не могла себе представить, как теперь будет обходиться без него.

Но было и кое-что другое, и с каждым уходящим днем это другое начинало беспокоить ее все сильнее и сильнее, превращаясь в настоящую пытку. Она пыталась гнать это от себя, но в любой удобный момент оно возвращалось с удвоенной силой.

Выйдя на улицу, она увидела во дворе бабушку. Казалось, той надоела компания других женщин, и она вытащила свое огромное резное кресло на улицу, чтобы насладиться теплой погодой. Она сидела, подняв лицо к солнцу, золотой поток света разгладил ее глубокие морщины, и сейчас она стала похожа на собственную дочь, а не на дряхлую старушку. Костяная чесалка лежала на ее коленях, а у ног была свалена груда коричневой овечьей шерсти.

Катла улыбнулась. Бабушка выглядела такой умиротворенной. Но при приближении внучки глаза Гесты Рольфсен распахнулись, пронзив ее взглядом.

— Мне что, уже и глаз нельзя на миг сомкнуть, чтобы никто не мешал?

— Извини, ба. Я ухожу.

Скрюченная рука старухи резко поднялась и со скоростью атакующей змеи ухватила запястье Катлы.

— Можешь остаться здесь, раз уж ты потревожила мой покой. Садись, детка. Ты заслоняешь солнце.

Катла уселась, скрестив ноги, прямо на земле.

— Почему ты сидишь здесь, ба, а не в доме с остальными? Неужели они так устали от твоего острого языка, что выпроводили тебя с креслом и со всем прочим?

— Вот дерзкая девчонка! Я не могла больше вытерпеть сидения с прялкой и большой кучей шерсти в этой мрачной комнате, тем более что Магла Фелинсен без остановки пищала про то, как засолка рыбы портит ее прекрасную кожу. До чего ж гадкая девка. Как будто кто-то вообще глянет на нее, с ее-то огромным носом и коровьими глазами!

— Бабушка!

Геста Рольфсен скривилась.

— По правде, дорогая, я просто не могу долго находиться рядом с твоей матерью, по крайней мере сейчас. Мы все по-своему переживаем это горе. Но я лучше буду горевать здесь, на воздухе, чем смотреть, как Бера изо всех сил пытается сдержать слезы. Я так и жду, что она вот-вот лопнет по швам, прямо как одна из проклятых богом лодок Мортена Дансона.

От такого сравнения Катле стало не по себе. Но если уж бабушка завелась, теперь ее не остановишь.

— И этот злодей — все время приходит и ест, то тушеное мясо, то хлеб возьмет. И даже не спрашивает разрешения, не говоря уж о том, чтобы поблагодарить! Просто пялится

на нас и уходит. А Аран ему тоже ничего не скажет, потому что боится, что тот прекратит работать над своим проклятым кораблем, а от этого твоей матери становится еще хуже. И ничего удивительного. Если бы мой муж вынашивал такой дурацкий замысел, потеряв в результате сына, я бы вышвырнула его прочь и объявила наши супружеские клятвы недействительными.

В первый раз Катла не знала, что сказать. Ее родители едва разговаривали, мать ходила тихая и поникшая, только покрасневшие глаза выдавали ее страдание, отец тоже бродил тенью, а ночевал в амбаре. Молчание затянулось. После слов бабушки Катла чувствовала себя слишком маленькой и глупой, чтобы иметь собственное мнение. Она уже собиралась встать и пойти к гавани, чтобы половить крабов, но Геста сказала:

— Вместо того чтобы рассиживать здесь, могла бы сделать что-нибудь полезное.

Она протянула Катле чесалку, потом откинулась на спинку кресла и снова закрыла глаза, повернув лицо к солнцу.

Катла подняла ком шерсти, поморщив нос от неприятного запаха, и стала чесать ее. Вскоре, несмотря на все ее усилия, шерсть превратилась в лохматую спутанную массу. Бормоча про себя проклятия, Катла отшвырнула ее и взяла другой ком, поменьше. Но сколько бы она ни старалась, шерсть упорно сопротивлялась ей, цеплялась за пальцы и путалась на зубьях чесалки.

— Сур тебя побери! — Бабушка очнулась и закудаhtала. — Что ж ты делаешь, безрукая, хочешь, чтобы меня отругала твоя мать?

Катла печально улыбнулась.

— Кажется, я не унаследовала ни одного из ее талантов.

— Ты похожа на нее гораздо больше, чем тебе кажется.

— Правда? — Мысль показалась Катле невероятной. — А я считала, что мне достались от нее только волосы.

Даже в нынешнем своем печальном состоянии Бера вела хозяйство по строго заведенному порядку, управляясь со всем так же легко, как Сильвия Легкая Рука. Катла закрыла глаза, внутренним взором увидев гимнастку, описывающую дугу в последнем прыжке, который закончился в темных водах океана.

— И характер тоже. И ужасная нетерпеливость. Беру ничему невозможно было научить: она всегда была уверена, что все знает без всяких указаний. Она тоже была девчонкой-сорванцом, как и ты. Я думала, она никогда не остепенится, не выйдет замуж. Ей казалось, что никто не достоин ее: ни Гор Ларсон, ни Джоз Кетильсон, ни даже Ларе Хоплисон, хотя его отец оставил ему в наследство самую большую ферму по эту сторону от Халбо. Помучила она их всех. Пока не появился твой отец.

Катла обхватила руками колени. Мысль о том, что ее мать — всегда такая строгая, хозяйственная — могла быть девчонкой-сорванцом, не укладывалась у нее в голове.

— Его она тоже хотела отшить?

Геста Рольфсен тихо засмеялась.

— Бедняга Аран, он не знал, во что влип. Если уж ему что-то приглянулось, он только об этом и будет думать до тех пор, пока не заполучит. Ездил за ней на своем пони день за днем, его ноги свисали до земли, так что он мог просто идти. Иногда она выскакивала через заднюю дверь и убегала в холмы, исчезала, как фея, а он ждал до тех пор, пока не истощалось терпение. А иногда плела венки из ромашек и надевала на него. Бедняга даже не сопротивлялся. Он любил ее до безумия, а она все продолжала твердить ему «нет». «Он красивый мужчина, — сказала я ей однажды, — подумай, какими красивыми будут ваши дети, к тому же он сильный и знает свое дело». Но она ответила тогда, что не хочет детей и что она сама сильная и знает свое дело не меньше его. Разве она меня слушала? Я как будто с истерикой разговаривала, она совсем не обращала внимания на мои советы.

— Ты хотела, чтобы она вышла за него замуж и была счастлива?

— Твой отец — хороший человек, несмотря на все его навязчивые идеи.

— Я знаю.

Какое-то время они молчали. Облако заслонило солнце, и стая скворцов, громко хлопая крыльями, сорвалась с деревьев, окружавших двор. Катла собрала все свое мужество.

— Бабушка!

Старая женщина сразу же заметила перемену в голосе внучки. Она открыла глаза и устремила прямой взгляд на лицо Катлы.

— Мужчина?

Катла покраснела. Потом кивнула.

Геста Рольфсен наклонила голову набок, глаза ее сверкали, как у ястреба, осматривающего свою территорию.

— Поначалу я думала, что это из-за тоски по брату ты выглядишь такой тусклой. Но потом я решила, что есть что-то еще.

— Я любила Халли всем сердцем.

— Я знаю об этом, милая. Мы все его любили. Он был очень похож на отца.

Две большие слезы покатались по щекам Катлы. Она не могла больше сдерживать чувства, которые разрастались в ней с самой трагедии. Слез было много, будто вся вода, обрушившаяся на «Снежного Волка», выливалась теперь из нее. Бабушка крепко прижала ее к себе и стала раскачивать вперед-назад. Ферг прибежал к ним с поля и начал бегать вокруг, опустив хвост и издавая озадаченный визг. Наконец Катла выдохнула:

— Это Тэм. Тэм Лисица.

Бабушка Рольфсен отстранила ее и стала разглядывать так пристально, что Катла, не вытерпев, отвернулась.

— Эх, — сказала она. — Значит, так обстоят дела. Но это меня не удивляет. Он был очень заметный мужчина — полон энергии, жизни. Покоряющий взгляд. Сильные руки. Ах, дорогая, тяжело потерять такого. Очень тяжело. Море забирает самых лучших.

Единственное, что Катла помнила о дедушке по материнской линии, это то, что он был высок, строен, имел волосы цвета кованой бронзы, подернутые серебристой сединой, и бороду, которая торчала в стороны, но не прикрывала его массивную нижнюю челюсть и подбородок с ямочкой. Она видела его всего лишь несколько раз в перерывах между его плаваниями. Море забрало дедушку, как забирало других мужчин Камнепада, моряков и рыбаков. Вспомнив об этом, о смерти Йенны, Халли, и Тэма, и других артистов труппы, Катла неожиданно почувствовала себя слишком эгоистичной. Она знала, почему искала разговора с Гестой Рольфсен: она не могла сказать матери или отцу о том, что беспокоило ее.

Сжав зубы, она выдавила:

— Все гораздо хуже, бабушка. Я, кажется, беременна.

На миг ей показалось, что весь остров затаил дыхание. Потом бабушка Рольфсен улыбнулась. Это была добрая улыбка, полная спокойствия, и неожиданно груз, который давил на Катлу все эти долгие дни, свалился с плеч, улетел вместе с ветром.

— Если так, в тебе растет новая жизнь, — сказала бабушка. Она взяла правую руку Катлы — ту, что была когда-то искалечена — и мягко сжала ее.

— Когда у тебя в последний раз была кровь?

Катла недовольно скривилась.

— Точно не знаю. Я не слишком внимательно слежу за этим. Я вообще не уверена, что Сур хотел сделать меня женщиной.

Геста Рольфсен громко пощелкала языком.

— Мы сходим с тобой к старой Ма Галласен, посмотрим, что она скажет. Она творит чудеса с овцами и козами. Никогда не ошибается.

Катла уже собралась было сказать, что она не овца и не коза, но неожиданное появление отца положило конец разговору.

Аран Арансон выглядел так, будто не спал несколько недель. Темные круги под глазами казались неестественно яркими, кожа стала восковой, борода была всклокоченной и неопрятной. Длинные темные волосы спутались, однако Катла вдруг заметила, что он не заплет косичку в память о сыне. Она вспомнила косичку Эрно Хамсона, заплетенную им в

память о его матери. Иногда она задумывалась о том, что произошло с Эрно, но это была еще одна тема, на которую она не смела долго размышлять.

— Мне нужно, чтобы ты выковала для меня еще несколько заклепок, Катла, и скобы для носа.

— Заклепки сделать я могу, но скобы?

— Дансон тебе покажет. — С этими словами он повернулся и пошел прочь.

Катла видела, в каком он оцепенении. Она посмотрела на бабушку, но Геста только пожала плечами.

— Ты лучше сделай, как он говорит, детка. Он не остановится, пока эта чертова штука не будет построена и он не наберет команду из самых отчаянных дурней на всех островах, которые согласятся отправиться с ним в это сумасшедшее плавание.

Мортен Дансон уже был возле кузницы. Выглядел он так, будто ждал ее долгое время: руки его были сложены на груди, а лицо грозное и сердитое. Кроме нее, еще должен был прийти его помощник Орм Плоский Нос с необходимыми чертежами.

— Аран Арансон утверждает, — начал Дансон, — что ты — лучший мастер по металлу на Северных островах. Я ответил ему, что его хвастливое заявление сослужит ему плохую службу, если это неправда. — Он презрительно усмехнулся, и от этого у нее по коже поползли мурашки. — Я предложил моего кузнеца, но он отказался. Твой отец, наверное, стремится как можно скорее познакомиться с жилищем Сура на дне морском, если считает возможным доверять такое важное дело сопливой девчонке, которая только и умеет, что раздвигать ноги, когда ей скажут.

Катла сама не знала, как удержалась, чтобы не дать ему в глаз. За подобные слова обидчика следовало вызвать на площадку для кулачного боя — ей самой или кому-нибудь из семьи. Но по тому, как он, улыбаясь, кривил лицо, она видела, что в роли главного корабельщика в Камнепаде он чувствует себя в полной безопасности, по крайней мере до тех пор, пока корабль не будет полностью закончен и спущен на воду. «Тогда, — подумала Катла, — тогда мы посмотрим, какой ты храбрец». Сейчас она просто брезгливо посмотрела на Дансона и, задев его плечом, прошла в кузницу.

Внутри было темно, душно и дымно. Аран велел поддерживать огонь в кузнице Ульфю Фостасону, но поскольку от прежних обязанностей его не освободили, он не справлялся ни с одним, ни с другим делом, и козы без присмотра бродили по холмам или, что еще хуже, поедали новую поросль на полях, а огонь едва тлел. До того как Катла вошла, он стоял, скучая, опершись о стену, но, увидев ее, с силой налег на мехи. Хлопья золы взлетели в воздух, и в печи ярко вспыхнули угли.

Катла кивнула ему, потом осмотрела кузнечный горн. На каменном полу валялись кусочки чугуна, кто-то опрокинул полное ведро новых заклепок и шайб, но даже не потрудился собрать их. Все ее инструменты были разбросаны, кто-то неуклюжий промахнулся с ударом тяжелого молота и отколол угол гранитной наковальни. Катла догадывалась, кто это мог быть: в отца будто демон вселялся, когда речь шла о его новом корабле.

Бормоча проклятия, она принялась за уборку. Смела в одну кучу куски чугуна, заклепки и шайбы, отделила негодные обрезки от хороших кусков металла, которые еще можно переплавить. Потом подобрала инструменты и разложила их по местам на полке, громко пыхтя и раздувая щеки, повернула огромную наковальню, так чтобы отбитый край не мешал в работе. Наконец она вытерла руки о штаны.

— Итак, — сказала она Мортену Дансону со всей вежливостью, на какую была способна. — Как насчет мерок для заклепок?

Корабельщик постучал себя по лбу.

Катла нахмурилась. Было трудно понять, что он хотел сказать этим жестом.

— Ну так что? — переспросила она грубо.

— Все, что нужно знать о постройке любой части корабля, находится у меня в

голове, — сказал Дансон, ухмыляясь с нестерпимым самодовольством.

— Но этого нет в моей голове, — рассердившись, ответила Катла. — И как я могу отмерить нужное количество железа, как мне определить форму и толщину деталей, которые я должна выковать?

Корабельщик пожал плечами.

— Я тебе расскажу.

Катла не привыкла, чтобы ей кто-нибудь указывал, как и что делать. Она рассвирепела.

— Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

— Тогда что ты предлагаешь? — резко спросил Дансон.

— Мне нужно знать, как заклепки будут крепить дерево, как они будут стоять, каково будет напряжение, которое им придется выдержать при движении корабля.

Корабельщик посмотрел на нее с удивлением. Этого он совсем не ожидал: он привык, что люди, которых он нанимал, делали все по его указаниям, как будто мозгов у них было не больше, чем у овцы, а тут женщина, которой к тому же надо знать, как устроен корабль... Что ж! Он покажет ей все, что она требует, и пусть она выставит себя при этом полной дурой.

— Пойдем со мной, — сказал он и повернулся.

— Поддерживай огонь, Ульф, — напомнила Катла пастуху и зашагала вслед за корабельщиком.

Она не спускалась к строительной площадке, которая располагалась недалеко от Китового Берега, уже неделю или того больше. Другое занимало ее все это время. Когда она в последний раз приходила сюда, смотреть особенно было не на что. Лежали четыре огромных бревна, которые приплыли на барже с верфи Дансона, и одно из них — восемьдесят футов длиной, прямое, как туго натянутая веревка, — было аккуратно расколото, демонстрируя сердцевину, золотую и волокнистую. Рабочие счистили кору со второго огромного дуба. На площадке трудились около дюжины мужчин с топорами и тесками, и воздух был наполнен чудесным запахом свежесрубленного дерева; но Катла была не в состоянии сосредоточиться ни на чем, кроме затруднительного положения, в котором оказалась, и скоро обнаружила, что ноги уводят ее прочь от шума и суеты.

Однако сейчас посмотреть действительно было на что. Две дюжины мужчин, или даже больше, усердно работали на лужайке недалеко от линии прибоа. Некоторые приплыли на баржах с верфи Мортена Дансона, соблазненные обещанием хорошей оплаты, но большинство из них были местные: крепкие темноволосые мужчины с умелыми руками и волевыми лицами. Они имели дело с кораблями всю свою жизнь, хотя, может быть, и не были искусными мастерами, а работа на постройке корабля Арана Арансона казалась хорошим способом отдать дань памяти его погибшему сыну. Многие из них в глубине души надеялись, что их возьмут в плавание — они слышали легенды о Золотом острове. Среди них было очень много молодых людей, младших сыновей, почти не имевших надежды на получение земли в наследство, если только — прости их, Сур, — какая-нибудь беда не унесет жизни их братьев. Поэтому все они работали на строительстве корабля хозяина Камнепада с любовью и гордостью. Катла знала большинство из них в лицо, это были люди, вместе с которыми она росла и встречалась каждый день: Бран Маттсон, Стейн и Котил Гарсон, Ларе Хоплисон, Финн Эрлингсон и его брат Рольф, симпатяги Стенсоны с северной части острова, Фелин Грейшип и его сыновья Гар и Бран, даже Кар Трифут и дядя Марган усердно трудились над сумасшедшим проектом Арана, хотя у них имелись дела и на своей земле.

Ее пульс участился, восторг был написан на лице: приключение начиналось прямо на глазах. Все присутствующие здесь уже стали участниками плавания, о котором мечтал отец. Это воодушевление, романтический настрой передались и ей, заставив широко улыбнуться. Уже видны были очертания будущего корабля: самой изысканной вещи из всех, виденных ею когда-либо, включая дорогие ювелирные украшения на дамах при дворе в Халбо, породистого пони и даже лучший ее меч. На опорах из свежесрубленной сосны вырос остов

огромного корабля. Шагая мимо работающих мужчин и бревен, перескакивая через лежащие тут и там инструменты, мешки с шерстью и конским волосом, Катла дошла до носа судна и запрокинула голову. Вырезанный из ствола дерева форштевень изгибался, словно лебединая шея. Массивный киль, должно быть, вырезали из того огромного дуба, который она видела в прошлый раз расщепленным. Скорее всего его срубили в священной роще Несса. Она глубоко вздохнула, надеясь, что все духи той древней рощи были умиротворены жертвой, когда повалили это дерево, внушающее трепет своими размерами. Она не могла удержаться от того, чтобы не дотронуться до него. В тот же миг поток энергии заструился по ее руке. Задышавшись, она почувствовала неистовый напор жизненных сил, скрытых в дереве. В то же время она сумела сохранить некоторую отстраненность, что позволило ей оценить мастерство рабочих, придавших дереву столь изящную форму. Там, где форштевень переходил в киль, края соединения были сглажены, а заклепки утоплены так тщательно, что, когда Катла провела по дереву рукой, она едва ли почувствовала шероховатость. Вся конструкция, казалось, вибрировала под ее руками, как мурлычущая кошка. Неожиданно у нее появилось непреодолимое желание просидеть здесь до самого вечера, просто поглаживая пальцами будущий корабль. С усилием она отняла руку и посмотрела на корабельщика.

— Он великолепен.

В ответ Мортен Дансон только кивнул.

Катла почувствовала головокружение. Она медленно встала, боясь потерять равновесие и растянуться перед ним.

— Покажите же мне, куда пойдут эти скобы, — наконец произнесла она, с трудом справившись с собой.

Корабельщик указал ей на то место, где киль сходил с форштевнем и где уже были прикреплены первые листы обшивки.

— Здесь и здесь, чтобы укрепить нос. Вот отсюда и досюда. Для прочности понадобятся крепления вот здесь и здесь, и сделать их лучше из сплошного куска металла, а не из сварного, если, конечно, тебе это удастся. — Он прекрасно знал, что она не сможет этого сделать. Он не мог потребовать этого даже от своего собственного кузнеца, но ему так хотелось насладиться ее позором! — Потом мы скрепим скобами внешнюю и внутреннюю обшивку.

Катла прошла на другую сторону судна и осмотрела листы наружной обшивки, удивляясь тому, как отдельные куски обработанного дерева соединялись столь безупречно. И что-то в ее отношении к корабельщику стало меняться, она испытывала невольное восхищение. Схватив пустое деревянное ведро, которое воняло рыбой, она перевернула его и встала на него, чтобы дотянуться до того места, где будут наложены скобы. Закрыв глаза, она позволила рукам свободно двигаться вверх-вниз по стыку.

Дансон наблюдал за ней, подняв бровь и не веря глазам. Девушка была либо сумасшедшей, либо очень умной, и он ошибочно сделал выбор в пользу первого предположения. Когда она напрасно переведет груды железа и сотворит нечто отвратительное, никуда не годное, он позаботится о том, чтобы ее отец взял свои хвастливые слова обратно. Покачав головой, он отправился к помощнику — проверить, как тот справляется с обработкой досок паром.

Катла пошла назад в кузницу, и когда Ульф Фостасон обратился к ней, она едва ли осознала его слова. Весь день до вечера из кузницы раздавались удары молота по наковальне, дым и жар от углей вырывались из окон. Когда солнце опустилось за Зуб Пса, мужчины окончили свои дневные труды и пастух, спотыкаясь и дрожа от усталости, покинул кузницу. При свете фонаря лицо и руки Катлы блестели от пота, волосы висели крысиными хвостами. Она окунула последнее изделие в сосновый деготь с льняным маслом и с удовлетворением оглядела результат своего труда.

В то время как Аран Арансон, сидя за столом, обсуждал с Мортеном Дансоном и Ормом Плоским Носом наилучшее соотношение размеров паруса, мачты и ширины судна, чтобы оно могло вынести сильные ветра арктического севера, его дочь, шатаясь, спускалась

к Китовому берегу, неся в руках странное на вид хитроумное изобретение. Этот предмет мало напоминал простые железные заклепки, которые описал ей корабельщик.

Все оказалось гораздо легче, чем она предполагала, когда только начала ковку. Она нагревала металл до синевы, ковала и охлаждала, обрезала лишнее, потом снова ковала, делала тоньше и опять охлаждала. Ее изделие было гораздо прочнее, чем простая и грубая конструкция, описанная Дансоном. И хотя оно было очень тонким, Катла точно могла сказать, что этот металл выдержит и процесс клепки, и напряжение при движении корабля, и давление воды. Здесь был определенный риск — ее изобретение подходило только для совершенной конструкции корабля и могло губительно сказаться на плохо построенном судне. Но потом она вспомнила едва различимые стыки и плавные линии корабля и поняла, что Мортен Дансон слишком гордый человек, чтобы позволить себе строить плохие суда.

Стоящий в одиночестве на пустынном берегу, освещаемый луной, которая подчеркивала каждую его линию, корабль Арана Арансона показался ей сейчас еще более строгим и красивым. Катла глубоко вздохнула и приблизилась к нему с некоторым беспокойством. Что-то подсказывало ей, что нужно установить ее изделие на корабле, когда никто этого не видит, — то ли из-за страха, что оно не подойдет и ее попытки будут осмеяны, то ли из-за какого-то неопределенного, почти религиозного трепета перед необходимостью соединить дерево и железо.

Встав на перевернутое ведро, которое все еще стояло там, где она его оставила, она подняла руку — заметив попутно, что за день наложили еще два ряда обшивки, — и поместила свое изделие в нужное место. От шока, испытанного ею, когда соприкоснулись дерево и металл, она чуть не упала с ведра. Ощущение было такое, словно дуб рванулся навстречу железу, принял его в себя. Скоба вошла точно, миллиметр в миллиметр. Катла стояла на своем возвышении и чувствовала жизнь дерева, соединившегося с железом, и жизнь того места, где росли эти исполинские дубы, ощущала энергию земли, на которой стоял корабль, и скал вокруг него. А потом появился голос.

«Не плыви на этом корабле, Катла Арансон. Не плыви...» Она дернулась от неожиданности и невольно стала осматривать берег в поисках говорившего, хотя прекрасно знала, что здесь никого нет, кроме нее.

* * *

Ночью она спала беспокойно, ее сны были полны звуками бушующего моря, ломающегося дерева и криками умирающих людей. Она проснулась серым рассветным утром от болезненных спазмов в животе, и когда вышла на улицу по нужде, то обнаружила, что у нее начались месячные.

Глава 17 ВОЛШЕБСТВО

Мороз нарисовал перистые узоры на плитках садовых дорожек и покрыл льдом лужи. Роза Эльды стояла около высокой глиняной кадки с увядшими растениями и сорными травами и наблюдала, как изо рта выходит при дыхании пар. По этим признакам она определила, что сейчас очень холодно, но совершенно не чувствовала этого. Частично причиной этого могла быть ее одежда: поверх нижнего платья из мягкого белого льна и туники из красного бархата на ней был надет тяжелый плащ, отороченный белым и черным мехом горностая и норки. Когда она покидала замок, ее муж настоял также на том, чтобы она взяла накидку с капюшоном, отделанным мехом белого медведя. Он сам надел капюшон ей на голову. Потом он поцеловал ее в лоб и быстро ушел, прежде чем желание успело охватить его. С той самой ночи, когда Вран Ашарсон ошибочно уверился в том, что она носит наследника Северных островов, он стал исключительно внимательным к ней. Роза Эльды вместо того, чтобы открыть ему правду и разбить его сердце, стала надевать на себя больше

одежды, чтобы угодить ему. Он также проявлял теперь необыкновенную выдержку. С той самой ночи они были вместе только один раз и то в крошечной тьме, поэтому он не заметил, что ее живот остается таким же плоским, как раньше.

Дело было вовсе не в том, чтобы уверить его, будто она хочет ребенка, и не в том, чтобы доставить удовольствие властелину ее сердца, хотя именно об этом она мечтала каждый день, не сомневаясь, что любит его всем сердцем — если у нее было сердце. Дело было во всевозрастающем страхе за прочность своего положения в Северном королевстве. Объявление о беременности могло бы обеспечить ей некоторую защиту, но она заставила мужа поклясться, что тот сохранит это в секрете до тех пор, пока, как она выразилась, «не будет окончательной уверенности». Однако откладывать объявление надолго невозможно — это вызовет у него подозрения. Для беспокойства причины были веские. Не то чтобы Вран стал освобождаться от власти ее чар. Но когда она бродила по залам и запутанным коридорам огромного замка, она слышала множество разговоров, которые вовсе не предназначались для ее ушей. Ее слух действительно был сверхъестественным, а шаги — бесшумными, и каждый раз, покидая свои комнаты, она узнавала о новых тайных сговорах и слухах.

Маневры Эрла Бардсона не стали неожиданностью даже для нее, столь мало посвященной в здешние интриги; она слышала, как лорды Врана много раз предупреждали его о кознях его двоюродного брата и настаивали на том, чтобы король под каким-нибудь предлогом отослал его от двора, прежде чем тот успеет набрать достаточно сторонников, чтобы претендовать на трон. Но ее удивило, что так много знатных господ и людей невысокого происхождения выражали недовольство королем, когда были уверены, что их никто не слышит. Вран не был популярен, даже в своей столице, даже в стенах крепости Халбо. Во всем они винили ее, это было ясно. Они называли ее колдуньей и белой сейдой — значения последнего слова она не знала, и оно привело ее в замешательство. Как и множество других новых для нее слов, она сохранила его в памяти, чтобы вернуться к нему позже, и продолжала слушать дальше. Некоторые женщины отпускали довольно злые комментарии в ее адрес. «Языческая ведьма, вот она кто, — сказала однажды костлявая девица в желтом платье своей собеседнице, необъятной женщине, чья фигура представляла собой сплошь грудь и бедра, так что определить, где кончалось одно и начиналось другое, было совершенно невозможно. — Держит его у себя между ног и высасывает из него жизнь. А раньше, я помню, он бегал по замку ночью и заглядывал то в одну спальню, то в другую!»

Ее собеседница согласно кивала, но даже неискушенной Розе Эльды было ясно, что Северный Жеребец вряд ли когда-нибудь мог изголодаться до такой степени, чтобы заинтересоваться этими двумя нелепыми уродицами.

— Разумеется, — продолжала девица, одетая, как одуванчик, — если она не понесет от него в первый год после свадьбы, ему придется вышвырнуть ее и найти себе женщину поплодовитее.

— Если леди Ауда примется за это дело, она даже столько не продержится, — весело заметила толстуха и понизила голос. Розе Эльды пришлось затаить дыхание, чтобы услышать последнюю фразу. — Я слышала, что старая королева послала за сейдой.

— Неужели? — Худышка была крайне заинтригована. — Сеида будет лечить сейду? О таком я никогда не слыхала.

Мороз пробежал по коже Розы Эльды, но не от зимнего холода. Уже второй раз она слышала это слово, и оно не предвещало ничего хорошего.

— Лечить? Помогать королеве забеременеть? Нет, конечно, вот глупая! — Толстая женщина хихикнула. — Чтобы избавиться от нее при помощи какой-нибудь травки, так что все подумают, что она умерла своей смертью. Но если семя короля пустит в ней корни, Ауда и пальцем не посмеет ее тронуть. Знаешь, как она ее называет? «Шлюха-кочевница». Ненавидит ее и таких, как она.

— Шлюх?

— Нет, кочевников и всю их магию.

— Но как же так? Я никогда не видела ни одной кочевницы, кроме этой, и, насколько мне известно, Ауда тоже никогда не покидала островов. А если она так ненавидит магию, почему же обращается к сейде?

— Хорошая северная магия отличается от мерзких приемов, которыми пользуются Потерянные, — уверенно заявила толстуха. — Всем известно, что сейды черпают силы в естественной энергии мира, а кочевники... они не знают меры, даже используют в своих заклинаниях человеческую кровь и мужское семя. Говорят, король Ашар влюбился в одну такую, когда путешествовал по Истрии. И из-за этого он, когда вернулся домой, больше не спал со своей женой, потому что умирал от желания к своей любовнице, оставшейся далеко.

— Ох!

— И именно поэтому леди Ауда так ненавидит кочевников, — торжественно завершила толстуха. — Ей невыносимо видеть, как ее сын следует по стопам отца, повинуюсь велению сердца.

— Сердца? Да скорее по велению члена!

— Сэра!

Они рассмеялись и повели разговор на другую тему.

Роза Эльды никогда не знала страха, но теперь начала чувствовать его силу. Вдобавок ко всему ее посетило довольно странное видение — нельзя сказать, что это был сон, потому что она не спала. Образы теперь вспыхивали в ее голове все чаще. Она не знала, как понимать их, потому что они сильно отличались от всего, что она видела в мире с тех пор, как покинула Святилище. Она видела город из золота, его башни сияли и переливались в лучах солнца.

Видела гигантские деревья, верхушками пронзающие небо. Видела утесы, такие белые, что казалось, они вырезаны из льда: но они были усыпаны цветами и увиты плющом — ничего похожего на ледяные скалы волшебного острова Мастера. Не раз она встречала в своих видениях женщину в красном платье, с длинными светлыми волосами, украшенными цветами. Она смеялась, откинув голову, и Роза Эльды не могла хорошо рассмотреть ее лицо, но что-то в ней было очень знакомым, при виде этой женщины пульс у нее учащался. Рядом с ней, чуть позади, стоял высокий мужчина, одетый во все голубое, длинные соломенно-желтые волосы развевались на ветру. Его рука нежно и страстно обнимала ее за талию. У их ног сидел огромный зверь с черным мехом. Он потянулся и зевнул, и она увидела темно-красный зев, острые клыки, длинный язык. Это видение все время возвращалось к ней, днем и ночью. Но она никак не могла рассмотреть мужчину и не узнавала женщину, хотя инстинктивно понимала, что видит саму себя словно в зеркале. Неужели когда-то она была так счастлива? Та женщина казалась сильной, восторженной, свободной. Роза Эльды не могла примерить ее образ на себе, потому что жизнь слишком изменила ее. А мужчина, что стоял рядом, — он мог быть ее мужем в другое время, в другой жизни. Все это выглядело как жестокая насмешка.

Самая большая жестокость заключалась в том, что живот той женщины был большим и круглым. В другое время, в другом месте, с другим мужем она зачала ребенка.

Но если так было, почему у нее не получалось сейчас? Она вздохнула и прижала руку к своему плоскому животу.

— Расти, — яростно прошептала она. — Расти же!

Но что толку от слов, если внутри не было семени? Прошло почти две недели с тех пор, как Вран был с ней последний раз, но и тогда он вышел из нее прежде, чем изверглось семя: кто-то из замужних женщин рассказал ему, что мужское семя может повредить растущему в утробе ребенку. А когда она посмотрела на него в недоумении и смятении, он погладил ее по лицу и уверил, что, как только ребенок родится, они смогут получать друг от друга еще больше удовольствия, чем раньше, потому что тогда уже никто не посмеет смотреть на них косо, ведь у них будет наследник, продолжатель рода.

Она очнулась от своих мыслей, почувствовав, как что-то щекочет ее руку, лежащую на стеблях растений в глиняной кадке, у которой она стояла. Упрямый зеленый росток

пробивался между ее большим и указательным пальцами, его быстрый рост был виден невооруженным глазом. Она отдернула руку — со страхом и одновременно с любопытством. Росток продолжал тянуться вверх, разворачивал зеленую головку, выпускал маленькие листочки, сначала одну пару, потом другую. Вскоре появились бутоны, а потом — среди холодной эйранской зимы, окруженный замерзшими и почерневшими растениями — он расцвел дюжиной прекрасных бледно-розовых цветов.

Роза Эльды удивленно смотрела на это чудо, потом перевела взгляд на руку. Вдохнула аромат цветов. Это не было иллюзией, нет. Ее пальцы покалывало. Она осторожно прикоснулась ими к цветку, к новым побегам, еще голым и безлистным.

— Растите, — прошептала она.

И они росли.

Роза Эльды смотрела на цветы широко раскрытыми глазами. Потом ей в голову пришла мысль, и она улыбнулась. Если она сумела оживить своей магией растение, может, у нее получится направить ту же силу, или еще большую, внутрь себя? Она вернулась в свои комнаты, ее щеки горели, но не только от мороза.

Король только что вернулся с охоты и снимал грязную одежду. Она сбросила плащ, накидку и платье на пол и с такой настойчивостью стала ласкать мужа, что никакая железная выдержка не помогла бы ему.

Король Вран Ашарсон, лорд Северных островов, объявил о беременности своей жены в тот же самый вечер, послал воронов и гонцов на каждый эйранский остров, в каждый город с радостной вестью о том, что королева, Роза Эльды, носит его наследника. В честь этого был устроен роскошный пир. Многие вздохнули с облегчением. Однако немало было и таких, чьи планы рушились от этого известия. Мать короля не выходила из своих комнат под предлогом болезни и с еще большим нетерпением ожидала прибытия сейды.

Магия распространялась в мире. В замерзших зимних садах на деревьях появлялись яблоки, потом их пожирали черви. В замке выздоровела охотничья собака, у которой была гноящаяся рана, оставленная диким кабаном. Никто не знал, что именно произошло с собакой, потому что ее оставили умирать в конюшнях. Ее хозяин обрадовался, увидев, как его любимая сука поднялась и вертится вокруг него, правда, прыгает пока тяжеловато. Что за глупость, думала Роза Эльды, делать из простого выздоровления настоящее чудо. Лед сковал землю, и в колодце замка иссякла вода. Когда ее никто не видел, Роза Эльды приложила ладони к каменному полу у колодца и послала мысль в глубь земли. Исследуя ее недра, она нашла маленький ручеек, который спускался с гор и бежал возле города, уходил в лес и превращался в широкий водопад в мшистой расщелине над морем. Разделив поток, она провела воду под скованной морозом землей, через древние вулканические породы, на которых стоял Халбо, и направила вверх. В колодце снова появилась вода.

Это отняло у нее все силы, но одновременно она почувствовала и воодушевление. Она была взволнована глубиной своей связи с миром, имя которого она носила. Что-то в самом сердце мира слышало ее зов и отвечало на него. Она была уверена, что сможет породить жизнь внутри себя.

Но, несмотря на все свои усилия, она не чувствовала в своем теле ни малейших изменений. Ее живот оставался плоским. И в конце концов она познала горечь отчаяния. Мир, который отвечал ей, когда она касалась камня и призывала воду, оставался глух к ее мольбам о ребенке.

Через несколько дней в сумерках в гавани столицы появился небольшой корабль. Паруса его наполнял колдовской ветер. Он плавно подошел к причалу, тихонько стукнулся о каменную кладку, его единственная пассажирка сошла на пристань, покрытую водорослями, и исчезла в ночи.

Длинная тень ползла по улице перед ней. Каждая кошка на ее пути останавливалась и смотрела на нее сверкающими отраженным светом луны глазами, подняв одну лапу. Овчарки в замке, которые обычно беспрестанно лаяли и выли на луну, притихли, когда тихонько скрипнули, открываясь, ворота со стороны кладбища. Тень проскользнула мимо собак, одна или две из них подняли головы, понюхали воздух и негромко заскулили, узнав визитера.

Стража, стоявшая в ту ночь у входа в замок, ничего необычного не видела. Хотя сторонний наблюдатель мог заметить, как на миг прекратился разговор и веки мужчин сомкнулись, а затем беседа о преимуществах пива в «Оленьей ноге» по сравнению с пивом во «Вражьей ноге» возобновилась с середины фразы.

Тем временем Роза Эльды чувствовала какой-то зуд внутри головы, легкую дрожь в теле, непривычный жар. Она села на кровати, которую делила с королем Эйры, и распахнула свои зеленые, как у кошки, глаза, огромные, отражающие лунный свет. Будь у нее кошачьи усы, она бы подернула ими, почувствовав нечто, идущее сквозь толстые стены замка. Она прислушалась, и казалось, каждая пора ее тела открыта для восприятия. Ладони стали горячими, в позвоночнике покалывало. Она чувствовала приближение магии, как изменение атмосферного давления, как приближение шторма.

Медленно она встала с постели, набросила на себя накидку (ей пришлось научиться делать это, выходя за пределы комнаты) и выскользнула в коридор. У комнат короля не было стражи: Вран предпочитал избегать этого в своем замке. Поэтому никто не видел, как Роза Эльды беззвучно шла по замку Халбо, ступая, босыми ногами по массивным гранитным плитам. Она слышала приглушенные голоса. Один был резкий, холодный, другой сочный и мягкий, как зрелый фрукт. Зуд в голове усилился, жар пульсировал в конечностях. Это было то, что она помнила, то, что она знала...

Повернув за угол, она увидела конец коридора, освещенный мерцающим огнем свечи: пламя дрожало на сквозняке. У стены стоял большой тюк, потрепанный и в заплатках. Она направилась к нему с тревогой и интересом. Воспоминания скреблись у нее внутри. Она остановилась у открытой двери. Это была комната леди Ауды: она не бывала здесь раньше, но догадалась по тяжелому аромату лилий, наполнявшему воздух. Это не удивило ее. Но тень на противоположной стене коридора вызвала учащенное дыхание. Человек, отбрасывавший эту тень, был высоким и худым. В том, что это женщина, Роза Эльды не сомневалась. В голове возникли слова: провидица, предсказательница, сейда...

Будто почуяв ее, женщина обернулась. Вместе с ней повернулась и тень. Роза Эльды разглядела четкий профиль: острый нос, плоский лоб, длинные волосы, завязанные в хвост. И снова в голове появились слова, словно произносимые вслух, хотя в коридоре не раздавалось ни звука: «Ты! Не может быть... Но я знала: я чувствовала тебя всю дорогу сюда, под ногами, в воздухе...»

А потом женщина быстро вышла из комнаты и уставилась на нее одним глазом.

Роза Эльды камнем рухнула на пол.

— *Раджеш, майна куенна. Сегтумер. Майна деа: раджеш...*

Бледные веки дрогнули, открыв изумрудно-зеленые глаза. Тонкие губы открылись, прошептали вопрос:

— *Хвер ю? Хви сегту?*

Сейда молчала в нерешительности.

— *Ех Фестрин эр, Калас доттри, Бригз сан, айль сан, Фелинс сан, Хеникссан...*

— *Хеникс?*

Одноглазая Фестрин в трепете отступила.

— Что? Что вы говорите? — Леди Ауда встала между ними, бледность особенно подчеркивала обычную резкость ее черт. — Что это за странный язык? — Она подозрительно окинула взглядом сейду. — Это звучало... по-иностранному. Определенно не по-эйрански, это даже не диалект.

Фестрин устремила единственный глаз на мать короля, заставив ее отвести взгляд.

— Это, миледи, самый древний язык в этом мире. Он существовал за тысячи лет до появления Эйры и Истрии, еще до того, как был основан Вечный город, и до того, как люди научились возделывать землю, на нем говорили еще тогда, когда драконы стояли на страже гор, а огромные стада йеки бродили по долинам. У него нет названия, потому что, когда на нем впервые заговорили, на Эльде не было другого языка, чтобы обозначить его.

Глаза Ауды сузились. Она не поверила ни единому слову, но сделала вид, что приняла такое объяснение.

— А она кто? Ты ее знаешь? — Ауда посмотрела на жену сына, потом опять на сейду — с жадным вниманием.

— Я — нет, — сказала Фестрин, опустила на колени рядом с Розой Эльды и прикоснулась к ней, потом, будто в страхе, отдернула руку. — Мы никогда не встречались. Но... думаю, моя прапрапрабабка могла тебя знать.

— Шесть поколений тому назад? — усмехнулась Ауда. — Да ей же не больше двадцати двух, даже твой отец умер сорок лет назад, если не больше.

Фестрин посмотрела на нее.

— Я не слышала, чтобы кто-то говорил на этом языке здесь, на островах, со смерти моего отца. Я уж и не думала, что остался кто-нибудь, знающий его.

— *Судринни, алла елдри сегту*, — вдруг произнесла Роза Эльды. Что-то в ней изменилось за эти несколько мгновений: она вся светилась, излучала уверенность или же нечто другое, более важное.

— *Алла?*

— *Ай Итриани*.

Сейда выглядела ошарашенной.

— Я не так много странствовала. Я была очень глупа. Если бы я только знала...

Мать короля смотрела на них как на безумных.

— Я должна слушать этот бред посреди ночи? — рассердилась она на сейду. — И о чем я только думала, когда надеялась на твою помощь? А что касается тебя... — она скривила рот, повернувшись к Розе Эльды, — ...не думай, что тебе удастся обмануть меня, заявляя, будто ты носишь наследника моего сына. Любой, даже полуслепой, заметит, что ты не беременна. Твоя ложь скоро станет заметна всем, и тогда мы избавимся от тебя, мне даже не понадобятся услуги этой нелепой старухи. Провидица! Да своим единственным глазом она видит меньше, чем я.

С этими словами она повернулась и скрылась в комнате, громко хлопнув тяжелой дверью.

Роза Эльды поднялась.

— Это правда, — сказала она сейде на северном языке, — во мне нет ребенка.

— Ах, госпожа, — склонила свою голову Фестрин, — если ты и вправду та, о ком я думаю, для этой горькой правды есть много причин.

Королева выглядела удивленной.

— Если я не понесу, моя жизнь не будет стоить и гроша.

— Я могла бы помочь тебе покинуть это место...

От этих слов лицо Розы Эльды стало еще более несчастным.

— Нет! Я не могу уехать. Не думай заставлять меня.

Мысль о расставании с Враном отдалась почти физической болью в груди.

Сейда примирительно протянула к ней руки.

— Никто не может заставить тебя делать то, чего ты не хочешь, моя госпожа.

Роза Эльды посмотрела на нее с любопытством.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать, — произнесла она, вспомнив о том, как Мастер держал ее в сундуке и позволял выйти оттуда, только когда хотел получить удовольствие; о том, как Виралай торговал ее телом; о том, что жизнь ее менялась по прихоти мужчин, ее носило по белу свету, как перекасти-поле.

— Возможно, я смогу помочь тебе как-то иначе, — сказала Фестрин, хотя ничего пока

не приходило ей в голову.

Она подняла свой тюк, порадовавшись тому, что ее кристалл и травяные узелки, сделанные еще ее прапрадедом, не попали в алчные руки старой королевы.

— Это корабль! — воскликнула Роза Эльды.

«Она возбуждена, как ребенок, который впервые посмотрел в волшебный кристалл», — подумала Фестрин. В чем-то она и на самом деле походила на ребенка: она каждый день училась чему-то новому, получала новые знания о мире. Фестрин инстинктивно поняла, что форсировать этот процесс познания, рассказывая Розе Эльды все, что она знала о ней, было бы опасно и разрушительно. И поэтому держала язык за зубами. — Дай-ка мне посмотреть.

Она положила ладони по бокам кристалла — маленького кварцевого шара, с которым путешествовала, оставляя свой главный кристалл в безопасном месте на далеком, затерянном в океане острове, — и сразу же отдернула их. Шар был полон магической энергии. Маленькие огоньки вспыхивали и гасли, как будто там внутри бушевала гроза. Она подождала несколько мгновений, потом снова взяла кристалл и заглянула в его глубину. Образ был неясным, будто в тумане, но причиной этого было взволнованное состояние Розы Эльды. Как только Фестрин сконцентрировалась, мгла рассеялась, и она смогла различить не только судно, но и все, что на нем. Корабль с виду был эйранским, но его команда — разношерстной. Фестрин никогда не уплывала далеко от Северных островов, чтобы не утратить силу, которую черпала из земли Эйры. Но она узнала этих людей по описаниям старых манускриптов и узелковых посланий, сохранившихся еще со времен странствия на юг ее прапрадеда. Она узнала их и потому, что сама много раз бродила по гаваням и докам Халбо и его окрестностям, там, где вели свою торговлю имперские купцы. Она увидела мужчину в шлеме с лицевыми татуировками одного из фаремских горных кланов; увидела несколько оборванных матросов неопределенного происхождения. Толстяк с веслом показался ей очень знакомым, ну а человека у штурвала она знала прекрасно. Джоз Медвежья Рука! Она помнила его еще мальчишкой, когда он в небольшой деревне Вейлнесс бился на палках со своим братом и побеждал, несмотря на то что брат был на несколько лет старше. Не стал ли он потом наемником? Она нахмурилась. Память ее с годами становилась все хуже и хуже. Она потеряла счет годам и даже собственный возраст знала весьма приблизительно. Многие сейды доживали до ста сорока лет и больше, но она точно знала, что до этого ей еще далеко. Если бы это был купеческий корабль, это объясняло бы такую пестроту команды. Но почему кристалл выбрал именно эту картинку, чтобы показать Розе Эльды? Она внимательно изучила других людей на судне, задержав взгляд на высокой, широкоплечей женщине с заплетенными во множество косичек и узлов волосами и с обточенными зубами. Потом посмотрела на девушку, с которой беседовала эта женщина. У нее были темные волосы, свободно развевающиеся на ветру, и карие глаза. Ее одежда состояла из туники с чужого плеча и башмаков, которые были явно велики ей. Но не ее неуместное присутствие на корабле в компании с наемниками и искателями приключений заставило Фестрин задержать дыхание. Сейду заинтересовал живот женщины — его уже не скрывали широкие складки туники.

— В мире и вправду заработали волшебные силы, — прошептала она, убрала руки с кристалла и с трепетом посмотрела на Розу Эльды. Странная мысль постепенно оформлялась в ее мозгу.

— Кто ты и почему пришел ко мне в такой поздний час?

Руи Финко только что вышел из ванны с лепестками роз. Ему помогали две девушки в легких накидках, которые должны были умастить его тело ароматическими маслами, что, как он надеялся, стало бы прелюдией к гораздо более интересному занятию. Ему не нравились йетранские обычаи, здешние люди были слишком прагматичны: ванна для снятия накопившейся за день усталости и пыли, горячая вода безо всяких добавок, кроме разве что люфы, отсутствие страстной, обнаженной прислужницы. Таким образом йетранцы

экономили время. Однако рабыни в Йетре были гораздо более изобретательными, чем в Форенте, где служанки привыкли во всем подчиняться лорду. Руи Финко охватило нетерпение. Он плотно завернулся в шелковое покрывало и с нескрываемой враждебностью уставился на человека, который нарушил его столь приятное времяпрепровождение.

Мужчина — темнокожий, со взъерошенными волосами и сломанным носом — походил на метиса. На вид Руи дал ему около сорока лет. Судя по испещренным шрамами рукам и лицу, он много сражался, хотя ни один из рубцов не выглядел свежим, и это означало, что перед ним либо ветеран последней войны, либо наемник, за последнее время настолько хорошо овладевший оружием, что не подпускал к себе и близко лезвия, которое могло бы оставить новый след на его теле. А может быть, то и другое. Что ж, он мог оказаться полезным, если только это не подосланный убийца. Руи посмотрел на его меч и задумался о том, сможет ли быстро отреагировать, если встанет вопрос о спасении жизни. Нет, этот человек слишком опытен, у него не будет шанса сбежать. Руи выжидательно уставился на мужчину, но тот поднял руки, демонстрируя мирные намерения.

— Приношу свои извинения за беспокойство в столь поздний час, милорд. Меня зовут Гало Бастидо, — произнес он хрипло и с акцентом, который выдавал его происхождение, — так говорили на севере Истрии.

Лорд Форента ждал.

— До недавнего времени я был капитаном ополчения Алтеи.

Это его удивило. Алтея — владение Винго на самом юге страны; старший сын в семье — калека; младший, как и все их мужчины, попал под командование Тайхо Ишиана. Остался только этот Гало Бастидо, потому что не выглядел человеком, готовым проглотить свою гордость и принять положение ниже того, что занимал прежде, да еще под началом невоенного человека.

— Вы ищете моего покровительства?

— У меня есть к вам предложение, милорд.

Рабыни покорно ждали. Их губы и гибкие тела манили, отвлекали от разговора. Он отогнал мысли о них. Небольшое промедление после такого великолепного массажа — пустяк.

— Пройдемте, — сказал лорд Форента после небольшой паузы и впустил Бастидо в комнаты. Рабыни были хорошо выучены — оценив ситуацию как не требующую их присутствия, они незаметно скользнули в спальню, где и расположились в ожидании. Их прикрытые прозрачной тканью тела виднелись сквозь тонкие занавески, отделявшие одну комнату от другой.

Руи Финко опустился на кресло и ждал.

— Итак? — произнес он.

Гало Бастидо отвел взгляд от спальни. Каково это — быть лордом в Вечном городе? Что определяет разницу между людьми — деньги или наследный титул? Если последнее, то он проклят, если же первое, то, возможно, у него есть шанс изменить свою судьбу.

— Вам понадобятся корабли, милорд, если вы собираетесь воевать с Севером.

— Это очевидно. Мастера уже собирают необходимые материалы для постройки флота. План начал осуществляться.

— План есть, сэр, а кораблей нет.

Руи недовольно посмотрел на него.

— О чем вы?

— Мой отец был капитаном корабля. Я научился у него всему, что он знал. Мы торговали с Северными островами еще до войны. Потом он погиб в сражении, и мы потеряли все, что заработали. Я обосновался в Алтее, торговал своим военным мастерством. Провел там двадцать лет.

Значит, он гораздо старше, чем выглядит.

— Продолжайте.

— Я могу управлять кораблем, знаю навигацию не хуже любого эйранца, милорд.

Руи набрал воздуха в легкие.

— Я уверен, ваши таланты будут очень нужны, когда придет время, Бастидо. Непременно приходите ко мне, когда будет готов флот.

Бастидо заторопился:

— У меня есть... друзья, милорд... в вашем собственном городе. Я встретил некоторых из них по дороге в Йетру, и они рассказали мне кое-что важное, что может заинтересовать вас.

Лорд Форента склонил голову набок, не отвечая, что означало намерение услышать все до конца. Гало Бастидо прокашлялся.

— У эйранского короля был корабельщик, — сказал он, — но теперь его нет.

Руи сузил глаза.

— Я знаю. — Он вспомнил, с каким затаенным восторгом сообщила ему об этом командирша наемников.

— Мне известно, где он. Мне рассказал мой двоюродный брат. Он услышал это от одного наемника, с которым разговаривал в таверне. Камнепад, сказал он, самый большой из Западных островов. Вот где сейчас корабельщик.

— И это я тоже знаю. — Руи рассердился, начав терять терпение. — Лучше тебе добавить что-то действительно ценное к этим устаревшим новостям, иначе я прикажу поджарить тебе пятки за столь позднее вторжение.

Гало Бастидо, казалось, нисколько не смутило такое грубое обращение.

— Корабль моего отца, милорд, находится сейчас в сухом доке в заливе Ланисон, как и все эти годы с тех пор, как умер мой старший брат. После его смерти он перешел ко мне, но я слишком хорошо зарабатывал в Алтее, чтобы снова отправляться в море. Дайте мне людей, милорд, я отправлюсь с ними в Камнепад и привезу эйранского корабельщика в Форент.

Он сделал паузу, а потом, понизив голос, добавил:

— И сколько угодно эйранских женщин, если пожелаете. Я слышал, милорд, они совсем дикие и неистовые.

Гало Бастидо наблюдал, как взгляд лорда Форента загорелся интересом, а потом стал мечтательным. Думал ли он об эйранском флоте, или же его воображение разжигала мысль о пополнении гарема северянками? В любом случае его предложение, кажется, будет принято.

На следующий день, потратив несколько монет из тех, что он получил авансом, на трех умелых шлюх и мех самого прекрасного вина, какое ему когда-либо доводилось пробовать, Бастидо покинул Вечный город с пятнадцатью вооруженными людьми и верительным письмом, согласно которому он назначался главой ополчения Форента. Корабль, возможно, потребует некоторого ремонта, размышлял он, и отплытие несколько задержится. Это было хлипкое, ненадежное суденышко даже в лучшие его времена — около двадцати лет назад. Но он не сомневался, что в Форенте сможет найти мастеров, которые сделают его годным для плавания. Да и вообще, что может быть прекраснее, чем звон монет в кармане? Ведь он направляется в новый для него город, который можно будет исследовать в ожидании отплытия, принадлежащий одному из самых влиятельных лордов Империи! Ощувив прилив воодушевления, Гало Бастидо прищипил коня, так что кровь потекла из боков животного.

Когда корабль входил в гавань Халбо, команда уже убрала с носа устрашающего вида резную фигуру, которая и дала «Белому Медведю» его название. «Зачем создавать себе лишние проблемы», — сказала Мэм. Кроме того, все надеялись, что король уже успел позабыть небольшой инцидент с похищением его корабля Дого и Кноббером. В худшем случае короля можно было умиловить судном, на котором они добрались сюда и который Руи Финко собирался использовать как образец при постройке истрийского флота. Хотя, конечно, им бы хотелось оставить корабль себе. Мэм понимала, что никогда не сможет привыкнуть к морским путешествиям, но это было наиболее эффективное средство, когда требовалось выйти из неприятной ситуации. А с лошадьми Мэм не ладила вообще.

Персо смотрел не отрываясь на возвышающиеся впереди скалы и колонны, высокие

лестницы, вырезанные в камне, и мелкие окна-бойницы. Он не ожидал увидеть ничего подобного: даже в богатой Истрии никто не имел таких амбиций, чтобы соревноваться с самой природой. Он не мог представить себе, как можно жить внутри скал, от этой мысли волосы на теле встали дыбом, как у собаки.

Селен расправила складки своей туники на животе, сверху надела плащ Эрно. Она хотела изучить место и манеры эйранцев, прежде чем открывать свое положение. Ведь могло случиться так, что далеко не все здесь так же вежливы, как Эрно Хамсон, а напротив, агрессивны и насмешливы, как команда наемников. Почти ничего не помня о своей прежней жизни, она не задумывалась над тем, почему покинула родной дом и попала на корабль, полный отборных головорезов. В их лице она нашла неплохую компанию, правда, немного грубоватую. А еще ей очень нравилось ее новое имя: Лета Чайкино Крыло.

Персо предложил ей первую часть этого имени: так звали его сестру, сказал он, и Селен очень напоминала ее. Но когда она спросила его, где сейчас его сестра, какую жизнь она ведет, он притих, а потом сменил тему разговора.

Чайкино Крыло предложила Мэм, а когда она спросила почему, командирша наемников пожала плечами и сказала только, что чайка пролетела над кораблем, когда их подобрали в море.

Некоторую проблему представляла ее внешность. Темные волосы и глаза были редкостью в Эйре, но после того, как Эрно рассказал Мэм все, что знал о родословной Селен, местом ее происхождения были выбраны Галийские острова.

— Ее отец на редкость неприятный человек, — согласилась Мэм. — Я слышала о нем еще до Собраний. Религиозный фанатик и аферист. Она хорошо сделала, что удрала от него, я бы тоже так поступила.

Эрно охватили смешанные чувства при приближении к родной земле. С одной стороны, он снова оказался среди себе подобных и мог легко прокормить себя, но с другой — ему очень хотелось в Камнепад. Он мечтал еще хоть раз пройти по земле, где ступала нога Катлы Арансон, войти в дом, где она родилась, вспомнить звук ее веселого смеха посреди полей. Но он знал, что никогда не сможет ступить на остров, где вырос. Его изгнание станет расплатой за ту роль, которую он сыграл в смерти Катлы. И еще: он просто не сможет посмотреть в глаза Арану Арансону.

С тех пор как они в последний раз были в Халбо, пароль изменился, но Джоз завязал веселую перебранку с парнями, и очень скоро их пропустили. Такого не могло бы случиться во времена правления Ашара Стенсона, мрачно подумала Мэм, вспоминая старого, сурового короля. Один вид горстки истрийцев на неизвестном судне заставил бы всю королевскую охрану подняться на борт корабля.

Они поставили «Белого Медведя» на якорь во внешней гавани и стали ждать, когда солнце опустится за горизонт: темнота — лучшее прикрытие.

Несколько любопытных горожан столпились недалеко от них в доке, и несмотря на то, что нетерпение быстро увело прочь большинство из них, к тому времени, как Мэм отдала приказ спускать лодки на воду, на берегу оставалось не меньше двадцати зевак. Большей частью это были бездельники да торговцы, продававшие товары сомнительного качества и женщин легкого поведения. Мэм протолкалась сквозь эту толпу, не удостоив их даже взглядом. Но когда на пристань сошли Селен и Эрно, от толпы отделился человек очень высокого роста и последовал за ними по улочкам.

— Пробуй еще! Неужели это так трудно, о Фалла Милосердная! Она в Халбо — тебе даже не нужно ее искать!

Виралай вздохнул. Лорду Кантары было бесполезно объяснять принцип работы кристалла: здесь нужна сила сосредоточенности, а не просто поиск, многое зависит от воли того, кто смотрит. Он снова склонился над кристаллом и принялся думать о Розе Эльды.

С тех пор как Руи Финко запретил ему изменять облик рабынь по прихоти Тайхо Ишиана, лорд Кантары начал сходить с ума, по крайней мере так казалось Виралаю. Не в

силах справиться с собственной плотью и воображением, он пристрастился днем и ночью бродить по коридорам замка в Йетре, и обычно все заканчивалось тем, что он оказывался в комнатах Виралай и требовал вызвать видение предмета его неутолимой страсти в волшебном кристалле. Иногда он садился на кровать и гладил кошку, которая терпела это с плохо скрываемым неудовольствием — она была привязана к спинке кровати и не могла убежать. Дважды Виралай мельком видел Розу Эльды, но в обоих случаях она лежала в объятиях северного короля, и не желая возбуждать и без того нездоровую ревность и зависть Тайхо, он отчаянно пытался отыскать какой-нибудь другой образ. Ему удалось увлечь внимание лорда Кантары видом толпы, собравшейся на площади его собственного города вокруг огромного костра, на котором горели принесенные в жертву полдюжины женщин-кочевниц, в то время как жрецы кидали в огонь сафлор, чтобы освятить огонь. Тайхо возбудился от этого зрелища и потребовал, чтобы Виралай провел остаток ночи в поисках подобных же в других местах. Это было нетрудно, поскольку такое творилось повсеместно, Империя была охвачена религиозным фанатизмом. Чужестранцы и безбожники теперь не были гостями на землях Истрии — мужчин ожидал острый меч, а тех жен-шин, которые не принимали Путь Богини (то есть не отдавались на милость любого почитающего Фаллу мужчины), обрекали на сожжение в священном, очищающем огне.

Но потом ему удалось натолкнуться на нечто любопытное. От этого видения волосы на его теле поднялись, хотя он не мог найти этому объяснения: зрелище было не таким жутким, как большинство сцен, которые ему приходилось наблюдать за последние дни. Это был город из золотого камня, освещенный солнцем, хотя в Йетре стояла ночь. Кристалл явно показывал ему другие времена.

Зачарованный, он стал вертеть шар так и этак, восхищаясь тонкими шпилями и куполами, гладкими озерами и сказочными садами с множеством скульптур и экзотических цветов. Йетра была красивым городом, но она не шла ни в какое сравнение с тем, что он увидел. Виралай смотрел не отрываясь, силой воли и мысли заставляя камень показывать город в деталях. Но при ближайшем рассмотрении его постигло разочарование: архитектурные сооружения находились в плохом состоянии, озера были зелеными от ряски, сады заросли сорняками и кустарником. В воздухе, опираясь широкими крыльями на потоки теплого воздуха, кружили бородачи-ягнятники, вороны стаями сидели на разрушающихся башнях, дикие кошки, тощие и голодные, бродили по улицам и площадям в поисках наживы. И ни следа присутствия в городе людей.

Глава 18 СДЕЛКА

— Кто ты и зачем привел меня сюда?

Селен Ишиан не могла отвести взгляда от гипнотических зеленых глаз женщины, сидевшей перед ней, но чувствовала, что гнев и страх начинают покидать ее. Когда на улице им преградила дорогу фигура, закутанная в плащ с капюшоном, Эрно шагнул вперед, но одно движение руки таинственного незнакомца заставило его, храброго и сильного мужчину, со слабым вскриком рухнуть на землю; это повергло Селен в ужас, а когда ее быстро повели по пустынным улицам неизвестно куда, на смену страху пришло непривычное, растущее бешенство. За всю дорогу высокий незнакомец не произнес ни слова, рука его, лежащая на плече Селен, была тяжела и безжалостна, как длань самой смерти, и это вызывало у Селен — или Леты, как она теперь себя называла, — настоящую ярость. Когда ее бесцеремонно втолкнули в эту роскошно украшенную залу, она готова была разразиться ругательствами и вцепиться ногтями в лицо обидчика, но одного взгляда на спокойную, прекрасную женщину, сидящую на большом деревянном кресле, оказалось достаточно, чтобы на смену гневу пришло любопытство.

Она услышала, как дверь за ее спиной закрыли с негромким стуком и повернули ключ. Это сделал высокий незнакомец, который привел ее сюда; Селен затылком ощущала его

взгляд, но не оборачивалась, потому что не могла оторвать глаз от женщины в кресле.

— Меня зовут Роза Эльды, — негромко произнесла женщина, и эти слова прозвучали как музыка из чудесного сна. Селен чувствовала, что значат они гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, но истинный смысл услышанного ускользал от нее.

— Королева Северных островов, жена короля Врана Ашарсона, — раздался голос из-за спины Селен, и она с удивлением поняла, что под плащом с капюшоном скрывалась женщина. До этого, судя по росту и силе руки, она думала, что ее похитил мужчина.

— Что ты хочешь от меня? — спросила Селен. Узнав, кто перед ней, она пришла в еще большее замешательство.

Вместо ответа Роза Эльды протянула руки к Селен и распахнула ее плащ. Селен почувствовала себя обнаженной и беспомощной. В ней поднялось желание скрыть свою наготу, но руки бессильно висели вдоль туловища словно плети. Пальцы королевы Севера коснулись ее живота.

— Так, — прошептала она. — Так.

Теплый комок шевельнулся в чреве Селен, по жилам прокатилась горячая волна. Она впервые ощутила, как в ней шевелится дитя; то было легкое и короткое движение, как взмах крыльев крохотной пичуги. Селен ничего не знала о том пути, которым дети идут к жизни, но поняла, что движение это — преждевременное, тревожное.

Женщина медленно отняла руку от ее живота. Она снова взглянула в лицо Селен, и та была поражена, увидев, что глаза королевы, которые перед тем были зелеными и холодными, как нефрит, стали темными и мерцающими. В них не было слез, но тем сильнее казались чувства, охватившие Розу Эльды.

— Я должна забрать твоего ребенка.

Сердце Селен тревожно стукнуло. О чем она говорит? Последовало долгое молчание — Селен не знала, что сказать. Потом послышалось шуршание ткани, и в поле зрения появилась высокая женщина. Она повернулась к Селен и отбросила капюшон. Селен задохнулась от изумления. Перед ней возвышалась настоящая великанша, и ей пришлось поднять голову, чтобы взглянуть в ее единственный жуткий глаз. По телу пробежала дрожь, сердце застучало в два раза быстрее, колени подогнулись, и Селен начала падать.

Королева вскочила; великанша обхватила Селен за талию. Обе они перенесли ее в освободившееся кресло.

— Не пугайся, — молвила одноглазая. — Мы не желаем зла ни тебе, ни твоему ребенку. Совсем наоборот. Нам предстоит заключить с тобой некую сделку, от которой вы обе выиграете.

Немного позже, сидя, как простая рабыня, у ног королевы Северных островов со странным именем Роза Эльды, Селен узнала подробности этой сделки.

Только на рассвете Эрн Хамсон пришел в себя и смог, пошатываясь, добрести до ближайшего постоянного двора. Он попросил угрюмого мальчика, который присматривал за пустой харчевней, дать ему место, и провалился в забытие на тюфяке в дальней комнате. Он не помнил, почему оказался лежащим лицом вниз на холодной мостовой Халбо, засыпанный снегом, причем один сапог был полон грязи и талой воды; не помнил об остальных членах команды «Белого Медведя» и начисто забыл о девушке, которую звали Селен Ишиан.

Но во сне он видел лицо — смеющиеся глаза, волосы, с которыми играл ветер; они казались черными, но в отсветах вечерней зари становились рыжими; он устроился поудобнее и почувствовал, что ему хорошо.

Перед рассветом сейда в плаще с капюшоном покинула дом, в котором остановилась королева. Она только что общалась с магическим кристаллом и, получив необходимую информацию, направлялась во «Вражью ногу» — таверну с сомнительной репутацией возле доков. Как она и предвидела, вся команда корабля, на котором прибыла беременная женщина по имени Лета Чайкино Крыло, предалась бесшабашному веселью и пьянству,

после чего заснула прямо на полу посреди пустых бутылей, пивных кружек и мешков. В харчевне раздавался богатырский храп.

Она обошла всех, легко касаясь каждого: кому-то клала руку на плечо, кому-то — на голову. На несколько мгновений задержала ладонь на щеке крупной женщины с кольцами в ушах и копной рыжих волос, голова которой покоилась на животе толстяка, выведившего носом и ртом невообразимые рулады, и выражение лица сейды смягчилось. Может ли она облегчить боль, которую видит внутри этой женщины? Должна ли это делать? В некотором замешательстве она подняла руку. Эта боль делала женщину, лежавшую перед ней, воином; но сейда не имела права менять пути воинов, если только не возникало опасности для нее самой.

В следующие ночи она посещала дома жителей Халбо, внушая спящим мужчинам и женщинам, что королева очаровательна в своей беременности, что ее румянец и растущее чрево подтверждают новость, которую уже разнесли королевские вороны, — у повелительницы будет ребенок. Убедить легковерных простолудинов нетрудно; ведь даже ее супругу, с которым она делила ложе в королевской опочивальне, удалось внушить ту же мысль. Тем более что жизнь Врана Ашарсона, для которого любовные ощущения являлись самыми сильными и желанными, была наполнена фантазиями и самообманами. К тому же нетрудно убедить человека, столь неистово желающего рождения сына, используя простейшую магию.

С препятствием Фестрин столкнулась лишь возле покоев леди Ауды — та заперла дверь так надежно, что Фестрин не сумела войти; заклятия сейды не смогли одолеть силы дуба и железа, магического аромата трав, которыми были увешаны двери, и цветов, разбросанных у порога. Ладно, пусть болтает, пусть объявит королеву лгуньей. Кто будет слушать озлобленную старую каргу, которая противилась выбору сына и все твердит, что бледная кочевая шлюха лишила ее трона?

А что касается ребенка... Какого добра можно ожидать от насилия, что выйдет из семени, извергнутого при столь ужасных обстоятельствах столь злобным человеком? Но ребенок невинен. Он может стать открытым и честным, добрым и бесхитростным — королевич, окруженный порядочными людьми, воспитанный не в самом худшем месте этого мира, хотя и стоящего на грани войны.

Но никто лучше сейды не знал, что у короля Эйры и его жены-кочевницы не может быть детей. Ничего хорошего не мог дать супружеский союз любого мужчины с той женщиной, которую сейчас называли королевой Севера. Это нельзя было назвать равным союзом: нельзя скрестить кошку с собакой, мышь с китом, а йеку с драконом; точно так же никто из мужчин не мог получить сына от создания столь непостижимого, как Роза Эльды.

Сейда гадала — когда же Роза Эльды поймет истину, когда обретет память? И содрогалась при мысли о том, что случится, когда это произойдет.

На Вечный город мягко опустилась ночь. Камни Йетры напитались за день теплом и теперь отдавали его, убаюкивая жителей во тьме ночи, приглушая звуки, смягчая дыхание спящих и делая легкими сны. Стены замка поглощали звуки шагов человека, который крадучись пробирался по его пустым переходам. Он повернул за угол каменного лабиринта и внезапно почувствовал, что заблудился, сбился с пути и если сделает еще хоть шаг, то окажется в другом времени, в другом месте. Казалось, само время в Йетре остановилось. Виралай подумал, что это связано с названием города, а также с тем обстоятельством, что он уцелел во всех бедствиях и войнах, прокатившихся по этому краю.

Он сделал несколько шагов по стертým каменным ступеням, уходящим во тьму, и вдруг оказался перед толстой деревянной дверью, окованной железом. Дверь отворилась почти беззвучно. Стражи не было, потому что призыв к войне заставил всех мужчин, способных носить оружие, отправиться на сбор к Сэре либо разъехаться по провинциям, чтобы набрать рекрутов и обучить их военной науке. Им предстоит переплыть Северный океан, а сделать это будет непросто — во всем флоте, собранном для нападения на Эйру,

очень мало кораблей, способных преодолеть бурный океан. Не то чтобы правители Истрии этого не знали; но лорд Форента утверждал, что флот будет построен к сроку, и ему верили. Поэтому лорды собирали войска и разрабатывали хитроумные планы штурма Халбо, не задаваясь вопросом, как они достигнут столицы Врана, от которой их отделяют сотни миль океана.

Виралай знал, что будет потом. Он слышал, как двое мастеров обсуждали это, не подозревая о том, что кто-то слышит их разговор. Конечно, они не знали о магическом кристалле, а Виралай мало-помалу постигал искусство чтения по губам. Сначала его охватила паника. Что он, беглый ученик мага, бывший торговец фальшивыми картами, мог знать о строительстве кораблей? Абсолютно ничего. Это искусство было ведомо жителям Севера, а Мастер не учил его этому; Виралай не знал, откуда происходил Рахе, но почти наверняка не с Северных островов, родины кораблестроения. Из Святилища он бежал на жалкой посудине, которая все время давала течь и не развалилась по пути только благодаря магии и невероятной удаче. Ни в одном из манускриптов, которые он захватил из библиотеки Мастера, не было даже слова «корабль», тем более не говорилось о том, как управлять судном. Королевский корабельщик в Эйре умер; его преемник загадочным образом исчез, и даже единственный крупный корабль эйранцев, купленный Руи Финко как образец за огромные деньги, украли какие-то бандиты. Один раз Виралай видел его в кристалле — он несся по волнам где-то на Севере, а на борту его копошилась пестрая команда из наемников и прочих бродяг. А еще там была девушка — красивая, с сияющими глазами и круглым животом. Тайхо Ишиан потерял дочь; Виралай нашел ее, но никому об этом не сказал — подобное знание может пригодиться самому.

Но сейчас в темноту ночи его погнало не страх перед неизбежными последствиями провала того дела, которое ему поручил лорд Форента, а нечто более властное.

Он был вынужден спасать собственную жизнь — в буквальном смысле. Когда он толкнул дверь, на ладонь упал свет факела, и он снова, едва сдержав крик ужаса, увидел, что кожа на его руке посерела и сморщилась, будто от сильного ожога, и напоминала старую змеиную шкуру. Мало того, под этой мертвой кожей виднелась не молодая розовая, а еще более дряблая, покрытая какими-то чешуйками и шершавая на ощупь. Он пытался использовать все заклинания, какие только знал или тайком нашел в свитках большой библиотеки Йетры, — все было бесполезно. Если это проказа, он не знал, как ее остановить. Его страшила не столько эта ужасная болезнь, сколько мысль о том, что она вызвана карающей дланью Рахе, что демоны мести, которыми его пугал Мастер, уже близко и могут предстать перед ним в любой момент.

Насколько он знал, только один человек мог с помощью магического кристалла определить их присутствие, помочь ему сохранить жизнь; только этот человек поможет ему не из-за денег, а ради дружбы. Тайхо позаботился о том, чтобы денег у него не было, и тем самым накрепко привязал Виралай к себе.

Алисия.

Он был потрясен, когда снова увидел ее в кристалле; она не заметила его, потому что была занята Фало. Он сразу понял, что крепостные стены на заднем плане — это стены Йетры, и его сердце впервые за много месяцев возрадовалось. Поэтому, как только настала ночь, он незаметно прокрался в стойло, оседлал одну из лошадей и, выведя ее, вскочил верхом, думая о том, что у него всего четыре часа, чтобы найти Алисию, рассказать о своем бедственном положении, получить помощь и так же скрытно вернуться.

Стан кочевников, насколько он понял по изображению в кристалле, находился в нескольких милях от стен Йетры и был хорошо укрыт от случайных глаз ивовой рощей и зарослями лозы, тянувшимися вдоль излучины реки.

Здесь не горели костры, и ничего не говорило о присутствии людей, но с помощью какого-то сверхъестественного чутья он нашел эту излучину. И даже ни разу не свалился с лошади. Не доезжая нескольких сотен шагов до мирно пасущихся йек и повозок, он привязал

лошадь к ольхе и пошел к стоянке пешком. Кочевники, судя по всему, в целях безопасности разделились на ночь — их сильно потрепали преследователи, он видел это в кристалле. Кажется, для Потерянных не осталось спокойного места в этом мире. Он подвергал этих людей опасности, разыскивая их. Но выбора у него не было.

Он не нашел среди повозок той, в которой провел столько ленивых послеполуденных часов с гадалкой, но узнал одежды, развешенные для просушки на веревке. Один конец ее был привязан к кусту, другой — к повозке, дверцу которой украшало изображение звезд и луны. Он был уверен, что в этой повозке когда-то кочевала Фезак Поюшая Звезда, но одежды, украшенные галианским кружевом, были сшиты не на костлявую мудрую старуху.

Он поднялся по деревянной лесенке к двери со звездами и луной и тихо поскребся — так, как они договаривались когда-то. Тишина внутри могла означать только одно: обитатель повозки задержал дыхание, чтобы настороженно вслушаться в звуки ночи.

— Это я, — прошептал он громко. — Виралай.

Послышался шорох, и дверь чуть приоткрылась. В щели блеснул глаз, сразу же широко раскрывшийся; мигом позже дверь распахнулась, и перед ним предстала Алисия Жаворонок в ночной рубашке, с шалью на плечах, взлохмаченными волосами и раскрытым от удивления ртом. Но она быстро справилась с собой, пригладила волосы и, приложив палец к губам, повела Виралаю за руку прочь от стоянки.

Они подошли к ивовой роще на берегу. Перед ними струилась река.

— Мне нужна твоя помощь, — произнес Виралай, и одновременно она спросила у него:

— Откуда ты?

Какое-то время они смотрели друг на друга, потом Виралай повторил свои слова и добавил:

— Я разваливаюсь на части.

— Всем сейчас трудно, — ответила она, но он покачал головой:

— Нет, нет, смотри...

Была полная луна, и ее свет отражался от поверхности воды, хорошо освещая место, где они стояли. Виралай закатал рукава, обнажив ужасные язвы, и Алисия испуганно вскрикнула.

— Что это за болезнь? — спросила она, но он только покачал головой. У него не было ответа на этот вопрос.

— В последние недели становится все хуже, — сказал он. — Боюсь, что надо мной тяготеет проклятие. — А потом он рассказал ей о Святилище, Мастере и том проклятии, которое, очевидно, навлек на себя.

Алисия слушала, хмуря брови и кивая. Раньше она думала, что та бледная женщина — его сестра, но тем более странной показалась его история. Когда же он поведал ей о своих страхах, она побледнела от испуга.

— Разве мало несчастий обрушилось на мой народ? Теперь ты говоришь о демонах!

Виралай повесил голову:

— Мне больше не к кому обратиться.

— А как же кошка?

Виралай молчал. Он не подозревал, что ей известно о магической природе зверя. Потом сказал:

— Она ненавидит меня. Я слишком часто использовал Бете против ее воли, и теперь она не делится со мной своей магией. Боюсь, если я попрошу ее дать мне заклинания, способные спасти меня, она выдаст прямо противоположные; что тогда будет со мной?

Немного подумав, он вымолвил:

— Ты знаешь, она пугает меня не меньше, чем демоны.

Алисия подняла брови:

— Пугает тебя? Такое маленькое создание?

Виралай содрогнулся:

— Ты не видела ее такой, какой видел я.

Внезапно в сознании Алисии возник образ черного как ночь зверя, из пасти которого, казалось, вырывается пламя. Это было поистине демоническое существо. Но Бете? Она не могла в это поверить. В конце концов, они несколько месяцев странствовали вместе, и если бы кошка умела принимать чудовищное обличье, она бы наверняка это заметила... Но Фало однажды видел нечто в кристалле. К тому же Виралай всегда плохо ладил с животными: что-то в нем отталкивало их, делало нервными и норовистыми, тем более кошки всегда славилась своенравием. Она тряхнула головой, будто хотела избавиться от образа зверя. Это движение напомнило Виралаю привычку ее матери.

— Как дела у Фезак? Вижу, ты перебралась в ее повозку.

— Моя мать умерла, — сухо ответила Алисия.

— Прости.

Молчание разделило их, словно крупный слепой зверь, вставший между ними. Не из интереса, а чтобы хоть что-то сказать, Виралай спросил:

— А Фало?

— Жив-здоров, спит, — коротко бросила она, — и, надеюсь, будет спать и дальше. — С этими словами она подобрала подол рубашки и побежала назад к повозке, сверкая белыми икрами в темной траве.

Она быстро вернулась с большим тяжелым предметом и положила его на землю между собой и Виралаем. Он вздрогнул, узнав большой кристалл. Этот камень был намного более сильным, чем его собственный, он знал его историю.

— Положи на него руки, сюда, возле моих, — сказала Алисия. Он так и сделал; прошло достаточно времени, но камень оставался безжизненным, никак не реагируя на тепло их рук. Женщина нахмурилась.

— Сосредоточься, — велела она, но камень по-прежнему молчал. Алисия щелкнула языком от досады, и Виралай еще раз попытался сконцентрировать всю свою волю и внимание на кристалле. И вдруг камень проснулся, по его поверхности забегали огоньки, а ядро осветилось внутренним огнем. Фиолетовые, красные, голубые и золотые вспышки магического пламени осветили их лица и место, где они сидели. Когда наконец кочевница отняла руки от камня и выпрямилась, лицо ее было напряженным от сдерживаемых эмоций.

Виралай с тревогой следил за Алисией. Он не видел в кристалле ничего, кроме разноцветного тумана, как будто камень намеренно скрывал от него свои секреты.

— Что ты видела? — спросил он.

— Никаких демонов, — тихо ответила она; в глазах ее читались страх, любопытство и как будто некоторое разочарование. — Бедный Виралай. Никаких демонов и никаких следов проклятия.

Эти слова сильно озадачили его. Если нет ни демонов, ни проклятия, то откуда же эта болезнь? Он открыл было рот, чтобы спросить, но она наклонилась и, поколебавшись, приложила ладонь к его губам.

— Ты должен отправиться на Север, — произнесла она. — И возьми с собой кошку. Только Роза Эльды может исцелить тебя.

— Но ведь она... — испуганно начал Виралай. Он был уверен, что Роза Эльды ненавидит его. Если бы он не подсматривал за ней в доме Рахе, его не постигло бы искушение опить Мастера и украсть ее из Святылища, и он до сих пор жил бы в блаженной обители, не ведая забот и тревог, не зная мира, в котором люди только и делают, что замышляют зло друг против друга, мира, в котором его плоть не хочет продолжать свое существование.

А потом его осенила мысль: он снова должен взять на себя заботы о Розе Эльды — украсть ее у северного короля, теперь, когда его новые хозяева готовят нападение на столицу Ашарсона, а затем спасти от лап лорда Тайхо Ишиана? Что, если вернуть ее и Бете в Святылище и там обрести покой и прощение Рахе, отдавшись на его милость? Здесь его воображение перестало работать: невозможно представить, что может случиться потом. По натуре Мастер не был мягким человеком, но, может быть, он будет благодарен своему

непутевому ученику за то, что он вернул ему его женщину и кошку? Кажется, это был наилучший план дальнейших действий. Роза излечит его, и, обновленный, исполненный сил, он воспользуется магией кошки и незамеченным ускользнет вместе с ними от своих мучителей. Он исполнит свой долг перед миром; исправит тот вред, который причинил. И все будет хорошо.

Он радостно смотрел на Алисию Жаворонка, пока в его голове проносились все эти мысли.

— Благодарю тебя, — произнес он. — Теперь я знаю, что мне делать. Не понимаю, почему я раньше не додумался.

Он встал и пошел прочь.

Алисия смотрела ему в спину, и на душе у нее было горько. Все мужчины одинаковы: приходят к ней, терзаясь сомнениями, мучаясь страхами, нуждаясь в поддержке, а потом быстро покидают ее, узнав свое предназначение и устремившись к нему всеми силами воспрянувшей души. Им нет до нее дела.

— Подожди! — позвала она, подавив чувство обиды. — Без моей помощи ты далеко не уйдешь.

Виралай обернулся. По выражению его лица Алисия поняла, что он уже поглощен предстоящим. Вся ее досада мигом улетучилась. «По крайней мере болезнь пощадила его лицо», — подумалось ей. Несмотря на все его странности, она считала Виралая привлекательным. Теперь она понимала, что ее притягивали к нему именно его странности. Он был неразгаданной тайной, непостижимым человеком, полным противоречий. Сейчас, судя по всему, он готовился к чему-то очень серьезному.

Пересилив себя, она отвела взгляд от его лица.

— Твоя кожа, — напомнила она, будто он мог забыть об этом. — Тебе необходимо какое-нибудь снадобье.

Он улыбнулся, и Алисии вспомнилось светлое утро, когда они лежали, обнявшись, в лучах солнца, пробивавшихся в оконце повозки. Его серые глаза светились золотом, и она чувствовала, что ее наполняет желание, а вместе с ним и нечто похожее на благоговейный трепет. Глубокая жалость охватила ее, и она поняла, что не в силах видеть, как он уходит в неизвестность, навстречу своим целям.

— Да, — сказал он. — Об этом я не подумал.

Они вернулись к повозке, и Алисия скрылась внутри, а он сидел и слушал, как она стучит горшками и бутылками и толчет что-то в ступке, одновременно успокаивая проснувшегося ребенка. Потом она вышла и осторожно нанесла мазь на кисти рук и запястья Виралая, где разрушительное действие недуга проявилось сильнее всего. Как всегда, от прикосновения ее пальцев он почти перестал дышать; казалось, вся его кровь прилила к коже, устремившись навстречу ее рукам. Когда она закончила, он еще какое-то время стоял не двигаясь, будто в трансе.

— Ты хороший человек, Виралай, — сказала она тихо. — Пожалуйста, помни об этом, когда ты увидишь, что в мире наступили черные дни. Независимо от того, как мы пришли в этот мир, у нас всегда есть выбор. Я не видела в кристалле демонов; нет демонов хуже людей. Вскоре тебе предстоит сделать важный выбор, Виралай, и от него будет зависеть судьба всего мира. Иди и сделай все, что от тебя зависит.

Сказав это, она протянула ему флакон со снадобьем, поднялась в повозку и закрыла за собой дверь. Какое-то время она стояла, прижавшись спиной к стенке и пытаясь унять бешено бьющееся сердце, а потом услышала, как он уходит, шелестя травой.

Виралай ехал назад, пригибая голову под ветвями и оглядываясь на звуки, которые издавали в ночи неведомые существа. Он думал о том, что сказала ему Алисия Жаворонка. К восходу солнца он незамеченным въехал в город, расседлал в стойле лошадь и вернулся к себе. Смысл ее слов не был ясен ему, но в голове уже сложился план: надо не только вернуть Розу Эльды и кошку Мастеру, но и найти юношу по имени Саро, который носит на шее тот

могущественный камень...

В тот же вечер к нему пришел лорд Кантары. Он почти ворвался в комнату, прерывисто дыша, одежды его были в беспорядке. Очевидно, он только что участвовал в ритуале поклонения богине. Виралай заметил на его руках масляные пятна, на одежде — какие-то багровые потеки. Видно было, что лорд пытался привести себя в порядок, но делал это наспех. Виралай понял, что это пятна крови. Вот в чем дело. Жертвоприношение. Еще одна жертва, третий день подряд. До этого были петух и ягненок, он сам ездил выбирать и покупать их, потом готовил к ритуалу и относил в сад у святилища Фаллы, где и передал их хмурому жрецу. Но сегодня, похоже, лорд Кантары лично совершил жертвоприношение, не прибегая к услугам жрецов. Виралай попытался угадать, какое существо окропило сегодня жертвенник Богини своей кровью. Наверное, кто-то покрупнее петуха — крови было слишком много. Глаза лорда были выпучены, и сам он сильно возбужден.

Все эти мысли промелькнули в голове Виралая, пока Тайхо Ишиан шел к нему через комнату. Ученик чародея быстро научился угадывать настроение, в котором пребывал его хозяин; фактически от этого умения могла зависеть его жизнь. Свободные одежды, в которых явился лорд, наводили на некоторые умозаключения. Не то чтобы Виралай был противником любовной связи между мужчинами — среди кочевников подобное случается часто и не считается предосудительным, — но лорд Кантары внушал ему ужас и отвращение, поэтому не приходилось рассчитывать на то, что постельные игры с ним доставят удовольствие. Виралай сделал шаг навстречу лорду, чтобы закрыть собой небольшой инкрустированный столик, на котором покоился магический кристалл, укрытый плотной материей.

— Покажи мне ее!

Голос Тайхо Ишиана был хриплым от напряжения.

— Мой лорд...

— Покажи мне ее сейчас же! Я должен видеть ее.

Лорд Кантары вцепился пальцами себе в волосы, сгорбился и принялся ходить по комнате взад и вперед.

— Я никогда не испытывал подобной страсти ни к одной женщине... Они всегда были моим проклятием... Эти лживые уста, эти похотливые тела... Но обычно я совершал с ними обряд поклонения Богине, и моя страсть ненадолго утихала. Если я хотел женщину, я всегда получал ее, даже если приходилось платить высокую цену. Но она — она другая... Я не могу перестать думать о ней. Она постоянно стоит у меня перед глазами; по ночам она приходит в мои сны. Я всюду чувствую ее запах, слышу ее голос, хотя ни разу не слышал, как она говорит. Это выше моего понимания!

Внезапно он остановился, повернулся к Виралаю и уставился на него безумными глазами. Руки его медленно опустились.

— Мне кажется, я схожу с ума, — произнес он тихо. Виралай не знал, что сказать.

— Нет, мой лорд, — только и смог выдать он, понимая, что говорит неправду. Да, это сумасшествие и даже хуже...

— Эта страсть сжигает меня.

Тайхо сцепил руки и с силой прижал их к низу живота, словно пытаясь погасить бушевавшее там пламя. Потом неожиданно подскочил к столу. Виралай не успел отпрянуть, лорд Кантары вцепился ему в плечи и произнес низким хриплым голосом:

— Не уверен, что Роза Эльды — вообще человек. Мне кажется, она чем-то похожа на Богиню, и поэтому я должен обладать ею. Я должен спасти ее душу. Это моя священная обязанность.

Потом он силой усадил Виралая за стол и жестом велел открыть кристалл. Ученик мага неохотно повиновался — лорд стоял у него за спиной, и он чувствовал его напряженный член; к тому же Тайхо мог заметить, в каком состоянии руки Виралая. Там, куда Алисия наложила мазь, кожа натянулась и выглядела лучше, но даже в колеблющемся свете огня было видно, что она серая и шероховатая. У него были перчатки, но прикасаться к кристаллу

нужно голыми руками. Однако лорд Кантары ничего не сказал. Он стоял сзади, крепко держа Виралаю за плечи, и его безудержная страсть будто передалась через Виралаю камню, разбудила его, и они почти сразу увидели Розу Эльды.

Она улыбалась своей странной, несколько смущенной улыбкой, которую он так часто видел на ее лице; она находилась в каком-то большом зале, стены которого были украшены гобеленами и оружием — острыми копьями, скрещенными топорами, великолепными мечами, алебардами и дротиками, словно обитатели этих покоев постоянно пребывали в ожидании внезапного нападения. И посреди всего этого находилась Роза Эльды — бледная и прекрасная, словно лилия, сияющая, как заря. У Виралаи вырвался вздох облегчения. По крайней мере она была одета и в людном месте, а не обнаженной в объятиях своего любвеобильного супруга, как раньше.

Пальцы лорда Кантары расслабились, точно одного взгляда на Розу Эльды было достаточно, чтобы облегчить его мучения. С блаженным вздохом он прошептал:

— Вот она. Вот она!

В зале было полно народу. То были придворные в роскошных нарядах и сверкающих драгоценностях; здесь царил праздник красок, нарядов, все сияло в пламени светильников на стенах и под потолком. «Как много света и огней», — подумал Виралай. По его мнению, в этой картине было нечто адское, но лорд за его спиной прошептал с благоговейным трепетом:

— Гляди, гляди — она подобна Фалле, поднимающейся из пламени на Священной Горе.

Ее нагие ступни попирают пылающие угли,
За спиной клубится багровый дым,
Бушует пламя, и ноги ее белы,
Кто — человек или бог — сможет покорить ее?
Она великолепна...

Толпа бурлила, волновалась, словно море, затем появился король варваров, Вран Ашарсон; легко и грациозно он двигался сквозь толпу придворных к своей супруге; его длинные волосы были схвачены серебряным обручем, на могучих плечах лежала мантия из волчьей шкуры. Казалось, внимание кристалла приковано к этому человеку: он отслеживал каждый его шаг, подробно показывал, как эйранский король гордо шествует к Розе Эльды; хорошо было видно его красивое лицо, сверкающие глаза, широкие скулы и уверенная улыбка.

— Проклятие! — простонал Тайхо. — Верни ее! Я не желаю видеть его, этого гнусного пса! Покажи мне Розу Эльды.

Собрав всю свою волю, Виралай пытался перевести внимание камня с Северного Жеребца на его жену, но внезапно изображение померкло и пропало, а через несколько мгновений камень уже показывал другую комнату — тихую, скромно обставленную; в ней на невысоком ложе сидела хрупкая темноволосая девушка, она была увлечена игрой в кости с женщиной приятной наружности; пока та готовилась бросить кости, она ковыряла в зубах острой палочкой.

Лорд Кантары присвистнул. Но в этот момент дверь открылась, и в комнату вошли несколько человек во главе с Фавио Винго, который толкал перед собой странное сооружение на колесах; в нем сидел его старший сын. На лице старика было написано отвращение, которое он питал к лорду Кантары, но в глазах калеки горело восхищение.

— Мой лорд, — начал Танта, — нам сказали, что мы найдем вас здесь. У меня появилась идея построить большую пирамиду, в которой можно сжигать сразу несколько кочевников...

Тайхо даже не отвел взгляда от кристалла, чтобы приветствовать вошедших. Однако Танта это не обескуражило. Отстранив отца, он положил ладони на колеса и подъехал к

столу, чтобы посмотреть, чем так поглощен лорд Кантары.

— Ах, — недовольно воскликнул он. — Гадание по кристаллу. Как занятно. Что вы ищете?

Он наклонился к камню, всматриваясь в размытое изображение. Глаза его широко раскрылись.

— Селен! — выдохнул он.

Действительно, кристалл показывал Селен. Когда он произнес ее имя, дочь Тайхо Ишиана подняла голову, и небольшая морщинка прорезала ее чело, словно она сосредоточенно вслушивалась в чей-то далекий голос. Танто почти встал и лег грудью на стол, чтобы лучше видеть, но потом вспомнил, что считается инвалидом и не должен подниматься на ноги.

— Моя дочь! — вскричал лорд Кантары. — Так ее и в самом деле похитили эти эйранские бандиты!

Кристалл, игнорируя Виралая, снова погасил образ, а затем представил зрителям вереницу самых разных картин. Мелькнула рука в перчатке, открывающая дверь в стойло; потом снова стал виден освещенный огнями Большой Зал дворца в Халбо, причем зрители видели его так, как если бы находились где-то под потолком: внизу стояла королева Эйры, и они видели только корону на ее голове. Виралай чувствовал, что что-то не так: изображение мерцало, расплывалось. На кристалл действовала какая-то магическая сила.

— Клянусь грудями Фаллы! — внезапно вскричал Танто; он был настолько потрясен увиденным, что благочестивый лорд Кантары не обратил внимания на это богохульство. — Он не терял времени даром: посмотрите, как он над ней потрудился...

Тайхо быстро заморгал, не веря глазам.

— Она ждет ребенка! — внезапно взвыл он. — Негодяй обрюхатил мою любимую!

Все, кроме Виралая, видели, что живот Розы Эльды выдается вперед; свободное белое одеяние королевы лишь подчеркивало его размеры. Вран Ашарсон приблизился к ней и не спеша поцеловал сначала в щеки, потом в губы и по-хозяйски положил ладонь на обширное чрево супруги.

Внезапно над ухом Виралая раздался бешеный рев. Потом стол опрокинулся, тяжелый кристаллический шар ударился об пол и разлетелся на тысячи осколков.

Звук разбившегося магического кристалла отразился от замковых стен, эхом прокатился по коридорам и лестницам и разнесся по городу. В конурах вздрогнули и поджали хвосты собаки, по дворам пронеслись с истошным мяуканьем кошки, на озере проснулись и поднялись в воздух гуси. Руи Финко, поглощенный обсуждением осадной тактики с лордом Прионаном в Звездном Зале, поднял голову и вздрогнул от внезапной боли, пронзившей его тело; кто-то громко кричал, кто-то вопрошал, что случилось, кто-то озирался по сторонам, словно оказался вдруг в незнакомом месте. Гесто Гревинг вздрогнул словно ошпаренный и выронил кубок с Золотой Пряностью, а потом в недоумении уставился на блестящую у его ног лужу и, несмотря на боль в костях, стал подсчитывать убыток: по меньшей мере тридцать два кантары — выпить он успел едва ли половину.

Где-то далеко женщина в повозке поднялась и подошла к ребенку, потому что он проснулся от страшного сна и заплакал.

Далеко-далеко в ярости выругался старик, потому что эта часть мира померкла и умерла для его взгляда.

В темном стойле Саро Винго схватил обеими руками камень, висевший у него на шее; вокруг заволновались и начали переступать лошади; из-под толстых перчаток, которые он вынужден был носить, вырвались лучи, озарившие балки, перегородки, стойла будто закатным светом. Своенравный камень светился так сильно, что сквозь перчатки Саро видел очертания своих костей и с трудом сдерживал панику, вспоминая тот ужасный день в Аллфейре, падающих людей, выпученные глаза, белые от страха. Если коснуться живого существа этим камнем, когда он вот так пламенеет, оно погибнет. Казалось, лошади

понимали это: они забились в самые дальние закутки своих стойл и замерли. А потом так же внезапно, как появился, огненный свет погас, и стойло погрузилось в еще более густую тьму.

С бьющимся сердцем Саро спрятал камень за пазуху. Потом, двигаясь от стойла к стойлу скорее на ощупь, чем с помощью зрения, он пробрался туда, где был привязан Ночной Предвестник. Жеребец отпрянул от него, беспокойно переступая ногами и шумно втягивал воздух.

— Тихо, тихо. Спокойно, парень.

Его рука коснулась влажной от пота шеи жеребца; он провел ладонью по шкуре, чувствуя, как под ней быстро пульсирует кровь; конь нервничал, потому что некая неведомая сила потревожила его. Он думал, что жеребец вновь отпрянет, но Ночной Предвестник успокоился, а потом Саро почувствовал, что конь повернул к нему голову и обследует руку, проверяя, нет ли в ней лакомства, словно ничего не случилось.

Саро вывел его в пустынный двор и привязал к коновязи, а сам пошел за уздечкой и седлом. Конечно, найти нужное седло в полной темноте среди сотен других было затруднительно, но Саро снова помог подарок старого кочевника. Он снял перчатки и принялся трогать пальцами гладкую кожу седел, позволив образам проноситься в его сознании подобно теплomu легкому ветерку. Он увидел полного мужчину с близко посаженными темными глазами, в синих одеждах; женщину, скачущую верхом, с летящими по ветру черными волосами — истрийские женщины уже сотни лет не садились на лошадь таким манером, по-мужски. Он быстро отвел ладонь. Следующее седло вызвало образ мужчины, пронзенного копьем, который сползал с коня, отчаянно цепляясь за луку седла, а затем упал под ноги сражающимся воинам. Он видел мальчиков, едва доросших до тех лет, когда можно садиться на коня; они скакали, словно демоны, на взрослых тильзенских жеребцах по широкой, продуваемой всеми ветрами равнине; видел колонну воинов, растянувшуюся по дороге, и над ней лес пик, сверкающих наконечниками; затем испытал странное ощущение, будто начинает раздваиваться, и сознание его затуманилось, перед глазами поплыло, а потом он увидел, как какой-то человек скачет прямо на него на сером пятнистом звере. Картина была настолько отчетливой, что Саро инстинктивно попытался увернуться от удара, как сделал это когда-то в Аллфейре. Он отнял руку от седла, не желая еще раз почувствовать ту боль, когда эйранский воин ударил его под ребра. Надев перчатки, Саро взял седло и вынес его.

Его способность видеть чужие воспоминания усиливалась с каждым днем. Даже самые безобидные вещи при прикосновении к ним пробуждались и рассказывали ему свои истории. Он ничего не мог с этим поделать; все, что ему оставалось, — носить перчатки. До этой ночи ему пришлось нелегко — он постоянно находился в компании лордов Форента и Кантары, которые настаивали на его участии в разрабатывании их планов, к тому же ему приходилось делить спальню с Танто, и не было никакой возможности улизнуть незаметно. Его начали посещать мучительные видения того, как однажды Тайхо Ишиан завладеет камнем, чтобы пользоваться его силой в своих целях. Саро не мог нормально ни есть, ни спать, начиная с того дня, когда к нему прикоснулся высокий бледный человек с холодными руками и мертвой душой и он увидел в его почти бесцветных глазах понимание могущества того артефакта, который висел у него на груди. Он жил в постоянном страхе оттого, что этот человек расскажет о силе камня своему хозяину. Саро чувствовал, что если лорд Кантары откроет для себя природу этого кристалла, он ни перед чем не остановится, чтобы завладеть им. Тот строгий, сдержанный мужчина, каким он впервые увидел лорда, за прошедшие месяцы стал совсем другим человеком: казалось, им движет некая горячая страсть, дикое, мучительное желание, от которого глаза его лихорадочно блестят, а все движения стали резкими и нетерпеливыми. Саро слышал, как он говорит о северянах — в выражениях, которые смущали и потрясли его, с бешеной, непостижимой ненавистью. Роль, которая отводилась Саро в этой драме как лейтенанту лорда Кантары — предательство, ложь, хладнокровное убийство, — была ему отвратительна.

Необходимость бежать внушала страх, но было ясно, что другого выхода нет. Он

двигался очень осторожно, все чувства его обострились до предела. Оседлав коня, он затянул подпругу и повесил на луку мешок с провизией и самыми необходимыми вещами. Потом посмотрел в небо и глубоко вздохнул. Он никогда не замечал, чтобы звезды сверкали так ярко. Небо было таким огромным — как весь мир. Северный Крест находился в зените; семь его меньших звезд казались мерцающими точками рядом с самой яркой, которую эйранцы называют Звездой Мореплавателя; здесь, на юге, ее именуют Оком Фаллы. Он отметил это для себя: северяне считают стихии мира благосклонными к людям, оказывающим поддержку и помощь, а не подглядывающим, чтобы наказывать их за проступки.

Я еду в Эйру.

Развеялись многочисленные сомнения, терзавшие его: если необходимо спасти камень от лап Тайхо Ишиана и предотвратить несчастья, то единственное, что он может сделать, — уехать как можно дальше, туда, куда не дотянутся руки лорда Кантары. Казалось, звезды лишь укрепили его намерение, и случайная мысль обрела силу прозрения, твердого решения, к которому приходит человек после месяцев глубоких сомнений и сложных раздумий.

Глава 19 «ДЛИННАЯ ЗМЕЯ»

Уже наступила ночь, а Катла все работала в кузнице над мечом, который обещала изготовить для семьи Тора Леесона — как знак уважения его памяти или как товар, который они смогут продать. Внезапно она перестала ковать и прислушалась. Кроме гулко-го эха ударов о наковальню, появился какой-то новый звук, высокий и резкий, и помимо вибраций, которые передавались ее телу через железо, было нечто другое — то ли в воздухе, то ли в земле под ногами. Она отложила инструмент и простерла ладони над каменным полом, пытаясь найти источник этого необычайного явления; но тут же все прекратилось, остался только слабый ток, бежавший по кварцевым жилам глубоко в недрах острова. Она нахмурилась. Происходило нечто небывалое, что-то в мире шло наперекосяк.

Катла бросила взгляд на меч. Неплохая получается вещь, да, но не совершенная. После кораблекрушения и возвращения на Камнепад ни один клинок, который она изготавливала, не соответствовал ее строгим требованиям, хотя другие люди восхищались ее мастерством чернения металла, затейливым плетением узоров серебряной нитью. Она знала, что все это — лишь мишура, ловкие приемы для того, чтобы отвлечь внимание от качества клинка. У нее больше не получалось вкладывать душу в металл. Морское чудовище забрало в пучину вместе с братом и друзьями какую-то часть ее самой.

Она вытерла руки о рубаху, залила огонь и вышла из кузницы. В доме уже погасли огни, но она не устала и не хотела спать. Она закуталась в теплый плащ и пошла по дорожке, ведущей к Китовому берегу. В свете полной луны, повисшей над островом, она держалась светлой песчаной тропы, петлявшей в темных зарослях дрока и кустарника, а потом вышла на широкую дорогу, ведущую к побережью. Воздух был морозный, изо рта валил пар. На берегу, словно корабль из какой-то легенды, стояло почти готовое большое судно, только без мачт. При виде его она ощутила трепет.

— Красивый, правда?

Катла резко обернулась на голос. Это был Аран Арансон, сидевший у груды бревен, привалившись к ним спиной; он сам казался куском дерева.

— Во имя Сура, папа, как ты меня напугал!

Отец улыбнулся, не спуская глаз с корабля. Взгляд его был затуманен созерцанием мечты — как у лунатика, подумала Катла.

— Я собираюсь назвать его «Длинная Змея», — произнес он медленно.

Она уселась рядом, так чтобы видеть длинный корпус корабля и любоваться его красивыми обводами. Спустя некоторое время она с сомнением в голосе заметила:

— Да, он напоминает змею, но ведь это несчастливое имя для корабля.

Широкий лоб Арана прорезала морщина.

— Несчастливое?

— Разве мудро называть корабль именем злейшего врага Сура?

— Сур в последние годы обращает мало внимания на мои молитвы, — отрезал он. — Почему бы не угодить тому монстру, который перевернул «Ворона» и утопил в Северном океане? Может, он не тронет нас, когда поплывем в его предательских водах. Трудно будет пережить гибель еще одного прекрасного корабля.

Голос его был мрачен и строг. Катла подумала, что таким он бывает, когда вспоминает о гибели «Снежного Волка» и старшего сына. Она кивнула.

— Это хорошее имя, папа: легендарное и сильное, как и надлежит кораблю, который отправляется в великое плавание. — Немного погодя она спросила: — Когда вы отплываете?

Она знала, что он уже собрал большую часть команды — двадцать четыре человека с Камнепада и близлежащих островов. Они собирались уже несколько недель; их влекла жажда славы и удачи, приключения в таинственных северных землях и сокровища Западных островов — пожилых и молодых, опытных моряков и зеленых юнцов, всех, способных на риск и отвагу. У большинства из них дома были жена и дети, земля и скот, требующий ухода; некоторые не имели ни семьи, ни кола ни двора, но мечтали быстро обрести средства, которые позволят им жениться, построить собственный дом и корабль; легенду о Святилище они слышали, когда ещё сидели на коленях у матери, и тяга к морским просторам была у них в крови. Даже самые разумные не могли устоять перед искушением. До того как отец соберет команду полностью, еще оставалось время, и Катла надеялась снова поднять вопрос о том, не согласится ли Аран взять ее с собой.

Он улыбнулся; во тьме мелькнули его белые зубы.

— Скоро.

— Как скоро?

— Через неделю или две.

— Но все море от Китового острова будет покрыто льдом...

— А как ты думаешь, для чего я сделал на судне ледолом? Я не могу ждать, пока Первое Солнце откроет путь: другие уплывут первыми. Кто-то, может быть, уже отправился, и каждый новый день, пока я здесь, потерян для меня.

— О чем ты говоришь?

Он повернулся к ней; лицо его было жестким и хмурым.

— Я не могу здесь больше оставаться, Катла. На Камнепада меня ничто теперь не держит.

— Папа!

— Я потерял сына; моя жена сходит с ума от горя, и я ничего не могу сделать. Почему я должен валяться возле дымного очага, набивая пищу тело, которое стареет прямо на глазах, и ждать смерти, которая день за днем будет все ближе подбираться ко мне?

— И поэтому ты уходишь в океан зимой, подставляешь голову под удар судьбы, как теленок горло мяснику?

— Если я останусь здесь, то сойду с ума.

Катла едва успела закрыть рот, чтобы не выпалить то, что думала: похоже, хозяин Камнепада уже лишился разума. Рассудком она понимала, что такой план в лучшем случае — глупость, в худшем — намеренное самоубийство, но сердце ее громко билось, а ладони неожиданно вспотели, хотя ночь была холодная. В последнее время она часто испытывала ощущение, словно достигла вершины, к которой шла много дней. В голове ее звучало предупреждение о том, что она должна остаться, но Катла решительно отвергла его, заперев в самом дальнем закоулке сознания, где она держала под замком все сомнения, страхи и прочие вещи, которые мешали ей с тех пор, когда она впервые покинула землю и ушла в море.

— Меня здесь тоже ничего не держит, папа. Возьми меня с собой. Я могу грести, управляться со снастями, знаю, как править судном. Я не слабее любого мужчины, и ты знаешь, что не услышишь от меня ни слова жалобы в самых трудных испытаниях. Какой от

меня прок здесь, под каблуком у матери? Что бы я ни делала, она смотрит на меня с укором. Я не умею стряпать, шить, прясть или ткать, не умею вести себя так, как ей хочется. Мне не нужен муж, и потеряла я не меньше тебя. Позволь мне плыть с тобой.

Аран Арансон смотрел в лицо дочери и в свете луны видел, что она горит как в лихорадке. Как она похожа на него! Взгляд его стал колючим, он быстро отвел глаза.

— Не могу. Твоя мать никогда не простит мне, если потеряет в море еще одного ребенка.

— А как же Фент?

— Я обещал ему место на корабле.

Катла была возмущена.

— Но это нечестно! Почему Фентом можно рисковать, а мной — нет? Возьми меня вместо него — ты знаешь, что от меня будет больше проку!

— У меня есть свои причины.

В его памяти всплыл образ Фестрин Одноглазой, которая велела ему хорошенько смотреть за дочкой. Он никогда не признался бы в этом ни одной живой душе, но сама мысль о том, что сейда может вернуться на Камнепад, вызывала холод в животе, а волосы на голове вставали дыбом, как на загривке испуганной собаки. Катла уже однажды послушалась его, тайно пробравшись на судно Тэма Лисицы; больше у нее эти штуки не пройдут. А Фенту дома заняться было нечем, не к чему приложить свою становящуюся все более неуправляемой энергию. К лету не одна смазливая девчонка родит рыжеголового младенца.

— Я так решил, Катла, поэтому не трать силы на уговоры и не вздумай обманом проникнуть на судно. Я не такой податливый, как Тэм Лисица. Я тебя не колеблясь выброшу за борт.

Воспоминание о предводителе актеров внезапно наполнило Катлу отчаянием. Если такой сильный и энергичный человек, как Тэм Лисица, сгинул в море, то какие шансы уцелеть у других? Она взглянула на «Длинную Змею» иными глазами. Судно красивое, но эта красота казалась теперь какой-то мертвой, обреченной; для моря оно — всего лишь щепка, которой по своей прихоти будут играть волны и буйные ветры. Действительно ли она хочет цепляться за его снасти, когда ветер будет реветь в ушах, осыпая ее колючим снегом и ледяными брызгами?

В глубине души она знала ответ на этот вопрос. Что бы ни было — да, да, да.

Следующие несколько дней Катла старалась не попадаться отцу на глаза. Она не хотела, чтобы он заподозрил, что она одержима желанием плыть. Катла была убеждена, что если он посмотрит ей в лицо, то прочтет по глазам ее намерения и запрет в каком-нибудь сарае до тех пор, пока «Длинная Змея» не отчалит и не скроется в море. Между тем Аран и его супруга нарушили свое долгое молчание по отношению друг к другу. Сначала состоялась яростная перебранка, за которой последовали слезы и упреки. Несмотря на то что Бера храбрилась, Катла видела в глазах матери страх — она уже потеряла любимого сына, Халли, а вскоре могла лишиться человека, от которого она его родила, и еще одного сына, Фента.

Весть о том, что час отплытия близится, пронеслась по всему острову. Люди, набранные в команду, выразили некоторое удивление столь ранней отправкой — в лапы штормов, в объятия льдов; но, несмотря на ропот, ясно чувствовалось общее радостное возбуждение. Как и хозяину Камнепада, всем надоело валяться у очагов и заниматься рутинной работой: их манил океан, и они готовы были следовать за Араном Арансоном хоть на край света.

Весь остров гудел, как потревоженный улей. Днем и ночью шили парус — без всяких украшений, потому что Аран очень спешил. В то утро, когда парус был готов, женщины вынесли его из дома во двор и пропитали с подветренной стороны бараньим жиром, чтобы он мог удерживать ветер. Весла отполировали и тоже обработали жиром, чтобы они легче скользили в воде; веревочные петли, которыми крепились весла на борту, напитаки китовым жиром, и они стали водонепроницаемыми и эластичными. Наконец, вынесли наружу весь

деготь и смолу, какие были, развели костры и стали варить замазку, чтобы проконопатить корабль. Казалось, весь остров провонял запахом смолы и мокрой шерсти. Следующим утром на судне установили массивное мачтовое гнездо, а в него — мачту, и Мортен Дансон лично убедился, что она вошла плотно и надежно закреплена. Небрежно установленная мачта, которую сносит во время бури, — лучший способ погубить корабль и всю команду, а для корабельщика, построившего судно, — навсегда испортить репутацию и навлечь на свою голову проклятия. Парус притащили со двора и расстелили на берегу — в порывах свежего бриза его полотнище вздымалось волнами, — а потом аккуратно свернули. Катла, ощущая зуд в ладонях, смотрела, как акробат Джад легко взлетел вверх по мачте, ловко натянул ванты, закрепил снастями рею.

Последнее дубовое бревно с верфи уложили в ряд катков, ведущий от стапеля до самой воды; оно легло на хрустящую гальку, и его омыли набегавшие волны. На следующий день все здоровые мужчины острова взялись за веревки и волоком потащили корабль. «Длинная Змея» была спущена на воду под радостные крики всех жителей Камнепада. Люди, собравшиеся на берегу, восторженно вопили — такое событие, как спуск на воду прекрасного большого судна, случается не каждый день, и помнят о нем долго. Мастер Мортен Дансон и его помощник Орм Плоский Нос проверили осадку судна, осмотрели швы — если они слишком широки, корабль станет пропускать много воды; если слишком узки, то, когда дерево разбухнет, доски покоребятся. Полдюжины моряков натянули снасти и подняли парус. Наконец судно подвели к «Птичьему Дару», возле которого и бросили якорь. «Змея» была намного больше и тяжелее в киле и корпусе, что компенсировало длину судна; но выглядело оно гораздо изящнее, чем старый корабль. «Птичий Дар» смотрелся так, как и надлежит подобным посудинам: старый, построенный из никудышных материалов на скорую руку, без украшений, не предназначенный для героических дел; его дерево почернело от возраста и носило на себе отметины от ударов о скалы, а также следы сражений.

Три дня лодки сновали по бухте туда и сюда — к «Длинной Змее» и от нее, перевоза бадьи с замазкой для заделки трещин и швов. В это время Мортен Дансон и Орм, чьи руки напоминали лапы медведя, мужчина кряжистый, мускулистый, проверяли, как работает рулевое управление, в порядке ли оснастка судна, и спорили о том, как точно определять глубину. Когда наконец они сочли, что все в порядке, началась перевозка сундуков и дров, потом — дубленых кож, тюков с тюленьими шкурами, брусьев и перекладин — всего, из чего можно соорудить хоть какой-то кров в северных краях. В последнюю очередь перевезли запасы провизии для долгого плавания. Женщины и дети выстроились цепочкой от деревни до берега и передавали из рук в руки корзины с ржаным хлебом и соленой треской, морской щукой и кровяными колбасами, маринованной бараниной и телятиной, вяленой говядиной, кругами сыра, яйцами кур и чаек и копчеными кроликами и даже цельные тюленьи туши, вымоченные в рассоле. Множество тяжелых бочонков с водой, взятой из ручья, что бежит со скал за деревней, разместили на корме в специальном хранилище. Мастер устроил его, чтобы выровнять корму с носом, отягощенным ледоломом. Кроме воды, взяли на борт немного «Крови жеребца» и бочку доброго пива. Аран решил, что неплохо будет поддерживать настроение моряков чем-нибудь, согревающим нутро после изнурительной гребли.

По распоряжению хозяйки Камнепада на борт подняли два огромных мешка с репой, капустой и диким луком-пореем, чтобы разбавить хоть как-то огромное количество мяса в рационе команды; впрочем, она слабо верила, что мужчины станут готовить овощи, потому что на борту не было женщин, которые могли бы их к этому принудить. Наконец под завистливые вздохи зевак на корабль переправили большой мешок с ароматными золотистыми пирогами. Возможно, кое-кто в этот момент подумал, что супруга хозяина Камнепада примирилась с опасными замыслами мужа. Но никто не знал, что позаботилась о пирожках мать Веры, Геста Рольфсен.

Аран Арансон взял в команду еще двух человек: Урса, занявшего место Тэма Лисицы, огромного мужчину с обезображенным лицом, который заявил хозяину Камнепада, что ему

не везет с женщинами и он должен заработать, чтобы купить себе жену; и старшего сына Фелина Грейшипа, Гара, мускулистого девятнадцатилетнего парня, который не был мастак на разговоры, но умел одной рукой с закрытыми глазами завязать беседочный узел. Вопреки желанию матери Фент тоже отправлялся с отцом. Больше мест на корабле не было, но около сотни мужчин и парней устроили лагерь возле дома Арана, соперничая за честь плыть с ним. Всякий раз, как он выходил на улицу, его обступала толпа просителей. Около дюжины уроженцев Камнепада старались держаться поближе к нему; это были люди, которых Аран давно знал, знавал и их отцов. Они вели себя сдержанно и почтительно, кланялись ему — в надежде, что он вспомнит о добром имени их семейств и тех невзгодах, которые они пережили. Прибывшие с других островов вели себя не столь пристойно. Они кричали, стараясь привлечь внимание, хвастались своей удачей, демонстрировали мышцы, клялись, что могут управлять кораблем и в туман, и в ливень.

Он говорил со всеми, с каждым в отдельности, подолгу и приветливо. Из этих людей за день до назначенного срока отплытия он выбрал еще одного человека — Пола Гарсона, двоюродного брата Тора Леесона, который много плавал и достаточно преуспел, чтобы купить собственный корабль, но тот затонул три года назад у Каллин Сэй во время жестокого шторма. Он умел выполнять сложные расчеты, определять курс по солнцу и звездам, по приметам на море, а мозоли на его руках говорили о том, что он не брезгует братья и за весло. Молва утверждала, что в гибели корабля не было его вины; а когда он вернется со своей долей сокровищ Святилища, то позаботится о Сэре Вулфсен и остальных членах семьи Тора. В отношении этого человека выбор Арансона был справедлив и оправдан.

Затем он вернулся в дом, прикрыл дверь и привалился к ней спиной.

— На этом все, — произнес он. — Больше никого взять не могу. Наверное, даже лишних набрал.

— Ну и скажи остальным, чтобы уходили, — сказала жена.

Аран выглядел огорченным.

— Конечно, но сначала мы должны дать им еды.

Бера Рольфсен подбоченилась:

— Ничего не осталось. Все погрузили на твой чертов корабль.

— Давай не будем ругаться в последний день, жена.

— Надеюсь, ты действительно уедешь, муженек. Ты же не собираешься ждать, пока льды растают?

Аран строго посмотрел на нее.

— Мы с тобой уже говорили об этом, жена. Хопли Гарсон и Фенил Соронсон купили корабль Дансона раньше нас: они отправились в плавание за месяц до того, как погиб Халли, или даже раньше. Ходят слухи и о других экспедициях. Каждый день промедления увеличивает наше отставание. Сейчас или никогда.

— Тогда выбери «никогда»! — Глаза Беры горели.

— Ты знаешь, что я не могу.

— Не можешь? Скажи лучше, что не хочешь. Я же вижу, что только твое желание движет все это предприятие, твоя навязчивая идея. Я говорила раньше и говорю сейчас: карта, которую ты привез из Фейра, — подделка для дураков. Святилища не существует, как и золота, о котором ты мечтаешь, но ты готов пустить на ветер все, что было нажито за долгие, трудные годы. Хуже того — ты готов платить жизнями твоих детей и мужчин Камнепада, которые кормят свои семьи, и все ради того, чтобы осуществить твой безумный замысел. Я скажу тебе, Аран Арансон, что такое это твое плавание: это охота за химерой, мечта о сказке, погоня за стаей диких гусей. И в лучшие времена оно было бы чистойшей глупостью, но сейчас настали худшие — жестокое море забрало нашего мальчика, а из столицы приходят слухи о близкой войне.

И не смотри на меня так, супруг мой, будто я — глупая баба, которая распускает сплетни в базарный день; нет, у меня есть глаза, уши и разум, и я знаю, о чем все говорят:

совсем скоро истрийцы отомстят за то, что случилось в Аллфейре; как только море освободится ото льда, их корабли приплывут сюда, и они пройдут по этим островам с огнем и мечом, как делали и прежде. И где тогда будешь ты, мой муж? Здесь, чтобы защитить свою семью, или в северных морях в погоне за мечтой?

Пока Бера произносила эту речь, Аран сжимал кулаки все сильнее, кожа на костяшках пальцев натянулась до предела и побелела. Когда жена остановилась, чтобы перевести дыхание, нож, который был у него в руках, с резким звуком сломался, и осколок железа отлетел в сторону. Он угодил Бере в щеку чуть пониже глаза; хлынула кровь, хотя рана бала неглубокая. Женщина потрогала ее и посмотрела на руку: пальцы были алыми от крови и дрожали.

— Пролитая кровь! — вскричала женщина. — Это предзнаменование, но я не жду, что оно насторожит тебя, ибо ты глух и слеп ко всему, кроме своей мании.

— Замолчи, жена! — загремел он. — У меня нет времени на подобную ерунду!

Он повернулся, чтобы уйти, и в этот момент раздался голос:

— Нож сломать — жизнь потерять!

Аран развернулся. Старуха Рольфсен, тихо и незаметно сидевшая за ткацким станком, стала безмолвной свидетельницей всей сцены. Теперь она встала перед зятем, взяла его за руки и сдавила запястья с такой силой, что Аран вздрогнул. Это была странная картина — будто двое танцоров или пара белых медведей, вставших на задние лапы в потешной схватке, только ростом старая женщина едва достигала груди мужчины. Невзирая на разницу в силе и весе, Геста Рольфсен изо всех сил встряхнула зятя.

— Аран Арансон, хочешь ли ты по своей дикой прихоти все порушить? — спросила она требовательно. — Из-за твоего безумия мы потеряли Халли; теперь ты забираешь Фента. Мне плевать, если лично ты погибнешь в этом плавании, потому что твои мозги — даже те, что были, — уже давно отправились на дно морское; но подумай о своей жене и дочери — как они будут жить без хозяина Камнепада, как остальные женщины на островах будут растить детей и содержать скот, если ты уводишь их мужей, отцов, сыновей, чтобы их поглотили океанские волны? Во всем наихудшем ты вылитый отец, а Аран Стенсон был упрям, как зашоренная лошадь, и безумен, как заяц во время весеннего гона. Вспомни, чем закончилось его последнее безумное плавание.

Предыдущий хозяин Камнепада чуть не погиб, охотясь на гигантского нарвала, про которого говорили, что рог у него — из чистого золота. Не меньше трех дюжин моряков утверждали, что уже видели этого зверя и что он действительно является обладателем чудесного нароста; многие из них были на борту корабля Арана Стенсона, когда нарвал снова попался им на глаза и они начали погоню. И даже загарпунили животное, которое, как говорили, было куда крупнее кита, выброшенного на берег Камнепада в год сильнейшего шторма, после чего и появилось название — Китовый берег. Но чудовище в ответ напало на судно и нанесло такой удар в корпус корабля своим «золотым» рогом, что пробило в нем огромную дыру. В трюм хлынула вода, и вскоре судно взяло прямой курс на морское дно. Из тридцати восьми человек выжили лишь четверо, в том числе Аран Стенсон. Большая часть рога нарвала пошла на дно вместе с кораблем. Уцелевших моряков прибило к северным шхерам Черного острова; в одном из бревен, на которых они спасались, застрял осколок нарвального рога. Какое там золото — рог пожелтел от старости, оброс водорослями и был дешевле бивня моржа, потому что стал таким хрупким и рыхлым, что не годился даже для резьбы.

Аран Стенсон чуть не умер от стыда; он вернулся на Камнепад, но почти не разговаривал с окружающими и смотрел пустыми глазами; от прежнего хозяина осталась только тень. Через три года он погиб на войне с Истрийской Империей. Говорили, что во время боя он видел, как его противник наносит удар, но даже не сделал попытки защититься; некоторые же утверждали, будто он сражался храбро и яростно. Сын видел, как он погиб, и знал правду.

Аран Арансон повесил голову. На миг показалось, что он колеблется в своем

намерении, но потом он осторожно разжал пальцы Гесты Рольфсен и отвел ее руки от себя. Не сказав ни слова, он повернулся и вышел.

Катла видела, как отец выходит из дома во двор; брови его сошлись на переносице в одну сплошную черную линию, что могло предвещать бурю гнева. Он посмотрел на ожидавших его полных надежд мужчин, собравшихся толпой во дворе, как стая птиц вокруг кучи рыбьих внутренностей, а потом Катла услышала, как он велит им отправляться домой, к семьям, потому что не нуждается в них. Она видела, что его слова вызвали у присутствующих изумление, а Аран повернулся и пошел по дорожке, спускавшейся к берегу; его походка ясно говорила, что он в ярости. Потом к Катле, стоявшей у ограды двора, подошел Фент; в одной руке он держал точильный камень, в другой — один из лучших кинжалов, изготовленных ею. Она подарила клинок брату в знак примирения за тот удар по голове, который позволил ей занять его место на «Снежном волке», а потом жалела об этом. Кинжал был отличный, один из тех, которые она выковала незадолго до того плавания, но в руках ее брата он был под стать ему — оружие, которое уже дважды напилось крови в пьяных драках.

— Кажется, мы все-таки поплывем, и скорее раньше, чем позже, — весело сказал он и посмотрел на лезвие, слабо блестевшее на холодном северном солнце. — У отца с матерью была жуткая перепалка — я слышал с крыши амбара! — Фент посмотрел на сестру и увидел в ее глазах неодобрение. — В чем дело?

— Думаю, ты хорошо помнишь проклятие сейды.

Фент покраснел от досады. Чтобы скрыть смущение, он еще раз осмотрел кинжал и спрятал его в ножны. В голове звучали слова сейды: «Пусть все твои предприятия заканчиваются бедствиями и несчастьями!»

— Ты все еще намерен плыть с отцом?

— Это его плавание, а не мое, — отрезал Фент. — Поэтому оно не в счет.

— Но ты же на самом деле не хочешь плыть, — настаивала Катла. — Ты ж ненавидишь корабли, сам всегда говорил это. Когда он уплывет, ты будешь управлять фермой, станешь главой семьи...

Фент захохотал.

— Что, хочешь отправиться вместо меня? Разве недостаточно подвигов ты уже совершила? Все болтают о том, как моя отважная сестра бросилась на морское чудовище с мечом, выкованным ею же. Это поведал Урс после того, как мы допекли его просьбами рассказать правду. Ты и так заняла мое место в последнем плавании; теперь моя очередь показать себя. — Он гордо поднял голову, на шее остро выдавался кадык. — Отец мне сам это сказал после той истории с отцом Фелы.

Фела — милая хрупкая девчушка шестнадцати лет — была дочерью крестьянина, который пахал землю за две долины от угодий Арана. Весной ее фигурка уже не казалась такой стройной — она была на третьем месяце, очень боялась и переживала и, наконец, пришла к Фенту домой вся в слезах, но он грубо и нагло прогнал ее, заявив, что жениться на ней не собирается. После этого к Арану явился отец Фелы, и они сказали друг другу немало резких слов.

Катла покачала головой. Так вот в чем дело — ее брат готов отправиться в суровое Северное море, только чтобы отделаться от разгневанного крестьянина и его дочери, которой он разбил сердце.

— Ты же знаешь, тебя он не возьмет, — продолжил Фент. — Ты всего лишь девушка.

Прошли те дни, когда Катла отвечала на подобные слова полновесной оплеухой. Сейчас она лишь пристально посмотрела на брата:

— По крайней мере девушка, которая отличает булинь от рифа, а беседочный от выбленочного узла.

Во взгляде ее брата-близнеца промелькнуло странное выражение.

— Я хочу вызвать тебя на состязание, — произнес он после паузы, и глаза его снова загадочно блеснули. — Давай завтра с рассветом встретимся на вершине Зуба Пса. И

принеси с собой длинную веревку.

Катла взглянула на него с любопытством. Что он задумал? До сих пор брат не проявлял к лазанию ни малейшего интереса. Фент смотрел на нее открыто, с широкой невинной улыбкой, как когда-то в детстве.

— Ладно, — ответила она. — Я приду.

Катла Арансон никогда не уклонялась от брошенного ей вызова.

Аран объявил, что «Длинная Змея» уходит на следующий день с отливом; высокая вода перенесет судно через опоясывающие остров рифы, и оно уйдет в океан с попутным ветром. Жена его ходила с опухшими от слез глазами, на щеке краснела ссадина, но она по-прежнему исполняла все обязанности хозяйки дома с высоко поднятой головой, словно ничего не произошло. Однако мужчины при встрече с ней отводили глаза, а женщины, прикрыв рот рукой, шептались, что, верно, она вывела мужа из себя, раз он ударил ее так, что рассадил кожу. Аран не обращал на них внимания; он был занят обходом хозяйства. Надо было поговорить с остающимися людьми, дать наставления по уходу за землями и присмотру за скотом; ближе к закату он ушел в соседнюю долину, чтобы уладить вопрос о долгах с братом Беры, Марганом, и оставался у него, пока луна не поднялась в небе.

Катла решила встретиться с ним на обратном пути. Она уселась на ветке старой яблони и прождала отца три часа. После первого часа Ферг отчаялся упротить ее спуститься и улегся спать под стволом. Во сне лапы его дергались, он поскуливал — наверное, гонялся за кроликами. Катла позавидовала псу, его простым мечтам и желаниям. Она знала, что сама в эту ночь не уснет — по крайней мере пока не поговорит с отцом еще раз, чтобы он взял ее в плавание.

Наконец появился Аран; он шел широкими шагами сквозь заросли папоротника, и в лунном свете видно было, что лицо его мрачно. Катла спрыгнула с дерева, разбудив Ферга, который вскочил и залаял так, что и мертвые проснулись бы. Она встала перед отцом, но Аран равнодушно прошел мимо дочери. Катла бросилась за ним следом.

— Папа! Папа, пожалуйста, подожди!

— Я не настроен снова начинать этот разговор, — отрезал Аран, не замедляя шага.

— Ты должен взять меня в Святилище! — закричала Катла; в отчаянии она забыла все так хорошо продуманные доводы, которые приготовила заранее. — Прошу тебя, папа, не уплывай без меня. Я этого не вынесу! — Она схватила отца за рукав.

Аран Арансон остановился, повернулся и взял дочь за плечи. На лице его отразилась мука.

— Ты так хочешь умереть? — спросил он.

— Я умру, если останусь здесь, — горячо возразила Катла.

Аран вздохнул.

— Мы слишком похожи, — с горечью произнес он после долгого молчания.

Катла перестала дышать, ожидая, что будет дальше.

— Ты не хочешь замуж, и я остался один.

Его дочь нахмурилась:

— О чем ты говоришь? — Внезапно внутри нее поднялась волна холодного ужаса.

Аран коротко и горько рассмеялся:

— Твоя мать дала мне отставку, объявив, что мы больше не муж и жена.

Катла разинула рот. На Северных островах женщина имеет право дать мужу развод на трех основаниях: супружеская измена, безумие мужа, насилие над ней. Очевидно, здесь имело место второе — маниакальное стремление отправиться в явно гибельное плавание. Это могло сойти за безумие, но Бера наверняка не верила в то, что ее муж сумасшедший.

— О, папа, — прошептала Катла. — Ты же знаешь нрав матери: она сейчас уже успокоилась, она всегда...

— Твой дядя Марган был свидетелем расторжения брака.

Он произнес это так спокойно, что она поняла: ничего уже не исправить. Катла не

могла собраться с мыслями. Ее родители будут жить отдельно друг от друга? Это казалось немыслимым. Может быть, даже возьмут себе других супругов? Мир перевернулся. Внезапно желание плыть показалось сущей ерундой.

— И ты все-таки поплывешь в Святилище? — выпалила она.

Аран коротко, решительно кивнул.

— У меня тоже есть гордость, — жестко произнес он. Его глаза недобро сверкнули в свете луны. Когда он перевел взгляд на дочь, они были полны холодного блеска и пусты, словно у выходца с того света.

— Если ты еще жаждешь места на корабле, оно будет у тебя, — закончил он сухо и направился прочь, оставив ее среди папоротников.

Катле казалось, что ей не хватает воздуха. Совсем недавно это было все, о чем она мечтала. Но теперь? Отец изменил свое решение, чтобы нанести удар в спину матери — она отчетливо понимала это, — чтобы показать свою власть и правоту. Она почувствовала себя раздавленной, опустошенной необходимостью принимать решение: уплыть и таким образом усугубить то безумие, которое уже разрушило их семью, или остаться дома с озлобленной, негодующей матерью и покоряться, как надлежит дочери?

Катла понимала, что именно должна выбрать — и как дочь, и как женщина. Но одновременно осознавала, что, если она останется на Камнепаде, душа ее начнет стенать и в конце концов зачахнет.

— Я поплыву с тобой! — закричала она вслед Арану Арансону. Но даже если он и услышал ее, то не подал виду.

На рассвете следующего дня Катла поднималась по склону горы с мотком веревки на плече. В этот раз благоразумие возобладало над желанием, и она отвергла свой любимый путь к вершине Зуба Пса — опасную тропу на той стороне, что смотрит в море, — выбрав «путь для стариков», как она его называла, то есть проторенную дорожку, ведущую к вершине. Она не знала, какое соревнование задумал ее брат, и не особенно об этом раздумывала. Здесь, наверху, было хорошо — вдали от всех, от язвительности и сплетен. Возможно, они с Фентом просто посидят на солнышке и поговорят о распаде семьи и найдут способ примирить мать с отцом, выступив посредниками; Аран может отложить отплытие на несколько дней, по крайней мере пока они не придут к согласию. Однако свой сундук Катла уже уложила, готовясь к тому, что, возможно, в полдень они уплывут. И конечно, не сомкнула ночью глаз.

Она изумилась, увидев, что брат уже ждет ее на вершине; еще больше ее поразило то, что он притащил с собой тяжелое деревянное кресло, на котором сейчас и сидел, как какой-нибудь безземельный король. Она смотрела на него, крайне озадаченная.

— Во имя Эльды, зачем ты его сюда приволок? — воскликнула она.

Фент, развалившись на своем импровизированном троне, мельком глянул на нее, а потом продолжил смотреть на океанский простор с таким видом, будто ничто другое в мире его больше не интересовало.

— Красиво, да? — коротко спросил он чуть погодя.

Катла сдвинула брови. Ее брата никогда особенно не впечатляла красота. Непонимание породило в ней подозрительность:

— Как ты можешь здесь сидеть, когда творятся такие дела?

Фент лениво повернул к ней голову:

— А что я могу поделать? Как-нибудь помирятся, у них всегда так. Кроме того, мне есть о чем подумать. — С неожиданной прытью он вскочил на ноги и язвительно заметил: — Я вижу, и тебя весь этот скандал не слишком сильно огорчил — веревку взять не забыла. Что ж, давай начнем наше состязание.

Катла смотрела на брата с любопытством:

— Ты меня заинтриговал. Какое соревнование ты предлагаешь?

— Вязание узлов, — весело объявил Фент. — Ты сказала, что я не отличу булинь от

рифа, а беседочный узел от выбленочного. Поэтому я придумал игру, в которой можно сравнить наше умение по этой части.

— На самом деле, — поправила его Катла, — я сказала, что по крайней мере я могу сделать это. Я только подразумевала, что ты не можешь. — Она улыбнулась. — Но я же знаю, что не можешь!

Вместо того чтобы вступать в спор, Френт снова уселся в кресло и положил руки на подлокотники.

— Я освобожусь от любых пут и узлов, которыми ты меня привяжешь.

— Ха!

— А потом ты должна будешь освободиться от моих.

— Запросто, — сказала Катла весело.

Они играли в это еще в детстве, и Фент всегда проигрывал. Но, может быть, он набил себе руку? Она решила пожалеть его: в конце концов, им предстоит долгое, трудное плавание на «Длинной Змее», и совсем не обязательно унижать брата, если без этого можно обойтись. Она размотала свою веревку — хорошую длинную веревку, очень прочную, свитую из тюленьей кожи с вплетенным конским волосом для эластичности и дополнительной прочности, — и для начала сделала петлю, которую затянула на подлокотнике. Оставив длинный конец для заключительного узла, она привязала руку Фента скользящими узлами, потом дважды обвила вокруг груди и спинки кресла, затем обмотала веревку на одной из ножек и закрепила левую руку замысловатой комбинацией булиней и беседочных узлов. Наконец сделала последний узел и отступила, любуясь своим произведением. Не слишком сложно, но ему потребуется время, чтобы освободиться.

Фент оскалился в улыбке, и на какой-то миг черты лица его стали резкими и хищными, как у лисицы.

— Иди посиди на солнышке, сестренка. Я к тебе скоро присоединюсь.

Катла пожала плечами и пошла прочь. Ее манил любимый валун — сейчас он стоял в лучах солнца, которые делали пятна желтого лишая на его поверхности яркими, как золотые монеты. На валуне была впадина, в которую удобно ложился локоть или голова — просто замечательно для такой жесткой постели.

Она не знала, как долго дремала, но проснулась оттого, что на нее упала тень. Девушка открыла глаза и увидела брата, который стоял и смотрел на нее сверху вниз. Она села, недоумевая. На земле возле пустого кресла лежала веревка — без каких-либо следов повреждения.

— Я потрясена, — сказала она.

— Еще бы, — довольно ухмыльнулся брат. — Пришлось повозиться. Теперь твой черед.

Катла хотела было отказаться и признать брата победителем (что-то неуловимое в выражении его лица насторожило ее). Уже не в первый раз ей пришло в голову, что ее брат-близнец, которого она раньше считала частью самой себя, а себя — его частью, постепенно становится совершенно посторонним для нее человеком, чуждым и непостижимым, как случайно увиденный странник. Но гордый нрав не позволил ей даровать брату легкую победу. Она уселась в кресло и с усмешкой стала наблюдать, как он завязывает несколько совершенно нелепых узлов.

— Назовем их выбленочными, — начала она, и вдруг что-то заткнуло ей рот, а в нос ударил запах земли и пота. Сильные руки обхватили ее сзади, и вокруг тела обвилась веревка — не та, которую принесла она, а толстый пеньковый канат, в то время как Фент продолжал стоять перед нею.

Человек, привязавший ее к креслу — гораздо более умело, чем брат, — наконец предстал перед ней. Девушка посмотрела на него поверх тряпки, которой ей заткнули рот, и почти не удивилась, узнав. Это был высокий и мускулистый мужчина с потемневшей кожей бывалого моряка; светлые вьющиеся волосы в беспорядке спадали на плечи и казались грязными. В одном ухе блестела крупная серебряная серьга. Фент хлопнул его по плечу:

— Молодчина, Марит. Я бы сказал, ты честно заработал это место на «Змее», а?

Мужчина радостно оскалился, и Катла увидела, что у него не хватает двух передних зубов.

— Я выбью тебе остальные, ублюдок! — пыталась крикнуть она, рванувшись, но получилось только глухое мычание, а веревки не поддались ни на йоту.

Фент стоял перед ней, и в глазах его читалось злобное торжество:

— Я уже говорил, отсюда открывается прекрасный вид. Отличный наблюдательный пункт для того, кто хочет посмотреть, как отправится в плавание «Длинная Змея». Марит Феннсон — знаток своего дела, и я сильно сомневаюсь, что ты освободишься сама. Чем сильнее ты будешь биться, тем туже затянутся узлы. Надеюсь, немного погодя кто-нибудь додумается поискать тебя здесь. А может, и нет. Во всяком случае, если ты посидишь здесь без еды несколько дней, то похудеешь настолько, что сможешь просто выскользнуть из веревок. Теперь у тебя есть время припомнить тот день, когда ты и мой покойный братец дали мне по голове, привязали к столбу в амбаре и засунули в рот такой же кляп, чтобы ты могла занять мое место на борту «Снежного Волка». Теперь тебе не скоро удастся снова одурачить меня. Прощай.

Глава 20 БЕГСТВО

Глубокой ночью, после того, как был уничтожен кристалл и по замку прошла волна смятения, Виралай уже дважды спускался по лестнице к дверям, ведущим в подземный ход, скользя по ступеням, отполированным временем, и упираясь ладонями в стены, чтобы не упасть. Во всем замке только один человек носил такие перчатки, как та, которую мельком показал камень перед сценой во дворце северного королевства, где Роза Эльды демонстрировала толпе придворных свой живот; и если Тайхо Ишиан был поглощен этим зрелищем, то Виралай поразило именно первое, быстро промелькнувшее видение.

Саро Винго совершал побег из Йетры.

Виралай чувствовал, как рассыпается весь его замысел — такой продуманный и изящный. Казалось, дело не сложнее тех механических деревянных головоломок, которыми торгуют на летнем рынке Сэры, чтобы дети богачей могли развлечься, и ключом к этой головоломке был «камень настроения», который мальчик носил на шее. В манускрипте, украденном Виралаем из библиотеки Рахе, такой камень обозначался словом «эльдистан». Во время той первой, потрясшей его встречи с юношей в Звездном Зале Виралай был поражен легкостью, с какой Саро носил артефакт у себя на шее. Он принялся внимательно читать рукопись мага и нашел такую запись:

«В „Естественной алхимии“ (Идин Хабан. Год Лебедя, 953) есть упоминание о камнях настроения (камнях-источниках), называемых в горных районах крайнего Юга, где их чаще всего находят, „эльдистан“. Крайне непостоянны по своим свойствам. Только самые „молодые“ из этих камней являются простыми камнями настроения — для забавы и развлечения. Внешний вид и поведение зависят от настроения и характера того, в чьих руках находится. Забирает тепло из рук. Может принимать оттенки, заметно отличающиеся от естественного цвета.

Список моих личных открытий:

Белый — смерть.

Серый — пустота разума; упадок здоровья.

Синий — безмятежность, спокойствие.

Зеленый — цельность.

Желтый — болезнь; но неяркое золото — здоровье (требует дальнейших наблюдений).

Алый — тревога; страх; потеря чувства юмора.

Карминный — гнев.

Фиолетовый, насыщенный — нарушение душевного равновесия; если с оттенком

голубого — интенсивная умственная деятельность».

Дальше шли записи в том же духе; Виралай пролистал их в нетерпении. Внимание его привлекла следующая запись:

«Старший Эльдистан. Выходит из недр земли, обычно у подошвы или из кратера огнедышащих гор, в особенности в районе Красного Пика, где находится Сердце Эльды. Крупнее обычных, темнее, после полировки видна зернистость. На вес кажется тяжелее; даже не трогая, можно почувствовать тепло. Идин Хабан сообщает о предсказаниях будущего с помощью некоторых таких; другие раскрывают разум владельца для ясновидения, а особенно сильный камень способен испускать пламя по каналам, которыми в него входит магия. Накопив в себе достаточно магии, может испепелить таракана, воробья, крысу; известен случай сожжения дотла тюленя.

Разум В. остается закрытым для меня, если только он у него имеется».

Здесь Виралай вздрогнул. Неужели Рахе сделал его объектом эксперимента? Если да, то когда это произошло и почему он ничего не помнит? Он допускал, что кристалл может вызывать провалы в памяти; с другой стороны, не было рядом с Мастером другого человека, кроме него, которого он мог бы обозначить буквой «В». Мысль о том, что маг рассматривал его как подопытное существо, чьим здоровьем можно рискнуть и, хуже того, допустить возможность его гибели, чрезвычайно оскорбила его. Получается, для старика он значил не больше, чем таракан, воробей или крыса. Сначала он возмутился до глубины души, а потом усомнился в правильности своих намерений и выбранного способа действий, однако, отбросив эти мысли в сторону, продолжил чтение.

Далее следовал подробный перечень птиц, зверей, морских тварей, которых Мастер уменьшал до различных размеров, и сроков, требовавшихся для возвращения к естественному состоянию в каждом отдельном случае. На следующей странице Виралай прочел:

«Наиболее замечателен рассказ Ксанона в его „Истории Древнего мира“, гл.13 „Среди кочевников“, где он рассказывает о старухе, которая, глубоко погрузив одну руку в землю, заставила камень выстрелить вспышкой в виде огромной дуги, и эта дуга убила целую стаю голубей, летевших на высоте сотен футов над землей. Можно представить, каким оружием будет такой камень в чьих-нибудь руках».

«Что, если это и есть тот камень, который Саро носит на шее?» — подумал Виралай. Он излучает такую силу, что его владелец может совершить самые ужасные, самые губительные разрушения. Такой камень в злых руках... Эта мысль породила следующую: что, если Тайхо Ишиан доберется до него? Он содрогнулся. Получи лорд Кантары этот артефакт — ни одно живое существо Эльды не спасется. Необходимо убрать камень подальше от лорда, на максимально возможное расстояние.

Охваченный ужасом, он читал дальше, ожидая еще более страшных открытий. Через несколько страниц он нашел загадочную и неясную запись. Он перечитывал ее снова и снова, не осмеливаясь поверить в смысл написанного. Но нет, он понял правильно! В голове начал складываться план, все элементы которого идеально сочетались друг с другом. С этим камнем он мог спасти себя. Он мог вернуться в Святилище, не страшась наказания и гнева Мастера. Все будет хорошо. Он вздохнул с облегчением, однако уже через мгновение тревожные мысли снова зашевелились в мозгу.

Весь его план упирался в Саро Винго. Потерять мальчика — значит потерять камень, а это равносильно смерти. Сбежав снова по лестнице, с бьющимся сердцем, задыхаясь от волнения, он прокрался к входу в подземный тоннель. Там было темно хоть глаз выколи и никакого движения. Виралай тихо выругался. Он начинал нервничать. Мог ли мальчишка уйти далеко? Правда, иногда кристаллы обманывают — парень мог быть уже далеко, если шар показал события не этой, а предыдущей ночи; но могло быть и так, что он еще спит в своей постели и только собирается бежать, ожидая удобного случая. Виралай втянул воздух, ощутил запах лошадиного навоза и теплых тел животных. Почему открыта дверь в конюшню?

Виралай нырнул в ночную тьму.

Ночной Предвестник пребывал в игривом настроении. Невдалеке на выгоне паслись кобылы, и он, очевидно, чуял их. Когда юноша вывел его из стойла, конь решил, что его ведут туда же, охотно вышел и даже не противился, когда Саро взнуздывал его. Жеребец очень удивился, когда понял, что его седлают и затягивают подпругу, а когда Саро взялся за холку и вставил ногу в стремя, окончательно убедился, что надежды его не оправдались.

Закружившись на месте, Ночной Предвестник попытался дотянуться мордой до колена всадника, чтобы укусить его; при этом он фыркал так громко, что мог разбудить и мертвого.

Саро прижал колени к бокам животного и безуспешно пытался успокоить его. В этот момент с замковой стены над ним раздалась громкие голоса, и у него перехватило дыхание. Он приготовился пустить коня в галоп, но голоса стали удаляться и затихать — стража прошла по стене, не останавливаясь; не загорелись огни, не раздалось сигналов тревоги. Сдерживая дыхание, Саро заставил коня пойти спокойным шагом и направился к западным воротам, за которыми лежала богатая травами равнина.

Они еще не дошли до стены, когда жеребец принялся прятать ушами, затем резко вскинул голову и начал пятиться назад. Саро отчаянно пытался остановить его, лотом вгляделся во тьму, стараясь рассмотреть, что так напугало коня. Примерно в двадцати футах в неясном свете луны вырисовывались очертания темной фигуры. Пара глаз мерцала во тьме, и Саро почувствовал, что волосы у него на голове встают дыбом, а тело покрывается гусиной кожей. Естественная реакция — так чувствует себя добыча перед хищником. По спине пробежала струйка холодного пота. Впервые в жизни он страстно, неистово пожелал, чтобы у него был меч.

Какое-то время — несколько ударов сердца — конь и всадник стояли как вкопанные. Потом зверь впереди разинул пасть. Она была огромной — Саро увидел в свете луны широко расставленные клыки. Ночной Предвестник осторожно переступал копытами и нервно помахивал хвостом, но в остальном никак не проявлял тревоги. Саро ждал звериного рычания, а за ним — неизбежного смертоносного прыжка, но ничего не происходило. Вместо этого тварь захлопнула пасть, слегка лязгнув зубами. У Саро возникло нелепое подозрение, что зверь просто зевнул. Возможно, хищник слишком самоуверен и считает, что конь и всадник от него не уйдут. Пока он раздумывал, темнота впереди сгустилась, словно кто-то встал между жертвой и огромным зверем. Мелькнуло бледное лицо. Его камень снова начал просыпаться...

— Бете, прекрати!

Голос был громкий и властный. Жеребец как по волшебству моментально успокоился. Саро почувствовал, что его собственная воля будто улетучилась, а руки, которые он поднял, чтобы укрыть камень, упали и безвольно повисли. Затем тень исчезла из виду, и одновременно пропал зверь. Когда с половинки луны, висевшей в небе, соскользнуло облако, Саро увидел перед собой человека по имени Виралай. На руках он держал свою черную кошку.

Саро посмотрел на то место, где был хищник, но тот исчез, бесшумно растаяв в ночи.

— Пойдем со мной, — произнес бледный человек тем же властным голосом, и хотя что-то внутри Саро противилось этому, его руки подобрали поводья, и он услышал свой голос:

— Пойдем.

Все оказалось гораздо проще, чем представлял себе Виралай. Он рискнул воспользоваться повелительным голосом Мастера, хотя это было рискованно, и вот кошка покорно лежит у него на руках, а мальчик и конь следуют за ним под сень апельсинового дерева, растущего чуть ниже городской стены. Здесь они и укрылись, после чего он поспешил назад в замок, чтобы забрать самые необходимые вещи — прежде всего манускрипт Рахе и фальшивое серебро, которое он сотворил с таким тщанием, — по крайней

мере столько, сколько сможет унести. Тяжело дыша после быстрого подъема по лестнице, он посадил кошку в плетеную корзину, удивляясь, что она еще не вышла из повиновения и не пытается укусить его за палец, как обычно, уложил в мешок манускрипт, немного одежды, снадобье Алисии, плащ, нож, два тяжелых слитка серебра, изготовленного из олова, сушеные травы, перо и бутылъ с чернилами, а также несколько свитков пергамента, с которыми он работал; если бы их обнаружили лорды Фарента и Кантары, его сочли бы преступником.

На обратном пути он вдруг подумал, что следует взять что-нибудь для Алисии. Ведь он собирался вернуться в стан кочевников, да еще с Саро. Два рта в такое тяжелое время — кто не назовет их лишними, не говоря уже о том, что они навлекут опасность на приютивших их людей, потому что его исчезновение не останется незамеченным. Конечно, в таких условиях подарок — всего лишь дань вежливости, но это покажет, что Виралай понимает всю значимость помощи, которой просит. Поднявшись на третий этаж, он вошел в боковую дверь, стараясь идти тихо, насколько это возможно с мешком на груди и корзиной с кошкой за спиной. Он точно знал, какой подарок Алисия оценит выше всего.

На кухне было тихо, если не считать похрапывания пекарей, спящих прямо возле хлебной печи. Хотя до рассвета оставалось еще несколько часов, скоро им надо будет вставать и приниматься за дело: свежий хлеб и великолепную выпечку из Йетры вспоминали все, кому посчастливилось их попробовать, а остальные мечтали, что когда-нибудь это удастся и им; но появлялись они каждое утро на столах знати не благодаря волшебству, а в результате тяжелого труда хлебопек. Прокравшись мимо них, Виралай скользнул в холодный чулан, где хранились редкостные специи. С потолка свисали пучки ароматных трав — зеленые, золотистые, красноватые; здесь были сафлор, конопля, вербен, дербенник и прочие пахучие растения; на полках у стены стояли большие горшки, знаменитая голубая йетранская керамика, — в них хранился собранный в этом году урожай львиных крокусов. Из каждого цветка осторожно вынимали состоящие из трех частей янтарные пестики, высушивали и использовали как краситель и приправу для целой дюжины экзотических блюд. Но Виралай знал, что если измельчить пестики в порошок, то им можно найти и другое применение. Он снял с полки один из тяжелых горшков, высыпал его содержимое на кусок ткани и завязал в узелок. Алисии понравился бы этот горшок, но он не мог его взять и поэтому поставил на место. Засунув узелок в свой мешок, он повернулся, собираясь уходить. Но в дверях стояла собака — не борзая из охотничьей своры, а черный с подпалинами злобный пес неопределенной породы с квадратной челюстью и уродливой башкой. Из пасти на каменные плиты капала слюна. Виралай усмехнулся.

— Ложись, — сказал он зверю. — Спи.

Но произнес он это не громко, как Мастер, а тихо и неуверенно. Пес зарычал и сделал шаг вперед. Виралай отступил назад. За его спиной в корзине завозилась кошка.

С собаками у Виралай всегда возникали проблемы. Они инстинктивно не любили его. Вообще многие животные питали к нему неприязнь — по непонятной причине, потому что он старался обходиться с ними по-доброму. У собак большие зубы, и он всегда думал, что даже одним кусом собака может убить, и псы, вероятно, чувствовали в нем эту тревогу. Обычно он избегал их; если же не удавалось, он старался стать незаметным или недостижимым для них. Этот пес, однако, задался целью добраться до него. Простой уловкой здесь не отделаться.

Страх заставил его мозг работать. Приказать не удалось; что еще можно сделать? Аккуратно упакованный манускрипт мага лежал на самом дне мешка — потребуется слишком много времени, чтобы достать его и найти подходящее заклинание. Но и тогда ему потребуется магическая помощь кошки, а держать кошку перед мордой этого чудища — полнейшая глупость. Он лихорадочно думал. Настойка из пестиков, которые он только что украл, вызывает сильную сонливость, но ее нужно еще приготовить. Поскольку все мирные средства недоступны, остается одно — грубое насилие. Он огляделся, отчаянно пытаясь обнаружить хоть что-нибудь, похожее на оружие. Стекло, керамика, сушеные травы. Все

бесполезно. Нужна скалка, или черпак, или большой нож для разделки мяса, но их нет. Горшки тяжелые, это так, но звук разбитого горшка и тот хаос, который начнется, если он сразу не раскроит псу череп, неизбежно выдаст его, а это значит конец всех замыслов. К тому же с дорогими специями в мешке он, безусловно, будет уличен в воровстве.

Пена в пасти зверя начала пузыриться — он издал угрожающее рычание. Уши приподнялись. Пес припал к полу, подбирая задние лапы, — это выглядело почти смешно, но означало, что зверь готовится напасть. Не думая больше о возможных последствиях, Виралай схватил самый большой горшок, до которого мог дотянуться, и что было сил бросил его во врага.

Йетранекая керамика славилась во всем цивилизованном мире своей утонченностью и поразительной голубой глазурью — ее умели изготавливать только в Вечном городе. В Древнем языке Тильзенской равнины понятия «голубое» и «небо» обозначались одним словом; когда йетранцы говорили «голубой», то имели в виду насыщенный, без всяких оттенков цвет чистого летнего неба. Но прочностью эта керамика не отличалась: горшок угодил псу в череп и разлетелся на сотню мелких осколков. Теперь в чулане повсюду был шафран: он покрыл полки, огромную тушу собаки, весь пол. Виралай надеялся, что собаку отпугнет резкий запах, но он глубоко ошибался.

Разъяренный ударом, от которого он прикусил язык, раздраженный желтой пылью, забившей ему ноздри, пес угрожающе двинулся вперед, роняя на пол кровь и пену. Виралай сорвал со спины корзину с кошкой и выставил перед собой. Так поступают трусы и, наверное, глупцы, но больше он ничего придумать не смог.

Пес прыгнул с такой силой, что Виралай отбросило назад, и он упал, ссадив локоть о полку и больно ударившись затылком о холодный каменный пол. Он оказался в ловушке: длинная корзина, лежавшая у него на груди, застряла меж узких стен, а сверху навалился всей своей тяжестью пес. Раздались шипение и рычание, затем корзина распалась на части, и он почувствовал, как собачьи лапы уперлись в его грудь. Из легких вышел весь воздух; перед глазами замелькали какие-то мошки, и он подумал, что сейчас его вырвет. Он уже думал, что вот так и умрет — позорно, на полу в чулане, совершив посреди ночи кражу приправ, и глотку ему разорвет какая-то бешеная дворняга, но неожиданно тяжесть с груди исчезла. Вернулось дыхание, после чего послышалось жалобное хныканье; хныкал скорее всего он сам, но наверняка определить не мог, потому что был сильно потрясен.

Какое-то время было тихо, потом донеслись голоса из кухни — то ли кто-то из пекарей разговаривал во сне, то ли кого-то разбудил шум, определить было невозможно.

В высшей степени осторожно Виралай принял сидячее положение. От собаки не осталось и следа — только мерзкие капли крови и слюны на каменных плитах. Повсюду валялись куски разломанной корзины. Бете исчезла.

Вместо нее был Зверь размером со льва и черный как ночь. Клыки были окровавлены, а в глазах светился разум.

«Вставай, — раздалось в мозгу, и внутри у Виралай все перевернулось. — Позади тебя есть дверь. Открой ее».

Он нерешительно повел головой, не смея отвести глаз от огромного Зверя — из страха, что тот захочет и ему разорвать горло. Эльда знает, он заслужил такую участь, когда бросил беззащитную кошку, которой Зверь был несколько мгновений назад, в пасть разъяренного пса. Может быть, Зверь думает так же? Если это так, то Виралай обречен. «Поспеш!».

Цепляясь за полки, Виралай кое-как поднялся. Чувствуя себя на ногах более уверенно (хотя логики в этом не было — даже если бы он захотел бежать, Зверь мог двигаться в тысячу раз быстрее него), он повернулся и осмотрел заднюю стену чулана. Действительно, там была маленькая дверца, закрытая на щеколду. Только слепой или глупец мог не заметить ее раньше.

Голоса на кухне стали громче. Зверь подошел к Виралаю, и он ощутил прикосновение его шерсти и жар дыхания. Оглянувшись, чародей подобрал свой мешок и неуклюже закинул его за спину. Миг подумав, он протянул руку и снял со стены два пучка сушеной конопли. У

него было чувство, что они могут пригодиться.

После этого он отодвинул щеколду. Дверь открылась почти беззвучно; внезапно они оказались в темноте ночи. Прохладный ветер был напоен ароматом апельсиновых деревьев.

«Хорошо, — беззвучно произнес Зверь. — Теперь мы отправимся на Юг».

Виралай заморгал.

— Нет, — сказал он, — мы должны возвратиться на Север, в Святилище, к твоему хозяину.

Внутри черепа появилось ощущение, похожее на щекотку. Казалось, в мозгу порхает мотылек; чувство не было ни неприятным, ни тревожным. После нескольких мгновений замешательства он понял, что это проявление смеха — так огромная кошка давала понять, что ей смешно. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, она объявила:

«У меня нет хозяина. Я — Зверь».

Глава 21 ЗНАКИ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

К полудню тонкая пелена облаков, поднявшись от горизонта, затянула почти полнеба. С берега подул резкий бриз: если он продержится, «Длинная Змея» отчалит от Камнепада с попутным ветром, выйдет из гавани под парусом и возьмет прямой курс на север. Пока люди грузили на корабль свои пожитки и две крепкие лодки, Аран Арансон стоял на носу судна, обратившись к океану, отрешенно погружившись в себя. Одна ладонь покоилась на груди, где под рубахой был спрятан какой-то предмет; в светло-голубых глазах отражалось небо.

За его спиной, у бортов и на корме, толпились члены команды — они выискивали лица родных среди тех, кто собрался на берегу. Несколько женщин преклонного возраста стояли поодаль, отдельно от всех; старухи сложили руки на груди, взгляды у них были отсутствующие. За долгие годы жизни они видели подобные проводы много раз. Иногда моряки возвращались домой, иногда — нет. Удачных плаваний было очень мало, и женщины не могли ничего с этим поделать, хотя в годы своей молодости они тоже срезали пряди волос, сплетали их в косички, кропили кровью и морской водой и завязывали заговорными узлами, которые должны были обеспечить морякам спокойный путь и благополучное возвращение домой. В этих скрещенных руках и равнодушных лицах читался немой вопрос: почему мужчины настолько глупы и не хотят довольствоваться тем, что уже имеют? Что заставляет их с презрением отвергать твердую землю под ногами, повседневные труды по хозяйству и семейные заботы и отправляться по дороге китов за призрачной, всегда ускользающей мечтой?

Конечно, они знали ответ на этот вопрос. Именно рутина и однообразие отвращали мужчин: монотонная работа, ежедневные хозяйственные хлопоты, семейный очаг — бесконечный круговорот, когда самыми волнующими событиями становятся вытопанные сбежавшими овцами грядки, буря, причинившая ущерб посевам, и неожиданная болезнь. Женщины помоложе воспринимали желание мужей отправиться в плавание как личную обиду, проявление пренебрежительного равнодушия к ним. Даже если супруг возвращался, в семье появлялось отчуждение, холодок в отношениях, который мог привести к разрыву. При этом не имело значения, привез муж богатую добычу или нет, сложили про него песни или он этого не заслужил. Все эти годы Бера Рольфсен знала, что у нее беспокойный, неутомимый муж; она видела, что он подавляет в себе желания и острую тоску, впрягается в лямку, обрекая себя на рутинную, тяжелую работу и унылую жизнь, и единственной отдушиной для него было ежегодное плавание в Аллфейр. Она знала, что наступит день, и узлы, скреплявшие их брак, лопнут. Теперь она смотрела на мужа, стоявшего на носу корабля, за который они заплатили жизнью своего старшего сына, и глаза ее были сухими, а лицо бесстрастным. Но она сжимала руку своей матери так сильно, что кончики пальцев у той сначала стали пунцовыми, потом белыми, а затем посинели. Хозяин Камнепада ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на дом, не попытался отыскать взглядом лицо жены в толпе

проводящих. Его взгляд устремлялся на север, к горизонту, мимо утесов, туда, где океан и небо сливались в серую мглу, и профиль Арана был гордым, как на резных изображениях древних королей — суровых мужчин с торчащими бородами и холодными глазами, которые совершили подвиги и погибли смертью героев, оставив потомкам свои портреты на камне и дереве.

Потом он убрал руку от предмета, спрятанного у него на груди под рубахой, и сразу будто чары развеялись — он обернулся и теперь снова выглядел как обычный человек. Его взгляд скользнул по берегу — толпящиеся люди на причале, машущие руки, плачущие женщины — и остановился на Бере Рольфсен, одетой в ее лучший голубой плащ. Рыжими волосами ее играл ветер. Он увидел, как она накинула капюшон. Их глаза на мгновение встретились. Что-то пробежало между ними — то ли признание, то ли понимание. Потом он отвел взгляд и, обращаясь к морякам, закричал:

— Поднять парус! — и уверенно зашагал по кораблю.

Люди бросились по местам; Аран с головой ушел в работу — предстояло вывести судно из гавани. Он осматривал мачту, проверял готовность паруса, крепление снастей, работу руля, присматривался к людям, отмечал, что один идет по судну уверенно, а другой неловко, и надеялся, что вскоре все новички обретут «морские ноги».

Когда они проходили меж высоких утесов, черных с теневой стороны, покрытых птичьим пометом и лишайником, парус поймал ветер, и мимо Зуба Пса корабль прошел так красиво, что сердце Арана наполнилось гордостью. Он не заметил ворона, который сделал круг над судном, а потом быстро и по прямой полетел к земле. Аран не знал, что дочери его на борту нет, что она сидит, привязанная, на вершине горы и неотрывно смотрит на него и уходящий корабль горящими, заплаканными глазами и будет смотреть до тех пор, пока судно не растает в дали, недоступной взору смертного.

— Ты ее видел? — Фент толкнул острым локтем светловолосого мужчину.

Марит Феннсон кивнул.

— Она еще там, как я тебе и обещал. Мои узлы сдержат и разъяренного быка, не говоря уже о такой девчонке, как твоя сестра. Поговоришь сейчас с Араном насчет меня?

Фент поморщился.

— Лучше немного выждать. Я не хочу, чтобы он вернулся за ней и посадил тебя.

Между ними легла тень. Фент уперся взглядом в обезображенное лицо Урса Одно Ухо. Великан оскалился. Его улыбка всегда вгоняла людей в дрожь, Фент почувствовал, что ему не по себе. Видеть, как человек, у которого фактически нет половины лица, улыбается тебе, выставляя зубы наподобие клыков, — значит понять, что чувствует тюлень, попавшийся белому медведю.

— А где девочка? — мягко осведомился Урс. — Я не видел ее на борту, хотя ее отец сказал, что она должна быть здесь.

Марит исчез. Фент видел, как он пробирается между канатными бухтами, бочонками и сундуками с кухонной утварью к своему месту гребца и усаживается на скамью, и думал, что эту ношу ему придется нести в одиночку. Скрывая страх, он отчаянно старался припомнить объяснение, заготовленное для отца.

— Она почувствовала себя неважно, — начал он, но остановился, увидев, что великан недобро прищурился. Фент сглотнул и начал заново: — Она решила, что ей лучше будет остаться с матерью.

— Я не видел ее на причале, но заметил, что хозяйка Камнепада и ее мать стояли бок о бок.

Фент пожал плечами.

— Кто может угадать ее настроение? Катла переменчива, как погода.

Последовала долгая тягостная пауза, потом Урс произнес:

— На некоторых островах верят, что у новорожденных близнецов — одна душа на двоих, и Сур должен решить, кто ее получит. Там, откуда я родом, почти все в это верят.

Один ребенок остается сосать грудь матери, второго отдают морю. — Урс наклонился, положил руку, похожую на лапу медведя, на плечо парня и сжал так, что Фент вздрогнул от боли. При этом великан продолжал улыбаться, но его глаза в окружении шрамов были холодны. — Хотел бы я знать, сможешь ли ты снова ступить на землю, Фент Без Души. Может, уже пора Суру убедиться, что его выбор был верен.

Он еще какое-то время смотрел Фенту в глаза, потом убрал руку и медленно пошел прочь. Фент почувствовал, как по телу пробежала нервная дрожь. Надо поговорить с отцом сейчас, до того, как это сделает Урс.

Арана он нашел сидящим на перевернутом бочонке возле мачты. На коленях отец держал измятый пергамент или что-то вроде того, желтое и очень старое. Он водил пальцем по линиям, нанесенным в верхней части пергамента, то и дело поглядывая на поверхность океана и снова возвращаясь к рисунку, словно сопоставляя то, что он видит за бортом, с изображением на карте.

Фент облегченно вздохнул и подошел к отцу. Карта целиком поглощала внимание Арана: когда бы он ни взял ее в руки, все прочее для него переставало существовать, он даже не мог гневаться или отдавать распоряжения. Чтобы изложить лживую историю о сестре, лучшего момента нельзя было придумать.

— Отец, — начал он, но Аран Арансон махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху, и Фент замолчал.

Хозяин Камнепада посмотрел на солнце, порылся в поясном кошелье и выудил несколько бечевки разной длины, из которых придирчиво выбрал одну, пробежал пальцами туда-сюда по узелкам, завязанным на ней, закрыл глаза и полностью ушел в себя. Затем, открыв глаза, он сделал на карте небольшую пометку ногтем, посмотрел на сына и улыбнулся.

— Остров Келпи, — сказал он, указывая на крошечный изрезанный клочок земли на карте.

Никогда раньше Фент не видел карту так близко: отец ревниво оберегал свою собственность. По его мнению, эта красивая и таинственная вещь представляла интерес для тех, кто хочет больше узнать о мире. Но Фент предпочитал видеть мир своими глазами, рисованные абстракции почти ни о чем ему не говорили. Однако он вытянул шею и прилежно следил за тем, как палец Арана любовно скользит по пергаменту.

В верхнем правом углу была изображена роза ветров; южная стрелка указывала по диагонали на оторванный левый угол карты. Вдоль узорной рамки Фент увидел множество странных слов. Некоторые он вообще не смог понять, что было неудивительно, так как учебе в свое время уделял весьма незначительное время. Но слова «Isenfelt», «Oceana» и «Sanctuarii» понял отлично: ледовые поля, океан, Святилище. Оказывается, все очень просто: местонахождение даже такого крошечного островка, как Келпи, можно определить по этим чернильным каракулям. Он похлопал глазами, посмотрел вверх, сравнил линии на карте с контурами острова, видневшегося по правому борту, и ничего не понял. Остров был, и было его изображение на карте, и отец определил, что это именно тот остров, но как — Фент не понимал. Когда мимо них проходил Кало — спокойный темноволосый гребец, — Фент заметил, что отец предусмотрительно прикрыл карту рукой и придвинул ближе к себе, и тут его охватило сомнение. Неужели этот ветхий кусок телячьей кожи действительно может указать путь к легендарным сокровищам? А может, хозяин Камнепада просто околдован этим таинственным пергаментом?

Солнце садилось, и верхняя кромка темных облаков, собравшихся на горизонте, окрасилась в красный цвет; в воздухе заметно повяло прохладой.

— Отец, — снова начал Фент. — Насчет Катлы...

Необычайно мягкая погода, стоявшая на Западных островах в последние месяцы, привела к тому, что овцы непрерывно спаривались и ягнились, производя невиданно многочисленное потомство, несмотря на то, что для этого был не сезон. Еще до того, как

Аран Арансон забрал большую часть работоспособных мужчин и поплыл к Святилищу, поголовье настолько выросло, что двое пастухов уже не справлялись со стадом.

Фи́ли Колсон и его старая собака Бреда наконец-то собрали всех овец в загоне у подножия Зуба Пса; только один ягненок отбилсЯ — уже на подходе к загону он испугался низко летевшей чайки и, охваченный паникой, брызнул по каменистой тропе наверх. Бреда погналась за ним и пробежала футов тридцать, но потом начался крутой подъем, и собака, посчитав, что дело безнадежное, вернулась к Фи́ли, высунув язык, словно флаг капитуляции. Фи́ли только покачал головой. Если Бреда решила, что с не́й хватит, то ничего не поможет — ни брань, ни уговоры. У самого Фи́ли ноги ужасно болели после целой недели, проведенной в горных долинах, но он вздохнул и пошел искать ягненка. Скорее всего с отъездом Арана никто не заметил бы недостачи одного ягненка, но гордость не позволяла пастуху спустя рукава относиться к своему делу. Даже если никто не узнает о пропаже, этот ягненок будет сниться ему по ночам.

Ягненок оказался невероятно глупым. Каждый раз, когда Фи́ли подбирался к нему, чтобы ухватить за крохотные копытца, он в страхе отпрыгивал, поднимаясь все выше в гору. Когда начали сгущаться сумерки, они забрались уже так высоко, что до вершины можно было доплюнуть, и рассерженный пастух готов был воплотить в жизнь самые худшие опасения ягненка, то есть задушить его голыми руками и сожрать в сыром виде.

Он видел, как ягненок запрыгнул на валун, облепленный пятнами лишайника — в слабеющем свете заката они казались тусклыми золотыми монетами. Через мгновение ягненок снова прыгнул и скрылся за валуном.

— Клянусь яйцами Сура... — яростно процедил Фи́ли. Он собрался с духом и преодолел последние футы, пройдя мимо валуна к травянистой площадке. Ягненок стоял там, его бока судорожно вздымались и опадали, глаза были круглыми и торжествующими, словно у победителя. Фи́ли не дал ему ни мгновения на отдых и, бросившись вперед, поймал наконец за загривок. Потом взял добычу на руки, и ягненок обвис, потеряв силы, словно мертвый; но мордочка его настойчиво поворачивалась все в одну и ту же сторону, будто он рассматривал что-то на площадке. Фи́ли посмотрел в том направлении и чуть не выронил ягненка, потому что посередине плоской вершины возвышалось нечто странное. Оно выглядело как огромное кресло, и это вызывало сомнения. Но еще поразительнее было то, что в кресле находилась привязанная к нему фигура, и в сумерках она смотрела на Фи́ли сияющими тревожными глазами.

Фи́ли был неглупый парень. Он умел вязать две дюжины узлов, изготавливать фальшивые приманки и ловить песчаных угрей. И ему было известно, что если встречаешь ночью покойника, то лучше всего бежать прочь со скоростью скакового пони, потому что если мертвец опустит тебе на плечи свои большие черные руки, повалит на землю и высосет кровь, то ты сам станешь таким же и будешь бродить по ночам, а твои родные скорее отсекут тебе голову и похоронят отдельно от тела, чем разрешат сидеть у семейного очага.

Однако фигура приковала к себе его взгляд, а когда разошлись облака и выглянула поднимающаяся луна, он понял, что фигура в кресле — совсем не выходец с того света, а Катла Арансон, дочь вождя клана. Он положил ягненка на траву и подошел к ней. Первым делом он вытащил кляп изо рта девушки, но когда хлынул поток хриплых и грязных ругательств, он очень пожалел, что не оставил это на потом.

Катла спустилась вниз, кипя от возмущения, готовая сцепиться с кем угодно и из-за чего угодно, хотя чуть не падала с ног от усталости. Впрочем, странная обстановка, царившая в доме, заставила ее забыть об обиде; на смену гневу пришли недоумение и непонимание. Казалось, никто не удивляется тому, что она неожиданно вернулась после того, как пропала, никто даже не поинтересовался, где она была. В воздухе ощущалась общая озабоченность, которая заставляла голоса звучать тише, а движения делала скупыми и медлительными. Тут и там небольшими группками стояли женщины и говорили о чем-то негромко, и глаза их были тревожными. Казалось, все повседневные хлопоты отброшены в

сторону — никакой привычной суеты, шума, никаких приготовлений к вечерней трапезе; огонь в очаге не горел, не сновали туда-сюда люди. И даже мельчайшие детали — вроде того, что никто не позаботился подлить масла в светильники, и крошечные огоньки едва освещали большую комнату, — говорили о том, что люди забыли о делах и ждут какого-то важного известия или события. В холодном очаге лежали вертела, а рядом на кучке углей валялся пустой горшок.

Катла озабоченно обвела взглядом комнату.

Самым странным было то, что в высоком кресле Арана Арансона сидела его жена, уперев локти в дубовые подлокотники, сплетя пальцы и опустив на них подбородок. Казалось, взгляд ее пуст, но чувствовалось в нем какое-то напряжение. Люди старались не подходить к ней, держались на почтительном расстоянии.

Катла насупилась. По традиции, всегда соблюдавшейся как закон, никто не мог занять кресло хозяина в его отсутствие. Это было бы вопиющим нарушением семейных заповедей, и если мать так поступила, значит, имела на то очень веские причины. Катла приблизилась к ней, ощутив непривычную робость.

Мать даже не пошевелилась.

— Где ты была? — Голос ее был ровным и холодным.

— Сидела привязанной к креслу, — честно ответила Катла. Она ожидала какой-то реакции, удивления, но была разочарована.

— На вершине Зуба Пса, — продолжила она. — Любимый братец меня привязал.

Брови Беры приподнялись, хотя сказала она только:

— Ворон прилетел.

— Ворон?

— Из Халбо. — Бера разжала ладонь. На ней лежала бечевка, свившаяся маленькими колечками, потому что долгое время была обмотана вокруг ноги птицы.

Катла увидела замысловатые узелки, перемежавшиеся красными и серебряными метками — знаками королевского двора.

Катла осторожно взяла веревку, вытянула и, волнуясь, внимательно просмотрела все узелки. Потом перевернула и пробежала глазами еще раз, в холодном ужасе понимая, что не ошиблась и с первого раза прочитала верно. Мать смотрела на нее.

— Мы должны послать за ними корабль, еще не поздно; до рассвета их можно догнать, если ветер не переменится. Я возьму «Птичий Дар», Фили, Перто... — Катла перебирала в памяти оставшихся мужчин Камнепада, которые хоть что-то понимали в мореплавании.

— Нет.

Голос Беры был твердым как камень.

— Что?

— Даже если ты его догонишь, он ни за что не вернется. Он упрям как бык, и ему мало дела до короля.

— Что же нам делать?

Мать пожала плечами:

— Я соберу всех мужчин, какие остались на острове, и пошлю их в Халбо. Я принесу королю извинения, хотя мне больно это делать. А потом буду управлять хозяйством, насколько хватит сил, пока не вернется мой супруг.

Она сжала зубы и подняла подбородок. Впервые Катла заметила, как похудела мать за последнее время, увидела темные тени вокруг глаз, впадины на бледных щеках, морщинки в уголках глаз и на лбу, глубокие борозды по бокам рта. Она быстро старела, а отплытие Арана Арансона и страшное известие лишь ускорили это.

— Если он когда-нибудь вернется, — с горечью добавила Бера.

Катла не могла придумать, что сказать — ни в защиту отца, ни для ободрения матери. Пальцы ее теребили бечевку.

«Истрия объявила нам войну, — говорилось там. — Вам надлежит собрать все корабли и мужчин Западных островов и немедленно отправить их в Халбо. Все неподчинившиеся

этому приказу перестают считаться подданными Эйры, а их жизнь и имущество поступают в распоряжение короны. По повелению Врана Ашарсона, лорда Северных островов».

Ветер держался всю ночь, лишь незначительно меняясь по силе, и Аран использовал это, то направляя корабль на волны под прямым углом, то скользя между ними; «Длинная змея» двигалась зигзагами, как и то животное, в честь которого было названо судно. Временами казалось, что огромный корабль летит по волнам, как птица. Ночью и океан, и небо были одинаково глубоки и черны, серебряные звезды отражались в воде, и в полудреме, охватившей моряков, трудно было сказать, в какой именно стихии движется судно.

Через два часа после восхода луны Фент сменился с вахты, но не мог заснуть — и не из-за качки или громкого хлопанья паруса над головой. Когда он начинал погружаться в забытие, в голове раздавались громкие голоса. Иногда это был голос женщины, глубокий, низкий, чужой; иногда он перерастал в голос Урса Одно Ухо. Вдруг он почувствовал его дыхание возле своего лица и, охваченный паникой, сел и замер. Никого не было рядом, не считая Гара Фелинсона, храпевшего с открытым ртом. Сон пропал, и Фент думал о том, что Урс вряд ли исполнит свою угрозу на корабле его отца на виду у всей команды. «Да-да... Но ночью, когда погода испортится? — подсказал ему внутренний голос. — Кто тогда заметит?»

Как бы там ни было, Аран спокойно выслушал сообщение о том, что Катлы нет на борту, и ничего не сказал. Кажется, он даже не удивился, не говоря уже о разочаровании или гневе. Просто снова занялся картой, отыскивая северное побережье острова Бурный; они как раз проходили мимо его высоких утесов, на которых гнездились альбатросы, и Аран недовольно хмурился, потому что на карте не была обозначена длинная гряда рифов, тянувшаяся на полмили. Подводные скалы кое-где выступали на поверхность, но большей частью предательски прятались под водой. Этот промах составителей карты занял его внимание больше чем на час. Он хмурился, сердито посматривая за борт. Брови сошлись на переносице, как бы предупреждая окружающих, что беспокоить его нельзя. Он сделал язвительное замечание Стену Арансону, который допустил оплошность, подтягивая снасти, без всякой причины рывкнул на Урса, когда великан хотел о чем-то спросить; Урс придержал язык, ухмыльнувшись, — он знал немало капитанов и насмотрелся на эти приступы ярости, которые проносятся, как шквал на море.

И действительно, скоро Аран Арансон уже сиял от радости. Ударив себя кулаком по колену, он воскликнул:

— Ну конечно же! Эта карта не для простых искателей приключений, а для бывалых моряков, которые и так знают обо всех опасностях. Зачем наносить на нее каждый риф и шхер? Пусть дураки хлебнут горя, пусть их корабли идут на дно — им не видать удачи!

Он аккуратно свернул пергамент и засунул под рубаху, поближе к сердцу. Потом прошел на корму и уселся там, опершись спиной на лодку. Он смотрел в вечернее небо, на Звезду Мореплавателей, всегда остающуюся на своем месте, и вовсе не думал об отдыхе, будто от его бдительности и воли зависела судьба корабля. Фент время от времени посматривал на корму и видел, что отец все сидит и смотрит — то на небо, то на море, то внимательно следит за моряками, несущими вахту, и глаза его поблескивают в лунном свете. У других моряков подобное ночное бдение капитана вызвало бы чувство покоя, уверенности, но многие люди Арана, у которых не было опыта дальних плаваний, нервничали и чувствовали себя под его взглядом неуютно. Некоторые осеняли себя знаками, оберегающими от демонов, другие искали утешения в беседе с соседом.

— Он что, никогда не спит? — спросил Марит у Флинта Хакасона, северянина, покрытого шрамами. Это был опытный моряк, с бородой, заплетенной в косицу; о себе он говорил, что знает хозяина Камнепада уже двадцать лет и побывал на краю мира; последнее утверждение было крайне сомнительным — Флинт любил выпить, а на дне кружки можно увидеть все что угодно. Хакасон рассмеялся и ответил:

— Думаю, у него, как у Матери Сады, есть еще одна пара глаз, поэтому он может нести вахту днем и ночью!

— Вторая пара глаз, как у богини, — это, конечно, неплохо, но если погода хорошая, а на борту — приличная команда, то почему бы не вздремнуть?

— Приличная команда? Половина этих увальней никогда раньше не плавала дальше окрестностей Камнепада и понятия не имеет о том, что такое открытый океан. — Он бросил косой взгляд на левый борт, где тихо, но азартно играли в кости Гар Фелинсон и акробат Джад. — Надо молить богов, чтобы погода не испортилась. Если будет шторм, вся надежда на Сура.

Погода благоприятствовала мореплавателям и в последующие дни; устойчивый юго-западный ветер гнал судно все дальше и дальше, словно Сур благословил его и сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить им путь через Северный океан. Ярко светило солнце, воздух был свеж и прозрачен; островки, служившие ориентирами, в дневное время были видны за много миль; ночью звезды зажигали свою небесную карту. Корабль уже миновал Китовый остров, а льда все не было. Через два дня они увидели острова, о которых никто из команды ничего не слышал и не знал: они поднимались над водой высокими крутыми утесами, поверхность которых отражала их слоистую структуру — параллельно водной глади проходили границы красных, черных и светлых пород. Самый крупный из островов был настолько велик, что они плыли мимо него целый час, и моряки просили Арана подвести судно поближе, чтобы посмотреть, из чего образованы эти скалы, потому что выглядели они как настоящий сардоникс; если острова состоят из этого ценного камня, то зачем идти дальше, пытая счастье в неверных водах, покрытых льдом? Но хозяин Камнепада, посмотрев на утесы, отвернулся и продолжал держать курс на север, не проявляя интереса и не обращая внимания на ропот команды. Наконец Хаки Ульфсон заявил, что эти острова будет легко найти на обратном пути, после того, как Аран достигнет своей цели, и если они действительно из сардоникса, все сказочно обогатятся.

Вскоре стали встречаться первые льдины, плывущие по волнам группами и отдельными большими кусками, сероватые, словно грязные, с вмерзшим в них детритом и обросшие бахромой заледеневшей морской пены. Фент из любопытства перегнулся через борт и выхватил из воды пластинку льда. Холод обжег руку так сильно, что он вскрикнул, и бывалые моряки расхохотались над его наивностью, но хохот тут же сменился криками восхищения — Фент поднял кусок над головой, чтобы рассмотреть его на солнце, и все увидели крошечных креветок, вмерзших в ледяную пластинку. «Ну, парень, ловец из тебя хоть куда, — сказал ему кок, Маг Шейктан, — и на бульон у нас теперь есть. Но в следующий раз постарайся добыть мне что-нибудь покрупнее, договорились?»

Погода стояла такая ясная и теплая, что они встречали в открытом море тюленей; мирно дрейфующие на спинах звери ловили лучи необычно яркого зимнего солнца и выглядели настолько забавно, что ни у кого не поднялась рука метнуть в них гарпун. В конце концов, на борту был запас провизии на много недель вперед, в том числе вкуснейшие домашние заготовки из кладовых Беры Рольфсон, и жирное тюленьё мясо никого не прельщало. В дневное время корабль сопровождали морские птицы; они кружили над судном, плыли рядом по волнам — в случае необходимости можно будет охотиться на них.

По расчетам Арана Арансона, основанным на наблюдении за солнцем, звездами и изучении таинственной карты, до цели путешествия им оставалось плыть две недели — они проделали уже треть пути, причем шли с наибольшей возможной скоростью при погодных условиях, о которых любой моряк может только мечтать. Даже Фент, который раньше никогда не чувствовал себя уютно на борту корабля, начал думать, что мог бы привыкнуть к плаваниям в северных морях: при попутном ветре работы на судне было немного (если не считать присмотра за снастями, но этим были заняты более опытные моряки), погода для середины зимы стояла необычайно теплая, хотя на Камнепада в это время года всегда были сильнейшие морозы; да и Маг Шейктан оказался отличным коком — он взял с собой приличный запас специй и сушеных трав, закупленных в Аллфейре, и блюда его могли удовлетворить самый взыскательный вкус. Фент превосходно играл в бабки и голыши, и вскоре большая часть команды задолжала ему изрядные деньги, которые моряки не без

юмора обещали отдать сразу же по возвращении домой. С учетом того, что в запасе у них были целые горы сардоникса, никто не проиграл даже ничтожной доли своего будущего состояния. Чем бы ни закончилась экспедиция в Святилище, думал каждый, богатство им так или иначе обеспечено. Моряки говорили друг другу, что они — счастливейшие из смертных.

Но судьба распорядилась по-своему, и дальше наслаждаться спокойным плаванием им не было суждено.

Сначала стих ветер. Через несколько дней наступил мертвый штиль, и море стало неподвижным и свинцовым. Толстая пелена серых облаков затянула все небо от края до края, делая плавание по ночам невозможным — они закрывали звезды. Днем было немного лучше, потому что солнце пробивалось сквозь облачную завесу, и хотя бы приблизительно можно было определить его положение. Световой день становился все короче и короче; солнце медленно поднималось на юге и затем исчезало почти в том же месте, словно сонный кит, ненадолго появившийся на горизонте.

Потом два дня шел сильный дождь, который промочил на судне всех и вся. Аран в отвратительном настроении бродил по кораблю, досадуя на потерю времени, медленное продвижение и почти физически ощущая, как с каждым мигом растет их отставание от тех судов, которые — он был в этом уверен — отплыли к Святилищу раньше, чем «Длинная Змея».

Скверное настроение Арана испытали на себе все. Моряки расчехлили весла и гребли до заката и потом всю долгую-долгую ночь, даже не останавливались, чтобы поесть. Когда люди стали жаловаться и говорить, что надо поесть горячего, как они привыкли, Аран взглянул на них с таким холодным бешенством, что все разговоры прекратились, и морякам пришлось довольствоваться сухим хлебом, холодной колбасой и слабым пивом.

Мускулы Фента, непривычные к столь изнурительным нагрузкам, невыносимо болели и молили о пощаде. Чтобы хоть как-то облегчить мучения, Фент время от времени украдкой рассекал лопастью своего весла лишь самую верхушку волны, пока Тор Болсон, сидящий впереди него, не стал насмехаться над ним, называя слабосильным юнцом. Тогда Фент удвоил усилия и в течение всего дня греб ритмично и, что было не в его характере, добросовестно.

На пятый день люди начали роптать — от постоянного трения ладоней по смоченному соленой водой дереву появились кровавые мозоли и язвы, но Аран не дал морякам отдыха, а сам взялся за весло, задал еще более быстрый темп и греб до тех пор, пока сам не стер руки в кровь. Волдыри на ладонях разрастались, наполнялись кровью, потом лопались и начинали гноиться. Люди обматывали руки тряпками, пропитав их мазью на основе китового жира, которую сварила для них Геста Рольфсен, но это почти не приносило облегчения. К тому времени, когда от соленой воды начали появляться нарывы на ягодицах, люди уже находились на грани отчаяния. Аран наконец смягчился и разрешил грести по очереди и спать в проходе между скамьями. Некоторые из тех, кому выпал отдых, не сразу упали на доски, но бродили по кораблю, согбенные как старики, и прижимали руки к груди, словно баюкая их, чтобы унять мучительную боль. И все же они гребли.

Через три часа после восхода солнца Урс Одно Ухо сказал своему соседу:

— Кошачьи лапки.

Его напарник, молодой мускулистый парень с полным отсутствием координации движений, убеждал всех, что вместе с братьями не раз добывал в северных морях белуг, а однажды — даже нарвала, при этом выглядел так, как выглядит обычный деревенский увалень.

— Что?

— Видишь, вон там? — Урс кивнул назад, за корму.

Далеко позади, за гладью чистой воды, то там, то тут появлялись крохотные буруны, тревожившие темную поверхность океана.

— Вот так рождаются волны, парень.

Напарник, Эммер Бретисон, захохотал:

— Эти малышки? Действительно, больше похоже на кошачьи лапки.

— Эти малышки поймают ветер и вырастут. Сейчас это кошечки, но к вечеру нас будут окружать львы.

Эммер понятия не имел о том, кто такие львы, но виду не подал.

— «Длинная Змея» сожрет их и выплюнет, — заявил он.

Урс посмотрел на темнеющий горизонт и ничего не ответил. Вскоре подул слабый ветер, освежающий разгоряченные лица, но недостаточно сильный, чтобы наполнить парус. Это подтверждало, что погода быстро меняется: ветер сначала дул с юго-запада и, если бы он усилился, стал бы хорошим попутным ветром, потом — прямо с запада, что не совпадало с курсом корабля. Далеко на юге высокие облака начали громоздиться друг на друга, постепенно цвет их менялся, и к вечеру они стали черно-синими с устрашающим багровым оттенком.

Луна была в последней четверти и даже при ясной погоде не могла обещать достаточно света в ночи; но, едва поднявшись, она сразу же скрылась за тучами и лишь временами слабо обозначалась, когда южный ветер погнал облака к «Длинной Змее».

Наконец-то ветер.

— Суши весла! — в нетерпении закричал Аран Арансон. — Поднять парус!

Моряки с радостью повиновались этим приказам, испустив вздох облегчения, — были сыты греблей по горло. Но Урс Одно Ухо и Флинт Хакасон обменялись взглядами. Они видели признаки страшного шторма, настигавшего их, и не разделяли общей радости. Урс кашлянул, а когда Аран не обратил внимания на этот намек, откашлялся еще раз, громко и призывно. Аран подозрительно посмотрел на него. Урс покачал головой. Аран нахмурился. Урс перевел взгляд за правый борт, туда, где вдалеке начали подниматься высокие волны, как готовая к нападению армия. Аран посмотрел туда, потом демонстративно отвернулся от Урса и прокричал:

— Поднять парус до третьей отметки!

Урс поднял брови, затем пожал плечами и быстро зашагал к мачте.

— Он сумасшедший, — шепнул он Хаки Ульфсону, когда они взялись за канаты. — Если этот шторм на самом деле такой сильный, каким выглядит издалика, мы потеряем парус. А если останемся без паруса, то все мы обречены.

— Аран Арансон хороший моряк, — беспечно ответил Хаки. — Штормовая рея удержит парус. Я видел штормы и похуже. Скорее всего мы уйдем от шторма — это прекрасный корабль.

— Прекрасный, — согласился Урс, — но он не прошел испытаний.

— Вот у Арана и появилась возможность узнать, на что он способен.

— Даже ценой наших жизней?

— Что-то не узнаю я искателя приключений.

Урс ничего не ответил, но на лице его было написано, что он по этому поводу думает.

Первая волна ударила в борт с такой силой, что доски закричали, словно протестуя. Вторая обрушилась сразу на правый борт и корму.

— Держи брасы! — закричал Аран Тару Фелинсону, и парень бросился исполнять приказ, ухватившись за извивающиеся канаты, хотя выглядело это так, будто один человек собрался удержать взбесившегося жеребца.

Люди, назначенные присматривать за снастями по правому борту, заняли свои места. Фент как неопытный моряк не имел никакого специального задания, кроме вычерпывания воды, и внезапно оказался не удел. Он оглянулся, прикидывая, чем помочь. Ударил следующая волна, еще более сильная; она перекатила через планшир, и парень сразу промок до нитки. Страшно ругаясь, он бросился на корму и нырнул под одну из лодок. Здесь по крайней мере можно было как-то спрятаться от шторма.

Он видел множество штормов, находясь в безопасности на берегу, и точно знал, что ни за что не захотел бы оказаться в это время в море. Он наблюдал, как холодными зимами штормы с ужасающим постоянством обрушиваются на берега Камнепада, как ветер срывает

кровли с домов, валит деревья, как волны крушат лодки, причаленные даже в самых спокойных бухтах, выбрасывают на сушу тюленей и китов. Кроме того, он полагал, что за последние дни честно сделал все, что от него требовалось, и даже больше. Какой смысл называться единственным сыном капитана, если не можешь позволить себе ни малейшей поправки? Каждый мускул его тела стонал и горел от боли, руки, казалось, никогда не заживут, а желудок уже начинал выворачиваться наизнанку.

Вдобавок под лодкой он был вне поля зрения Урса Одно Ухо, а значит, этот страшный человек и не вспомнит о нем сейчас.

Аран в отличие от сына получал удовольствие от ударов волн. Он наблюдал, как ловко двигаются по палубе его люди, занятые своим делом, и чувствовал уверенность в своих силах. С упорством горного козла он пробежал по всему кораблю и занял пост на носу, украшенном изящной резьбой; правой рукой он крепко держался за планшир, лицом обернулся к темному горизонту на севере, а в спину ему дул ветер. Сквозь подошвы сапог он чувствовал, как корабль преодолевает бурные волны, как гнется киль, подобно позвоночнику лающей кошки. «Длинная Змея»! Это его детище: подобно морской стихии, она горда и непокорна, и это он вызвал ее из небытия к жизни, выйдя вместе с ней из черной полосы отчаяния и поражений. И вот наконец то, чего он ждал всю жизнь, — ощущение триумфа. Он был хозяином великолепного корабля, хозяином людей, хозяином своей судьбы.

Вдали загрохотал гром, а затем небо вспороли белые вилы молний.

Теперь ветер обрушивался на них яростными порывами. Один из порывов совпал с огромной волной, ударившей в судно по всей его длине; потоки воды устремились через борт, заливая корабль. Люди бросились вычерпывать воду, работая как сумасшедшие. «Длинная Змея» обладала отличной устойчивостью; она выправилась и продолжала лететь по ветру, скользя по волнам, прыгая по ним, как резвый жеребенок.

Свободная рука Арана Арансона легла на грудь, где под кожаной рубахой в мешочке хранился свиток пергамента; и тотчас его лицо утратило выражение угрюмой сосредоточенности и стало спокойным и торжественным.

Снова прогремел гром, и почти сразу же молнии пронзили тучи, осветив картину, напоминавшую кошмарный сон: волны стали еще выше и шли одна за другой, а провалы между ними зияли как пропасти. Громко хлопнув, парус надулся с такой силой, что с него полетели комья замерзшего жира, которым его пропитали для защиты от непогоды, и осыпали людей на палубе. Канаты, которыми удерживали парус, вырвались из рук моряков и загуляли по палубе, как яростные бичи. Один из них хлестнул по лицу Хаки Ульфсона; тот вскрикнул и начал падать, потеряв равновесие. В следующий миг он оказался за бортом.

— Человек за бортом!

Этот крик вырвал Арана из мира грез. Оторвав руку от карты, он обернулся и увидел, как Урс Одно Ухо и светловолосый моряк, имени которого он не помнил, опасно перегнулись через борт на корме, протягивая весло, а остальные члены команды держат их за ноги и пояса. На мгновение он поймал взглядом руку, появившуюся из темных волн; почти сразу она пропала, но затем в проблесках луны футах в двадцати за кормой мелькнул разинутый в крике рот и глаза, полные ужаса. Ветер быстро уносил судно; ничего нельзя было сделать. Огромный вал, подобный безжалостному демону, накрыл моряка, и море поглотило Хаки Ульфсона.

Последовало короткое затишье, в течение которого люди, все еще не веря в случившееся, смотрели на бурные волны в том месте, где исчез их товарищ; затем волны снова обрушились на судно.

— Привязать все! — закричал Аран, бросившись от носа к корме. — Самим привязаться!

Понуждать команду не пришлось. Как можно быстрее и надежнее закрепили мешки и ящики с припасами, потом привязали себя. Опытные моряки вязали хитрые узлы, которые можно быстро распутать, если судно перевернется; неопытные использовали все узлы, какие знали. Аран и Урс Одно Ухо одновременно оказались у руля. Великан отступил. Ударил

волна, окатив их обоих. Аран затряс головой и крикнул:

— Нет! Правь ты!

Урс был сильнее: если удастся удержать «Длинную Змею» в нужном положении, у них будет шанс противостоять ярости волн.

Сам Аран привязался к планширу на корме меж двух ящиков.

Обернувшись к океану, он оказался лицом к лицу с гигантской волной. За те несколько мгновений, которые ей понадобились, чтобы настигнуть корабль, он успел подумать, что она, пожалуй, почти такой же высоты, что и дубы, из которых построена «Длинная Змея». Значит, по высоте она равняется длине судна. Он вспомнил, как стоял, ошеломленный, в тени этих гигантов семь лет назад, когда вместе с Марганом ездил посмотреть на одно из чудес Эльды. То была священная роща, и теперь у него мелькнула мысль: не вызвал ли он гнев духов-хранителей, а то и самого бога, используя эти дубы?

Волна подхватила корабль и подняла его высоко в воздух. Аран опрокинулся на спину, и удержали его только веревки, которыми он привязался. Лежа на спине с запрокинутой головой, он смотрел на мачту и парус, возносившиеся к беспросветному ночному небу. Какое-то мгновение судно неуверенно балансировало на самом верху огромной волны. Затем оно понеслось вниз с такой скоростью, словно само спешило нырнуть в бездонную глотку, которая недавно поглотила Хаки Ульфсона. Корабль рухнул вниз с такой силой, что у Арана голова пошла кругом; он сильно ударился спиной о доски, так что перехватило дыхание, но «Длинная Змея» была цела и невредима.

За этой волной последовали другие такие же, наседающие друг на друга, и Аран смотрел на них, впервые испытав настоящий страх: если корабль окажется между двух волн, то переломится, как тростинка. Если же одна волна накроет корабль, и он выдержит удар, то все равно уйдет под воду и потом перевернется.

Аран никогда не видел подобных волн, никогда не встречался с таким бешеным ветром, настолько сильным, что волосы стояли дыбом, а ноги отрывались от палубы. Он дробил льдины, летящие по волнам, и швырял их в корабль. Аран попытался что-то крикнуть людям, но голос его потерялся в реве бури, как мотылек в ночи. Он был бессилен и мог только молча смотреть, как бочонки, весла, инструменты взмывают в воздух, крутятся там, как в водовороте, и исчезают во тьме. Волны шли одна за одной. Корабль то взлетал, то падал. Дерево скрипело и стонало. Он видел, как Урс сражается с рулем, видел, что, уже изнуренный борьбой со стихией, великан все же удерживает корабль поперек волн, а по телу его струятся потоки желтой пены.

А потом парус оборвал все канаты и облепил мачту, как взбешенный зверь. Теперь они полностью оказались во власти шторма.

Аран обвел взглядом бушующий океан. Здесь, очевидно, ему вскоре предстоит умереть. К его удивлению, эта мысль не вызвала у него какого-то сильного переживания, лишь смутное чувство сожаления и неясное осознание вины перед теми людьми, за жизнь которых он нес ответственность. Пальцы его сжались, и он обнаружил, что все это время держал ладонь на карте, спрятанной под рубахой, как будто прикосновение к ней каким-то образом позволяло пережить этот страшный шторм. Он вновь подумал, что наверняка в карте заключена некая магия, и в нем вдруг родилась уверенность, что какие бы чары ни содержал в себе этот пергамент, они помогут им пройти через испытание. Если верить в карту, она приведет в Святилище. Она — его талисман.

Однако море не желало об этом знать. Шторм продолжался, и его слепая разрушительная сила была ужасна. Он мог погубить корабль в любой момент. Огромные волны шли одна за другой, и яростные порывы ветра разбивали их верхушки, заполняя воздух брызгами и водяной пылью. Потом волны начали сшибаться друг с другом, громясь в невообразимом хаосе. Казалось, море обрушилось на корабль сразу со всех сторон. Судно швыряло то вверх, то вниз, то вперед, то назад. Луны не было видно, и стихия буйствовала в кромешной тьме. Казалось, время остановилось. Аран потерял ориентацию и не знал, сколько все это продолжается. Ударом волны разбило крепление одной из лодок;

ветер сначала перевернул, а потом выбросил ее за борт, и она едва не задела Арана; он возблагодарил небо, что привязался к планширу, а не к лодке. Мариту Феннсону повезло меньше — Аран видел, как его смыло с палубы, и в реве океана его отчаянный крик был едва различим.

Под оглушительный грохот грома и ослепительные вспышки молний волны продолжали избивать судно. Аран беспомощно наблюдал, как светловолосого моряка, который пытался спасти Хаки Ульфсона, самого выбросило за борт — веревка, которой он привязался к мачте, подверглась такой нагрузке, что не выдержала и лопнула. Еще один человек — Арану показалось, что это Пол Гарсон, — каким-то образом выскользнул из веревки, которой обвязался, и ветер подхватил его, как клочок соломы, а потом ударил о палубу. Едва посмотрев на его правую руку, Аран понял, что у Пола вывихнуто плечо и сломана кость ниже локтя. Окровавленное лицо почти сразу омыла следующая волна, которая прибила безвольное тело к борту. Здесь двое моряков, скорее всего Эрл Форнсон и его брат Фолл (хотя сквозь пелену дождя и соленых брызг трудно было разобрать наверняка), подтянули к себе несчастного и обмотали его концом веревки, которой были привязаны сами. Аран отметил, что мысль, пришедшая ему в голову, не была проникнута сочувствием: «Даже если выживет, гребец из него никудышный».

В хаосе, царившем на палубе, его глаза искали рыжие волосы Фента, но младшего сына нигде не было видно; это не удивляло — люди прятались, где могли, чтобы уберечься от губительного шквала.

Ближе к тому времени, когда в этом богом проклятом месте положено наступать рассвету, шторм наконец выдохся, и ветер ослабел. Аран Арансон долго отвязывал себя от планшира. Руки замерзли, пальцы посинели и почти не гнулись. Казалось, что сил почти не осталось. Все тело стонало от боли. Веревка напилалась соленой водой и разбухла, и, несмотря на то, что он использовал узел, который должен легко развязываться в случае опасности, никак не хотела поддаваться.

Затем, покачиваясь на нетвердых ногах, он прошел по палубе, чтобы посмотреть, какой ущерб нанесен кораблю и команде, и уже не чувствовал себя таким героем, как несколько часов назад, когда стоял на носу судна.

Каким-то чудом или милостью бога вышло так, что «Длинная Змея» и большая часть команды уцелели в самом страшном испытании, которому мог подвергнуть их Северный океан.

Глава 22 ЗВЕРЬ

«Не пытайся использовать голос старика, когда разговариваешь со мной. Иначе я тебя укушу».

— Обещаю, что не буду, только вернись в свое прежнее обличье.

«Я знаю, что ты хотел бы видеть кошку, которую можно хватать и мучить. Но я отказываюсь от этого облика. Вот мой истинный вид. А каков твой?»

— Такой, какой есть. Что ты имеешь в виду?

«Ты пахнешь не так, как люди. В тебе есть какой-то истинный аромат, но все перебивает запах червей и земли. Если я тебя и укушу, то не сильно; боюсь, эта вонь надолго останется во рту».

— Ты стала очень разговорчивой с тех пор, как приняла это обличье.

Хвост Зверя метнулся из стороны в сторону, но ответа не было. Виралай решил продолжать разговор:

— Если ты убьешь меня, как вернешься к хозяйке? Она за океаном, а кошки, даже такие большие, как ты, не могут плавать так далеко.

Хвост обвился вокруг лап и замер, будто от удивления.

«Сначала хозяин, теперь хозяйка. Ты действительно думаешь, что Роза Эльды — моя

хозяйка? Какой ты странный, червяк-человек. Червь в сердце розы, червь в сердцевине земли. Нет, мы отправляемся не за океан, а на юг, к Красному Пику».

— Я не хочу к Красному Пику. Я читал, что там только пепел, огонь и трясущиеся горы. Идти туда — значит искать смерти. Мы пойдем на север, в Халбо, потом — к Рахе.

«Мы отправляемся на юг».

— Но... Аaaa!

«Я тебя предупреждала — не говори со мной таким голосом. Это просто пустяк по сравнению с тем, что я могу с тобой сделать. Мы пойдем туда, куда я скажу, а не за океан. Кошки не любят плавать, и я не сяду с тобой на корабль».

Саро огляделся. В голове стоял туман, как с похмелья. Он протер глаза и присмотрелся к окрестностям. Темная роща за крепостными стенами Йетры. Невдалеке к дереву привязана лошадь; он узнал Ночного Предвестника. Жеребец с такой силой терся о шершавый ствол, что ветви раскачивались. Несколько плодов с мягким стуком ударились о землю, и воздух наполнился ароматом перезревших апельсинов. Дома, в Алтее, урожай созрел поздно, если вообще созрел; там считали каждый кантари, берегли каждый плод, который можно продать, давили из фруктов соки или варили их и приберегали к долгой зиме. А здесь, в Йетре, фрукты гниют прямо на деревьях. Богатый город, богатый и непонятный своей расточительностью.

Резкий запах цитрусовых помог Саро собраться с мыслями. Он вспомнил, как бежал из цитадели, как седлал жеребца; вспомнил, как смотрел на Звезду Мореплавателя. Кажется, он решил отправиться на Север, но зачем? Север, Эйра, земля варваров, с которыми вот-вот начнется война; почему он решил ехать туда? Что-то билось в глубине сознания, что-то шептало об угрозе, о бедах, которые неизбежно случатся, если он не уйдет отсюда как можно дальше. Казалось, он вот-вот ухватится за нить, но она ускользала, а вместо нее в мозгу чередой шли образы и звуки, и громче всего звучал мужской голос, приказывающий ему оставаться здесь и ждать, ждать возвращения обладателя этого голоса, который звучал так властно, его нельзя было ослушаться, и поэтому Саро ждал. Но теперь он стал задумываться: почему и кого он ждет? Мысль о необходимости бегства из Вечного города выходила на первый план, звучала все громче и настоятельнее. Руки и ноги его пытались двигаться, но казалось, он прирос к месту, как деревья вокруг. Даже простая попытка встать оказалась бесполезной. В конце концов он разозлился на себя.

— Клянусь грудями Фаллы! — выругался он, отчаянно пытаясь подняться на ноги, но ничего не вышло.

Богохульство словно разбудило какого-то демона, и во тьме за его спиной послышалось низкое рычание; Саро мгновенно вспомнил кошмар, о котором его разум предпочел забыть. Он всмотрелся во тьму и убедился, что существо, которое он считал выдумкой или страшным сном, действительно ходит по земле Эльды. Похоже, оно обладало способностью мгновенно материализоваться и предстало перед Саро в виде огромной кошки — большого черного зверя с горящими золотыми глазами и мощными лапами, но это была еще не вся беда: рядом с ней стоял высокий бледный человек, которого он видел в замке Йетры; после встречи с ним сны Саро стали беспокойными, будто он заразился от незнакомца неведомым недугом.

Однако камень отреагировал на них дружелюбно. Он начал светиться, испуская, как и глаза кошки, слабый зеленовато-золотой свет. В этом жутковатом, сверхъестественном сиянии бледный человек выглядел усталым и осунувшимся, при этом лицо его утратило признаки возраста, на лбу и в уголках глаз исчезли морщины.

Виралай протянул руку в успокаивающем жесте. Не отводя от камня глаз, он сказал:

— Пожалуйста, не надо.

Внезапно большая кошка уселась, задрала лапу и принялась вылизываться широким языком. Казалось, она целиком поглощена этим занятием; раздалось громкое урчание. Глядя на кошку, Саро немного расслабился и обнаружил, что голос чародея больше не имеет над

ним власти. Теперь он мог двигаться, но перед тем как подняться на ноги, он инстинктивно поднес руку к камню и сжал его. Сквозь пальцы пробивалось бледное свечение, но сейчас оно стало синевато-багровым.

— Нет!

Возглас прозвучал со странной силой, и рука Саро отдернулась от камня, словно он обжегся. А затем и рука, и камень сделались холодными и тяжелыми, как свинец.

Саро нахмурился.

— Ты знаешь о камне, — произнес он.

Волшебник стоял перед ним в предрассветных сумерках, не сводя взгляда, потом медленно наклонил голову в знак подтверждения.

— Что ты знаешь?

Но глаза Виралая уже стали чужими, пустыми и мертвыми, как у той огромной усатой рыбы, которую Саро однажды поймал в стоячих водах Вороньего болота. Та смотрела с таким же выражением — чуждо, враждебно, и взгляд ее говорил о неких тайных знаниях, которые она накапливала, живя в темных, мрачных глубинах. Потом она начала бешено биться, выгибаясь, и удочка сломалась, а болотная рыба снова скрылась в воде. Виралай поступил точно так же, разорвав нить, протянувшуюся между ними; он отвел глаза, повернулся и пошел к дереву, к которому был привязан конь.

Ночной Предвестник начал пятиться, кося глазом, но волшебник протянул к нему руку, сказал:

— Ши-райен, — и конь немедленно успокоился. Потом он повернулся к юноше и просто сказал:

— Пойдем.

Саро пошел за ним, чувствуя при этом, что ноги слушаются не его, а чародея. Позади послышалось низкое рычание.

«Ты можешь использовать это на нем или на глупой лошади, но помни, о чем я тебя предупреждала».

Встало солнце, и равнина озарилась ярким светом, расцвятилась сочными красками. Солнечные блики заиграли на бескрайней глади Южного океана, воды широкого устья реки Тильзен окрасились в пурпур; лучи светила, словно благословение Фаллы, упали на рыбацкие челны, усеявшие прибрежные отмели, — рыбаки вышли на утренний лов, чтобы вытащить горшки с лобстерами и ловушки для крабов, расставленные накануне вечером. Солнце согрело холмы над Лаллеей, и рыжая земля приобрела цвет киновари. А внизу, в тенистых долинах, воздух наполнялся упоительными ароматами садов и рощ, в которых росли оливковые и гранатовые деревья, зрели яблоки, сливы, лимоны, цвели липы. Дальше от моря, юго-восточнее Йетры, располагался маленький городок с узкими улицами, на которых стояли небольшие белые домишки, и красивым храмом, чья башня возвышалась над городом, отбрасывая длинную тень на главную улицу, как указующий перст. Торговец, приехавший спозаранок на местный рынок из деревушки на холме, носившей гордое название Соколье Гнездо, привез целую тележку хурмы. Приближаясь к городу, он вдруг захотел оглянуться — зачем, он и сам не знал, — и какое-то мгновение наблюдал далеко на юге необычную компанию, четко вырисовывавшуюся в лучах солнца.

В тот же вечер в таверне «Крыло ястреба», в шумной компании таких же торговцев, уже пропивших большую часть дневной выручки, он доказывал, что видел «самую большую кошку из тех, что водятся в Истрии, и она спокойно, будто это были ее приятели, шла рядом с двумя парнями, которые вели в поводу коня, а конь, судя по всему, — прекрасный верховой жеребец». О горных кошках в этих местах знали, но это были небольшие животные, которых вытеснили из их мест обитания более сильные враги; кроме того, всем было известно, что только у лорда Сэры есть один такой прирученный зверь.

— Лоду, надо тебе сходить завтра к матушке Сэде. Попроси у нее что-нибудь подлечить зрение!

— Она еще занимается врачеванием? — спросил Лоду. Большую часть кочевников изгнали или уничтожили задолго до недавних эдиктов и расправ. — Я не видел, чтобы она открывала лавку утром. — Он помедлил. — Вообще-то я ее сегодня совсем не видел.

Один из его приятелей пожал плечами:

— Уже несколько недель, как она не торгует.

— Я слышал, она хорошо горела, — раздался незнакомый голос из глубины таверны.

Лоду повернулся, чтобы узнать, у кого это такой острый слух, а также о судьбе ведуньи, и увидел высокого темноволосого человека близко посаженными глазами и тонкими губами, на которых играла жестокая усмешка — как будто мысль о том, что старая карга сгорела на одном из костров богини, греет его душу.

— Они сожгли старую матушку Сэду? — Это казалось невероятным.

— Так мы поступаем с этими проклятыми Потерянными. Ты что, живешь в пещере в каком-нибудь захолустье?

Эти слова привели Лоду в негодование.

— Она никогда никому не причиняла зла. Высокий надменно ответил:

— Она занималась колдовством, приятель, а значит, оскорбляла Госпожу Фаллу самым фактом своего существования. Магия — это искусство, принадлежащее богине, и тот, кто покушается на него, совершает богохульство. Теперь она очистилась и вернулась к Госпоже. — Он благочестиво склонил голову.

— Колдовство? — Лоду, не подозревая об опасности, захохотал. — Она варила любовное зелье для легковверных девиц и продавала травы, которые выращивала в своем саду; если это колдовство, то и моей жене следует остерегаться!

Его собеседник свел брови и внимательно посмотрел на Лоду.

— Может, и следует, друг мой. Может, и следует.

Виралай выругался.

Они сумели покинуть Вечный город и уйти далеко от побережья. Погони пока не было, и все шло по плану. Но к тому времени, когда они достигли излучины реки, у которой в зарослях ивняка и лозы расположились соплеменники Алисии, кочевники уже покинули стоянку, оставив только обугленные камни кострищ, голые проплешины там, где паслись йеки, поедающие траву до корней, и колеи от колес фургонов.

С досады он ударил ногой по камню. Было больно, но не так, как он ожидал. У него появилось неприятное подозрение, что если он снимет обувь, то и на ступнях найдет участок омертвевшей кожи, сизой, как крыло голубя.

Саро посмотрел вокруг. Место было безрадостное.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил он уныло. Волшебник в пути вел себя очень замкнуто и неприветливо; шли они медленно, потому что дорога была трудна для пешего перехода, да и каждый следующий шаг лишь усиливал ощущение, что идут они не туда, куда следует. Но при этом Саро чувствовал, что должен идти с этим человеком, хотя и не мог объяснить почему.

— Я надеялся встретить здесь своих друзей, — глухо произнес Виралай.

Это озадачило Саро. Трудно было поверить, что у этого чародея есть друзья. Но после событий минувшей ночи удивляться чему-либо не приходилось. Кошка — огромная, черная, еще более ужасная при свете дня, чем во мраке ночи, — не отходила от них ни на шаг и казалась более дружелюбной и менее опасной, чем бледный человек. Это меняло нормальный порядок вещей и переворачивало все с ног на голову.

Виралай тяжело опустился на землю и обхватил голову руками; Саро заметил у основания его большого пальца черный синяк, следы крови и ранки, очень похожие на следы от зубов.

— Мы пропали, — простонал чародей. — Теперь они нас наверняка выследят. А если они схватят нас, то завладеют камнем... — Он запнулся, но поздно: слова вылетели и были услышаны.

— Камнем, — тихо повторил Саро. Что-то зашевелилось в тайниках его памяти, стало собираться в единое целое, обретать форму, делаться отчетливее. Камень. В руке другого человека — смуглой изящной руке — он начинает излучать пульсирующий смертоносный свет... Жестоким усилием воли Саро сосредоточился на прошлом и вызвал видение, которое заставило его покинуть город: он хотел узнать, почему для него это так важно, пусть даже причина будет ужасной. Феерия цвета и блеска предстала его взору, за ней последовала какофония стонов, воплей и рычания. Эти образы рассеяли силу внушения, под влиянием которого он находился с минувшего вечера.

— Нет!

Саро вырвал себя из этого кошмара и увидел странный блеск в глазах Вирала, опущенных белесыми ресницами и расширившихся от страха. Рядом с волшебником в напряженной позе стояла кошка, готовая то ли прыгнуть и вцепиться ему в горло, то ли бежать, чтобы спасти свою жизнь. На них обоих сияли яркие блики света, похожие на солнечных зайчиков. Саро посмотрел вниз и увидел, что его рука сжала камень так крепко, что побелели суставы, и сквозь пальцы пробивается свечение, переливающееся всеми цветами радуги.

— Пожалуйста, не делай этого!

Что-то безмолвное пронеслось между Виралаем и кошкой, после чего зверь метнулся в сторону и, поднимая пыль и разбрызгивая воду, одним прыжком перемахнул через заросли на берегу реки. Саро увидел, как кошка мгновенно оказалась на другом берегу, перепрыгнула невысокий холм и исчезла из виду, и почувствовал некоторое облегчение. Камень начал медленно тускнеть, пока его свечение не стало едва заметным.

— Эта штука, которую ты носишь на груди, — камень смерти, — подал голос чародей. — Это очень редкая и опасная вещь.

Камень смерти... Это же сказала в Пексе и старая кочевница-ведунья, когда они вместе созерцали картину прошлого, вызванную с помощью камня, — гибель людей на Лунной равнине рядом с еще ничего не понимающим Саро. Тогда старуха в ужасе отпрянула от камня. Гораздо позже Саро понял, что в руках такого человека, как Тайхо Ишиан, камень будет убивать людей тысячами. Теперь он испугался по-настоящему: зачем Виралай привел его в это пустынное место, если не для того, чтобы убить и завладеть камнем? Тело его найдут не скоро, и никто ничего не узнает... Но тогда зачем он отослал кошку? Прекрасное объяснение: смерть от клыков и когтей дикого зверя; кошка делает свое дело, а Виралай забирает камень. Что-то не связывалось, мысли разбегались... Но в одном Саро был уверен: камень не должен попасть в руки Тайхо Ишиана.

— Не подходи! — предупредил он чародея. — Ты прислужник лорда Кантары, и я скорее убью и тебя, и себя, но не позволю, чтобы этот камень попал в руки этого злодея.

— Я не хочу тебе зла, — ответил Виралай. — Меньше всего на свете я желаю, чтобы этот камень оказался у Тайхо Ишиана. Он — сумасшедший, чудовище.

Эти слова удивили Саро, но кто не знает о коварстве чароделов?

— Дай мне руку, — произнес он.

На лице Вирала отразилось смущение и недоверие.

— Ты хочешь убить меня, — в страхе вымолвил он, отступая назад.

Нетерпение придало Саро храбрости. Шагнув к волшебнику, он схватил его за запястье и сжал даже крепче, чем хотел. Контакт был куда более близкий, чем во время случайной встречи в замке Йетры. С другими людьми при касании их на него сразу обрушивался поток причудливых образов и переживаний; но сейчас ничего подобного не было. Однако Саро не хотел отступать. Сстиснув зубы, он впервые подчинил камень своей воле. Сначала от волшебника шло лишь нечто похожее на слабое эхо, шепот из дальней комнаты или размытое отражение в быстром потоке, а еще — пронизывающий холод. Саро сосредоточился на потоке памяти Вирала. Невероятным усилием он выхватил один из образов и исследовал его. Это был смутный, бледный слепок крохотной части минувшего: худые мальчишечьи колени на твердом ледяном полу, руки натирают блестящую

поверхность. Следующее видение: старик с огромной бугристой головой и пышной бородой склонился над столом, заваленным пергаменами и разными предметами, и почти не виден за этой грудой; рука, которая поднимается и опускается снова и снова, короткие крики боли. Голод, тяжесть в голове, боль; внезапная тоска одиночества; порезанный палец, из которого не идет кровь. Повсюду снег и лед; плотный туман, беспокойное море. Серая, отслаивающаяся на руках кожа. Черный пес, из пасти капает слюна. Нагая женщина, наполовину укрытая длинными волосами. Черная кошка — сначала огромная, потом маленькая. Тайхо Ишиан с безумно горящими глазами, бросающийся вперед с какой-то палкой в руках. Потом — он сам, выросший в глазах волшебника до размеров могучего великана, с пылающим камнем в руке...

Саро разжал пальцы и, весь в поту, отступил от Виралай. Он пытался извлечь какой-то смысл из всего увиденного. Страхи, очень много страхов — спутанных, неясных. Унижения, холод, боль и тоска, но среди всего этого — никакого намека на подлые замыслы или обман.

Виралай громко застонал и, наклонившись, изверг из себя струйку желчи. Потом упал на колени и, упершись в землю руками, устался на лужицу. С упреком посмотрев на Саро, он вытер рот слабой рукой, и на тыльной стороне перчатки остался мокрый след.

— Ты закончил? — спросил он устало.

Саро вздохнул.

— Прости, — ответил он, — я должен был убедиться, что ты не подослан, чтобы убить меня и похитить камень. Я знаю, на что он способен. Я видел мечты твоего хозяина: он способен опустошить весь мир.

Виралай выглядел изумленным.

— Рахе? Он никогда не пойдет на это, он всего лишь сварливый старик, вечно всем недовольный.

— Рахе? — Имя казалось смутно знакомым, как будто Саро уже слышал его давным-давно. Воспоминание ускользало, но сейчас это не имело значения, и он просто спросил: — Кто это — Рахе? Я думал, твой хозяин — лорд Кантары.

— Это сейчас, — горестно ответил Виралай. — Но Тайхо Ишиан гораздо хуже старика; я уверен, что он сожжет любую преграду, которая встанет у него на пути к Розе Эльды. Поэтому я и привел тебя сюда — чтобы быть уверенным, что камень смерти ему не достанется и он не сможет использовать его в своих целях.

Роза Эльды. Кочевница, которую король Эйры Вран Ашарсон взял в жены. Но что общего у Тайхо Ишиана с этой низкородившей женщиной? Внезапно перед внутренним взором всплыла непристойная сцена, которую он увидел, когда лорд Кантары обнял его в зале Совета: бледная нагая женщина с широко раздвинутыми ногами... Он поспешно отогнал видение; все стало ясно. Неужели обыкновенная похоть может подвигнуть человека на зверства? Раньше он бы не смог поверить в это, но теперь он уже не столь наивен. Изучив память собственного брата, Саро не сомневался, что человек способен на любое злодейство.

Из частного заключения Саро сделал общий вывод, и правда раскрылась перед ним во всей своей неприглядности. Она была настолько груба и ужасна, что его охватил страх и стыд: стыд за человеческий род и страх за судьбы мира. Ему вдруг стало ясно, что именно Тайхо Ишиан затеял эту войну, поднял всю Южную Империю, чтобы взять за горло извечного северного врага, и все это — из-за похоти. При этом он взывает к богине. Но это означает, что их религия фальшива, а его соотечественники-истрийцы — легковверные глупцы, готовые пойти за любым, кто станет разглагольствовать о «справедливой» цели; и не имеет значения, насколько лживы будут его речи — их повторят сотни и тысячи глоток, и скоро войны возжелает вся страна.

В войне будут гибнуть тысячи и тысячи — и все ради чего? Ради того, чтобы один одержимый получил женщину, которую вожделеет!

Саро прошиб пот; потом он почувствовал озноб и подумал, что сейчас упадет в обморок. Камень, который он носит на шее, единственный может остановить всеобщее безумие. Саро по натуре был миролюбив и мягок, но сейчас он отчетливо представлял себе,

что должен делать. Он положил ладонь на грудь и почувствовал, что камень смерти запульсировал, словно отвечая ему.

— Всем чистым и честным, что есть в этом мире, я клянусь, Виралай, что остановлю его, чего бы это мне ни стоило, — произнес он, глядя в глаза волшебнику. — И ты должен помочь мне.

Глава 23 ПЛАВАНИЕ

Никогда еще на Северных островах не бывало такой чудной зимы. Рыбачьие флотилии из Песчаной отмели и Хросси вылавливали целые косяки сельди; воды вокруг Светлого острова, обычно бурные, изобилующие водоворотами и встречными течениями, были настолько тихи и прозрачны, что на мелководье можно было видеть макрель, лежащую на дне, и даже дети на убогих плотиках и лодчонках, сплетенных из ивняка и обтянутых шкурами, уходили далеко от берега и таскали из воды рыбу, визжа от восторга. Поголовье тюленей выросло, как никогда; у островов резвились стаи китов. В Акульем проливе видели стада моржей — никогда раньше они не заплывали так далеко на юг. Жирного молока было вдоволь, и дети росли упитанными; коровы телились, и овцы ягнились, несмотря на то, что сезон окота давно закончился. Севернее Волчьего мыса скалы были заняты колониями тупиков и кайр, хотя обычно в конце девятого месяца птицы улетали в более теплые места. Казалось, зимнее солнце светит дольше обычного, потому что всякий успевал сделать за день больше, чем предполагал, — люди трудились весело, с песнями и шутками.

В садах, окружающих Халбо, розы цвели так буйно, что их аромат пропитал воздух до самых доков, перебив обычную нестерпимую вонь — смесь запахов мочи, соленой воды, пота, дегтя и спермы. Яблоневые сады за западными воротами города зацвели снова и принесли еще один урожай плодов. Жители Северных островов ликовали и веселились: кладовые были полны, дети здоровы, а жена короля носила под сердцем его ребенка и вот-вот должна была родить. Невелика важность, что Южная Империя снова объявила им войну. Все знали, что у истрийцев никогда не было хороших кораблей и опытных моряков, способных провести их через Северный океан, чтобы напасть на Эйру. Все было прекрасно.

Для наемников настали трудные времена. Найти хорошую работу для целых отрядов было невозможно, поэтому они распадались, и каждый искал себе работодателя самостоятельно либо с несколькими приятелями. Но не только они оказались в такой ситуации. Халбо был переполнен вооруженными бродягами, которые перебивались случайными заработками и дрались на дуэлях вместо богачей, не умевших или боявшихся лично защищать свою честь. Но в основном они дрались друг с другом: из-за собачьих боев, карточных долгов, разлитого пива, жилья и шлюх, из-за неуместного слова, обидного замечания или взгляда, который показался недобрый. Косоглазый Чат, известный сквернослов и задира, назвал город вонючей выгребной ямой и уплыл к островам Медвежьего пролива на лодке, которую «позаимствовал» у Каттла Ярна, ранившего его в ногу за неделю до того.

Джоза Медвежью Руку, Дого и Дока, сопровождавших Эрла Бардсона, мертвецки пьяных, в компании двух полногрудых шлюх, видели направлявшимися в один из притонов в районе доков, и после этого о них не было ни слуху ни духу; Мэм и Персо остались вдвоем. Эрно наблюдал за ними, сидя в задымленном верхнем зале «Головы истрийца» — постоянного двора, чуть более приличного, чем «Вражья нога», расположенного выше на холме и дальше от пристаней, в том месте, где, по слухам, скатилась на землю голова короля Стена, когда его постигло возмездие. Уже в сотый раз он удивлялся, до чего эти двое не похожи друг на друга. Командирша наемников даже по мужским меркам обладала могучим телосложением, а Персо был хрупким и гибким, как и все жители его горной страны; она — белокура, он — темноволос; она заплетала пышные волосы во множество кос, украшая их косточками и ракушками, он — коротко стригся спереди и по бокам, а сзади носил хвост,

спускавшийся до середины спины перехваченный у основания и на конце узкими золотыми лентами. У Мэм было широкое лицо с грубыми чертами, Персо же обладал красивым точеным профилем; у нее глаза были цвета неба, у него — темные. Вдобавок ко всему он являлся самым вежливым убийцей, каких когда-либо встречал Эрно.

Персо положил ладонь на бедро Мэм, а она наклонила голову и слушала, что он говорит ей на ухо, перекрывая гул, царящий здесь. Раньше Эрно думал, что если кто-нибудь позволит себе подобную фамильярность по отношению к Мэм, то лишится если не жизни, то по крайней мере пальцев; но раньше никому и в голову не приходило сделать это. Грозная, вечно сквернословящая, скалящая острые белые зубы, вряд ли Мэм могла соблазнить хоть кого-нибудь. Однако Персо, казалось, был без ума от нее. Через пару недель после приплывтия в Халбо они сняли комнату на двоих, и с тех пор Мэм часто хохотала и улыбалась, шутила и была склонна к несерьезным выходкам, которые, как определил Дого, напоминают игру акулы, когда она готовится тебя сожрать.

Будто почувствовав его взгляд, Мэм внезапно подняла глаза. Она ослабилась и что-то сказала горцу, который откинул голову и захохотал так весело, что Эрно ощутил беспокойство и смутное раздражение: что он такого сделал, чтобы над ним смеяться? Потом командирша наемников поднялась, уперлась рукой в дубовый стол и, мощно оттолкнувшись, перепрыгнула через него. От сильного удара ног об пол доски застонали, а на столах подпрыгнули кружки с элем, забрызгав пеной сидящих. Никто не вымолвил ни слова, не выразил недовольства, хотя в воздухе появилось некоторое напряжение; только один человек, сидевший к Мэм спиной, громко выругался и повернулся, сжав кулаки, готовый к драке. Эрно видел по его лицу, что он осознал свою ошибку, и боевой запал в момент исчез. Отвернувшись, мужчина сел и принялся усердно трясти стаканчик с игральными костями, всем своим видом показывая, что для него сейчас это занятие — самое главное в мире.

— Не сидеть же здесь весь день, — весело провозгласила Мэм. — Надо дела делать.

Она подмигнула Персо, потом подняла бровь, дернула щекой. Эрно видел, как горец ответил каким-то сложным жестом, а затем, словно змея в траве, скользнул к лестнице. Вернувшись взглядом к Мэм, он обнаружил, что та уже исчезла. Его не переставала удивлять способность этой крупной женщины двигаться быстро и бесшумно — несомненно, большое преимущество для наемника и в деле, и в уходе от слежки.

Эрно направился к двери, ведущей к комнатам, пробираясь мимо столов и сидящих за ними гораздо более осмотрительно, чем Мэм. Он был не то чтобы слаб — на полголовы выше большинства мужчин в таверне, — однако наемником стал отнюдь не по велению сердца и предпочитал избегать драки, пока это возможно. Когда он наконец вошел в комнату Мэм, она обвешивалась оружием, а на лице ее читалось нетерпение. Не дав ему и слова сказать, она запустила в него валиком, служившим подушкой. Он устоял на нее, как идиот.

— Собирайся, — велела она. — У нас есть работа.

Внизу, в доках, их уже поджидали остальные члены отряда: Джоз Медвежья Рука, Персо и ещё дюжина наемников, среди них — одна женщина. Они были заняты тем, что грузили на две посудыны провизию и оружие, очень много оружия для такого небольшого отряда.

— Что происходит? — спросил он Мэм подозрительно.

— Узнаешь, когда отчалим, — ухмыльнулась она.

— Отчалим? Кто сказал, что я вообще собираюсь покидать город — пешком, верхом или на чертовой посудине?

— В Халбо ничего не случается. Здесь ты можешь только наблюдать за сборищем разодетых, тщеславных, властолюбивых лордов и искателей приключений, которые увиваются вокруг нашего дорогого и влюбленного до безумия короля и его выживших из ума советников.

Он поднял брови. Да, надо называть вещи своими именами: искатели приключений не

то же самое, что наемники и убийцы.

— Кроме того, — продолжала она, — я думаю, тебе следует побывать на Камнепаде и увидеть Катлу Арансон, а не околачиваться здесь.

Эрно смотрел на Мэм пристально, не мигая, пока не заслезились глаза. Вдруг лицо ее стало расплываться; оно сделалось смуглым и привлекательным, а вместо оскала появилась застенчивая улыбка. Взъерошенные светлые волосы превратились в тугие огненно-рыжие косы. Он почувствовал головокружение, потом его наполнила надежда, и вдруг он испугался, что она затеяла какую-то злую шутку. Наконец испуг перерос в ярость. Он закричал:

— Катла Арансон погибла в Аллфейре. Я любил ее и если бы не оставил, она сейчас была бы жива. И ты ещё можешь так насмехаться надо мной! Я всегда знал, что ты жесткая женщина, Мэм, но не думал, что жестокая!

Командирша наемников была поражена этим взрывом гнева. Эрно всегда казался спокойным, мягким, вежливым человеком, который хорошо владеет мечом, но предпочитает уклоняться от схватки, даже если его ударят. Однако сейчас лицо его стало пунцовым от ярости, глаза горели, и видно было, что он сам сейчас может ударить. Мэм отступила на шаг, следуя своему правилу — уклоняться от того, от чего можно уклониться; вряд ли ее авторитет станет больше, если один из членов отряда при всех даст ей пощечину, тем более новичок. Она вынуждена будет ответить; при том, что мастерство нанесения легких повреждений не состояло в числе ее достоинств. Если уж Мэм вступала в драку, ее противник лишался по крайней мере руки или ноги...

— Подожди! — Она подняла руку ладонью вперед, растопырив пальцы. — Кто сказал, что Катла Арансон погибла? Конечно, ей досталось, но когда я видела ее в последний раз, она чирикала, как воробышек, и вместе с нами пила «Тухлую трюмную воду» во «Вражьей ноге».

Эрно замер.

— Как? — спросил он потрясенно и, немного погодя, подозрительно: — Когда?

Мэм прикинула в уме.

— По ее словам, она приезжала в Халбо повидаться с родственниками, но я этому не очень-то поверила. Вскоре после ее отъезда пропал королевский корабельный мастер. Если для тебя это имеет значение, то прошло уже месяца два с тех пор.

Глаза Эрно стали круглыми, как у потерявшегося ребенка. Его начало трясти. Мэм подумала, что он сейчас разрыдается.

— Она жива, — выдохнул он. — Жива.

Кнут хлестнул раз, другой, и человек пронзительно закричал. Когда бич отскакивал от его спины, в воздух взлетали капельки крови и падали на доски. Галеру, принадлежавшую отцу капитана Гало Бастидо, подготовили к войне в соответствии со старыми добрыми традициями, и согласно им палубу покрасили темно-красной охрой; на ее фоне кровь не была видна, а это, как считалось, удерживает людей от паники и пораженческих мыслей. Но, по мнению Бастидо, не следовало покрывать краской всю палубу: вид крови пойдет только на пользу рабам, внушит им мысль о необходимости повиновения.

Однако, несмотря на подобные меры, двигались они не так быстро, как ему хотелось бы. Безветренная и ясная погода не благоприятствовала плаванию — больше подошел бы устойчивый южный ветер, а сейчас приходилось грести целый день и ночь, кнутом заставляя рабов продолжать работать. За все время пути они лишились только двух рабов: один каким-то образом освободился от кандалов и скользнул за борт, когда судно проходило севернее Иксы, а второго потеряли из-за какой-то болезни, проявлявшейся в неудержимой рвоте и поносе. На четвертый день, когда стало ясно, что он не оправится, его выбросили в море, чтобы других не заразил. Потеря двух рабов не радовала. Бастидо подумывал о том, чтобы зайти в Сэру и завербовать пару бродяг, но это значило потерять большую часть следующего дня, задержать плавание, потратить остатки денег, выданных лордом Форента, и в итоге

поставить под сомнение всю ту выгоду, которую он, несомненно, получит, если успешно выполнит свою миссию. Поэтому он занял командное место на носу судна, а надзор за частью галеры от кормы до середины палубы поручил Барангету, небольшому коренастому человеку с мускулистыми и волосатыми, как у гигантской обезьяны, руками и отвратительным нравом — опасное сочетание при определенных обстоятельствах. Когда он улыбался, видны были кривые желтые зубы, и весь он становился похож на злобную портовую крысу. У Барангета было несколько кнутов, изготовленных им самим, и он знал много разных приемов битья. Это был отвратительный, подлый, но очень полезный человек.

Остальные члены команды были преимущественно уроженцами Форента, нанятыми лично Руи Финко. Почти все они родились на севере Империи — крупные темноволосые мужчины, которым больше подходила роль городских стражников или телохранителей, чем моряков. Хотя погода стояла спокойная, половина из них была на несколько дней выведена из строя морской болезнью, и над ними смеялись даже рабы, пока Бастидо не дал волю Барангету. Сейчас некоторые из них сидели кружком на палубе в носовой части судна и азартно бросали красно-белые камешки, соревнуясь в популярной игре «кобылы и жеребцы»; остальные, надо полагать, развлекались с двумя шлюхами, которых тайком протащили на борт галеры. Бастидо отнесся к этому с неодобрением — не к самим шлюхам, а к нарушению дисциплины, ибо ничем иным эту инициативу назвать было нельзя. Он решил при первой возможности высадить девиц, справедливо полагая, что если потакать подчиненным, то можно довести дело до мятежа на корабле.

Теперь он знал всех их по именам: Писто Дал, самый смуглый из всех, молчаливый, со страшным шрамом на щеке, идущем от уголка губ, отчего казалось, что он всегда ухмыляется; Клермано, с седеющими коротко остриженными волосами, который отмечал каждое совершенное им убийство надрезом на предплечье; Нуно Форин и его брат Мило, проводившие, кажется, под палубой со шлюхами больше времени, чем остальные, и общавшиеся друг с другом на диалекте, непонятном для окружающих; рослый Касто Аген, внешне спокойный, победивший, как говорили, в тысяче кулачных поединков, а потом записавшийся в гвардию Форента; три корабельных надсмотрщика — Гайдо, Фалько и Брезено, которые, предположительно, знали хоть что-то о судах и плаваниях, но стали первыми жертвами морской болезни; пара меченосцев из Форента, считавшие себя элитой и державшиеся отдельно от остальных членов команды; Гасто Костан, которого бросила жена и сбежала с его братом. Он принес жалобу Сестрам, и беглецов разыскали и поджарили, что принесло Гасто огромное удовлетворение. В первый день плавания он громко хвастался: «Каждый год в этот день я жарю поросенка и вспоминаю запах, который шел от костра». Остальные члены команды при этих словах оглушительно хохотали. Гало Бастидо с некоторым удивлением заметил, что их веселье вызывает у него раздражение и, более того, желание как можно быстрее покинуть корабль.

Однако это было невозможно. Обратив взгляд к горизонту, он высматривал, не показались ли эйранские острова, но никаких признаков суши не заметил. Они взяли с собой огромный запас пресной воды, но он подходил к концу, потому что плавание продолжалось уже на восемь дней дольше, чем рассчитывал Бастидо. Легко поверить в существование бога, который властвует над этой стихией, штормами, волнами и ветрами, чье царство населено душами утонувших и сгинувших в пасти морских чудовищ. А где же богиня? Ее нет, когда она нужна больше всего. Чем здесь может помочь пламя костров, горящих в ее честь?

Бастидо содрогнулся, представив себе бездонную пучину Северного океана под его ногами, и снова взмахнул бичом.

Приятно было снова ощущать на лице свежий, резкий ветер Северного океана, чувствовать, как кровь быстрее бежит по жилам, а сердце стучит сильнее в предчувствии грядущих событий. С точки зрения Эрно Хамсона, его товарищи слишком затягивали с отплытием. Он громко выражал неодобрение, когда кто-нибудь ронял мешок с зерном, пытаясь перебросить его через борт, хватался за голову, видя, как вместе с золотистым

ячменем из мешка выпадают ножи, и выпрыгивал из лодки, чтобы помочь собрать этот запрещенный груз.

— Не суетись! — Дого широко ухмылялся. — Ветру не прикажешь, — глубокомысленно изрек он. Эрно не слышал этой поговорки, хотя был уверен, что его бабушка знает все пословицы и поговорки на свете; на самом же деле половину их она придумала сама. — Не бойся, она никуда не денется.

Эрно пристально посмотрел на толстяка.

— Что тебе об этом известно? — угрюмо спросил он.

Дого потербил кончик носа.

— Если я чего-то не знаю о женщинах, то наверняка этого и не стоит знать, — скромно заявил он. — Во всяком случае, кому еще нужна девчонка, тощая как палка, с волосами как щетка и нравом загнанного в угол крота? — И он увернулся от кулака Эрно — с ловкостью, неожиданной для человека подобного телосложения.

— Откуда вы знаете? — жалобно спросил Эрно у Мэм в тот вечер, когда берег скрылся за горизонтом, а в ясном зимнем небе ярко зажглась Звезда Мореплавателя, зовущая их на север.

Мэм захохотала.

— Джоз видел тебя с нею в Аллфейре, — наконец объяснила она. — Видел, как ты смотришь на нее, как вы целовались. Он ловкий малый, этот Джоз.

Эрно понял, что краснеет. В груди родилось острое щемящее чувство, которое заставило уши запылать, словно огни маяка. Смущение, вызванное мыслью, что за ним подглядывали, смешалось с воспоминанием о том чувстве, которое толкнуло их с Катлой в объятия друг друга.

— Это не так, — пытался протестовать он. — Я... она... это еще ничего не значит.

Мэм положила ладонь на его руку.

— Катла Арансон — замечательная девушка, но она не умеет прощать. Когда встретишься с ней, постарайся показать, что ты сильный. Мягкого мужчину она не примет. — И Мэм грубо расхохоталась, оставив его гадать, что она имела в виду.

Позже ночью он лежал, завернувшись от холода в овечью шкуру, и слушал, как наемники приглушенно говорят на своем странном жаргоне, непонятном для непосвященных. Он достаточно хорошо знал его, чтобы вникнуть в суть разговора, хотя мелкие детали не улавливал. Эрно понял, что наемники умудрились получить деньги на это плавание — то есть на корабль, жалованье для команды, оружие и припасы — из двух независимых источников, а именно от лорда Стормвей и Эрла Бардсона, у которых для этого были совершенно разные причины. Бардсон ошибочно полагал, что они собираются к Светлым островам и Волчьему мысу, чтобы собрать там недовольных и вооружить теми ножами, что спрятаны в мешках с зерном. Мятежники должны были погрузиться на корабль, приплыть к Халбо и проникнуть в город через северные ворота в одну из безлунных ночей. Эрно ухмыльнулся, представив себе, как Бардсон темной ночью напрасно ждет сигнала, лелея мечты о собственном королевстве. Скорее всего он совершит какую-нибудь глупость, будет схвачен и предан суду как изменник.

Лорд Стормвей, похоже, мог рассчитывать на возвращение своих денег, потому что его планы в значительной мере совпадали с намерениями наемников, по крайней мере с замыслом Мэм поженить Эрно и Катлу Арансон и получить полный мешок кантари. Дело он поручил им такое: вернуть корабельного мастера Мортена Дансона, которого люди Камнепада увели у короля из-под самого носа. Если Аран Арансон, почти не знакомый с большим миром, не озабочен войной, которую объявила Истрия, то Стормвей, повидавший свет и хорошо знающий его, решил, похоже, взять дело в свои руки. Старик уже занялся укреплением северного флота. Если Дансон построит новые корабли, они смогут не только отразить нападение, но и принести огонь и меч в самое сердце Истрийской Империи.

Была какая-то ирония в том, что планы наемников совпадали с интересами Эйры, потому что, с точки зрения тех, кто отстаивает интересы государства, наемники являются

беспринципными вероломными головорезами, чуждыми всякого патриотизма. Но Эрно, как ни странно, чувствовал себя в их компании очень уютно: они не требовали от него невозможного или отягощающего совесть, и за все время пребывания среди них вопреки ожиданиям он не стал свидетелем каких-либо гнусных или кровавых сцен. Конечно, полученное ими на этот раз задание и не предполагало особых ужасов и кровопролития, но все же он не мог не признаться себе, что эти люди ему нравятся.

Это для Мэм острозубой,
Самой яростной из бойцов,
Самой ужасной для врагов;
Мне повезло стать ее другом.
Ибо сердце ее защищено шипами.

Это для Джоза Медвежьей Руки,
Грозного в битве, словно дракон,
Храбрейшего из воинов,
Справедливейшего из людей,
Любителя сказок и преданий.

С Доком дело оказалось потруднее, потому что Эрно провел в его компании не так много времени, но тем не менее понял, что тот обладает противоречивыми качествами: с одной стороны, суровость и неприветливость, с другой — неумная болтливость, когда Док напивался и готов был поделиться любыми сведениями.

Эрно долго не мог подобрать подходящих слов, но в конце концов сочинил:

Это для Дока, высокого, стройного,
Кладезя знаний, обладателя
Недюжинного ума,
Добрейшего из людей,
Грамотея, владеющего мечом,
Умеющего наносить быстрые удары.

Это для Дого, недоумка и шута,
Опасного с кинжалом,
Болвана, играющего со смертью,
Пьяницы, готового покусать собутыльника,
Веселого дарителя смеха.

На этом он остановился, потому что почувствовал на себе взгляд, похожий на прикосновение, и поднял глаза. Персо пристально смотрел на него, склонив голову набок, словно птица, вылетевшая на охоту и заметившая мышь. Горец прищурил один глаз и поднес к губам тростниковую дудочку. Со скрещенными ногами, озаренный отсветами костра, горевшего в железной бочке, он выглядел в точности как козлоногий человек, изображенный в пергаментной книге, которую Эрно купил у торговца на рынке в Хросси; книга называлась «Песнь о пламени» и содержала древние сказки и предания народов Юга.

Пальцы Эрно снова заработали.

Персо, наемный убийца.
Татуированный человек-эльдианни,
Загадка, рожденная Эльдой,
Появившийся на свет взрослым,
Сидит, как Пан, играющий на свирели,

Защитник, хищник,
Предсказатель и жрец.

Эрно взглянул на нить и нахмурился. Он не знал, почему сплел эти последние узелки; казалось, пальцы завязали их по собственной воле. Эрно быстро смотал нитку и спрятал в тюрк, потом опустил на него голову, словно хотел скрыть это знание, внезапно пришедшее к нему.

В эту ночь он долго не мог заснуть, а когда задремал, то увидел Катлу Арансон, хотя перед тем убеждал себя, что не хочет этого.

Глава 24 ПРИЗРАКИ

Они сумели вправить Полу Гарсону руку, но парень при этом так кричал, что с мачты взлетели альбатросы; потом обложили сломанное предплечье дощечками и забинтовали, и Пол потерял сознание.

— Пользы тебе от него больше не будет, — спокойно заметил Урс Одно Ухо, вытирая потные ладони о кожаные штаны.

Аран Арансон рассеянно кивнул. Во время шторма они потеряли пять человек — Хаки Ульфсона, Марита Феннсона, светловолосого моряка, имени которого он так и не вспомнил, и двоих молодых братьев с южного побережья Камнепада, Вигли и Ярна Форсонов. Он не знал, что скажет их матери, когда — и если — они вернутся. Море всегда забирало мужчин, но потерять двух сыновей сразу — это слишком. Он смотрел, как остальные члены команды озабоченно снуют по кораблю, поправляют снасти, закрепляют парус, вычерпывают воду из трюма, и перебирал в уме тех, кто уцелел. Тор Болсон и Фолл Рансон на носу судна; Эммер Бретисон, Гар Фелинсон и Флинт Хакасон поднимают мокрый парус, чтобы он просох на легком ветру, который подарил им наступивший день; люди с Черного острова встали цепью и передают ведра с водой с середины судна на корму; Эрл Фостисон и еще двое молодцов с Камнепада заняты снастями. Он смотрел, как Маг Шейктан и паренье восточного побережья проводят осмотр кухонной утвари и провизии, проверяя, что уцелело, а что смыло за борт, и в памяти его снова вспыхнула картина, которую он видел в разгар шторма: Хаки, размахивая руками, исчезает посреди волн. Это была потеря для всей команды, потому что Хаки, выходец с Западных островов, знал об арктических плаваниях больше, чем все остальные, вместе взятые; Аран рассчитывал на его умение пробиваться сквозь льды и на то, что он проведет корабль по коварным водам, окружавшим Святилище. Теперь, когда Хаки не стало, их жизнь целиком и полностью зависела от решений, принимаемых Араном, и от сведений, которые можно было почерпнуть из карты.

Он быстро прикоснулся к тому месту на груди, где в кожаном мешочке хранился пергамент, хотя чувствовал, что карта никуда не делась. Пальцы его затрепетали и стали горячими, когда легли на нее; тепло заструилось по руке, достигло шеи и распространилось по всему телу, расслабляя напряженные мускулы и согревая их, как ласковое солнце, нечаянно выглянувшее холодным зимним днем. Ощувив необычайный подъем духа, Аран внимательно осмотрел горизонт, выискивая признаки суши; внезапно к нему пришло чувство, что мир готов раскрыть ему какую-то тайну. На севере и востоке облака были пятнистыми и напоминали разбитое яйцо: местами они светились насыщенным желтым цветом, кое-где проглядывали ярко-красные с оттенком оранжевого участки. Не такое небо надеется увидеть моряк, переживший шторм; ему нужна ясная погода и крепкий ветер. Но это небо сулило новые испытания. Арану казалось, что он смотрит в налитые кровью глаза бешеного быка. Он перевел взгляд на корабль; вдруг пришла тревожная мысль: где Фент? Ужаснувшись, он понял, что в последний раз видел сына еще до начала шторма и не заметил, чтобы тот привязывался.

Он ещё раз пристально осмотрел всю «Длинную Змею». Фента нигде не было. Его

последний остававшийся в живых сын исчез. Стиснув зубы, чтобы не закричать, поддавшись нарастающей тревоге, он зашагал на корму, внимательно смотря по сторонам. Люди, встречавшиеся с его взглядом, быстро отводили глаза и работали ещё усерднее, потому что угрюмое лицо Арана наводило на воспоминание о троллях и лесных эльфах, про которых в детстве рассказывала бабушка.

На полпути его остановил Маг Шейктан; может, он был отважнее остальных или глупее, но, поймав Арана за руку, кок сообщил:

— Мы потеряли часть пресной воды.

Аран остановился, будто наткнувшись на стену; перед глазами снова пронеслись сцены ночного кошмара.

— Два бочонка из четырех. — Лицо Мага исказила гримаса. — Они были надежно закреплены, но веревки лопнули, и их смыло. — Он показал лохматые обрывки, чтобы капитан убедился в истинности его слов. Аран посмотрел на них и глубоко вздохнул. Кок сжался, ожидая нагоняя, но капитан прошел мимо него, ограничившись уничижительным взглядом.

Из-за спины Мага выглянул помогавший ему парень.

— Думаешь, он тебя слышал? — спросил он озабоченно. Это было его первое плавание, и он считал, что виноват. Но кто мог знать, что веревки не выдержат?

Маг Шейктан пожал плечами:

— Если он не прикажет Урсу повернуть корабль к ближайшему острову, значит, не слышал.

Но хозяин Камнепада и не думал говорить с великаном. Он занял свое место на рулевом мостике на корме и замер там, вглядываясь в горизонт.

— Клянусь яйцами Сура! — выругался Маг. Он стиснул зубы, словно готовясь принять удар, и двинулся к капитану.

В разгар шторма в темноте он сильно ударился головой о сиденье перевернутой лодки и услышал голос, зовущий его из беснующейся пучины: «Смерть идет, но не за тобой. Я иду к тебе, и ты иди ко мне. Все будет хорошо, все будет очень хорошо». Голос начинал звучать снова и снова. Он не хотел слышать его и думал, что сходит с ума или уже свихнулся. «Безумец, гигант и дурак. Приведи их ко мне, приведи». Этот последний призыв раздавался опять и опять, совпадая с ударами волн, которые обрушивались на днище лодки и отдавались громовым эхом внутри черепа; он потерял ощущение реальности, забыл, где он и что происходит, и понимал только то, что все его тело — руки, ноги, спина — избито и искалечено непрерывными жестокими ударами о что-то твердое.

Когда неожиданно на него упал яркий свет, он почувствовал острую боль в голове, крепко зажмурил глаза и закричал...

— Бормочет что-то о смерти, безумии и дураках, — докладывал вечером Маг морякам, собравшимся на ужин. — Не спрашивайте почему. Он сильно ударился головой, вот все, что я знаю: над глазом шишка размером с гусиное яйцо.

— Поделом ему, — проворчал Тор Болсон. — Это ж надо — отлынивать от работы! Додумался спрятаться под лодку, когда каждая пара рук на счету. Что тут скажешь — капитанский сынок. Слабак.

— Мне кажется, это мы дураки, что не выбросили его за борт, пока была возможность, — заметил Эрл, зализывая то место на руке, куда укусил его Фент. — Мы же нашли его раньше, чем заметил капитан.

— Это точно, он хитрый проныра, — согласился Флинт. — А теперь еще злобный, как ядовитая змея, и свихнувшийся.

— Говори тише, — обеспокоено попросил Эммер, оглянувшись на корму, где Аран, опустившись на колени, склонился над сыном. — Говорят, члены клана Камнепада обладают странными способностями.

Флинт Хакасон фыркнул:

— Не говори ерунды.

Но Эрл поддержал Эммера:

— Катлу Арансон поджарили в Аллфейре, ее рука сморщилась и почернела, а потом внезапно исцелилась. Ты же не скажешь, что это — обычное дело.

— Это благодаря сейде, — глубокомысленно изрек Тор. Эрл Фостисон осенил себя знаком Сура.

— Да хранят нас небеса, — пробормотал он суеверно. — В хорошие времена сейды не появляются. Уверен, она обмывала кровью киль «Длинной Змеи», как это делал Ашар Стенсон с «Северным Троллем».

— Хорошо, если так, потому что «Троль» вернулся из всех своих плаваний невредимым, — весело произнес Флинт.

— Чепуха, — возразил один из уроженцев Камнепада, — сейда исчезла задолго до того, как начали строить корабль.

— Ах да, — поморщился Эрл. — Хотелось бы мне знать, куда она направилась.

Если кто-нибудь и рассчитывал, что капитан изменит курс, чтобы пополнить запасы литьевой воды, то его ждало разочарование. Поглощенный преследованием своей вожаемой цели, как собака, мечтающая о кости, он просто сократил выдачу воды до одной кружки в день.

— Будешь пить собственную мочу, если вода кончится, — прорычал он Флинту Хакасону, когда тот попытался оспорить правильность этого решения. — Или прыгай за борт, лови кита и плыви на нем домой.

Эммер поднял Флинта на смех, а сам высматривал кусочки льда, проплывающие за бортом, и жадно выхватывал их из воды.

Заканчивалась не только вода. В лодке, унесенной за борт, хранились две говяжьи туши, весь сыр и бочонок с сухарями. Маг Шейктан подсчитал, что если они будут расходовать продукты экономно, то при попутном ветре им хватит пищи, чтобы добраться до цели путешествия; но на обратную дорогу провизии не было — если в Святилище не найдется ничего, кроме золота. Соображения свои он решил не оглашать, так как был уверен, что капитан не похвалит его за это, но начал сокращать расход продуктов, пока команда не стала жаловаться, что он кормит их какой-то размазней.

Три дня держался крепкий попутный ветер, будто сам Сур показывал, что одобряет безрассудное поведение хозяина Камнепада. Люди расслабились, потому что море было тихим и спокойным, а сквозь облака то и дело пробивались лучи солнца, и воздух прогревался гораздо сильнее, чем можно было ожидать. Почти вся поверхность океана была затянута, как покрывалом, тонким льдом, похожим на кружево; «Длинная Змея» рассекала его, словно ряску на пруду. Они проплыли мимо туши мертвого кита; крапчатая шкура по окрасу напоминала серый мрамор, морда животного торчала из воды. Люди касались своих талисманов, осеняя себя оберегающими знаками; все знали, что подобная встреча — плохая примета. Пошли тревожные разговоры, послышался ропот, начали поднимать голову недовольные, но ни у кого не хватило духу организовать бунт. На четвертый день они попали в туман — такой плотный, что трудно было сказать, день стоит или ночь.

Определить курс судна стало невозможно — не видно было ни солнца, ни звезд, ни луны, не говоря уже о земле или других приметах, по которым ориентируются мореходы.

— Если повезет, — сказал Фолл Рансон напарнику по веслу, — в конце концов повернем назад, к Камнепаду.

Прошло еще три дня, но туман не рассеялся, и Аран, смягчившись, разрешил команде отдохнуть. Люди завернулись в овчины, тюленьи шкуры, попадали на палубу и заснули. Казалось, весь корабль усеян гигантскими куколками насекомых. Несколько парней помоложе играли в бабки; моряки постарше занялись резьбой по кости и выстругиванием из дерева, чтобы, когда вернутся домой, подарить безделушки детям и жене. Когда вернутся...

Если они вообще увидят когда-нибудь своих близких.

Только Урс, единственный из всей команды, не покинул своего места у руля, застыв там, как изваяние.

В эти тихие дни начал приходить в себя Фент, до этого метавшийся в лихорадке и бреду. В какой-то момент его затуманенные, потемневшие глаза пришли в нормальное состояние, вновь стали светло-голубыми, цвета отточенного клинка. Он сел на постели. Улыбнулся, и сквозь рыжую бороду блеснули крепкие белые зубы.

— Они идут, — произнес он.

Но когда отец спросил, о чем он говорит, Фент не смог объяснить.

Немного позже, когда Аран отошел от постели сына, он почувствовал, как что-то коснулось его запястья. Не обратив особого внимания, он встряхнул рукой, и ощущение исчезло. Немного погодя он услышал слабое жужжание. Потом что-то вновь коснулось руки, и он почувствовал легкую щекодку.

На тыльной стороне его кисти, потирая передние лапки, сидела большая черная муха. Аран поморгал и уставился на нее, а муха и не думала улетать. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что означает ее появление, а затем, потрясенный и взволнованный, он оторвал глаза от насекомого и посмотрел вокруг. Земля! Где-то недалеко земля. Муха тяжело поднялась и полетела — в холодном воздухе ее крылья работали медленно.

— Что? — резко спросил Урс. — Что такое?

— Мясная муха, — изумленно произнес Аран. — На мне сидела мясная муха.

— Не может быть. — Великан недоверчиво покачал головой. — Откуда здесь взяться мухам? Слишком холодно, слишком далеко.

Однако теперь уже все слышали этот звук — глухое жужжание, отдающееся в ушах, резонирующее в черепе. А потом туман начал рассеиваться.

Люди замерли на своих местах. Кости со стуком упали на доски, но никто даже не посмотрел, как они легли; ножи замерли над китовой костью и бивнями моржей, иглы остались воткнутыми в кожу и шерсть. Открыв рты от потрясения, люди смотрели, как из тумана выплывает корабль.

Безмолвный и зловещий, он появился, как призрак; старое дерево покрывал снег и наледи, а мачта обросла толстым слоем инея. Непонятно было, как он движется, потому что на веслах не сидели гребцы, а от паруса остались только изорванные лоскуты. Судно двигалось прямо на них, и они хорошо видели украшавшую нос резную голову дракона с раскрытой пастью, но никто не окликнул их оттуда, только жужжание все усиливалось и, казалось, парализовало волю людей. Когда до корабля-призрака оставалось несколько футов, Аран встряхнулся, словно сбросив с себя чары.

— Берегись! Отталкивайте его! — закричал он, берясь за весло. Урс Одно Ухо немедленно последовал его примеру, за ним и остальные моряки схватили весла.

Дерево застучало о дерево, закрипело — команда «Длинной Змеи» сдерживала веслами громаду мертвого судна, напиравшего на них. Наконец оно остановилось, и покрытые ледяной пленкой волны Северного океана принялись мягко биться о его корпус. Люди замерли, взяв весла наперевес, как оружие; они ожидали появления угрозы, но в какой форме она себя явит, никто не знал. Каждый слышал множество историй о кораблях-призраках; их рассказывали бывалые моряки в портовых тавернах и подозрительные личности с темным прошлым, покрытые шрамами, барды и сказители, странствующие от острова к острову в поисках легенд и преданий, сложенных десятками поколений людей, ходивших в море. Многие думали, что это просто страшные сказки, и нужны они только для того, чтобы, напугав до смерти, отбить у зеленых юнцов тягу к поискам приключений на просторах океана. Корабли, которыми управляют мертвецы, жадные до плоти и душ живых людей, — огромные, черные, исполненные злой воли, одержимые темными духами, неуклюже передвигающиеся по палубе своих гниющих посудин, или же скелеты, гремящие костями... Корабли, брошенные командами по неизвестным причинам; такелаж в порядке,

парус наполнен ветром, на палубе — бочонки с пивом...

— Удерживайте его!

Аран Арансон был храбрым человеком — этого никто не стал бы оспаривать, — храбрым и, возможно, безрассудным, и при этом хорошим капитаном, который вел людей собственным примером, а не посылал других исполнять то, чего либо боялся, либо не желал делать сам. Одним мощным прыжком он перелетел на палубу судна, которое носило имя «Белая Бестия» и, как он внезапно и с ужасом понял, было построено на той верфи, куда он посылал старшего сына за людьми и материалами для строительства «Длинной Змеи»; этот корабль создавался по тем же чертежам и с той же целью, что и его судно, и обладал прекрасным ледоломом, разработанным Мортеном Дансоном.

Широко расставив ноги, он стоял на палубе, стараясь заглушить страх, который, как голодный волк, просыпался в его груди. Жужжание было здесь повсюду и словно волной окатывало Арана с ног до головы. Оно мешало думать, не давало сосредоточиться, вызывало острое желание покинуть это жуткое судно, вынырнувшее из тумана. Но Аран знал, что не имеет права уйти, не раскрыв тайны призрака. Не мог хотя бы из-за своего собственного, может быть, нездорового любопытства, не говоря уже о долге капитана перед командой, которая надеется и ждет, что он даст ответы на их вопросы, а еще — о долге перед родными и близкими тех моряков, которые плавали на этом корабле. Он обязан выяснить все и, если вернется, принести им печальное известие о судьбе их отцов и сыновей.

Но увиденное смутило и озадачило его. Все здесь было покрыто шевелящимся черным одеялом. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что это за одеяло; он почувствовал тошноту и забегал по палубе, размахивая руками и крича что было сил. Жирные мясные мухи неохотно поднимались и зависли в воздухе черным облаком, готовые опуститься снова, как только источник беспокойства исчезнет. Но Аран уже увидел ужасную картину, ранее скрытую насекомыми, и теперь не мог позволить мухам вернуться к пиршеству. Повсюду лежали останки членов команды «Белой бестии». Он увидел, что в момент смерти люди хватались за голову руками либо лежали, свернувшись, как дети в постели, увидевшие страшный сон. Из-под перевернутой лодки на корме торчали ноги — похоже, люди пытались спрятаться там. Мухи вылетали из бочек, ящиков, поднимались с костяков тюленей, овец, со скелетов рыб. Они сидели и ползали на выступающих надбровных дугах бычьего черепа, чистили лапки. В глазных и носовых впадинах черепа, между острыми зубами и ребрами — всюду шевелились личинки. Аран заметил небольшой скелет с тонкими костями и догадался, что это останки кошки. Теперь он понял, чей это корабль. Он знал только одного человека, никогда не отправлявшегося в плавание без кошки — крупной рыжей зверюги с кривыми зубами, которая доверяла только своему хозяину.

Преодолев первую волну ужаса и сдерживая рвоту, он двинулся по палубе, высматривая останки капитана. Но разве можно было опознать кого-либо среди белеющих костей и желтых сухожилий? Жалкие останки людей, которых коснулась рука смерти, почти не отличались друг от друга. Склоняясь над ними, Аран с удивлением отметил, что запах разложения совсем не такой сильный, как он ожидал; возможно, это было связано с мясными мухами — они подчистую съедали мертвечину, оставляя только кости, самые жесткие сухожилия и волосы. Скорее всего скелет со светлыми косами на черепе, лежавший у руля на корме, — все, что осталось от Фенила Соронсона; очевидно, он до последнего пытался спасти команду от какой-то смертельной угрозы. Светлые косы и приметное ожерелье из сардониксов; он купил его на последней ярмарке в Аллфейре и носил на имперский манер, на шее, вызывая насмешки приятелей, которые говорили, что он купил украшение с камнями, которые сам же и привез на Лунную равнину годом раньше, и заплатил в сто раз больше их стоимости за то, что сардониксы отшлифовали и нанизали на кожаный шнурок, изготовив дорогую истрийскую безделушку.

Трясущимися руками Аран расстегнул замок ожерелья и положил его в поясной кошель.

Труднее было опознать Холл и Гарсона, потому что коротышка был почти лысым, но

наконец Аран нашел скелет, в руке которого был зажат клинок, сработанный, без сомнения, Катлой. Он вспомнил, как Хопли покупал его на рынке в Форси три года назад; это была одна из первых продаж Катлы, и она отчаянно торговалась с ним, рассказывая, как долго она работала, инкрустируя рукоять камнями. Это было прекрасное изделие. Сердце Арана сжалось, когда он увидел его, и на мгновение мысли его унеслись от этого жуткого корабля домой, на Камнепад, к дочери и отдалившейся от него жене; увидит ли он их когда-нибудь или ему суждено сгинуть здесь, в молчаливом студеном океане, и его кости, как и останки этих людей, будут белеть в лунном свете, а пустые глазницы — вечно смотреть в туман? Содрогнувшись, он отбросил эти страшные мысли и занялся делом: расцепил костяшки пальцев и вытащил из них клинок; кисть скелета при этом рассыпалась, и кости негромко застучали подоскам палубы. Аран засунул кинжал за пояс и продолжал обход мертвого судна.

Он не знал, сколько провел здесь времени. Один раз его окликнули с «Длинной Змеи», спрашивая, не нужна ли помощь, но он не обратил на это внимания и продолжал медленно идти по палубе, распугивая мух, перешагивая через груды костей и тряпья, подмечая положение тел, весел и состояние оснастки судна. Особое внимание он обратил на позы, в которых лежали мертвые моряки на середине палубы; он перевернул несколько костей ногой, с отвращением заметил на сапоге личинки мух и соскреб их кинжалом, потом вытер клинок о планшир и пошел дальше.

Наконец он вернулся на правый борт. Команда «Длинной Змеи» ждала его, собравшись на одной стороне, так что судно заметно накренилось. Глаза у людей были круглыми от предчувствия дурных вестей. Никто не хотел спрашивать первым. Решился Пол Гарсон. Он прижимал искалеченную руку к груди и думал, что капитан вправлял ему вывих, а значит, между ними теперь более крепкая связь, как между воинами, которые в схватке прикрывали спины друг друга. Набравшись духу, он нарушил напряженное молчание.

— Что там, капитан? — спросил он негромко.

— Все мертвы, — глухо ответил Аран. — Все до последнего человека.

Теперь заговорили все разом, и вопросы посыпались как град.

— Неужто никто не уцелел? — спросил кто-то. — Чей это корабль?

— Что с ними случилось? — Голос Урса Одно Ухо перекрыл все прочие выкрики. Урс видел, что паруса на корабле нет, оснастка истрепана, а сквозь туман на палубе белеет что-то зловещее.

Мухи снова садились на останки. Аран схватил весло и несколько раз крутанул им в воздухе, разгоняя насекомых. Урс поежился.

— Здесь дело нечисто, — объявил он, выразив то, о чем думали все. — Такое множество мух в таком месте. По всему, они не должны были выжить в этих северных краях.

— Погода необычно теплая, — сухо заметил Аран, хотя и сам знал, что это звучит неубедительно. Было во всем, что он видел, нечто сверхъестественное, нечто такое, отчего волосы могли встать дыбом. Древние предания о некромантах, сейдах и магии крови всплывали у него в голове, когда он шагал по палубе проклятого корабля. Но он не собирался говорить об этом своим людям: моряки суевернее, чем старухи. Взгляд его остановился на Таре Фелинсоне. — Мне жаль, парень, — произнес он, глядя ему в глаза, — но это корабль твоего дяди, и его нет больше с нами. — Он возвысил голос, чтобы все могли слышать: — Это корабль Фенила Соронсона и Хопли Гарсона, — объявил он и сделал паузу, чтобы люди справились с потрясением. — Это «Белая Бестия», которую построил для них Мортен Дансон.

Людам его слова не понравились, ведь они стояли на палубе судна, которое приходилось близнецом кораблю-призраку — с такими же изящными обводами и мощным ледоломом; если одного из них постигла столь страшная участь, то не суждена ли та же судьба и другому?

Не обращая внимания на поднявшийся ропот, Аран продолжал:

— Вероятно, они очень спешили, готовясь к плаванию, и не уделили должного

внимания качеству провизии. Кто-то продал им испорченное мясо. Мухи, которых вы видите, попали в тела людей в виде яиц, развились в личинок и пожрали все, что им попало, — провиант, такелаж и парус, пропитанный жиром; судя по состоянию корабля, парус они съели еще до того, как мы попали в шторм, а может быть, они были совсем в другом месте, когда разразилась буря. — Слушая его, люди касались своих амулетов и шептали молитвы. Аран Арансон вытянул руку, указывая на разбросанные останки. — Если у кого-нибудь из вас хватит смелости перебраться на этот мертвый корабль, то вы увидите, что на них нет башмаков и сапог. Какой эйранец добровольно расстанется со своей обувью? Я не слыхивал о таком ветре, чтобы с людей срывало сапоги. Их съели личинки, съели прямо на ногах у людей. Корабль кишит ими.

Урс стоял, вытаращив глаза от потрясения.

— Но как это могло случиться? Как они допустили такую оплошность?

Аран пожал плечами.

— Наверное, они очень ослабли, потому что ели испорченное мясо. Кажется, многие умерли прямо во сне, а остальные — на веслах; похоже, они пытались грести, чтобы уйти от судьбы, но сил не было. Им не повезло: личинок становилось все больше, а когда из них появились мухи, они пожрали все, что еще оставалось.

Он представил себе, как должна была выглядеть «Белая Бестия»: палуба покрыта шевелящимся желто-белым ковром личинок, сжирающих все на своем пути. Истощенные болезнью, отчаявшиеся люди сходили с ума и умирали один за другим; все они были беспомощны перед лицом смерти. Мертвая плоть также шла в пищу личинкам. Аран Арансон содрогнулся. Оставалось только надеяться, что вся команда Фенила Соронсона была уже мертва, когда эти твари устроили последний пир.

В кошеле у Арана лежало ожерелье Фенила, за поясом был кинжал Хопли Гарсона; в последний раз окинув взглядом корабль смерти, он перепрыгнул на борт «Длинной Змеи».

— Ты и ты! — Он ткнул пальцем в Фолла Рансона и еще одного парня с северного побережья Камнепада. — Сделайте факелы из старого тряпья и пропитайте их китовым жиром. Мы сожжем это судно. И побыстрей, надо спешить!

Они бросились выполнять поручение; к ним присоединились Тор Болсон и Эрл Фостисон. Людям надоело чувство напряжения и страха, и они рады были сделать что-нибудь полезное.

Теперь мухи стали перелетать на «Длинную Змею». Моряки с руганью принялись разгонять их, размахивая руками; они топтали их ногами, с отвращением думая о том, что эти твари питались человечиною и, может быть, сожрали кого-то из их знакомых. И все-таки с трудом верилось, что обыкновенные личинки и мухи сумели захватить корабль и погубить команду, набранную из сильных и здоровых мужчин, превратить гордое, могучее судно в плавучий гроб, отданный на волю волн и блуждающий в тумане. Не иначе как боги отвернулись от моряков и не захотели помочь им.

Аран зажег факелы от жаровни.

— Отталкивайте его! — крикнул он, и моряки, упершись в борт «Белой Бестии» веслами, налегли на них изо всех сил.

Когда судно тронулось с места и начало удаляться, Аран, размахнувшись обеими руками, бросил на его палубу два факела, и они полетели, переворачиваясь в воздухе и разбрасывая капли горящего жира. С громким стуком факелы упали на корабль, и Аран сразу же бросил еще пару — для верности. Несколько мгновений ничего не происходило — вероятно, огонь не мог найти себе пищи. Команда «Длинной Змеи» смотрела затаив дыхание. Вдруг над бортом корабля-призрака выросли языки пламени, огонь побежал вверх по мачте, и вскоре уже горело все судно. Люди сели на весла и принялись грести, но еще долго сквозь пелену тумана было видно зарево от пылающего корабля; потом оно растворилось во мгле, окончательно поглотившей «Белую Бестию» и ее команду.

СРЕДИ КОЧЕВНИКОВ

Уже три дня они шли вслед за большой кошкой сквозь колючие кустарники, по каменистым тропам и руслам пересохших ручьев, огибали сосновые боры и оливковые рощи, обходя стороной деревни, обнесенные обветшалыми заборами, полужасыпанными песком и увитыми ползучими растениями. По ночам с холмов далеко разливался резкий аромат смолы; днем горячий воздух был наполнен пылью и запахом едкого пота Ночного Предвестника, который понуро брел за людьми с поклажей на спине. С величайшей осмотрительностью они пробирались по узким горным карнизам, усеянными галькой, с одной стороны которых высилась каменная стена, а с другой зияла пропасть, и от каждого неосторожного шага камни скатывались с места и исчезали в пустоте. Они карабкались через огромные валуны, преграждавшие путь, шли по каменистым россыпям; там, где встречались болота и пруды, им досаждали комары, а в прочих местах кусали мухи. Солнце обожгло их лица и шеи, колючки и шипы изранили руки, а песок, попадавший в башмаки, стер ноги до волдырей. Все это время большая кошка равнодушно шла впереди, грациозно и легко ступая мягкими лапами; время от времени она отклонялась в сторону, чтобы обнюхать корни дерева или какую-нибудь нору, а потом, словно убедившись в правильности выбранного направления, продолжала путь.

Саро несколько раз пытался разговорить своего спутника, но тот казался ушедшим в себя и был чем-то сильно расстроен. Потом они набрали на какую-то пичугу, лежавшую на земле с искалеченным крылом — может, это была работа Бете или другого хищника. Здесь Виралай впервые дал волю чувствам; он остановился и встал на колени возле птицы, и на лице его читалось сострадание.

— Мы должны избавить ее от мучений, — тихо произнес Саро.

Виралай поднял лицо. На нем отражалась сильная боль, точно он чувствовал страдания маленького существа. Саро протянул ему камень, но волшебник, отшатнувшись, не взял его, поэтому Саро, стиснув зубы, сделал дело сам. Когда Виралай поднимался с колен, Саро заметил, что глаза его блестят — они были полны слез.

— Так лучше, — мягко сказал он. — Нельзя было просто оставить ее здесь; это слишком жестоко.

Чародей повесил голову.

— Я знаю, ты прав, но сам я не смог бы этого сделать. Я пережил столько боли, что не могу причинять ее другим существам, даже если им от этого будет легче. — Он помолчал, словно вспоминая, а потом сказал: — Всякое существо имеет право на жизнь, независимо оттого, как оно пришло в мир.

Саро не знал, что ответить. Конечно, он был согласен с этим и, как ни странно, начинал чувствовать симпатию к своему странному спутнику. Это его немного беспокоило.

— А как ты пришел в мир? — спросил он наконец.

— Я не помню.

— И я тоже! — Саро захохотал.

Виралай заметно оживился.

— Правда не помнишь?

— Сильно сомневаюсь, чтобы многие помнили об этом событии.

Виралай какое-то время размышлял над этими словами. Потом заговорил:

— Мастер рассказывал, что нашел меня младенцем в Южных горах; меня бросили на каменистом уступе на произвол судьбы — как духи пожелают. Он случайно заметил меня и забрал к себе, чтобы вырастить как собственного сына. — Он не знал, правда это или вымысел, не ведал, почему Мастер оказался в том месте и в то время, потому что Рахе не любил говорить об этом подробно и, как правило, уклонялся от его вопросов. «Я шел на север», — только и отвечал он, и всегда менял тему разговора, если ученик интересовался, откуда он начал свое путешествие.

— Это было жестоко.

Виралай кивнул.

— Я тоже так часто думал, особенно когда он плохо обращался со мной. Лучше бы он оставил меня на съедение волкам и орлам.

Саро был потрясен.

— Нет, нет! — вскричал он. — Ты неправильно меня понял, я говорил о жестокости горцев, бросивших тебя!

— Ах вот ты о чем, — ответил Виралай. — Я слышал, у них есть поверье, что альбиносы приносят несчастье. — Он смахнул пыль с колен и с каким-то жалким, растерянным видом посмотрел по сторонам. — Это точно, много радости людям я не принес.

— Ты веришь в удачу?

— Мастер всегда говорил, что удача зависит от самого человека. Он творит ее своими руками, но я, как видно, творец никудышный.

Из-за деревьев вышла кошка Бете. Казалось, она недовольна ими — Бете смотрела на Саро и Виралаю как на непослушных детенышей. Она переводила взгляд с одного на другого, будто пытаясь понять, что между ними произошло; потом посмотрела на птаху и втянула носом воздух, чтобы определить, когда та умерла. Потом быстрым ударом лапы подбросила тельце в воздух и поймала пастью; полетели пух и перья, кошка развернулась и пошла вперед.

Саро и Виралай обменялись взглядами, потом взвалили на плечи мешки, взяли жеребца за повод и двинулись за ней.

На третью ночь они заметили внизу в долине дымок, вьющийся над стоянкой. Здесь Бете уселась на землю и принялась энергично умываться, облизывая лапу и натирая ею морду, так что шерсть вскоре залоснилась, а усы встали дыбом. По ее виду Саро окончательно убедился, что Бете и волшебник ведут разговор без слов. Кошка выглядела гордой и невозмутимой, словно безупречно выполнила трудное дело и теперь предоставляет своим спутникам самим доделать то простейшее, что осталось.

— Думаешь, это они? — спросил Саро, когда они спускались с холма, стараясь двигаться бесшумно, насколько это позволяли ночная тьма и отсутствие тропы.

— Если нет, — ответил Виралай угрюмо, — и проклятая тварь в шутку водила нас все эти три дня бог знает где, то я своими руками сдеру с нее шкуру и продам на первом же базаре, который встретится.

Однако это была стоянка кочевников — кучка ветхих повозок под чахлыми деревцами, как стайка старух, пытающихся спрятаться от дождя. Невдалеке паслось стадо йек — косматых степных зверей, которых использовали как тягловый скот; они безмятежно щипали сухую траву, росшую на каменистой почве, а люди сидели кружком у потухшего костра, в котором еще тлели угли.

— Они пытались замаскировать костер с помощью магии, — прошептал Виралай, — но с дымом ничего поделать не могут.

Они осторожно приближались к стоянке. В столь поздний час кочевники не ждали гостей, и Виралай не хотел опрометчиво бросаться вперед, ведь они могли воспользоваться магией. Когда они подошли совсем близко, от группы людей у костра отделилась фигура и бегом устремилась им навстречу. Саро сразу понял, что это ребенок, а потом с огромным удивлением узнал в нем мальчика, с которым столкнулся в Аллфейре, когда брал деньги Танто для Гайи.

— Фало! — воскликнул Виралай, сам удивляясь. — Как ты...

Мальчик засмеялся.

— Я уже три дня за вами слежу. От меня не спрячешься, — хвастливо заявил он. — Где кошка?

Виралай и Саро переглянулись, но не успели и слова сказать, как Фало, устремив взгляд мимо них, вытаращил глаза, при этом улыбаясь до ушей. Из темноты вынырнула огромная черная тень, и раздалось мурлыканье, больше похожее на ворчание грома.

— Бете! — закричал мальчик, обнимая зверя. — Бете, ты вернулась!

Когда он совершил этот самоубийственный, с точки зрения присутствующих, поступок, к ним подошла женщина, воскликнувшая:

— Фало, Фало, отойди! Во имя Эльды, что ты делаешь?

Она каким-то образом протиснулась между ребенком и чудовищным черным существом, которое отнюдь не выказывало намерения сожрать кого-нибудь, а просто переводило свои золотистые глаза с женщины на мальчика и обратно, благодушно жмурясь.

Фало увернулся от рук матери.

— Это Бете, — объяснил он, словно женщина была бестолковой. — Смотри, Бете и Виралай вернулись.

Женщина подозрительно посмотрела на кошку, а потом, словно решив, что сейчас зверь никакого вреда не причинит, повернулась к пришельцам.

— Алисия, — произнес волшебник, покаянно разведя руками, — прости. Нам больше некуда идти. Кошка привела нас к тебе.

Кочевница пытливо посмотрела ему в глаза, будто желая убедиться в его искренности, но если и усомнилась в чем-то, то не подала виду. Вместо этого перевела взгляд на зверя и задала вопрос, мучивший Саро на протяжении нескольких дней:

— Как это чудовище может быть той маленькой кошкой, которую я называла Бете? Что это за магия, Виралай?

Волшебник опустил голову.

— Я не знаю, как и зачем она это делает, — признался он. — Теперь она мне не подчиняется.

Кочевница молчала и не отрываясь глядела на зверя с раскрытым от изумления ртом. Казалось, затуманившиеся глаза ее смотрят в никуда.

— Алисия. — Виралай сделал движение к женщине, подумав, что у нее начинается что-то вроде припадка, но она остановила его, вытянув руку с растопыренными пальцами. Кочевница не произнесла ни слова, но жест был красноречив: оставайся на месте!

Чувствовалось что-то таинственное и в то же время обыденное — двое беседуют, но при этом разговор не слышен для человеческого уха. Через мгновение общение прекратилось. Алисия провела по лицу рукой, словно стряхивая сон, и шагнула к Виралаю. Саро отметил, как крепко чародей обнял женщину, и она не пыталась вырваться. Ясно было, что их связывают особые отношения, но какие именно, он не смог бы сказать. Что-то большее, чем дружба, нечто более искреннее, чем доверие; у него не хватало слов, чтобы определить чувство, подтолкнувшее Алисию в объятия Виралая.

Дети редко соперничают моментам близости, возникающей между взрослыми, поэтому Фало бесцеремонно нарушил воцарившуюся тишину:

— Видишь, мама? Я был прав, верно? — Но если она и слышала его слова, то ничего не ответила; оторвавшись от Виралая, она кивнула ему и Саро, предлагая им следовать за ней. За ними послушно побрел и конь. Саро только удивлялся — своенравный гордый жеребец шел за женщиной кротко, как ягненок, и совался мордой в ее ладонь. Их ждал костер и сидевшие вокруг него люди, которые выжидающе смотрели на гостей.

Кочевники угостили их тушеными овощами, приправленными диким тимьяном, шалфеем и кореньями. Предложили хлеб — большие круглые жесткие лепешки, испеченные на плоских камнях, уложенных в основании кострища. К удивлению Саро, привыкшего к отборному мясу и белому мягкому хлебу, пища оказалась необыкновенно вкусной. Он не мог припомнить, когда в последний раз пробовал кушанье, главной составляющей которого были овощи. Истрийская кухня использовала различные сорта мяса, и главными блюдами были отварная баранина, жареный ягненок, цыплята и гусятина, паштеты из домашней птицы, говядина — туши долго выдерживали подвешенными на крюках, чтобы мясо «созрело», обрело пикантный привкус и стало нежным, — дичь и оленина, крольчатина и зайчатина, сочная рыба из реки Марка и свиная колбаса с кровью, начиненная чесноком. Когда он рассказал об этом Алисии, она захохотала и, обращаясь к своим соплеменникам, произнесла

несколько фраз на певучем языке кочевников. Они тоже засмеялись. Саро смотрел на них, гадая, смеются они над ним или над шуткой Алисии. Кочевники представляли собой пеструю компанию, но это были совсем не те экзотические дикари, которых он представлял себе, и Гайи среди них он не видел. Кроме Фало, он не заметил других детей. У костра сидели два лысых старика с кольцами в ушах и несколько пожилых женщин, похожих друг на друга, как родные сестры. Каждой можно было дать от пятидесяти до восьмидесяти лет — Саро нечасто заглядывался на старух, ему трудно было определить их возраст. Кожа их была темной, морщинистой, обожженной солнцем; как видно, они обожали всевозможные украшения — на каждой было по несколько ниток бус, цепочки на запястьях и щиколотках и кольца где только можно — в ушах, ноздрях, губах, бровях и бог знает где еще. Их платья состояли из разноцветных лоскутов, в седых волосах торчали перья и висели ракушки; разговаривая, они посвистывали, цокали языком и очень много смеялись — задорно и громко. Ни одного слова на Древнем языке он не услышал; казалось, это абсолютно чуждые ему люди, но Саро чувствовал к ним огромную симпатию, хотя и не смог бы объяснить почему.

Алисия в этой компании была самой молодой женщиной. Когда она улыбнулась Саро, он почувствовал, что завидует Виралаю. У нее было открытое, очень привлекательное лицо — широкие скулы, сочные мягкие губы и поразительные глаза, то ли зеленые, то ли светло-голубые, резко контрастирующие со смуглой золотистой кожей, более светлой, чем у других кочевников.

— Мы не употребляем в пищу братьев наших меньших, — объяснила она Саро. — Мы живем в мире как соседи, имеющие равные с ними права. Тебе не кажется, что было бы странно поедать своих друзей?

Саро отметил, что вместо слова «неправильно» она использовала выражение «странно», словно предлагала обдумать это, но не навязывала своего мнения. Он понял, что никогда не думал об этом всерьез. Правда, когда он ходил на охоту с отцом и братом, ему всегда было жаль оленей и кроликов, которых убивали у него на глазах. Если Саро не знал, откуда взялось мясо, поданное на стол, то ел его с удовольствием и не задумывался о его происхождении, а теперь вдруг почувствовал, что ему стыдно. Он любил животных и всегда относился к ним по-доброму. Кошки в их загородном доме всегда бежали навстречу ему, терлись спинками и мордочками о ноги, вставали на задние лапы, требуя ласки; собаки постоянно таскались за ним следом, то и дело тыкаясь мокрыми носами в ладони, а жеребята на лугу подбегали, интересуясь, не принес ли он для них конских каштанов. Повар никогда не распространялся о том, чье мясо подается к столу, и Саро не интересовался, кого ест. Мысль о том, что животные испытали боль и умирали для того, чтобы он насытился, ужаснула Саро. Камень под рубахой начал вдруг нагреваться и излучать багровое свечение; он принялся пульсировать, словно второе сердце, и это биение было заметным для глаза, несмотря на кожаный мешочек и одежду, которые скрывали камень от посторонних.

Разговоры у костра сразу затихли. Один из стариков с любопытством уставился на Саро, а старухи переглянулись.

— Эльдистан, — произнес кто-то в наступившей тишине. Алисия сузила глаза, стараясь вспомнить нечто забытое.

— Я тебя видела! — наконец вымолвила она. — В Аллфейре... — И она быстро закрыла рот ладонями.

Саро в смятении уставился на нее.

— Что ты видела?

Должно быть, тревога, охватившая Саро, тронула Алисию, и она мягко объяснила:

— Я тогда была с матерью. Мы вместе следили за тем, что показывал наш большой кристалл. Изображение было недостаточно четким; иногда камень показывал не то, что мы хотели, и в тот день это было не прошлое или будущее, а что-то происходящее далеко от нас. Мы увидели тебя. Вокруг кипело сражение, а ты двигался среди него как слепой. Ты шел к костру, на котором горела девушка. В ней был избыток жизненной силы, имперцы хотели

погубить ее и отправили на костер. Твоя ладонь легла на камень настроения, который ты носишь на шее, и он запылал, и свет пробивался сквозь твои пальцы, а потом... — она помолчала, и брови ее сошлись на переносице, словно она силилась припомнить мельчайшие детали, — потом изображение в кристалле исказилось. Мы не поняли, как это произошло, но, похоже, ты прикоснулся к мощной магии, и эльдистан проявил себя. Он выбросил сноп яркого белого света — смертоносного света...

— Я не хотел их убивать, — прошептал Саро, вспоминая свои ночные кошмары. Он тогда коснулся камнем троих воинов, и они пали к его ногам, а глаза их стали белыми. — Я даже не понимал, что делаю... — Он опустил голову и помолчал. — Как понимать слова — эльдистан проявил себя? — Саро посмотрел на Виралаю, но тот только пожал плечами.

— Большая часть камней настроения никак не проявляет своих способностей, находясь в спокойном состоянии, — терпеливо объяснила Алисия. — Хотя некоторые обладают огромной силой. Они могут долго находиться в спячке, не проявляя эту силу или проявляя не полностью. А камень смерти... — она выдохнула, — подобный камень могла создать только богиня. Он становится вместилищем ее дикой магии.

Саро смотрел на Алисию, разинув рот.

— Богиня? Фалла?

— Фалла, Леди, Одна из Трех, Мать — у нее много имен.

— Но разве это возможно — богиня ходит по Аллфейру, и никто не знает об этом? — Внезапно Саро овладело бешенство, и он закричал: — Все это сказки для детей!

Лежавшая рядом кошка зевнула, широко разинув пасть и издав звук, очень похожий на короткий смешок. Алисия протянула руку, погладила зверя по голове, потрепала за уши, провела ладонью по спине. Бете подалась навстречу ее руке; ее большие глаза сузились и превратились в щелочки, излучающие золотое сияние. Кошка певуче мурлыкала. Когда Алисия подняла глаза, они тоже лучились золотым светом.

— Все мы похожи на детей, заблудившихся в огромном мире, — произнесла она медленно. — Мы так мало знаем. Даже я знаю очень мало. — Она взглянула на Виралаю, и на лице ее отразились любовь и нежность. — Любимый, — произнесла она тихим голосом, — ты не знаешь об этом, но тебе посчастливилось странствовать с женщиной, которая является Розой Эльды, Госпожой нашего мира.

Виралай захлопал глазами. Потом открыл рот, но ничего не сказал, словно рыба, выброшенная на берег и жадно глотающая воздух.

— А Бете! — Саро задохнулся от изумления. — Ну конечно же! Ведь «Бете» на Древнем языке означает «Зверь»! Я читал в одной книге из библиотеки моего отца! Это слово происходит от древнейшего, которым называли... — Он умолк, широко раскрыв глаза; сердце его забило с такой силой, что казалось, выпрыгнет сейчас из груди. До него дошла вся важность того, о чем говорила Алисия. — Получается, что кошка — Одна из Трех? А женщина... — Перед внутренним взором возник образ из сознания Тайхо Ишиана — обнаженная, с широко раздвинутыми ногами...

Все кочевники разом заговорили. Старухи бросились к кошке и принялись ласкать ее, а Бете перевернулась на спину и громко урчала, изгибаясь от удовольствия. В голове у Саро все смешалось. Разве это может быть правдой? Казалось, мир перевернулся вверх дном. Словно кто-то сообщил ему, что сейчас у него вырастут крылья и он полетит на Луну, которая на самом деле является его родным домом, или немедленно овладеет всеми языками, какие только есть на свете. Превращения и магия... Этого не было в мире, в котором он вырос; там более важным считалось заключить удачную сделку, надуть клиента, выгодно сбыть залежавшийся товар и между дел совершить обряды, якобы угодные богине, которая пребывает неизвестно где в никому не ведомом обличье.

Похоже, Виралай тоже с усилием осмысливал то, что услышал.

— Так она — божество? — Это слово казалось расплывчатым и потому подходящим. В том крошечном мирке, которым являлось Святилище, Рахе был единственным богом и хозяином, властелином всего. Для богинь там места не было.

— Она не божество, — мягко ответила Алисия. — Она — богиня. Воплощение Эльды, Одна из Трех, магия мира, избравшая пристанищем человеческое тело.

— А кошка — Вторая из Трех? — Виралай подозрительно посмотрел на Бете, будто раздумывая, не затеяла ли она все это для собственного удовольствия или чтобы привлечь к себе внимание.

Саро спросил:

— А Сирио — Третий?

— Да, — ответила Алисия. — Сирио, Сур, Лорд, Хозяин — это он.

— Но ведь Сур — бог северян. Я не понимаю... Разве это возможно — мы верим в одних и тех же богов и так ненавидим друг друга?

Алисия перевела его слова для кочевников; они заулыбались, закивали и принялись касаться кончиками пальцев лба и груди, будто намекали, что у него просыпаются разум и сердце.

— Они говорят, что ты не по годам мудр, — сказала Алисия, — потому что сумел увидеть самую суть вещей.

— Но я не знаю ответа на этот вопрос, — озадаченно ответил Саро.

— Возможно, ответа не существует, — заметила Алисия и помолчала. — Вероятно, вопроса тоже.

— Не понимаю, как она может быть богиней, — вмешался Виралай; казалось, он несколько раздражен отвлеченностью темы от конкретных обстоятельств. — Богиня должна обладать силой. В старых книгах написано, что Трое создали Эльду и могли управлять временем; по их воле новый день приходил на смену ушедшему. Но если Роза Эльды способна делать это, как Рахе мог распоряжаться ею? Почему она подчинялась, почему не использовала свою силу, чтобы защитить себя? Почему она скиталась со мной долгие месяцы, отдавалась мужчинам по моему слову? Зачем она отправилась на Север и стала женой короля варваров? Зачем? Я ничего не понимаю. — Он был подавлен и растерян.

— Сила... — задумчиво произнесла Алисия. — Что есть сила? Способность защитить себя и других или излить на кого-то свой гнев, причинить боль? Заставить окружающих исполнять свою волю? Приказать миру стать таким, каким ты желаешь его видеть, даже если это не совпадает с чаяниями остальных людей? Не знаю. Наверняка мне известно одно: веками мой народ думал, что Трое ушли, и поэтому у нас нет будущего, но за последние несколько месяцев что-то в мире изменилось. Магия возвращается. Дикая магия, дар богини.

Неожиданно одна из старух встала, подошла к Алисии и положила ладонь на ее плечо. Улыбнувшись Саро и Виралаю, она произнесла несколько фраз на языке кочевников. Потом, удовлетворенно кивнув, села на место.

— Элида понимает то, что вы говорите, но недостаточно хорошо владеет Древним языком, — сказала Алисия. — Она сказала, что в старину не было границы, разделяющей людей и животных, людей и землю — по сути, все были едины и нераздельны. Трое — Мужчина, Женщина и Зверь — жили в полном согласии, и в каждом из нас есть нечто хорошее и плохое, унаследованное от них, да и во всех вещах вокруг нас тоже. Еще она сказала, что мы способны познать себя; познать, принять и полюбить мир, в котором живем, и вернуть ему наше доброе отношение. В этом мы можем уподобиться Трем — ответить любовью на любовь, которую мир питает к нам. Так мы творим бытие, так осознаем свое место в мироздании и стараемся соответствовать ему... У Элиды древняя душа. Она многое видела. Я люблю слушать ее речи. Она заставляет думать.

Саро сидел, осмысливая ее слова. Наконец он сказал:

— Мне кажется, она говорила не о силе, а о счастье людей.

Алисия улыбнулась:

— Может быть, это одно и то же?

Он нахмурился:

— Я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне, да и ко всем нам?

Кочевница развела руками, словно пытаясь обнять всех, сидевших у костра.

— Все мы должны найти путь, — сказала она. — Каждый — свой.

Саро обхватил голову руками. Мысли мельтешили в голове, словно мотыльки у свечи. Разве он знает, кто он и зачем пришел в мир? Ему неизвестно наверняка, кто был его отец, но какое это имеет значение? Когда его посещали подобные мысли, ему чудилось, что он расплывается, отдаляется от реальности и улетает, парит в воздухе... Сейчас ему казалось, что в общем-то не важно, чего он сам хочет и к чему стремится; он всего лишь человек, носящий на себе эльдистан — камень смерти, мелкая фигура в чужой игре. Саро почувствовал, как на него накатывается безысходная тоска.

— Если я позволю событиям протекать мимо и сквозь меня и стану равнодушно наблюдать за ними, то, думаю, может случиться большая беда. — Он взглянул на Алисию, будто ждал, что она возразит ему. — Ты знаешь, что я видел будущее, и там мой камень попадает в руки злого человека, который жаждет уничтожить мир. Он стремится столкнуть народы и устроить всеобщую бойню, чтобы заполучить богиню. — Саро помолчал, обдумывая что-то. — Но он не представляет себе, кто она на самом деле! И никто этого не знает!

В наступившей тишине тяжело прозвучали слова Виралая:

— Думаю, она сама этого не знает.

Молчание плотным пологом повисло над стоянкой, а потом зазвучал ясный голос Алисии:

— Возможно, она еще не поняла, но с каждым днем ее магия становится все сильнее: я чувствую, что она обретает себя!

Глава 26 МЕРТВЫЕ

Рахе создал эти туманы и послал их навстречу мореплавателям, чтобы оградить свой мир, Святилище, от вмешательства извне, но надежды его не оправдались. Люди выдержали все испытания и неумолимо приближались к его твердыне.

Он предвкушал гибель корабля в пучинах океана, не верил, что они пробьются сквозь льды, благополучно минуют гигантские айсберги, дрейфующие к югу; однако нарушители спокойствия не сгнули, не утонули, но подбирались все ближе и ближе.

Выйдя из себя, он с такой силой хватил по кристаллу кулаком, что тот выдал целую гамму разноцветных огней, озарив зал золотыми, фиолетовыми, пурпурными и голубыми лучами. Под самым потолком в темных углах зашевелились в пыльной паутине огромные белые пауки; он создал их много лет назад, а потом потерял к ним всякий интерес, и они жили, предоставленные самим себе, давно забывшие вкус живой мухи. И вновь камень показал борт корабля, на котором кучка безумцев пыталась преодолеть неведомые воды. Их капитан — высокий, гордый человек заплетенными в косы светлыми волосами, с ожерельем из халцедонов на шее — внимательно рассматривал карту.

Если с кристаллом обращались бережно и аккуратно, он очень точно передавал изображение; почувствовав, как перехватывает дыхание, Рахе осторожно поворачивал шар, стараясь добиться максимальной четкости. Потом он взял мощную линзу и, сердито произнеся короткое заклинание, заставил исчезнуть пыль, толстым слоем покрывавшую стекло. Наведя линзу на кристалл, он попытался рассмотреть карту в руках капитана.

Рахе вздрогнул, словно его ударили. На пергаменте рукой его ученика, его любимого мальчика, рукой Виралая, который стоял неизмеримо выше всех этих глупцов, были обозначены контуры островов, обозначены морские течения Северного океана, глубины и мели и четкой линией нанесен путь к Святилищу! Он не был верен абсолютно, но в целом правильно показывал направление. Конечно, ученик не мог создать совершенную карту, и пергамент содержал не только истинные, но и ложные ориентиры. Очевидно, он восстановил по памяти путь своего бегства из Святилища. Каким-то образом мальчишка сумел вплести магию в штрихи и контуры, нанесенные на карту; Рахе видел, что капитан чувствует ее и укрывает

рисунок от любопытных глаз. Зачем они плывут? Что пообещал им вожак? Рахе еще не успел задать себе эти вопросы, но уже знал ответ.

Золото. Люди всегда хотят золота. Его блеск ослепляет их, лишает разума. Предательство ученика взбесило Рахе, и все же он рассмеялся. Смех был горьким, похожим на скрип давно не отворявшихся дверей; его отзвуки заметались по темной комнате, как летучие мыши, испуганные внезапным проблеском солнечных лучей. Он сам поразился этим звукам и перестал смеяться; в зале снова наступила мрачная тишина, а пауки, вылезшие на свои сети, опять забились в темные углы.

— Здесь они золота не найдут, — произнес волшебник. Он отвык разговаривать, голос был сухим и скрипучим, но говорил Рахе истинную правду. В Святилище не было желтого металла; не золото, а кристаллы мерцающего пирита, очень похожего на золото, но не имеющего никакой ценности, украшали коридоры и комнаты его ледовой цитадели. Эти глупцы вполне могут принять их за золото. Маг хорошо знал, где можно найти драгоценный металл, но для него это было не важно, и Рахе отмахнулся от воспоминания о нем, как от надоедливой мухи.

Он видел и другие суда. Некоторые из них он опознал, другие были ему незнакомы. Куда бы он ни бросил взгляд, всюду были корабли! Одни — очень старые, блуждающие по просторам Северного океана уже много лет; другие — разбитые штормами, держащиеся на плаву, но не представляющие никакой опасности; на многих не было ни единой души, они стояли неподвижно, скованные льдами...

С чувством глубокого удовлетворения он наблюдал, как люди, перебравшиеся в крошечную лодку, с ужасом смотрят на гибель своего корабля: льды дробят его в мелкие щепки... Что их ждет? Ни малейшего шанса сохранить жизнь. Рахе улыбался. Никто не спасется. Если не холод, то голод и шторма погубят моряков, но раньше смерти их посетит безумие.

И все-таки он не хотел рисковать. Собрав все силы, он создал непроницаемый туман и послал его навстречу людям. Даже самый искушенный мореход не преодолеет эту мглу, ни один ветер не в состоянии ее развеять. Нарушители спокойствия исчезнут, как струйки дыма во тьме ночи, души их покинут тела, а голоса растают, как жалобные крики чаек, заблудившихся над гладью моря.

Эта магия потребовала огромной отдачи сил, и в течение трех долгих дней он был беспомощен, как ребенок, а когда пришел в себя, то обнаружил, что стал жертвой мары, созданной им же самим: комната была наполнена болотными испарениями, неприятными запахами и отзвуками его собственных заклинаний. Он выбрался на смотровую площадку и, охваченный дурными предчувствиями, почти отчаявшийся, всматривался в даль, и что-то приковало его внимание — нечто, похожее на эхо, слабая вибрация... Оно скрывалось за плотной завесой тумана, но захватило его чувства, словно кошка, зацепившая подол одежды и не желающая разжать когтей. Что-то очень редкостное и настоящее — одержимость, безумие, огромная жизненная сила, страсть... Он чуял это, как глыбу магнитного железняка. Рахе всматривался во мглу, но созданный им туман не позволял взору обнаружить источник притяжения. Он разозлился и ударил кулаком по парапету, ограждавшему площадку. И вдруг увидел.

Далеко на глади океана появился прямоугольный парус. Красивое судно, контурами напоминавшее длинную змею. Скрипит дерево, волны разбиваются в водяную пыль... Вот он! Высокий загорелый мужчина с волевым лицом стоит на носу корабля, прижав ладонь к груди. Нет, он держится не за сердце; он что-то скрывает от чужих глаз под кожаной рубахой, и оно дороже для него, чем сама жизнь! Рядом с ним великан с обезображенным лицом и одним изуродованным ухом. За их спинами — молодой рыжеволосый парень, в глазах которого горит огонь безумия. На всех лицах читается угрюмая решимость; эти люди готовы погибнуть, только бы достичь поставленной цели. Внезапно что-то открылось в сознании Рахе, и он вспомнил древнее пророчество, прозвучавшее в начале времен:

Безумец, гигант и дурак.

Припев этой древней песни вертелся у него в голове, повторяясь снова и снова, будто заклинание или глупая детская считалка:

Мужчина, Женщина и Зверь,
Безумец, гигант и дурак,
Когда Смерть явится на пиршество,
Всем станет править Дикая Магия...

Небеса заволокло черными тучами, которые предвещали шторм во внешнем мире. Это было ему на руку — слишком большая опасность грозила Святилищу. Неожиданно он почувствовал, что растет, увеличивается в размерах, а силы его прибывают, словно Эльда питает его тело своими потоками. Напряжение росло, пока не стало выплескиваться через край, и тогда он позволил ему вырваться наружу.

Ничего другого не оставалось, и он наслал на них безумие...

Когда последние отблески пламени, пожиравшего корабль-призрак, поглотил непроницаемый туман, Аран Арансон окинул взглядом «Длинную Змею» и сразу заметил, что в команде не хватает двух человек. Исчез Тор Болсон — крепкий мужчина, носивший всегда короткую кожаную куртку, которую считал приносящей счастье; она была выкрашена в алый цвет, и ее трудно было не заметить на палубе, но сейчас Аран не мог отыскать это яркое пятно. Пробежав глазами по спинам людей, он увидел, что нет за веслом и невысокого темноволосого парня, уроженца Восточных островов; он родился рабом, но обрел свободу и отлично справлялся с корабельными снастями.

— Урс!

Великан немедленно появился перед ним.

— Ты видел Тора и... — Он порылся в памяти. — Брана Маттсона?

Урс повернулся и внимательно осмотрел палубу.

— В последний раз я видел Брана с Яном и Эммером, — медленно проговорил он.

Парня с Фиши Аран нашел сразу. Эммера Бретисона трудно было не заметить — очень высокий, семи футов росту. Вместе с парнем, волосы которого были собраны в длинный светлый хвост, он развязывал снасти на рее. Аран шагнул с мостика и направился к ним.

— Поищу Брана, — бросил он Урсу.

Ян оставил работу и удивленно посмотрел на капитана.

— Он был... — Парень оглянулся по сторонам. — Он был рядом со мной, когда мы поджигали «Белую Бестию». — Глаза его расширились. Аран заметил, что они голубые, как незабудки или цветы вероники, и совсем детские. Потом Ян дернулся, обвел глазами корабль, явно начиная паниковать. — Он же был рядом, — дрожащим голосом произнес он, обращаясь к капитану. — Он исчез. Но как?

Брови Арана сошлись у переносицы. Он повернулся к Эммеру:

— Что скажешь?

Эммер пожал плечами и снова взялся за веревки.

— Может, под лодкой спрятался? — бросил он. Все знали, что Аран никак не наказал сына за трусость и пренебрежение обязанностями, и это многим не нравилось.

Аран тяжело посмотрел в спину Эммера. Потом, сдержав себя, снова обратился к Яну:

— Никому ни слова. — И быстро направился к Урсу.

— Никто его не видел после того, как ты запрыгнул на борт «Белой Бести», — тихо сказал великан Арану.

Под лодкой было пусто, никто не прятался среди мешков с провизией, между канатными бухтами и сундуками. Мгновенно перед взором Арана встала дикая картинка: по палубе корабля-призрака мечутся в пламени двое — один высокий, светловолосый, второй — жилистый и смуглый, но он усилием воли стер это видение. Аран был уверен, что на палубу проклятого судна никто, кроме него, не перебирался.

К тому времени, когда в ночном небе появилась луна, стало ясно, что Тора и Брана на борту «Длинной Змеи» больше нет. Люди шептались о проделках злых духов, которые могут высосать жизнь через уши человека или сквозь поры на его теле, о привидениях, являющихся в виде соблазнительных дев, одетых в водоросли и морскую пену, заключают моряков в объятия и одаривают смертоносным поцелуем, вбирая в себя без остатка их дыхание и жизнь. Но привидения и выходцы с того света не уносят с собой тел, а два моряка исчезли бесследно.

Всю ночь Аран просидел, прислонившись к мачте и не смыкая глаз. Плотный туман висел вокруг корабля, не было видно ни звезд, ни луны, ни горизонта. Он не дождался ни злобных духов, ни мертвецов с корабля-призрака, ни морских чудовищ. Аран был уверен, что сверхъестественные силы не причастны к исчезновению его людей. Крепко сжав рукоять кинжала, напряженный, как тетива лука, он просто ждал, что принесет ему грядущий день.

Можно было предвидеть, что утро подкинет им еще какой-нибудь ужасный сюрприз. Как только начало светать, из тумана снова выплыл корабль, направляясь напрямик к «Длинной Змее»; паруса на нем не было, а весла не двигались. Они подгребли к судну, уже понимая, что ничего сверхъестественного с этим несчастным кораблем не произошло. Такелаж был изорван, борт разбит в щепки, по доскам пошли трещины. Аран вместе с Урсом перебрался туда и увидел, что вся команда мертва. Ссохшаяся плоть обтягивала кости людей; трупы превратились в мумии, покрытые пятнами тления. Страшно было смотреть на лица: глазные яблоки высохли, и над пустыми глазницами нависали веки, желтые и сморщенные, как старый пергамент. От губ остались почерневшие складки кожи, окаймлявшие белые обнаженные зубы; казалось, мертвецы радостно улыбаются. Носы сгнили, провалились, на их месте чернели темные дыры. Мертвецы лежали в беспорядке, где группами, где поодиночке, настигнутые последними мучительными конвульсиями. Здесь не было ни одной мухи. На палубе стояли две бочки с соленым вяленным мясом, дюжина мешков с сухарями, но питьевой воды не осталось ни капли; уцелело широкое корыто, над которым был натянут кусок паруса — очевидно, несчастные пытались как-то опреснять морскую воду, потому что парусина была пропитана толстым слоем соли. Урс горестно вздохнул.

— Бедные парни, — с чувством произнес он.

Аран и его помощник были практичными людьми: сухари, мясо, сушеную рыбу они перебросили на борт «Длинной Змеи». Но к ним никто так и не прикоснулся. Моряки считали, что с проклятого корабля ничего брать нельзя, тем более — провизию, иначе попадешь прямо в гости к Суру.

К исходу ночи Аран узнал, что исчез еще один член команды.

На вахте стоял Урс Одно Ухо, но он ничего не видел и не слышал. Утром к нему подошел Пол Гарсон.

— Я нигде не вижу Эрла, — очень тихо сказал он. — Не думаю, что у меня ослабело зрение.

Урс обследовал все судно от носа до кормы, потом разбудил капитана и сообщил об исчезновении моряка. Аран громко выругался:

— Не следовало мне уходить с вахты. — Глаза его были красными от постоянного недосыпания.

Великан набычился:

— Я всю ночь глаз не сомкнул.

— Хочешь сказать, что он исчез в мою вахту? — Взгляд Арана загорелся, словно предупреждая, что дальнейший спор может привести к печальным последствиям.

Урс пожал плечами.

— Ты же знаешь, все возможно, пока мы не поймем, что происходит.

Нрав Арана Арансона был притчей во языцех на Западных островах, но никто не мог сказать, что он способен нанести удар, не предупредив об этом. Много дали бы люди, чтобы

посмотреть на бой хозяина Камнепада с другом Тэма Лисицы Урсом Одно Ухо; дикая воля одного сошлась бы в схватке с необоримой мощью другого, и неизвестно, чем кончилось бы дело. Но Аран, помолчав, просто посмотрел на Урса и сказал:

— Что-то здесь не так. Не верю я ни в ходячих покойников, ни в духов, ни в демонов во плоти. Но не могут же люди растворяться в воздухе?

— Я слышал, в долгих плаваниях моряки лишаются рассудка и воли к жизни и молча бросаются за борт, когда остальные не видят, — нерешительно заметил Урс.

— Значит, это безумие, — заключил Аран. — Но я не верю, что оно остановит нас. Ничего не потеряно, пока мы живы.

Глава 27 КАТЛА

После того как уплыли мужчины, жизнь на Камнепаде продолжала идти своим чередом. Женщины хлопотали по хозяйству, солили рыбу, пекли хлеб, пряли шерсть и ткали полотно, собирали и сушили торф для очагов, своими руками возводили глинобитные стены для овечьих загонов, ограждали площадки, на которых могли гулять куры, не опасаясь лисиц. Латали прохудившиеся крыши амбаров кусками свежего дерна, и скаты сияли под лучами щедрого солнца. Доили коров и коз, снимали сметану, били масло, изготавливали сыры и готовились к весенней путине — весь берег был покрыт перевернутыми лодками, сохнувшими в ожидании починки.

Катла, принужденная заниматься всеми этими домашними делами, едва сдерживала себя. Все вокруг было ненавистным. Из мужчин остались только корабельный мастер и дюжина стариков, считавших, что они знают все о море; ей казалось, она задыхается, душа рвалась куда-то из этого тесного мирка. Все разговоры сводились к обычным женским темам: кто забеременел, кто нет; какое мыло лучше для кожи; действительно ли ромашка делает волосы более пышными, а печень трески, если есть ее постоянно, укрепляет ногти и придает глазам блеск; сколько соли добавлять в ячменные лепешки, сколько меда и масла — в тушеную морковь; почему веретено, изготовленное из кости, лучше деревянного. Все это не представляло для Катлы ни малейшего интереса. Ее не волновали кулинарные и любовные секреты, раздражали рассуждения о способах, которыми можно завлечь мужчину и обеспечить себе супруга, — они напоминали споры старых рыбаков о том, какую приманку предпочитает рыба. Она сохла на глазах, кожа ее стала еще темнее и начала шелушиться; черные волосы буйно разрослись и висели неопрятными космами. Глаза покраснели от дыма и ветра, а ногти потрескались и выглядели ужасно — у нее появилась привычка грызть их, кроме того, в свободное время она по-прежнему лазала по скалам.

Но хуже всего было то, что она так и не нашла общего языка с матерью. Что бы она ни делала, все оказывалось плохо. Если пряла шерсть, педантичная хозяйка Камнепада делала замечание, что нить недостаточно плотная; если готовила ужин, мать говорила, что она слишком тонко режет овощи и они потеряют свой аромат. С точки зрения Беры, Катла просто не могла вымыть пол так, как это делают нормальные люди, не говоря уже о том, чтобы починить разорванную рубашку. Но Катла и шила, и ткала, и крутила веретено вместе с прочими женщинами, которые, как считалось, давно познали все эти искусства, и они не делали ей строгих замечаний... Чтобы досадить матери, она уходила и бродила целыми днями по острову, собирая грибы, яйца чаек, мидии, ставила силки на кроликов, ловила форель, резала тростник, из которого плела циновки и корзины, но чаще просто бегала, сама не понимая, куда несется и зачем.

Сегодня предстояло начистить моркови — целый бочонок. Бера с глухим стуком поставила его перед Катлой и бросила на дочь взгляд, не допускающий возражений.

— К полудню, — сурово сказала она, — не то подкину тебе еще и свеклы. А если очистки окажутся толще ногтя, то весь остаток недели будешь чистить турнепс, пока не научишься бережливости.

Катла не представляла себе, кому это пришло в голову варить целую бочку моркови, три дюжины свеколин и целый мешок турнепса; вероятно, это было наказание за какой-то неведомый проступок. Она посмотрела на грудку ненавистных корнеплодов, потом — на удалявшуюся мать, и стиснула челюсти. Бабушка Рольфсен захихикала:

— Это займет тебя на несколько часов, забудешь о своих проказах!

Не желая вступать в перепалку, Катла засунула руку во внутренний карман рубахи, вынула какой-то металлический предмет и протянула бабке. Он был похож на нож, но одновременно напоминал железную палочку. Геста Рольфсен насупилась и взяла вещицу. Рассмотрев ее, она выбрала один из турнепсов и попробовала чистить. Ножик-палочка скользил по шершавой поверхности и соскакивал с корнеплода.

— Бесполезная вещь, — проворчала она.

Катла рассмеялась. Она взяла из рук бабки турнепс и ножик и провела лезвием по поверхности, по направлению к себе. Как по волшебству из-под руки спиралью побежала тонкая лента розовой кожуры и упала на землю.

Старуха издала изумленный возглас, а потом сказала:

— Ты глянь-ка, чистит.

Катла победно улыбнулась и, понизив голос, чтобы не слышали остальные женщины, доверительно сообщила:

— Я знала, что сегодня она засадит меня за морковку, — видела, как набирала ее в сарае вчера вечером. Поэтому сбегала в кузницу, чтобы изготовить такую штуку: ею чистить гораздо легче, чем обычным ножом. Этим лезвием можно побрить поросенка, такое оно острое!

Одним из наказаний был запрет ходить в кузницу, и хозяйка Камнепада время от времени применяла его, а когда Катла возражала и доказывала, что теперь, когда мужчин почти не осталось, ей надо проводить там больше времени и изготавливать оружие, Бера только смеялась:

— Ты можешь представить себе Марин Эдельсен, поднимающую меч на врага?

Но Катла стояла на своем.

— Я могла бы обучить женщин хотя бы основам боя, — заявляла она, однако мать и слушать об этом не желала.

— Хватите меня и одной сорвиголовы; надеюсь, тебе на пользу пойдет женское общество. Если такую, как ты, над ними поставить, они быстро превратятся в настоящих разбойниц. Будешь заниматься только работами по хозяйству, девочка, пока я не решу иначе.

И все это длилось уже несколько недель. В течение следующего часа Катла чистила морковь своим чудесным ножиком, при этом поранив несколько раз пальцы. Она смотрела, как капли крови скатываются по длинной моркови и падают в грудку очисток. Можно было бы прерваться, промыть порезы чистой родниковой водой, но она не двигалась с места. «Если уж они высасывают из меня душу, то пусть пьют и кровь», — горько думала она, еще усерднее чистя ненавистную морковь. Из-за монотонной работы голова у Катлы была как в тумане, но количество неочищенной моркови быстро уменьшалось.

Из задумчивости ее вывел чей-то громкий голос. Это была Магла Фелинсен — так могла говорить только она; ее голос способен был перекрыть завывания ветра и рев бури.

— Я говорю Сунне — Сунне Брансен, — если ты, мол, хочешь выглядеть как тролль с Черного острова, то так и ходи. С такими волосами, как у тебя, надо добавлять в воду для полоскания головы малость бараньего жира, глядишь, прическа будет не такой косматой. И что выдумаете, она мне отвечает? — Магла подбоченилась, зажав в кулаке черпак, которым помешивала в горшке, — с него капало ей на передник и на пол. Катла наблюдала, как из-под скамьи появился пронырливый кот, прокрался к ногам Маглы и принялся слизывать жир. Покончив с этим, он задрал морду вверх, выжидая, не перепадет ли еще чего-нибудь вкусного, но Магла принялась жестикулировать, взмахивая черпаком, и кот убрался назад под скамейку. По комнате полетели бусинки жира; некоторые попадали в очаг и с шипением вспыхивали. — Магла Фелинсен, — говорит она мне, — тебе, может, и нравится, когда от

тебя пахнет старой овцой, а мне — нет; когда тебе удастся наконец уговорить Арни Хамсона сделать предложение, я, так и быть, спрошу у тебя совета!

— Как это грубо, — заметила Сими Фоллсен. — Можно подумать, она родом с Востока.

— А волосы у нее действительно ужасные — не поймешь, что на голове делается, похоже на хвост старой кобылы! — хихикнула Тин Хилди.

— Бедняжка Сунна. Неуклюжая, неотесанная девочка, — посочувствовала Киттен Соронсен, с притворной жалостью покачав хорошенькой головкой. — И так похожа на нашу дорогую Катлу!

Все присутствующие — за исключением Катлы — громко засмеялись: они привыкли считать ее образцом грубых манер и неприглядного внешнего вида, а она взяла за правило резко и непристойно отвечать на их выпады. Пока остальные веселились, Киттен Соронсен смотрела на нее выжидающе, как умела только она, — скривив губы в слабой презрительной усмешке, от которой парни в ее присутствии чувствовали, как подгибаются колени, и начинали заикаться. Когда она делала подобные замечания, трудно было определить, что это — дружеское подтрунивание или жестокая шутка, и мало кто набирался духу ответить ей, потому что Киттен могла кого угодно поднять на смех и выставить полным тупицей. Катла посмотрела на ее безупречную кожу, надменное лицо, тугие косы, в которые были вплетены голубые ленты и цветы, изготовленные из шелка — какой-то поклонник купил их для нее в Аллфейре, — и с удивлением поняла, что хотела бы походить на эту красавицу. И это раздражало ее.

— Почему ты думаешь, что все хотят быть похожими на тебя, Киттен Соронсен? Ты считаешь, что прекрасна, у тебя замечательные волосы и бархатистая розовая кожа. Мужчины со многих островов оказывают тебе знаки внимания, делают подарки, читают красивые стихи, и поэтому ты решила, что лучше всех. Но ты закончишь тем же, чем и любая женщина, которую забирает мужчина, — дети высосут твои груди, и они обвиснут, живот станет рыхлым и раздуется, как у свиньи, руки по краснеют до локтей, потому что ты непрерывно будешь стирать пеленки и подгузники, и все это — именно то, чего ты заслуживаешь.

Еще не закончив речь, она поняла, что перегнула палку. Киттен — значит «кошечка», и она действительно была самодовольна и жестока, как кошка, но произносить подобную тираду в ответ на замечание о неухоженных волосах — это было слишком. И все же Катла с удовлетворением наблюдала, как потемнело лицо девушки, а в глазах зажглась ярость. Затем Киттен Соронсен запустила в Катлу деревянной ложкой, которую держала в руках. Катла пригнулась. Ложка пролетела над ней и стукнула Марин Эдельсен в переносицу. Та завопила от боли. Из носа хлынула кровь — прямо на новый льняной передник и замечательный сарафан из набивной ткани; несколько капель попало на Тин Хилди, отчего она, только взглянув на них, рухнула в обморок.

Мортен Дансон, дремавший, как обычно, на скамье возле очага, внезапно проснулся и, ничего не понимая, завертел головой, будто пытался определить, где он находится.

Увидев, что снаряд поразил не ту цель, Киттен Соронсен, как кошка, перепрыгнула через очаг, обеими руками вцепилась в волосы Катлы и принялась неистово таскать из стороны в сторону. Нападение на двукратную победительницу игр, проводившихся среди жителей Западных островов, трудно было назвать разумным поступком, но Киттен Соронсен была гораздо сильнее, чем казалось, и вдобавок зла, как целая стая потревоженных шершней. Катла подобного напора не ожидала: застигнутая врасплох, она потеряла равновесие и упала, а соперница навалилась на нее сверху. Борьба продолжалась на скользкой куче овощных очисток. Бочонок перевернулся, морковь рассыпалась, и когда Киттен попыталась встать, то поскользнулась и грохнулась на Катлу, так что у той перехватило дыхание.

Бабушка Рольфсен принялась хохотать, взвизгивая от удовольствия и хлопая в ладоши:

— Кошки подрались! Как мне нравятся хорошие драки между кошками. Давай, Катла, покажи ей, как это делается!

В схватку вмешалась Магла Фелинсен.

— Сука! — закричала она и ударила черпаком Катлу по рукам. — Паршивая облезлая сука! Задай ей, Киттен. Порви ей рыло! — Она завизжала, а Геста Рольфсен принялась размахивать клюкой.

Катла была очень занята — она пыталась сбросить противницу и лупила ее коленками, но ее поразила ненависть, звучавшая в голосе Маглы. «Интересно, чем я ей не угодила», — думала она, но очень недолго, потому что Киттен начала подбираться к ее глазам острыми и длинными ногтями, очень похожими на кошачьи когти. Наверное, рыбий жир действительно укрепляет ногти, пронеслось в голове у Катлы. Она крепко зажмурилась; казалось, сейчас Киттен открутит ей голову, но вдруг пришла помощь. Кто-то, тяжело сопя, наносил удары по Киттен. Она услышала, как бабушка, ругаясь, словно последняя торговка, лупит ее соперницу клюкой; потом старуха, громко вскрикнув, упала, и Катлу захватила волна ярости.

Пол под ней завибрировал, мускулы напряглись, как струны, дыхание стало прерывистым и резким. По телу разлился жар. А потом в голове у нее зазвучал голос: «Мне нужны твои глаза, Катла Арансон. Возьми у меня силу».

Она понятия не имела, что это за голос и почему он звучит в голове, но ощутила огромный прилив энергии — через одежду, через кучу очисток, на которых она лежала, сквозь каменные плиты пола, откуда-то из горячих глубин земли в нее вливалась сила. Похоже, все естественные элементы, с которыми она соприкасалась, объединились в стремлении передать ей жизненную энергию — сквозь льняную ткань, морковь, тростниковую циновку, камень к ней шел жар кипящей магмы.

Потом были вспышка света, крик и удар. Открыв глаза, она села, потому что Киттен на ней больше не было. Та лежала на расстоянии двадцати футов у одной из деревянных колонн, на которых держалась крыша. Дышала она прерывисто, грудь судорожно вздымалась и опадала, но руки и ноги не двигались. В помещении повисла полная тишина. Катла посмотрела вокруг.

— Катла Арансон! — разорвал молчание суровый голос, и все разом загомонили. К дочери приближалась хозяйка Камнепада. Бера Рольфсен не обладала высоким ростом, но ее крутой нрав был хорошо известен по всей округе — от Черного острова до Вестфолла. Женщины посторонились, уступая ей дорогу. Тиан Йенсен и толстуха Брета Арнасен подбежали к Киттен, приподняли и усадили у колонны. На одной щеке у нее наливался темный синяк, а правый глаз заплыл и превратился в щелочку; заметив это, Катла почувствовала удовлетворение.

Потом она увидела прямо перед собой пылающее, гневное лицо Беры. Мать дала ей сильную пощечину, и Катла ощутила острую боль. Она инстинктивно схватилась за щеку. Много лет прошло с тех пор, как мать в последний раз била ее по лицу. Тогда Катла погубила шелковое платье, которое Аран купил жене на ярмарке в Аллфейре. Бера повесила обновку на веревку, чтобы разгладились складки. Катла в это время была поглощена освоением способа передвижения по воздуху с одного дерева на другое: нужно было привязать конец веревки к стволу, на другом конце сделать скользящую петлю, набросить ее на сук второго дерева и потом лезть по натянутой веревке, обхватив ее ногами и перебирая руками. Она решила попрактиковаться на заднем дворе — там как раз в семи футах над землей была натянута бельевая веревка, очень прочная, сплетенная из кожи нарвала, надежно закрепленная меж двух столбов. Катла не учла того, что один из столбов за три года подгнил. Оглушительно треснув, он переломился, а Катла, веревка и платье шлепнулись в грязь. Катла понимала, что заслуживает наказания, и когда мать хлестнула ее ладонью по щеке, рассудила, что это даже лучше, потому что иначе ее могли запереть дома на несколько недель — обычно Бера так и делала, когда хотела проучить детей.

Мать стояла перед ней, уперев руки в бока.

— Катла, мне стыдно за тебя. От тебя одни неприятности; ты не лучше тролля. — Лицо Беры пошло красными пятнами — она очень разгневалась. Она обвела всех взглядом, рассмотрела руки и передник Марин со следами крови, потом повернулась к бабушке

Рольфсен, но старуха сделала вид, что стирает что-то с башмака, и не смотрела на дочь. На лице Беры отразилось презрение.

— Посмотрите на себя. Вы похожи на кошек со двора, где нет хорошего кота, чтобы держать их в строгости. Вот вы и кусаетесь, шипите и выдираете друг у друга шерсть.

В самом деле, Катла заметила среди разбросанной моркови и очисток клочья светлых волос и прядь темно-рыжих. Она не помнила, как таскала Киттен за волосы, но была довольна, что хоть немного попортила ей красоту.

Бера снова обратила негодующий взгляд к дочери.

— А ты — худшая среди них. Я просила тебя сделать простейшую работу. — Она посмотрела на грязную кучу, в которой перемешались морковь, очистки, клочья волос, быстро нагнулась и, выпрямившись, поднесла к лицу Катлы одну из очищенных морковок. — Видишь?

Наверное, этот корнеплод она выбрала специально, очищен он был лишь частично — ярко-оранжевые полосы перемежались с темными участками. Катла равнодушно посмотрела на морковь и пожала плечами, потому что еще не пришла в себя от возбуждения. Она слишком устала от Камнепада, матери и особенно от этих крикливых дур.

— Ну и что? — услышала она свой голос; он был громким и дерзким. — Грязь растворится в кипятке, да и кто слышал, чтобы люди умирали от нечищенной моркови?

Мать явно не разделяла этого мнения. Бера вспыхнула, в глазах сверкнул злой огонек.

— Ты не умеешь готовить, ты не можешь шить, вязать, ткать, чинить и штопать, тебе нельзя дать простейшего поручения. Ты выглядишь... Магла, как это ты сказала?

Рослая женщина стояла, опустив голову, и молчала.

— Паршивая облезлая сука. Ты так сказала?

Все чувствовали себя очень неловко. Катла не удержалась от ухмылки, заметив, как смутилась Магла. Мать снова повернулась к ней. Щека Катлы пылала, и Бера остановила на ней взгляд; но если она и раскаивалась, что ударила, то виду никак не подавала.

— Что ж, паршивая и облезлая — это, пожалуй, неправильно. Все-таки ты унаследовала от меня мои волосы. Но кроме них, другого сходства между нами нет, Катла Арансон. Ты не намерена честно трудиться, разделяя со всеми повседневные заботы. Тебе плевать на то, как ты выглядишь, что о тебе думают окружающие. Ты упряма, как осел, и одержима странной уверенностью, что отличаешься от нас; тебе не нравятся обвисшие груди, дряблые животы и мысли о детях, которых надо растить и воспитывать. Ты думаешь, что ты особенная, и мы должны увиваться вокруг тебя, обеспечивать пищей, одеждой и кровом. Ты можешь выковать меч и побеждать парней в состязаниях, а сейчас стоишь передо мной, нагло кривя губы и сверкая глазами. Пусть тролли заберут тебя, Катла Арансон, потому что, клянусь тебе, ты мне больше не дочь. Я стыжусь тебя, ты мне противна. И не только из-за того, что ты дала повод к драке, не только из-за этого. — Морковь ударилась о руку Катлы и упала на каменные плиты. — Если ты думаешь, что я ничего не знаю о тебе и этом... этой твари, Тэме Лисице, то ошибаешься.

Бера переступила черту: теперь ей не было дела до того, что подумают посторонние, она не хотела замечать, как женщины вытянули шеи, стараясь запомнить каждое слово, чтобы передать потом друзьям и родственникам по всем Западным островам, как только представится возможность.

— Мама! — закричала Катла. — Замолчи! — Она была потрясена, мысли спутались. Как, во имя Эльды, мать узнала об этом? Тэм Лисица погиб, ушел на дно морское, а она никому не говорила... Но вдруг она вспомнила, и душа ее перевернулась. — Бабушка, как ты могла? — гневно закричала девушка, повернувшись к старухе.

— Прости, дорогая, она сумела из меня это вытянуть. — Геста Рольфсен виновато развела руками. — Ты же знаешь, какой хитрой может быть твоя мать, когда подозревает что-то, и какой настойчивой.

Катла увидела, как они обменялись взглядами: на лице Беры читались и триумф, и стыд, а глаза бабки загорелись, и она с вызовом вздернула подбородок.

— Кому ты теперь нужна, после того, как переспала с таким... — продолжала Бера с отвращением.

— С каким? — возмущенно выкрикнула Катла.

— Бера! — предостерегающе произнесла старуха. Но мать и дочь были слишком похожи — ни одна не хотела уступать. Словам, которые невозможно ни простить, ни взять обратно, суждено было прозвучать.

— С одним из Древних, — прошипела Бера, и по комнате прошелестел шепот, женщины принялись осенять себя знаками, ограждающими от зла. — С самим дьяволом.

Катла сдвинула брови. Дьявол? Один из Древних? Тэм Лисица не был похож на сейду; у него были замечательные глаза и доброе сердце. Как это возможно? Внезапно ее охватил суеверный страх.

— Не говори о мертвом плохо, — тихо произнесла Геста, притрагиваясь кончиками пальцев к оберегу, который носила на шее.

Это был расшитый мешочек, в котором хранились зерна ячменя и немного кошачьей шерсти — вещи, связанные с силами Фейи, милосердной сестры Сура, богини плодородия и удачи.

— Мертвый? Он? — Бера фыркнула. — Поверю, когда увижу его кости на Китовом берегу. Он забрал моего первенца в пучину, как дар Суру, но я уверена, что сам он и не собирался отдавать душу Повелителю Бурь!

— Ты не можешь винить Тэма в том, что случилось с Халли! Я была там и видела, что произошло. Я видела морское чудовище, поднявшееся из глубин...

— Все вы так говорите. — Лицо Беры исказилось от боли. — Корабли, морские чудовища, острова, на которых много золота; ты просто повторяешь сказки, которыми увлекают простодушных глупцов. Из-за каких-то жалких приключений мужчины бросают дом, оставляют семьи, хозяйство, перекладывая заботу о них на женские плечи.

С этим трудно было спорить, но Катла слишком разозлилась и не хотела отступать, она не могла понять страданий матери и отчаянного положения, в котором они все оказались. Сжав кулаки, она закричала:

— Это ты виновата! Халли не погиб бы, если б не ты. Ты замучила отца нитьем и придирами, этой проклятой работой по хозяйству. А он мечтал о чем-то совершенно другом, волнующем, удивительном. И мне тоже все здесь опостылело, особенно твои жалкие усилия поддерживать это глупое существование — чинить свинарники, латать тряпки и знать, как правильно почистить чертову морковку. Все это не имеет никакого значения! Все эти дуры непрерывно строят планы, как заловить мужчину и заставить его жениться, чтобы начать новый бессмысленный круг этой убогой жизни. Я больше не вынесу! Если бы отец остался здесь, он сошел бы с ума; теперь вместо него я теряю разум. Я не хочу, чтобы ты или кто-то другой учили меня, как жить; я буду жить собственной жизнью! Она не имеет ничего общего с этой жалкой, пустой тратой времени, которую вы называете жизнью! Я уплыла бы с отцом, если бы Фент не связал меня. Как ты можешь обвинять отца в том, что он уплыл? Ты его выжила, избавилась от него — он мне сказал! Дядя Марган помог тебе развестись с отцом и завладеть островом!

Прижав руку ко рту, Бера смотрела на дочь потемневшими глазами. Ошеломленная, озадаченная, потеряв дар речи, она обводила взглядом комнату. Женщины смотрели на нее круглыми от удивления глазами. Уже много лет на острове не бывало такого отменного представления; это тебе не новогодние гулянки или выступления актеров.

Бабушка Рольфсен с болью смотрела на внучку.

— Катла, как ты можешь причинять матери такую боль?

Но Катла набросилась и на нее:

— Ты не лучше нее! Вы наверняка сговорились, чтобы выжить отца!

У Гесты отвисла челюсть, но Катла уже повернулась к остальным женщинам. Они смотрели выжидающе, как голодные крысы, которые надеются чем-нибудь поживиться. Катла не удивилась бы, вырасти у них усы и серая шерсть.

— Что уставились? — закричала она. — Все вы одинаковые — глупые бабы с кучей предрассудков. Вы не способны сделать что-либо самостоятельно, никогда не покинете остров, никогда не станете рисковать, никогда не решитесь на что-то необычное. Вас возьмут в жены скучные люди, вы нарожаете по дюжине глупых детей и умрете жирными, уставшими от скучной жизни в своих вонючих постелях. Я такой жизни не хочу и вас больше видеть не желаю!

Они молча глазели на нее. Потом очнувшаяся Киттен Соронсен начала хохотать. Катла в бешенстве смотрела на нее, но уже через несколько мгновений все женщины громко смеялись; эти звуки казались Катле отвратительными, как крики стада ослов, и она, выскочив за дверь, снова, теперь уже окончательно, убежала из дома отца.

Она мчалась, куда силы не оставили ее. Она уже не понимала, куда бежит, и опомнилась только возле покрытых гнездами казарок утесов у подножия Зуба Пса; внизу на скалистый берег накатывали пенистые волны. Над ней вздымался величественный пик высотой в сотни футов, золотисто мерцающий в лучах послеполуденного солнца. На его уступах со стороны, обращенной к морю, были видны цветы. Катла смотрела, как они качают на ветру бледными головками — лихнисы, береговые гвоздики, лаванда, скабиозы, вика, но ярче их выделялись пятна желтого лишайника, который не встречался на других Западных островах. Внезапно ее пальцам стало горячо, а ладони зачесались. Казалось, скала зовет ее. Она засунула за пояс на спине нижний край небольшого лука, который схватила, убегая из дома, перевязала пучок стрел в колчане и надела его через голову крест-накрест с луком, закрепив на талии кожаным ремнем. Затем, посмотрев вверх, обследовала поверхность скалы. Солнце согревало лицо, над головой парили чайки. Она поставила ногу на ближайший выступ, зацепилась пальцами за выбоину и громко захохотала — сверху на нее брызнули капли прохладной талой воды. Из камня в нее перешел заряд энергии. С детских лет лазание по скалам приводило ее в восторг; она чувствовала родство с этой каменной стихией, с кристаллами и минералами, гладкими и шероховатыми поверхностями, но считала, что это вызвано тем наслаждением, которое она получала, карабкаясь вверх. Катла думала, что ее жизненная сила так велика, что выплескивается сквозь кожу на все, чего она касается. Однако сейчас она поняла, что это не совсем так. Что бы сейда ни сделала с ней, что бы она сама ни сделала для сейды, но в тот странный, потрясающий момент передачи и получения дара рядом присутствовала какая-то третья сила, явившаяся на мгновение из неведомых далей.

Сегодня она ощущала ее снова, на этот раз — как постоянное присутствие. Сила вливалась в ее тело через руки и ноги, и обычно сложный подъем стал гораздо более легким. Всякий раз, когда она тянулась вверх, чтобы зацепиться за какой-нибудь выступ, скала, казалось, шла навстречу ее руке и будто приклеивалась к ладони. Если нога Катлы искала трещину или стояла на едва заметном уступе, в камне появлялось углубление, куда удобно помещалась ступня. Это было похоже на танец — медленные чувственные движения, совершаемые двумя партнерами, хотя Катла танцы не любила, потому что считала их скучными. Когда она достигла вершины и ухватилась за последний выступ, очень напоминающий голову кролика, кровь мягкими, но сильными толчками билась в висках, горячими потоками бежала по телу. Сердце пело, а в голове шумело. Усевшись на мягкую подстилку из цветов и обратив лицо к солнцу, она жадно вдыхала соленый ветер; свесив ноги с вершины скалы, Катла чувствовала себя сильной и бодрой, как никогда прежде.

Несколько мгновений она блаженствовала, а потом внезапное воспоминание о ссоре с матерью затмило радость, как черная туча, закрывшая солнце.

Плевать, подумала Катла. Она отвязала колчан, сняла лук, положила их на дерн и резко ударила башмаком по камню. Плевать на них. Несправедливость матери и ее откровенность при посторонних заставили лицо пылать. Не то чтобы она стыдилась своей связи с вожаком актеров — совсем нет. Когда Катла время от времени доставала памятный шнурок с вплетенными в него высохшими цветами и ракушками и вспоминала ту ночь и то утро, то с тоской думала только об одном — этого сильного, жизнерадостного человека больше нет, и

никогда не повторится их волнующее, запретное соитие. Но это касается только ее одной; она ненавидела сплетниц, которые примутся сейчас судачить о ней и будут при этом уверены, что они — лучше, потому что не раскидывают ноги перед первым встречным и думают о замужестве.

Катла задумалась: какие у нее теперь пути? Их немного, и они очень непохожи. Можно взять лодку, понадеяться на хорошую погоду и грести двадцать миль до Черного острова. Но Черный остров беден; она не знала, найдет ли там себе работу и кров. Его жители с трудом добывали для себя пропитание; сомнительно, что они с распростертыми объятиями встречают пришельцев; тем более что она — дочь хозяина Камнепада, сманившего всех мужчин острова в свое плавание. Она могла поплыть по более беспокойным водам на север, к Фостри, но это было бы трудное плавание, а земля там почти пустыня. Можно было остаться на Камнепаде и попросить крова, например, у старой Ма Галласен. У нее есть лук и стрелы, и она будет охотиться на кроликов, чтобы отплатить за приют. Но жить с целой стаей кошек, которых держит сумасшедшая старуха... Эту идею трудно было назвать привлекательной. Но мысль о возвращении домой была просто невыносимой.

Гордость... Катла знала, что обладает ею, и понимала, что именно гордость заставляет ее говорить то, чего не следовало бы. Для нее гордость была важнее, чем мнение окружающих, и, может быть, в этом ее преимущество и сила? Как бы там ни было, Катла не могла растоптать свою гордость, потому что она помогала ей крепко стоять на ногах, высоко держа голову.

Внезапно она заметила корабль.

Он плыл справа, там, где виднелась длинная линия выступавших из воды утесов, защищавших восточное побережье Камнепада. На таком расстоянии он казался крошечным, но Катла хорошо рассмотрела его и заметила темный квадратный парус. Сердце ее бешено забилося. Он вернулся за ней, изменил курс, когда узнал о жестокой шутке Фента! Или они встретили льды, которые оказались непроходимыми, и решили подождать, чтобы пуститься в плавание немного позже...

Она вскочила на ноги и, прикрыв глаза ладонью, стала всматриваться в блестящую на солнце гладь моря. Что делать — бежать вниз, в гавань, чтобы встречать корабль, или помахать рукой отсюда? Ей больше нравилась последняя мысль — приветствовать отца именно с этого места, где ее, связанную и с кляпом во рту, оставил любимый братец.

Поэтому Катла снова села на дерн и принялась ждать, пока корабль подойдет поближе к острову. В конце концов она все-таки увидит легендарное Святилище. Это было чудо, как голос из камня, звучавший в ее голове, как сила, истекавшая из скалы и дарившая ее своей благодатью. Она не могла сдержать радости, с лица не сходила широкая улыбка.

Вдруг судно взяло другой галс, чтобы поймать ветер, и Катла увидела второй парус — небольшой, хлопающий при повороте, рука ее взлетела, зажав рот, чтобы не вырвался крик. Это была не «Длинная Змея», возможно, вообще не эйранский корабль. Она не могла оторвать от него глаз, не хотела верить, что к острову приближается опасность.

Вскочив, она опрометью понеслась по тропе вниз, вопя во все горло, но в пределах мили не было ни одного человека, который услышал бы ее. Далеко внизу, в домах и на берегу, женщины были поглощены работами по хозяйству, хлопотали и сплетничали, не подозревая о том, что еще до заката их привычная жизнь на Камнепаде закончится и все пойдет совсем по-другому.

Глава 28 МОРЕХОДЫ

Мэм провела рукой по спине Персо и вздохнула. В голове было восхитительно пусто; это случалось нечасто, и только тогда она чувствовала себя удовлетворенной и расслабившейся. На закате солнца они бросили якорь у песчаного берега острова, который назывался Далекий, развели огонь и впервые за несколько дней поели горячего. После

полубочонка старого пива вареная баранина с диким луком показалась необычайно вкусной; команда занялась еще одним бочонком, а Мэм и Персо соорудили в отдалении укрытие из запасного паруса и ветвей деревьев. Уже четыре дня они не притрагивались друг к другу — жизнь на корабле не благоприятствовала близости, и Мэм ощущала настоящую потребность снова почувствовать прикосновения его рук.

В мерцающем огне светильника — плошки с тремя фитилями, скрученными из мха и плавающими в тюленьем жире, — она рассматривала татуировку Персо, проводя пальцами по ее линиям с нежностью, которую трудно было заподозрить в этой крупной и грозной на вид женщине. На худой темной спине горца причудливые завитки и узоры, обозначающие его клановую принадлежность, цвели всевозможными оттенками. Когда она впервые увидела Персо обнаженным, то застыла от изумления. Мореходы Севера иногда возвращались из экзотических стран с татуировками, полученными в каком-нибудь портовом кабаке после распития нескольких бутылок. Обычно эти подарки были непристойными или оскорбительными, иногда — кощунственными по содержанию; кто-то сам делал себе татуировку, простую и бесхитростную, скучая в дальнем плавании. Но ничего похожего на татуировку Персо она нигде и никогда не встречала. Мифические существа и причудливые виды покрывали весь торс спереди и сзади, словно он обернулся гобеленом из королевского дворца. Мэм никогда живописью не интересовалась, а художников считала бесполезными, самовлюбленными, эгоистичными, бесхребетными личностями и не выносила их. Кроме того, она считала глупыми сказками предания о богах и богинях, невиданных чудовищах, чудесах магии, которые так нравились обывателям и на Севере, и на Юге. Но она была вынуждена признать, что татуировку Персо можно назвать одним из чудес Эльды.

Когда его не было рядом, она предпочитала не думать об этих таинственных изображениях, прятала их в тайники памяти, чтобы не забивать голову мыслями о его теле, с которым так хорошо познакомилась в Халбо. Теперь, насытившись им, она снова заинтересовалась рисунками и чувствовала, как они очаровывают ее. Во всю ширину спины были изображены Фаремские скалы, строгие конические пики южных пределов мира, серые от вулканического пепла, с дымящимися кратерами вулканов. Над ними, как предупреждение, висели темные тучи с изображением молний, потоков дождя и золотистого града. Ниже, на левом боку Персо, была яркая картинка — Фалла убегает от преследователя, которого не видно, потому что он наколот на животе. Мэм уже хотела перевернуть горца на спину, но вдруг что-то приковало ее взгляд... Изображение Красного Пика изменилось. Казалось, большая гора треснула, и в щели видна огненная бездна. Наверное, он сделал эту наколку совсем недавно.

— Прекрасная работа, — сказала она. — Форент или Сэра?

Какое-то время Персо молчал, потом сонно спросил:

— О чем ты?

— О твоей татуировке, мой дикарь. Новую тебе сделали в Сэре или Форенте?

Персо перекатился, опершись на локоть, и поднял к ней лицо, недоумевая. Прямо перед собой Мэм видела его темную с золотистым оттенком грудь, живот, а ниже — густые кудрявые волосы и член, проснувшийся вместе с хозяином. Твердой рукой она снова опрокинула горца на живот и легонько придавила ладонью. Он повернул голову, взглянул на нее через плечо своими черными глазами и сказал:

— Я, как всегда, весь к твоим услугам, киска.

Ни один человек в трезвом уме и здравой памяти не рискнул бы назвать Мэм киской. Как-то раз дядюшка Гарстан завалил ее на кучу сена в коровнике и называл киской, пока срывал с нее одежду. Оправдывая это прозвище, она, как дикая кошка, вывернулась из его рук и располосовала ногтями лицо. Потом ударила его коленом в пах, забрала его нож, маленький кошель с серебром и ушла навсегда из дома. Но когда Персо называл ее киской, ей хотелось замурлыкать.

— У тебя татуировка изменилась, — сказала она. — Красный Пик извергается.

По лицу Персо было видно, что он ошеломлен.

— Извергается?

— Из него поднимаются пламя и дым, и... — Она взяла плоску светильника и поднесла ее к спине горца. Две или три капли горячего масла медленно упали на кожу, Персо вскрикнул и дернулся, но Мэм не обратила на это внимания. — ...и вот здесь, — она провела пальцем по волосяной дорожке, — что-то еще. — Нагнувшись, она слегка развела его ягоды, так что Персо почувствовал неудобство. — Лежи спокойно, я не собираюсь делать с тобой ничего противоестественного. По крайней мере пока ты этого не попросишь.

Еще одна капля упала с плоски и попала как раз промеж ягод.

— Спасибо, не надо.

— Ладно, видишь, вот здесь... Ах да, ты же не можешь видеть. Я тебе расскажу. Красный Пик распадается у основания, и там стоит какая-то фигура, хотя при таком свете трудно сказать. Или при таком положении тела.

— Фигура?

— Да, черная и безобразная, словно тролль или эльф.

Теперь Персо проявил всю свою недюжинную силу и, отбросив руку Мэм, прыгнул в угол палатки; лицо его было искажено ужасом. Плоска упала, масло выплеснулось на их ложе и загорелось. Пламя быстро подобралось к краям парусины и побежало по ней. Но Персо оставался на месте; прижав колени к груди, стуча зубами, он бормотал:

— Повелитель Битв, Безумец, Повелитель Битв, Безумец; Госпожа, помоги всем нам...

Мэм встала, голыми руками сорвала горящий парус с каркаса из веток и отшвырнула его прочь. Он пролетел в ночной мгле, как комета, и привлек внимание команды, расположившейся у костра.

— Лопни мои глаза, — пробормотал Джоз Медвежья Рука, оторвавшись от бараньей ноги. Раньше он не видел Мэм голой, да и не имел ни малейшего желания; теперь понял почему. По правде говоря, он сам любил полнотелых женщин, но чтоб таких... Он поймал себя на мысли: что она делает со своими грудями, куда девает их, чтобы они не мешали во время боя? А потом вспомнил: она всегда возит с собой длинные куски льняной ткани. Он думал, что это запас для перевязки ран; оказывается, действительно для перевязки, только не ран, а вот этого необъемного бюста.

— Ты только посмотри на них, — выдохнул он, обращаясь к Доку. — Ты когда-нибудь видел что-нибудь более чудовищное?

— Остынь, — одернул его Док. — Если Мэм узнает, что ты тарачился на ее сиськи, она оторвет тебе яйца быстрее, чем ты успеешь позвать Фейю, повесит их на шнурок и будет носить на шее.

Больше об этом никто не заговаривал, и на следующее утро о случившемся не было произнесено ни слова. Никто не посмел спросить, почему Персо ходит с таким выражением лица, словно пережил сильнейшее потрясение, или почему на запасном парусе появились подпалины и дыры. Только один наемник помоложе доверительно шепнул Эрно:

— Здоровая она баба, эта Мэм. Знал я одного малого, который повредился в уме таким образом. Снял он как-то раз в «Матросском приюте» Трехрукую Кетию с сестрами, и после этого бедняга стал ни на что не годен.

На причале уже собирались женщины и девушки, чтобы приветствовать приближающийся корабль. Катла, спешившая по тропинке с вершины Зуба Пса к гавани, смогла разглядеть Киттен Соронсен, Маглу Фелинсен, Тин Хилди, которая, очевидно, совершенно оправилась от обморока; с ними были Форна Стенсон, Кит Фарсен и Ферра Брансен и еще две пожилые женщины. Вероятно, из клана Тюленьего Утеса, а может, старая Ма Галласен и ее подруга Тиан — трудно было определить с такого расстояния. Но она видела, что весть о приближающемся судне быстро облетела побережье, и женщины бросились к гавани; Киттен сменила испачканное платье на свой лучший алый сарафан, прекрасно оттенявший ее глаза и волосы. Похоже, она рассчитывает привлечь больше внимания, чем заслуживает, сердито подумала Катла. Но ни один добрый, честный моряк с

Севера на нее не позарится. Больше она не пыталась докричаться до женщин: все их внимание было приковано к морю, в ее сторону никто не смотрел. Прищурившись, она могла наблюдать, как толстуха Брета переваливается по тропе, ведущей к берегу, в компании Марин Эдельсен; за ними спешили Оттер, мать Маглы, и хозяйка Камнепада, Бера Рольфсен. Последней шла бабушка Рольфсен, опиравшаяся на свою клюку.

Поцарапавшись о ежевику, Катла скрипнула зубами и ускорила бег. Корабль был уже совсем близко, на расстоянии человеческого крика; неужели никто не видит, что это не эйранское судно? Что на нем нет ледолома? Но молодые женщины почти не разбирались в кораблях, а зрение старух, которые в последний раз видели корабли южан лет двадцать назад, сильно ослабело. Катла про себя ругала их за глупость и доверчивость. «Это не „Длинная змея“!» — в который раз пыталась докричаться она, но ветер с моря относил ее голос, смешивая его с криком чаек. Сможет ли она добежать вовремя и предупредить их? От вершины Зуба Пса до подножия горы по тропе было более трех миль, а это не менее получаса пути, даже если бежать; немного левее был более короткий, но опасный спуск: крутой, изрытый кроличьими норами — в них можно легко угодить ногой и сломать лодыжку, — покрытый камнями, заросший ежевикой, дроком и папоротником. Если перед каждым шагом не смотреть под ноги, то можно свернуть себе шею, и никто даже не найдет тело.

От подножия горы тропа, ведущая к гавани, принялась петлять по каменистой ложине меж невысоких холмов; некоторое время она не видела ни корабля, ни собравшихся у причала, но и сама была незаметна с берега. Ничего не оставалось, как только бежать, бежать и надеяться, что успеет предупредить женщин до того, как люди с судна начнут высадку.

«А если это набег, что тогда? — В голове ее снова звучал голос. — Никто из женщин не владеет оружием, не знает, за какой конец надо держать меч. Какая польза от них, если это набег? Может быть, — вкрадчиво предположил голос, — будет лучше, если они получат жестокий урок? В конце концов, они это заслужили — после всего, что наговорили тебе и сделали. Беги в глубь острова, спасайся; можно прокрасться на задний двор дома, захватить меч, вещи, провизию... Спасайся, пока пришельцы только готовятся к высадке...»

Катла негромко выругалась. Она отказалась от попыток понять, откуда приходят голоса. Может, она просто рассуждает сама с собой? «Заткнись! — сурово приказала она голосу. — Я не могу одновременно слушать тебя и бежать изо всех сил».

Сердце стучало как молот, дыхание разрывало легкие, но Катла продолжала бежать, надеясь, что успеет хоть как-то помочь.

«Длинная Змея» находилась далеко, очень далеко от родного Камнепада, и трудно было сказать, где именно. Когда туман немного рассеялся, люди снова сели на весла, но теперь они шли через льды, а команда заметно уменьшилась. После исчезновения Брана Маттсона и Тора Болсона они потеряли еще троих товарищей, несмотря на то, что капитан непрерывно следил за всеми людьми. Аран Арансон не спал четверо суток. Глаза его ввалились и покраснели, сухую кожу лица избороздили глубокие темные морщины. Он не всегда внимательно прислушивался к тому, что говорили моряки, а если слышал то, что было ему не по нраву, то быстро приходил в ярость. Он съедал все, что ставил перед ним Маг Шейктан, без аппетита и комментариев, отказывался от вина и крепкого пива и часто сверялся со своей картой. Большинство моряков избегали его; некоторые собирались группками после своей вахты и говорили, что еще один человек пропал. Они тихо соглашались, что никто не понимает происходящего и необходимо поворачивать обратно, но ни один не осмеливался стать заводилой и выступить первым. Урс следил за ними и знал, о чем они думают. Он полагал, что моряки не отважатся на бунт. Встретив Эммера Бретисона, который возглавлял недовольных, он тяжело посмотрел ему в глаза. Эммер выдерживал его взгляд лишь несколько мгновений, потом смутился и отвернулся. Урс делал это не из-за какой-то особой преданности Арану; просто он считал, что если люди по доброй воле ступили на палубу «Длинной Змеи», то тем самым они приняли на себя ответственность за

последствия этого решения, изъявили согласие рисковать и переносить лишения. Однако таинственное исчезновение товарищей выходило за рамки этого соглашения, и он не знал, что можно сделать с этой загадкой. Но вслед за Араном твердо был уверен: мертвецы и духи здесь ни при чем, глупо верить сказкам.

Льды стали толще, и грести теперь было труднее. Ледовые поля простирались перед ними, уходя вдаль, к северу; при свете мглистого арктического дня в них были видны темные разводья и проходы, змеившиеся в разных направлениях. Судно вошло в один из них; Урс стоял на мостике и выкрикивал команды, направляя ход корабля. Люди гребли, заморожено глядя на непривычное окружение. Чем дальше они продвигались сквозь ледовое крошево, тем причудливее становились формы, которые принимал лед. Начали встречаться островки твердых кусков льда, которые плясали на темной воде, блистая, как драгоценные камни. Когда они ударялись о корпус корабля, то раздавался неожиданно сильный стук, скрежет, и даже казалось, что доски обшивки не выдержат. Часами Аран стоял на носу, перегнувшись через борт, и длинным багром отпихивал самые крупные куски, но тысячи мелких льдинок непрерывно били и скребли твердый дуб.

Над ними висело холодное свинцовое небо; над разводьями за кораблем вились клубы пара, поднимавшиеся от воды и словно готовые сгуститься, принять какие-то кошмарные формы. Пар обволакивал хозяина Камнепада, силуэт которого вырисовывался на носу судна, словно духи хотели проникнуть в его тело, забрать себе. Когда небо окрасилось в розовые и фиолетовые тона, что означало арктический закат, они оказались в совершенно другом окружении, которое напоминало об услышанном в сказках и преданиях. Ничего более странного и величественного никто из них раньше не видел. Сначала они попали в объятия гигантских айсбергов, которые возвышались вокруг и над ними подобно часовым, великанам или сказочным замкам, на гладких стенах которых, созданных из древних льдов, играли золотистые, алые и розовые блики. Течение меж ледяных исполинов рождало волны, и они бились об айсберги со звуком, напоминавшим отдаленный гром.

— О боги, — выдохнул Маг Шейктан, в темных глазах которого отражалось то, что он видел, — это похоже на край света.

Но чудеса только начинались.

Когда начало темнеть, они услышали далекий звук, смутно похожий на голос.

— Крачки? — предположил Ян, посмотрев на Флинта Хакасона.

Флинт вытянул шею и насторожился, словно пес, уловивший звуки, которые не воспринимает человеческое ухо.

— Может быть, — ответил он, помолчав. Видно было, что Флинт сам в этом не уверен.

— Слишком темно, — заметил Аран. — И слишком далеко от земли.

— Глупыши, — сказал Урс. — Мне кажется, похоже на крики глупышей.

Некоторое время ничего не было слышно, кроме шороха ветерка над ледяными полями и постукивания льдинок, прыгающих на воде и бьющихся друг о друга. Потом звук донесся снова — высокий, скрипучий, разорванный ветром и расстоянием.

Люди стояли у борта «Длинной Змеи», уставясь в направлении звука и не двигаясь, словно оцепенев от напряжения.

— Клянусь Суром, — произнес наконец Пол Гарсон, и голос его дрожал от ужаса, — это песня.

Теперь все могли слышать ее: ветер доносил высокие и низкие ноты, слишком ритмичные для природных звуков, слишком мелодичные для случайных шумов, но все еще ускользающие, смутные и непонятные для уха из-за большого расстояния.

Маг вцепился в руку капитана.

— Давай повернем, — судорожно произнес он, сжав локоть Арана словно клещами. — Надо убираться отсюда, пока не поздно.

— Он прав, капитан, надо сейчас же садиться на весла! — выкрикнул Гар Фелинсон, согласно кивая.

Урс Одно Ухо поддержал товарищей:

— Мне это совсем не нравится.

Все моряки разом заговорили и задвигались; паника сделала их движения быстрыми и порывистыми. Некоторые бросились к скамьям, приготовили весла и выжидающе смотрели на капитана; остальные в ужасе вглядывались в даль, стоя у борта и сжимая рукояти кинжалов. Флинт Хакасон подошел к мачте и взял со стойки один из гарпунов; лицо его было необычайно угрюмым.

Звуки стали громче, отчетливее, людям начинало казаться, что они узнают знакомый напев, и это вселяло еще больший страх. Кто бы ни был там, в темноте, ему, казалось, трудно воспроизводить мелодию — напев то взлетал к верхним нотам, то падал вниз, то совсем растворялся в ночной мгле. Несмотря на это, вскоре всем стало ясно, что звучит песня, хорошо известная им под названием «Жалоба моряка»:

Прекрасной и белокурой она была,
Прекрасной и белокурой.
С радостью полюбила она меня
И обещала ждать.

Но я уплыл так далеко
Через синее море,
Далеко от островов,
Где любимая моя жила.

Пока я плыл по бурному морю,
Мечтая лишь о ней,
Ее любовь увяла, умерла,
И она изменила мне.

Многих друзей я потерял,
Плывя по бурному морю,
Теперь ледяная пучина зовет меня,
И путь мой лежит во владения Сура.

Ничто меня больше не держит,
Все, что любил я, ушло,
Любовь, моя молодость, жизнь,
Лишь тишины хочу я, покоя и смерти.

Когда смолкла песня, глазам их предстало видение: ветхая лодка, избитая стихией, с изорванным парусом, лоскуты которого шевелились на ветерке. Это было небольшое суденышко, последняя надежда людей с потерпевшего крушение корабля. Борта его потрескались, некоторые доски были разбиты в щепки; очевидно, корабль, с которого его спустили, погиб. Моряки с «Длинной Змеи» смотрели на лодку и искали пальцами амулеты на шее, осеняли себя охраняющими знаками. Перегибались через борт, чтобы рассмотреть, кто пел, но из-за темноты долго не могли ничего разглядеть.

Потом лодка подошла ближе, и моряки подумали, что лучше бы они этого не видели.

В лодке сидела одинокая фигура. Лицо почернело от стужи, а ввалившиеся глаза смотрели как из бездны, и в них отражался свет факела, который держал в руке Аран Арансон. За черными губами виднелись редкие зубы. Длинные волосы на голове и борода были покрыты изморозью, как и лохмотья, прикрывающие тело. На единственной ноге не было башмака; вместо второй торчала безобразная культя. В руках фигура держала нечто белое и продолговатое. На дне лодке валялись черепа, а посередине виднелась груда костей.

— Клянусь очами Фейи! — вскричал Эммер Бретисон; он был настолько потрясен

увиденным, что растерял все свое мужество и взывал к женскому божеству.

Флинт Хакасон уронил на палубу гарпун, все вздрогнули и разом загомонили.

— Да защитят нас боги!

— Мерзкий, отвратительный ублюдок!

— Но как? Что это? — медленно произнес Фолл Рансон; его глаза готовы были выскочить из орбит. Он смотрел на это плавучее хранилище костей, ничего не понимая. — А команда? Что случилось с остальными?

— Он съел их...

Теперь уже все заметили, что берцовые кости были расщеплены — для того чтобы извлечь из них мозг, что между ребрами одного скелета торчит нож, а черепа расколоты надвое, словно скорлупа.

Урс первым понял, что мертвец держит в руках.

— Клянусь Повелителем Суром, — пробормотал он, содрогаясь, — он съел собственную ногу...

— Съел! Съел! — раздался пронзительный голос, а затем последовал безумный хохот. — Он съел собственную ногу! — Это кричал Фент, и его глаза горели дикой радостью.

Мгновение спустя в воздухе что-то просвистело, а потом послышался глухой удар. Мертвый людоед опрокинулся на спину в кучу костей. Несколько раздернулась задранная культа. Тяжелый гарпун попал в грудь, пронзил ссохшееся тело и пригвоздил его к днищу лодки. Это оружие предназначалось для охоты на нарвала или кита и легко проломило дерево. В лодку стала быстро набираться вода; вскоре плавающий склеп наполнился до краев и пошел на дно.

Аран Арансон прошел по палубе «Длинной Змеи» к своей скамье, взялся за весло и принялся ожесточенно грести. Люди быстро заняли свои места и последовали примеру капитана. Все были рады заняться наконец делом. Через несколько мгновений судно уже далеко ушло от места встречи с лодкой, о которой никто из них не смог бы забыть до самого смертного часа.

Но для одного моряка этот час наступил гораздо раньше, чем он ожидал.

Последнее, что увидел Брет, парень с восточного берега Камнепада, — темная вода, стремительно несущаяся навстречу. Фент Арансон одной рукой зажал ему рот, а второй с дикой силой резко и быстро перебросил через борт — прямо в кильватерную струю за кормой корабля.

Глава 29

НАБЕГ

Катла не знала, что, когда она сбежала по тропе с Зуба Пса и понеслась по распадку меж холмов, уже было поздно. Она одолела болотистую низину у Овечьего ручья и промчалась по покрытому галькой откосу мимо лачуги Ма Галласен. Козы и кошки, которых держала старуха, равнодушно посмотрели на нее одинаковыми золотыми глазами. Но чужаки уже вошли в бухту, и женщины Камнепада остолбенели, начиная понимать, что они ошиблись.

Этот корабль разительно отличался от «Длинной Змеи» и, как давно стало ясно Катле, вообще не был похож на суда северян — огромный, неуклюжий, скорее пародия на настоящий корабль, он прибыл издалека, каким-то чудом уцелев в изменчивых водах Северного океана. Командовал им человек, которого даже друзья (их у него было немного, да и те в основном уже умерли) называли Ублюдок, а экипаж был набран из отъявленных головорезов, нанятых в разных уголках Южной Империи.

Но даже поняв, что они заблуждались, женщины не бросились врассыпную, а оцепенели от изумления. Чужаки были чисто выбриты и носили экзотические одежды. Кожа у них была очень смуглой, волосы — черными, и они совершенно не походили на рослых,

светлолицых северян-бородачей. На них были одежды из яркого шелка и льна, расшитые бисером и золотой нитью, на поясах и шеях — серебряные и бронзовые цепи, на пальцах рук — перстни, на запястьях — чеканные бронзовые браслеты, у многих — ожерелья из камней и серьги, в которых сверкал и переливался на солнце янтарь. Ни курток, ни штанов из грубой ткани; вместо кожаных рубаш, обшитых металлическими пластинами, — блестящие кольчуги. В руках — длинные узкие серебристые клинки, отливающие в предзакатном свете красным.

— Бегите! — закричала Тин Хилди, которая была не так глупа, как могло показаться. — Бегите, спасайтесь!

Ферра Брансен и Кит Фарсен в недоумении смотрели, как, подобрав юбки, под которыми оказались полосатые, сползшие чулки и башмаки из свиной кожи на толстой деревянной подошве, она побежала прочь, громко стуча грубой обувкой по камням. Она пронеслась мимо идущих навстречу Киттен Соронсен и Маглы Фелинсен, которые посмотрели ей вслед, раскрыв рты от удивления.

— Бедная дурочка, — презрительно фыркнула Киттен, — испугалась каких-то торговцев. Интересно, что они привезли? Эти люди умеют обращаться с покупателями. Я не откажусь посмотреть украшения и галианские шелка замечательного изумрудного цвета...

Тин Хилди неслась изо всех сил; следующими, кого она встретила, были старухи. Они кричали ей вслед:

— Куда ты так спешишь, Хилди Кроличья Лапа? Дом горит или собака съела твой обед?

Женщина с Тюленьего утеса толкнула соседку локтем.

— Побежала надевать подштанники, — хихикнула она. — А то распугает своим запахом всех мужчин!

Все захихикали, довольные шуткой, и двинулись дальше. Первая лодка с чужого корабля уже достигла причала; люди приставили к нему железную лестницу и принялись карабкаться наверх. В зубах у них были зажаты кинжалы.

Даже это не насторожило Маглу Фелинсен. Она повернулась к подруге, чтобы сообщить, как ей нравятся их блестящие черные волосы и орлиные профили, но обнаружила, что Киттен Соронсен рядом нет: ее алый сарафан виднелся на дальнем конце мола, откуда начиналась дорога вверх, к домам. Магла снова повернулась к лодке и в двух шагах от себя увидела мужчин. Один грубо схватил ее за руку и оценивающе осмотрел с ног до головы. Потом крепко стиснул ее грудь.

Магла пришла в ярость. Если бы подобное сделал северянин, даже во хмелю, то мужчины из семейства Маглы проучили бы его кулаками, а то и ножами, или ему пришлось бы заплатить штраф. На него самого, на весь его род легла бы печать позора. Никогда такой человек не смог бы жениться на приличной девушке; обычно его ждала судьба скитальца по морям.

Так вести себя с Маглой Фелинсен мог либо отчаянный храбрец, либо полный дурак. На Западных островах она была известна своим пронзительным криком и умением ругаться, и сейчас Магла использовала все свои навыки.

— Убери от меня лапы, грязный дикарь! Как ты смеешь вести себя подобным образом? Не сказав ни слова приветствия, даже не представившись! Постыдился бы хватать приличную девушку! Тебя что, не научили хорошим манерам там, откуда ты явился? Откуда ты вообще взялся?

Мужчина с недовольным видом отшатнулся, вероятно, вопли Маглы оглушили его. Не отпуская ее руки, он повернулся к товарищу и бросил несколько непонятных слов на свистящем языке южан; тот захохотал и что-то ответил. Потом с абсолютно бесстрастным видом он размахнулся и резко ударил Маглу кулаком в лицо. Глаза девушки остекленели, и она рухнула на доски мола.

Наблюдавших за этой сценой женщин охватила паника. Форна Стенсен, Кит Фарсен и Ферра Брансен завизжали и бросились прочь, нагоняя Киттен Соронсен и отчаянно крича.

Старухи прекратили таращить глаза и кудяхтать, подобрали юбки и ударились в бегство со скоростью, которую трудно было ожидать от женщин столь преклонного возраста; они напоминали выводок ежей, учуявших лисицу и спешащих спрятаться в укромном месте. Толстуха Брета, раскрасневшаяся после бега к гавани, набрав в легкие побольше воздуха, развернулась и, громко сопя, затопала назад; за собой, держа за руку, она тащила Марин Эдельсен.

Бера Рольфсен, хозяйка Камнепада, была ошеломлена происходящим. Вместе с Оттер Гарсен они не спеша шли к причалу, увлеченные беседой о соотношении наказаний и поощрений в деле воспитания трудных, непослушных дочерей, и неожиданно стали свидетельницами произошедшего между истрийским моряком и своенравной дочерью Оттер. Но только когда мимо них с криком «Разбойники! Разбойники!» пронеслась Тин Хилди, а за ней, не обращая внимания на колючие кусты, ранившие обнаженные голени, Киттен Соронсен, женщины поняли, что случилось неладное.

Бера глянула вниз, на причал, увидела, что даже старухи бегут, и сразу оценила ситуацию.

— О боги, Оттер! — воскликнула она, хватая спутницу за руку. — Подозреваю, что эти чужаки — не те люди, которых мы хотели бы видеть у наших берегов и в наших домах. Давай-ка вернемся в дом, запремся и дадим им отпор, чтобы нашим мужьям не было стыдно за нас. — Она помахала рукой женщинам, бегущим по тропе: — Быстрее! Быстрее назад! В дом!

— Но что же будет с моей дочерью? — спросила Оттер, пытаясь рассмотреть происходящее у причала.

— Думаю, сейчас мы ей ничем не поможем, — твердо произнесла Бера, — и вряд ли облегчим положение, если сами попадемся к ним в руки. — Помолчав, она спросила: — Ты умеешь стрелять из лука, Оттер?

Та в недоумении посмотрела на нее, приоткрыв рот. Помедлив, ответила не совсем уверенно.

— Кажется, да...

— Тогда, — Бера положила ей руку на плечо, — попытаемся выжить сами, а потом спасем и твою дочь.

Стоя между кустами боярышника, там, где тропа делала петлю и уходила обратно к скале, Катла наконец смогла разглядеть происходящее в гавани. Она видела, как два чужеземца перенесли тело Маглы Фелинсен в одну из своих лодок, и нахмурилась. Она мертва? Потеряла сознание? Что там случилось? Катла не могла понять, зачем чужакам Магла Фелинсен — хоть живая, хоть мертвая, — но допускала, что может быть предвзятой в этом вопросе, в конце концов, о вкусах не спорят. Она почувствовала облегчение, когда женщины, забыв о любопытстве, ударились в бегство. Теперь она думала о том, что делать ей дальше.

Она могла спрятаться на Зубе Пса и оставаться там, пока все не кончится. На краткий миг эта мысль показалась привлекательной, но она появилась и улетела, как унесенная ветром бабочка, — Катла прогнала ее, несмотря на настойчивые увещания своего внутреннего советчика. Еще она могла побежать к дому и присоединиться к остальным, принять участие в обороне — но и эту мысль Катла отбросила почти сразу. Сражаться в тесных комнатах, толкаясь локтями с бессмысленно вопящими женщинами... Ей придется проглотить собственную гордость и исполнять приказы матери — нет, это невыносимо. Лучше оставаться снаружи и действовать самостоятельно. Она будет бегать, стрелять, сражаться, заставать врага врасплох. «А если мне суждено худшее, — подумала она, — то я умру не как кролик в ловушке, запертая с остальными в доме, а под открытым небом, с оружием в руке». Катла огляделась и побежала, высматривая место, удобное для засады.

Со скоростью, невероятной для женщины, отягощенной повседневными трудами на

протяжении последних двадцати лет и родившей восьмерых детей — пятеро из них умерли во младенчестве, а шестой погиб на двадцать пятом году жизни, — Бера Рольфсен добежала до Перекрестка Фейи, где тропинка пересекалась с другой, огибающей деревню. Здесь кусты боярышника смыкались кронами, образуя над дорожкой арку, которая во время пятой луны покрывалась, как пеной, розовыми соцветиями, источающими пряный возбуждающий аромат, напоминающий запах крови. Так и должно пахнуть дерево, посвященное богине плодородия. В старые времена на Камнепаде бытовала традиция, согласно которой девушки, желавшие выйти замуж, в первый день весны поднимались до рассвета, бежали к заливу и садились в темноте у самой линии прибоя, расставив ноги; волны омывали их лоно, а они думали о своих возлюбленных и молили Сура, чтобы те обратили на них свое благосклонное внимание. Бера Рольфсен помнила тот день, когда сама проделала это, думая о высоком молодом красавце с точеным профилем и пронзительными глазами, помнила, как бежала назад, вверх по тропинке, и стояла под аркой боярышника, пока первые солнечные лучи не упали на нее сквозь ветки, а потом поднялась на цыпочки и сорвала цветок из середины арки — благословение Фейи. Помогла богиня или нет, но мечта ее сбылась — три дня спустя Аран Арансон, перевалив через горный хребет, приехал на своем невысоком крепком пони просить ее руки. За долгие годы арка поднялась выше — слишком часто срывали с нее цветки и даже целые ветви; теперь только очень рослая девушка могла дотянуться до цветов и сорвать их, не уколов пальцев о шипы, не разорвав рукава. А это считалось плохой приметой: даже капля крови обрекала на выкидыш при первой же беременности, разорванная ткань означала распад семьи или, что еще хуже, сулила девушке безбрачие. Вскоре стало ясно, что никто уже не может исполнить ритуал, не навлекая на себя несчастья, и обычай был отвергнут. Но арка оставалась тем местом, с которым у женщин острова было связано множество ужасных и восхитительных преданий.

Пройдя под аркой, хозяйка Камнепада свернула и почти сразу же наткнулась на Киттен Соронсен, которая лежала, застряв в зарослях боярышника и лихорадочно пытаясь высвободиться из колючих ветвей, не порвав алого шелка. Расшитая бисером туфелька Киттен — подарок Хаки Ульфсона, абсолютно непригодная для бега по каменистым тропам обувь, — торчала из-под корневища, выступающего над тропой; очевидно, девушка споткнулась об него, не заметив впопыхах.

— Во имя Сура, девочка! — отрывисто произнесла Бера. — Вставай, беги!

Киттен повернула к хозяйке Камнепада заплаканное лицо.

— Не могу, — всхлипнула она. — Мое платье не пускают колючки. Это мое лучшее, мое... А-а!

В руке Беры оказался большой кусок замечательного алого шелка. Костяшки кулака побелели — с такой силой она сжимала шелк.

Киттен с ужасом выдохнула:

— Теперь я никогда не выйду замуж!

— Ради спасения себя и других можно пожертвовать и большим, чем тряпка, — ответила Бера, сурово глядя на испуганную девушку. — Беги в дом, собери ножи, палки, все, что можно метать и чем можно ранить. — Она поставила Киттен на ноги. — Иначе ни одна из нас никогда не сможет сама выбрать мужчину, с которым ложиться в постель.

Киттен Соронсен побледнела и побежала от священных боярышников Фейи со всей возможной скоростью.

Бера перевела дух и быстро последовала за ней. На вершине холма она заметила тощую фигурку Тин Хилди, которая карабкалась через стену, ограждавшую дом.

— Тин! Хилди! — закричала Бера.

Балансируя на верху стены, девушка оглянулась, увидела, что ее зовет хозяйка Камнепада, и шлепнулась обратно на землю.

Бера одолела подъем, пробежала по жесткой траве и удивительно проворно перескочила через ограду.

— Пойдем со мной! — сказала она Тин, протянув ей руку и помогая перебраться во

двор.

Той ничего не оставалось, как повиноваться, хотя ноги ее не хотели слушаться. Держась за руки, они направились к кузнице. Войдя внутрь, Бера сняла с крюка, вбитого под полкой с инструментами, связку ключей. Несколько мгновений она рассматривала их, гадая, какой ключ к какому замку, каким запирает дом, хлев, кузницу, стойло, склады, а потом бросила связку на пол.

— Нельзя терять времени, — решительно сказала она, взяв со стены увесистую полосу железа. Миг спустя она уже изо всех сил била по массивному дубовому сундуку, в котором хранилось оружие. Наконец она раздробила то место, куда были врезаны замковые скобы, расшатала их, выдрала вместе с замком и отбросила крышку.

— Проклятие! — громко выругалась она.

Тин Хилди зажала рот ладонью. Девушка никогда не слышала, чтобы хозяйка Камнепада ругалась: она всегда была такой сдержанной женщиной и, даже приходя в ярость, не теряла самообладания.

— Клянусь волосатыми яйцами Сура! — богохульствовала Бера, в бешенстве пиная сундук ногой.

Он был пуст, если не считать пары старых тупых ножей и пучка стрел без наконечников. Кто-то забрал все оружие, хранившееся в сундуке на случай крайних обстоятельств. То ли Аран взял его для вооружения своей команды, то ли кто-то другой для неизвестных целей. Станным было то, что, кто бы это ни сделал, он не поленился запереть пустой ящик. Может быть, вор рассчитывал, что пропажа останется незамеченной?

Гадать не было смысла. Бера осмотрела помещение. На стене висел прекрасный меч, который Катла пообещала для матери Тора Лесона, и два кинжала, выкованные ею в качестве образцов. Она не успела нанести на них чернь, и выглядели кинжалы скромно, но лезвия были остры как бритва и крепки, как настоящее боевое оружие.

Три клинка, пусть и отлично сработанных, — очень мало для того, чтобы отразить нападение целого отряда. Им нужны луки и стрелы, копья и дротики — необходимо держать врага на расстоянии, иначе они погибнут; у них нет шансов в рукопашном бою против сильных, опытных бойцов.

Возле другой стены нашлись метательные копья — дюжина или больше. Бера сняла со стены кинжалы и меч и вручила их Тин. Потом по одному уложила на руки девушке копья. Больше та унести не могла.

— Быстро тащи все это в дом! — велела Бера. Тин боком вышла через дверной проем и зашпешила к дому, с трудом справляясь с громоздкой ношей.

«Сарай! — вдруг подумала Бера. — Аран и мальчики всегда хранили там свои луки».

Она бросилась из кузницы и побежала через двор, молясь, чтобы муж не забрал луки с собой («Зачем они ему? — с горькой иронией думала она. — От скуки стрелять чаек в перерывах между штормами?»). Мельком она заметила, что на вершине холма суетятся несколько женщин, а внизу, в гавани, чужаки уже полностью высадились на берег и разделились на два отряда. Первый направился на восток, в сторону ложины, которая вела к Зубу Пса и в обход горы. «Эта прогулка им не понравится», — подумала Бера со злорадством. Чужаки могли найти там только кошек и коз старой Ма Галласен. Хотя как знать, возможно, эти животные сумеют постоять за себя или спастись бегством в отличие от женщин. Второй отряд двинулся на холм, преследуя убегающих женщин, и уже настигал Ферру Брансен, которой мешали слишком пышные юбки.

Времени почти не оставалось. Сжав зубы, Бера вбежала в сарай и — благодарение Суру! — увидела большой охотничий лук Арана Арансона, висящий на обычном месте, а под ним — большую связку стрел, завернутую в промасленную холстину. Она быстро размотала ткань и пересчитала — две дюжины отличных стрел, снабженных упругим пером из крыла дикого лебедя. Хорошо, но недостаточно. Эти стрелы предназначены для стрельбы на большие расстояния. Нужны еще стрелы для ближнего боя, с прочным древком и особыми наконечниками. Она внимательно осмотрела сарай и отыскала еще три малых лука

и целый ларь всевозможных стрел с различными наконечниками. Некоторые почернели от времени, острия покрыла ржавчина, многие были сломаны, но в целом они вполне годились. Предстояли отнюдь не состязания в меткой стрельбе, а схватка на жизнь или на смерть.

Сложив все найденное в ларь со стрелами, хозяйка Камнепада подняла его и резво, как восемнадцатилетняя девушка, побежала к дому. Когда она достигла дверей, к ограде уже подходили чужаки.

— Запирайте двери! — закричала она, бросая на пол ларь с луками и стрелами.

— Ферра еще там... — начал кто-то.

— Мы не можем ее ждать! — Бера захлопнула дверь и задвинула железный засов. — Скамьи! Закрывайте дверь скамьями!

Женщины бестолково выполняли ее распоряжения. Оттен Гарсен подбежала к куче оружия, быстро выбрала длинный гибкий лук из вяза и бросилась в дальний конец помещения, где находилась лестница на чердак. Там она ловко выбралась на крышу и принялась пробивать ножом дыру в кровле из дерна.

— Помогите мне! — крикнула она, и одна из женщин с Тюленьего утеса, поднявшись на чердак, начала резать дерн изнутри.

— Кто еще умеет стрелять из лука? — громко спросила Бера.

Но никто не ответил. Она переводила взгляд с одной женщины на другую, видела, как они смущенно отводили глаза, признавая недостатком то, что раньше таковым не считали. Наконец старая Тиан Йенсен молвила:

— Глаза у меня теперь не те, что прежде, но в молодости я подстрелила нескольких кроликов.

Бера подняла большой лук, взяла дюжину стрел с лебединым пером и вручила их Тиан.

— Тебе не придется долго высматривать цель, — сказала она, — потому что эти люди гораздо крупнее кроликов и не умеют бегать так быстро. — Потом она повернулась к Мортену Дансону. Мастер сидел в углу возле задней стены так спокойно, словно все происходящее его не касалось. Бера твердо посмотрела ему в глаза. — А вы, господин корабель, что предпочитаете — большой лук, чтобы стрелять по ним с крыши, или короткий — для ближнего боя?

Корабельщик спокойно выдержал ее взгляд.

— Я с этими людьми не ссорился, — просто ответил он.

Бера зло рассмеялась.

— Правда? А они об этом знают? — спросила она, не рассчитывая дожидаться ответа. Потом взяла малый лук, изготовленный из тиса и кости, и бросила его мастеру. Он крикнул, поймал лук и посмотрел на него так, словно это был морской угорь и он не знает, как его держать, чтобы тварь не кусалась. За луком последовал пучок стрел, рассыпавшийся по полу у ног корабельщика. Он помедлил мгновение, словно в замешательстве, потом подобрал стрелы и подошел к одному из окон.

Бера снова подумала о том, как мало у них оружия. Потом обошла зал, распределяя то, что осталось: копья — молодым и проворным, у которых был шанс нанести хотя бы один удар; кинжалы — тем, кто умел их держать. Наконец она подошла к Киттен Соронсен.

— Копье или кинжал? — спокойно спросила Бера. Лицо красавицы было бледным; из царапин, оставленных колючками боярышника, еще сочилась кровь, смешиваясь со слезами, которые Киттен, всхлипывая, размазывала по лицу. Глаза ее были круглыми, как у совы.

Трясущимися руками Киттен взяла один из лучших кинжалов Катлы.

— Никогда не думала, что скажу это, но сейчас жалею, что не училась у Катлы, когда она мне предлагала, — тихо произнесла она.

Старуха Рольфсен выбрала копье из вяза с острым хитрым наконечником.

— Кто на такое наколется, — сообщила она, — далеко не убежит.

Себе Бера оставила меч, сделанный Катлой для матери Тора. Он пришелся ей по руке, был удивительно легким и удобным. Когда она сжала его рукоять, по кисти прошло тепло, словно Бера коснулась живого существа. Она несколько раз взмахнула клинком, вспоминая

тот единственный урок, который дал ей Аран почти двадцать лет назад, когда вместе с отцом готовился идти на войну с Южной Империей. «Эйранскими клинками можно и колоть, и рубить. Не слишком нежничай с врагом, — говорил ей муж. — Если затеешь с ним красивую игру, считай, что пропала. Вложи в удар всю силу, и ты отрубишь врагу руку или ногу, даже не почувствовав сопротивления костей. Если сделаешь это, можешь о нем забыть».

Бера содрогнулась и вложила меч в ножны. Может, до этого и не дойдет. Подобрал охотничий лук и колчан со стрелами, она побежала к лестнице, забралась на чердак и присоединилась к Оттер и женщине с Тюленьего утеса, которые готовились встретить гостей.

Они покинули остров Далекий с крепким попутным ветром. Эрно стоял у руля и чувствовал на губах соленый вкус ветра, который ерошил его волосы, набрасывал пряди на глаза. Быстрее корабль мог идти только в том случае, если б имел крылья, но это было невозможно. Во всей Эльде только корабль Сура, «Ворон», обладал крыльями и был наделен сверхъестественными качествами. Сияло солнце, было тепло, на островах у кромки воды нежались стада серых тюленей, и у Эрно возникало удивительное и радостное ощущение того, что все в мире идет хорошо. Скоро он сможет обнять Катлу Арансон. Он в тысячный раз напоминал себе, что это по ее требованию он покинул Лунную равнину, но почему Катла настояла на этом, он до сих пор не понимал. Сейчас он лишь изредка вспоминал об истрийской женщине, да и тогда думал, что ее черные волосы и мягкий взгляд были лишь обманом, выдумкой, и чувствовал вину, которая накатывала на него, словно морские волны.

— Завтра на рассвете мы увидим Камнепад, — раздался голос у него за спиной.

Обернувшись, Эрно увидел Джоза Медвежью Руку. Тот пристально глядел на Эрно, ожидая ответа.

— Да, — кивнул он, — наконец-то.

— Надеюсь, мы не опоздали, и мастер-корабельщик еще там.

— А где еще он может быть?

— Если Аран Арансон похитил его, чтобы построить корабль, то мог взять и с собой в плавание.

— Я слышал, Мортен Дансон — человек сухопутный, — заметил Эрно. — Вроде бы он никогда не всходит на борт корабля, если только тот не стоит на крепком якоре в безопасной бухте.

Джоз в сомнении покачал головой.

— Не понимаю, как может такой человек строить корабли, способные выдержать арктические шторма.

Эрно какое-то время обдумывал это замечание, потом сказал:

— Насколько я знаю, Катла Арансон никогда не была на войне, однако она отковывает лучшие в этой части океана клинки.

Джоз Медвежья Рука с нежностью коснулся рукояти своего меча и согласно кивнул:

— Да, она замечательная женщина, это точно.

— Я собираюсь жениться на ней, — твердым голосом сообщил Эрно.

Великан-наемник громко расхохотался.

Эрно строго посмотрел на него:

— Что тебя так рассмешило?

Джоз вытер ладонью глаза.

— Парень, — начал он, — ты еще очень мало знаешь о жизни, если думаешь, что все так просто. Женщины — странные и противоречивые существа. — Он помолчал. — И Катла Арансон, я бы сказал, одна из самых загадочных представительниц своего племени. У нее такой характер, что я не могу себе представить, как она пойдет за тобой, словно молодая телочка, которую ведут на золоченой веревке.

Эрно представил себе эту картину, и ему стало неприятно.

— Я знаю, — сдержанно ответил он, вспоминая дерзкую натуру Катлы и ее странные

шутки и выходки, ее упрямство и довольно странное мнение о супружестве. Потом перед его внутренним взором явились ее роскошные волосы и смеющиеся глаза, и он вспомнил, как она поцеловала его у королевской палатки во время Собраниа. Внезапно он снова ощутил прилив сил и радости.

Все будет хорошо.

А Катла Арансон в это время устраивала засаду. Забравшись на скалистый выступ, нависавший над тропой, которая вела к гавани, она спряталась в густой тени. Потом, ничего не предпринимая, она пропустила мимо дюжину чужаков — в этом направлении они могли найти только лачугу Ма Галласен и руины рыбацкого поселка, разрушенного Большим штормом; люди оттуда давно ушли. Она высматривала, не отстал ли кто-нибудь из врагов от отряда. Наложив стрелу на тетиву, она наблюдала за тропой с зоркостью сокола, от которого не может укрыться ни малейшее движение в траве. Наконец она увидела двух отставших людей: первый волок по траве безвольное тело Ферры Брансен, а второй точными ударами своего красивого меча полосовал ее юбки, так что они превращались в ленты, стелющиеся по земле. Они хохотали до упаду и отпускали шуточки на своем напевном языке. Лицо Ферры посинело от побоев, один глаз совершенно заплыл и был покрыт запекшейся кровью. Катла дождалась, когда отряд впереди скрылся за поворотом тропы, с силой натянула тетиву и, выдохнув, спустила ее. Стрела со свистом ушла к цели.

Выстрел был настолько удачен, что человек рухнул, даже не вскрикнув. Немедленно наложив вторую стрелу, Катла, жестоко улыбаясь, наблюдала за вторым бандитом. Она впервые сознательно убила врага и чувствовала глубочайшее удовлетворение.

Вытащив глаза, второй озибался в полном недоумении; он еще не понял, что произошло. Его товарищ лежал на земле лицом вниз, стрела — короткий крепкий дротик, который Катла изготовила для охоты на кроликов, — вошел в глаз так глубоко, что голова трупа заняла почти естественное положение, словно он заснул на ходу или потерял сознание. А Ферра Брансен (у которой, по мнению Катлы, были овечьи мозги) тем временем и не думала бежать, как это сделал бы любой нормальный человек при подобных обстоятельствах, чтобы спасти свою жизнь; она сидела с открытым ртом и ощупывала ладонями землю и камни, словно ловила каких-то насекомых. Враг еще не понял, что попал в засаду, а Катла уже выпустила вторую стрелу. Чужак, опрокинувшись на спину, рухнул в заросли ежевики.

Это оказалось совсем несложно. Куда проще, чем охотиться на кроликов.

Катла выждала, чтобы убедиться, что никто не идет посмотреть, где застряли эти двое, потом соскользнула вниз и спустя мгновение уже стояла на тропе — с луком и колчаном на плече и коротким мечом в руке — на всякий случай.

— Пойдем, Ферра, я отведу тебя в безопасное место, — сказала она, поднимая девушку за руки.

Может быть, тело Ферры и находилось в этот момент на тропе, но сознание блуждало неизвестно где. Она стояла как выходец с того света, и в немигающих глазах отражался свет закатного солнца; никаких действий для собственного спасения она, по-видимому, была не в состоянии предпринять. Катла закатила глаза к небу.

— О боги, — произнесла она, взяв Ферру под локоть, чтобы увести. — Ты вполне заслуживаешь подобной участи, но лучше бы нам поскорее убраться отсюда.

С большим трудом она отвела Ферру в относительно безопасное место — к сараям, в которых рыбаки вялили рыбу. Со вздохом облегчения она заперла девушку в одном из них, чтобы та не выбралась и не стала бродить по острову, как привидение, а затем направилась к дому.

Капитан Гало Бастидо оставил своих людей у ограды.

— Помните, — предупредил он их, — наша главная задача — захватить человека, которого зовут Мортен Дансон, и доставить его живым и здоровым к лорду Руи Финко,

потому что он умеет строить корабли, необходимые Истрии для войны. Только после того, как он будет наш, вы сможете заняться женщинами.

Он видел, как братья Мило и Нуно Форин обменялись взглядами — никакие увещевания капитана не могли помешать им предаваться любимым забавам, как Писто Дал в задумчивости поскреб обезображенную шрамами щеку, а два мечника отступили немного назад, словно предоставляя другим делать за них грязную работу. А работа вполне могла оказаться грязной, судя по тому, что они видели перед собой. Дом представлял собой длинное невысокое строение из прочного дерева, камня и дерна. Оно защищало от яростных ветров, проливных дождей, сильных морозов. Главная дверь была плотно закрыта и, конечно, забаррикадирована изнутри. На крыше с оружием в руках расположились три женщины; смотрели они вызывающе. Однако пока не был виден ни один мужчина, что само по себе удивительно. К каждому окну прикинули лица, но Бастидо мог поклясться, что ни одно из них не принадлежит представителю той части человечества, которая носит бороду. Но ему было все равно, кто засел в доме — мужчины или женщины. Он раньше уже бывал в подобных ситуациях и знал, что делать. Правда, без значительных потерь здесь не обойтись.

Он взобрался на ограду, зная, что будет вне досягаемости стрел защитников дома.

— Приветствую вас, люди Камнепада! — выкрикнул он на Древнем языке и замолчал, ожидая ответа.

Дом безмолвствовал. Женщины на крыше стояли, наложив стрелы на тетивы луков, и смотрели на пришельцев совершенно бесстрастно, словно ради забавы собрались пострелять в цыплят, как это делал когда-то в детстве он сам вместе с братом. Одна из женщин была очень старой; Ублюдок подумал, что она годится ему в бабки.

Набрав в грудь воздуха, он громко обратился к ним:

— Меня зовут Гало Бастидо, я — капитан корабля. Истрия объявила вам войну, и мы приплыли из имперского города Форента по приказанию его лорда, чтобы забрать корабельного мастера Мортена Дансона. Выдайте его нам, и мы уйдем, не причинив вам вреда. Если вы откажетесь сделать это, то мы возьмем его силой, и многие из вас погибнут!

Барангет за его спиной хрустнул суставами пальцев и отпустил какую-то непристойную шуточку, обращаясь к соседу.

Одна из женщин, наблюдавших за чужаками с крыши, худощавая, невысокая, с длинными темно-рыжими косами, решила говорить от имени жителей острова.

— Убирайтесь отсюда! — крикнула она на Древнем языке с эйранским акцентом; слова звучали резко, гортанно. — Мы не собираемся отворять вам двери и никого не выдадим по доброй воле.

Бастидо рассмеялся.

— Не стоит вам ввязываться в драку с нами. Со мною тридцать опытных воинов.

— А со мною — пятьдесят! — соврала Бера.

— Пятьдесят слабых женщин, ты хочешь сказать, — подал голос Барангет. — И каждая из этих курочек вполне созрела для того, чтобы пощипать ее.

Капитан резко обернулся и гневно уставился на него. Тихо, но твердо он произнес:

— Слушай, мастер Кнут, корабеля лучше взять без боя; искалеченные женщины стоят очень немного...

Оттер Гарсен взяла хозяйку Камнепада за руку. Шепотом, так, чтобы их не услышала женщина с Тюленьего утеса, она предложила:

— Слушай, Бера, может, выдать им корабельщика? Какой нам от него прок? Из-за него мы раньше времени окажемся у Фейи и веки вечные будем вышивать для нее узоры.

— Нет, — сурово возразила Бера. — Мортен Дансон уже пережил унижение, когда был похищен для моего мужа, при этом я потеряла одного из сыновей. Может, он мне и не очень нравится, но я не выдам его шайке убийц из Южной Империи. В клане Камнепада помнят о том, что такое честь.

— Они выглядят устрашающе, — продолжила Оттер. — Какие у нас шансы выстоять против них?

— Это мы скоро узнаем.

— Можно было солгать, что Мортена Дансона здесь нет.

Бера фыркнула.

— Я не умею лгать. Честь не позволяет.

— Эта честь доведет нас до гибели.

— Если и погибнем, чести не потеряем.

Оттер поморщилась, потом, вздохнув, расправила плечи.

— Пусть тогда вместе с нами умрет много врагов, — мрачно произнесла она.

Бера Рольфсен повернулась к чужакам и подняла свой меч.

— Мы хоть и женщины, но не беззащитные. Если выдумаете, что мы легкая добыча, то попытайтесь счастья, капитан Гало Бастидо; но здесь не куры, которые ждут, когда их ощипают, и единственный урожай, который вы соберете, — наши стрелы и копья!

Бастидо покачал головой.

— Ну что ж, делайте как знаете. Вы не станете отрицать, что вам предлагали уладить дело миром! — Он повернулся к своим людям: — Постарайтесь их не калечить, — сказал он. — Помните, что каждая из этих женщин, если она будет жива и здорова, принесет нам на рынке в Гибеоне по крайней мере триста кантари!

Как только истрийцы двинулись вперед, один из них внезапно вскрикнул и упал. Это был уроженец севера Империи, жилистый смуглый мужчина по кличке Потрошитель; он двадцать лет разделял рыбу, которую ловили рыбаки Сэры, и отлично управлялся с длинным острым ножом. Сейчас из его живота торчал наконечник стрелы. Он извивался, как разъяренная змея, хватался за древко в боку окровавленными руками и пронзительно кричал, пока Барангет не отсек ему мечом голову.

— Рана в живот, — спокойно объяснил он слегка шокированному Бастидо. — После таких ран редко выживают, к тому же он такой крик поднял.

Писто Дал захохотал:

— А мне он просто не понравился.

Клермано, самый опытный в отряде, раздумывал, откуда прилетела стрела. Она ударила Потрошителя, стоявшего позади всех, в левый бок, и вышла через живот. Стреляли явно не со стороны дома, к тому же оттуда до него было слишком далеко.

Это заинтересовало не только Клермано. Оттер повернулась к женщине с Тюленьего утеса, но ее стрела лежала на тетиве, а Бера еще не открывала колчана. Она крикнула вниз, тем, кто находился в доме:

— Кто-нибудь из вас стрелял? Отвечайте быстро!

Послышался голос Киттен Соронсен:

— Никто здесь не стрелял; мы не знаем, кто его ранил.

Не обращая внимания на колючки, которые цеплялись за одежду, Катла Арансон прыгнула с переплетенных аркой ветвей боярышника и бесшумно перебежала за ограду дома; лук, закинутый за плечо, бил ее по спине. Там, где ограда сворачивала под прямым углом, она остановилась и, приподнявшись, глянула на дом. Теперь она была не сбоку от врагов, а позади них, и видела, как двое оттаскивают обезглавленное тело в канаву, а остальные открывают колчаны и снимают с себя богато украшенные, но небольшие южные луки. «Не дальнобойные, — подумала Катла. — Им придется подойти поближе к дому, чтобы стрелять». Она видела, что ее мать и женщины на крыше изготовились для стрельбы и взяли чужаков на прицел, и одобрительно кивнула. Такой она мать никогда раньше не видела. Катла почувствовала, как ее наполняет гордость.

Нападающие произвели несколько пробных выстрелов, но стрелы упали, не долетев до целей. Их главарь приказал что-то, и они начали продвигаться вперед. «Давайте, — думала Катла, — еще несколько шагов...»

Когда враги прошли эти несколько шагов, Оттер Гарсен показала, на что способна, попав одному из них в горло стрелой с черным оперением.

«Одна из моих», — радостно подумала Катла, которой начинало нравиться происходящее. Она достала из колчана такую же стрелу и наложила на тетиву охотничьего лука. Потом прицелилась в крупного мужчину, черные волосы которого были собраны в хвост, а в правом ухе блестела серебряная серьга. Свистнув, стрела промелькнула в воздухе и вонзилась врагу между лопаток. Катла не стала дожидаться, пока чужаки опомнятся, и метнулась вдоль стены, стараясь пригнуться как можно ниже. На углу она снова выглянула. Над головой пролетели сразу три стрелы, и она почувствовала, как шевельнулись волосы, словно тронутые ветерком. Двое воинов отделились от основной группы и бросились к ней.

— Проклятие! — выругалась Катла и понеслась вниз с холма, но при этом ее разбирал смех. Оказавшись в роще, она взобралась на старый дуб, покрытый грубой морщинистой корой, и распласталась на толстой ветви. В таком положении стрелять из лука было очень неудобно, но они с Халли в детстве частенько играли в охоту друг на друга, и она всегда побеждала. Один из врагов вломился в подлесок, как кабан во время гона. Она сразила его стрелой в грудь. Второй появился через несколько мгновений. У Катлы не было времени, чтобы достать стрелу и как следует прицелиться. Повесив лук на руку, она достала метательный клинок из ножен, закрепленных на бедре, и замерла, выжидая удобный момент. Но этот человек оказался более осторожным, чем его товарищ. Сначала он не видел убитого, но потом заметил в траве его вытянутую руку; он резко отпрянул назад, и брошенный Катлой нож вонзился в мох там, где он только что стоял.

Чужак поднял глаза и посмотрел на дуб. Одну его щеку пересекал шрам, собиравший кожу морщинами; отметина была светло-розовой и резко контрастировала с темной, почти коричневой кожей лица. Шрам поддернул вверх один угол рта, и казалось, что мужчина непрерывно ухмыляется, выставляя напоказ два желтых, острых, как у крысы, зуба. Катла мгновение рассматривала эту отвратительную физиономию, а потом осознала, что враг смотрит прямо на нее сквозь бурые, увядшие листья. Другой угол рта тоже пополз вверх — чужак хищно улыбался.

— Попалась! — прохрипел он на Древнем языке.

Это было последнее слово, которое произнес в своей жизни Писто Дал. Второй нож Катлы, прекрасно сбалансированный метательный снаряд с рукоятью, отделанной сардониксами, и с вытесненным узором на клинке, с хрустом вошел в то место на лице наемника, где до этого был нос. Катла видела, как он свел глаза к его рукояти, словно хотел рассмотреть, что за нарост появился у него. Потом ноги его подогнулись, он рухнул на колени и умер в позе почитателя Фаллы.

— Нет, — сказала Катла негромко, спрыгнув с дуба. — Это ты попался.

К тому времени, когда она, очистив ножи, вернулась к вершине холма, положение дел ухудшилось. Враги сумели подобраться к дому так близко, что теперь стрельба из окон не имела смысла. Только двое из нападавших лежали мертвыми на земле, хотя двор был утыкан стрелами с гусиным оперением, среди которых валялись, как бесполезные палки, брошенные из дома копыя. Еще двое разбойников прихрамывали, ноги у них были перевязаны окровавленными тряпками — у одного голень, у другого бедро. Несколько мужчин вскарабкались по углу дома и забрались на крышу. Беры и Оттер не было видно, а третья женщина лежала наверху, пронзенная двумя толстыми стрелами. Чужаки принялись терзать дерн клинками, проделывая в нем большие дыры.

А внутри Бера Рольфсен столкнулась с угрозой мятежа.

— Отдай им его! — требовала Тиан Йенсен. — Он не наш. Нам нет дела, что с ним станет.

Сам Мортен Дансон был бледен, руки его тряслись.

— Отпустите меня, — произнес он. — Они хотят, чтобы я строил для них корабли, и не посмеют убить меня.

— Мы этого не сделаем, — твердо ответила Бера. — Даже если это спасет нам жизнь. Ты построишь им флот, на котором они нападут на Эйру, и погибнет множество людей.

Мастер повесил голову. Он не знал, что сказать. Он не хотел оказаться в руках этих

злых чужеземцев — это он знал наверняка, но он также не желал быть причиной гибели женщин. Кроме того, если пришельцы будут атаковать дом, он и сам мог погибнуть по чистой случайности.

— Он может построить для них плохие корабли, — предложила Форна Стенсен. — Они поплывут и утонут в океане, и их проклятые команды пойдут на дно; Сур построит из их костей стены для своего нового дворца.

Мортен Дансон энергично закивал.

— Да-да, это я могу!

Бера горько рассмеялась.

— Если ты думаешь, что они оставят нас в покое, заполучив тебя, значит, ты глупее, чем я думала, мастер-корабел. Захватив тебя, они придут за нами. Они мечтают получить награду, обещанную за тебя лордом Форента, но это не те люди, которых можно удовлетворить лишь деньгами. — Она повернулась к женщинам и обвела их суровым взглядом. — Посмотрите на этих чужаков. Это шайка наемных головорезов, готовых за несколько кантари продать своих матерей, сестер и любовниц. Все вы знаете, что рассказывают о людях из Южной Империи, об их неумном корыстолюбии. Они презируют женщин и используют их только для того, чтобы получить удовольствие. Вы видели, что они сделали с несчастной Маглой Фелинсен... — При этих словах Оттер Гарсен застонала, заломив руки. — Вы видели, как они поступили с одним из своих, когда он получил стрелу в живот. Это не благородные воины, соблюдающие кодекс чести; они убивают, если хотят взять что-то, и не задумываются ни на миг, кто перед ними. Подумайте над тем, что я сказала. Сейчас они прикидывают, сколько выручат за нас, когда продадут на невольничьем рынке!

Какая-то из женщин начала рыдать.

— Слезами делу не поможешь! — крикнула Бера сердито, глядя на толстуху Брету и Марин Эдельсен. — Утритеесь и приготовьтесь обагрить ваше оружие кровью истрийцев, если хотите сласти своей жизни и свою честь. Не обещаю, что мы их одолеем, но по крайней мере не будем опозорены перед нашими мужчинами, не пойдем, как телята, под нож мясника.

Шмыгая носами, женщины с сомнением смотрели на свои копья и ножи. Потом, собравшись с духом и покрепче сжав оружие в руках, они приготовились защищаться.

— Пусть приходят, — заявила Геста Рольфсен, потрясая копьем. — Если мы и погибнем, то сражаясь.

В этот момент у задней стены послышался шум — один из наемников, забравшихся на крышу, проник на чердак и спрыгнул вниз. Толстуха Брета сразу же ткнула в него копьем. Острие скользнуло по блестящей кольчуге, женщина не устояла и упала на колени у ног чужака. Это был стройный молодой парень с миндалевидными глазами; с улыбкой победителя он протянул Брете руку. Ни один мужчина никогда так не улыбался ей, тем более такой красивый, и Брета безропотно взяла его за руку. В это время сверху спрыгнул второй и с усмешкой взглянул на эту парочку.

— Куры в клетке, — сказал Мило Форин брату на непонятном диалекте, сжимая руку Бреты, — и такие упитанные!

Внезапно Марин Эдельсен ударила его в бок кинжалом, и Мило, удивленно взглянув на нее, упал. Марин потрясенно смотрела, как он корчится на полу; окровавленный клинок выпал из ее ослабевшей руки. Нуно Форин с рычанием набросился на девушку, схватил ее за горло. Он дико озирался на окружавших его женщин, потом посмотрел на брата — тот, шатаясь, поднялся на ноги. Оказалось, рана неглубока, хотя крови вытекло много.

В воздухе просвистело копье. Оно ударило Мило в грудь, отбросило и пригвоздило к одной из колонн, поддерживающих кровлю. Спустя мгновение он молча испустил дух. Бабушка Рольфсен вытерла руки о передник.

— Ну вот, — сказала она, — кажется, копье бросать я еще не разучилась.

Развернув Марин, Нуно Форин прижал ее к себе, прикрываясь, как живым щитом.

Вроде бы простое дело принимало опасный оборот. Свободной рукой он вытащил из ножен меч.

— Дверь! — прорычал он. Это было одно из немногих слов Древнего языка, которые он знал.

Никто не двинулся.

— Дверь! — прохрипел Нуно и снова взмахнул мечом.

— Не подходите к двери, — холодно сказала Бера.

Марин принялась выть, но наемник стиснул ей горло, и она замолчала. Он подталкивал ее к заваленной скамьями двери, озираясь по сторонам; его красивое лицо исказилось злобой. Поравнявшись с Киттен Соронсен, он остановился, привлеченный ее ярким нарядом. Потом внезапно полоснул Марин Эдельсон лезвием по горлу, бросил ее тело на одну из женщин с Тюленьего утеса, а сам, воспользовавшись замешательством, схватил Киттен вместо убитой заложницы. Свободной рукой пробежал по ее телу сверху вниз, задержавшись на ягодицах. Киттен стояла окаменевшая, потрясенная гибелью подруги, все еще прижимая к себе копье. Наконец пальцы ее разжались, и древко выпало из рук. Нуно Форин выдрал из ее волос красивые голубые ленты с шелковыми цветочками, грубо намотал косы девушки на кулак и приставил клинок к ее горлу. Тонкая струйка крови побежала по лезвию и закапала на пол. У Киттен начали подгибаться колени.

— Дверь! — снова проревел наемник, удерживая за волосы ослабевшую девушку. Жестом он показал, что отрежет ей голову, если они не выполнят приказ.

Две женщины, стоявшие ближе остальных к двери, начали разбирать баррикаду из скамей.

— Остановитесь! — закричала Бера.

— Мы не можем стоять и смотреть, как он убьет ее.

— Тогда увидите, как они изнасилуют ее, а потом все равно убьют! — гневно ответила Бера, но женщины продолжали раскидывать скамьи, пока дверь не освободилась. Толкая Киттен, Нуно двинулся к выходу. Когда он проходил мимо Оттер Гарсен, та бросилась к Киттен, пытаясь вырвать ее из рук наемника. Нуно коротко взмахнул мечом. Оттер закричала — три пальца со стуком упали на пол, и женщина рухнула, потеряв сознание.

Чужаки радостно закричали и заулюлюкали, когда Нуно вышел из дверей и, прикрываясь сзади девушкой, направился к ним.

— Сколько их там? — спросил Бастидо.

— Примерно двадцать. Все — женщины, — ответил Нуно. — Никто, кроме меня, не коснется этой птички. Вам достанется целое стадо старых кур и жирных индюшек.

— Что с мастером?

Нуно пожал плечами:

— Стоит, дрожит, как заяц, выпучил глаза от страха.

— Наверное, боится женщин Камнепада больше, чем нас, — усмехнулся Клермано. — Я слышал, у них между ног вместо волос — зубы!

Бастидо и его люди принялись забрасывать дом копьями и стрелами, стараясь попасть в пробитые в дерне дыры. Но когда женщины начали метать из окон их собственные копья, наемники поняли, что так они ничего не добьются. Спускались сумерки, люди начали жаловаться, что замерзли, проголодались и устали, что им надоела эта возня.

Гало Бастидо знал, на что они намекали. У него оставалась еще пара уловов на случай, подобный этому. Одна могла привести к значительным потерям среди потенциальных рабынь. Вторая была получше. Он приказал набрать дров и зажечь огонь. Потом отозвал в сторону Барангета и пошептался с ним. Его помощник ухмыльнулся, затем подошел к великану Касто Агену.

— Держи Нуно Форина, — тихо сказал он. — И не отпускай, пока не скажу.

Кулачный боец сдвинул брови, постоял, не двигаясь; отблески пламени играли на его широком лице. Ему требовалось время, чтобы осмыслить приказ. Потом он подошел к Нуно, сграбастал его и сжал так, что парень покраснел и начал кряхтеть.

Гало Бастидо рывком поставил Киттен Соронсен на ноги и посмотрел на дом. В неверном красноватом свете огня виднелись головы прильнувших к окнам женщин. Он закричал, обращаясь к ним:

— Мы устали и замерзли, нам нужно согреться. Выпускайте мастера, не то мы вам устроим веселенькое представление! — Бастидо толкнул девушку к своим людям и велел: — Сорвите с нее одежду!

Ухмыляясь, наемники окружили Киттен. Девушка пронзительно кричала, а они, толкая ее от одного к другому, рвали на ней одежду, пока она не осталась совершенно голой. Киттен стояла перед ними, дрожа от ужаса; тело покрылось синяками от грубых пальцев; из глубоких царапин, оставленных грязными ногтями, текла кровь.

— О боже, — простонала Бера. — Это изверги. — Она положила меч, изготовленный Катлой, взяла охотничий лук, наложила стрелу и прицелилась. Выпущенная стрела впилась в плечо невысокого черноволосого мужчины, и он взвыл, как собака. За первой стрелой последовали еще три. Один из разбойников упал на колени — из его живота торчало оперенное древко; два выстрела оказались напрасными.

Великан, державший Нуно, разжал объятия. Два наемника повалили Киттен Соронсен на траву, а Нуно принялся развязывать штаны.

Оттер Гарсен высунула из окна кулак, обвязанный окровавленной тряпкой.

— Ваши сосиски раздуются и почернеют, если вы ее тронете! — закричала она на Древнем языке. — Клянусь троллем святых Вод! У вас яйца высохнут и отвалятся, а кишки сгниют! — Она перевела дыхание и продолжала: — Почки у вас вскипят, грудь лопнет и сердце вывалится. Вы сдохнете в муках!

Бера подняла бровь. Удивили ее не столько сами ругательства, сколько знание Древнего языка, продемонстрированное Оттер, причем весьма искусное.

Она заметила, что мужчины начали переглядываться. Нуно Форин все-таки снял штаны, а потом упал на колени меж ног Киттен; все подумали, что он готовится изнасиловать ее, но тут увидели, что из спины у него торчит стрела с темным гусиным оперением. Прежде чем кто-либо понял, что произошло, еще один наемник упал замертво. Во мгле сбоку дома промелькнула проворная фигурка.

— Катла! — выдохнула Бера. — Это Катла! — Она повернулась к женщинам. — Мы им не позволим! Берите все, что можно бросать. Покажем им, на что способны женщины Камнепада!

Через мгновение шайку накрыл град всевозможных предметов. В них летели палки, поленья, кухонная утварь, камни, все, что попадалось женщинам под руку.

Бабушка Рольфсен заговорщицки подмигнула толстухе Брете и Форне Стенсен:

— А ну-ка поддержите меня, девочки!

Они забрались на чердак и приподняли ее. Она высунулась в одну из дыр в крыше и принялась обстреливать врага из старой рогатки Фента, используя в качестве снарядов голыши, костяные бабки, металлические чушки и гнутые толстые гвозди. Клермано получил крупным камнем по челюсти, но был скорее удивлен, чем напуган. Наемники бросили Киттен и укрылись за оградой.

— Это унижительно! — крикнул Барангет. — Надо наконец взять проклятый дом приступом!

— Нет, — ответил капитан Бастидо, — используем последнее средство.

Он послал нескольких человек собирать хворост, других — найти сухую солому, из которой скрутили толстые жгуты. Два наемника побежали с охапками сена к правому углу дома, двое других — к левому. Сухое дерево быстро занялось пламенем. Женщины в доме заматались, подтаскивая к окнам лохани с водой и выливая ее наружу. Но вода быстро кончилась, и они принялись лить из окон все жидкое — рассолы, соусы, бульоны. Толку от этого было мало. Пламя поднималось все выше. Наемники начали обстреливать дом горящими стрелами, и сухой дерн на крыше загорелся. Внутри плавал густой удушливый дым.

— О боже, Бера, этого мы не переживем, — прохрипела Оттер. — Отдай им мастера, ради Фейи.

Сквозь плотный дымовой полог Бера Рольфсен смотрела на старую подругу, на кровавую тряпицу, которой была замотана ее рука, на ее жалкое заплаканное лицо. Потом повернулась к Мортену Дансону.

— Иди, — просто сказала она.

Мастер посмотрел на нее. Он выглядел недовольным, но, не сказав ничего в укор, подошел к двери и отпер ее. Выглянув, он крикнул в темноту:

— Я — Мортен Дансон, корабельщик короля Эйры! Не стреляйте, если хотите доставить меня своему лорду живым!

Он шагнул наружу. Бера услышала победные крики наемников. Она обвела взглядом помещение. Синеватая пелена дыма мешала смотреть. Лица женщин можно было различить только там, где на стенах мерцали светильники. Она увидела, как у Кит Фарсен из носа бегут две струйки, черные, словно сажа, как сообразительная Тин Хилди обматывает нос и рот мокрой тряпкой, как старуха с Тюленьего утеса хватается за грудь, будто хочет разорвать ее. Геста Рольфсен выглядела бодро, хотя глаза ее покраснели и слезились, а сама она опиралась о колонну; а вот Форна Стенсен, которая была более чем в три раза моложе Гесты, выглядела так, будто вот-вот испустит дух. У задней стены кто-то тяжело, с хрипом дышал, будто загнанная лошадь. Наверняка это толстуха Брета, подумала Бера с раздражением. Больше они ничего не могли сделать. Огонь уже охватил верхнюю часть центральной колонны, крыша пылала по краям — там, где дерн был суше. Если они останутся здесь, то погибнут, как насекомые на горящем дереве, а если выйдут и отдадутся в руки извергов...

Не хотелось думать о том, что случится дальше.

— Слушайте меня! — хриплым голосом выкрикнула Бера, перекрывая треск горящего дерева. — Больше мы ничего сделать не можем, чтобы спасти наши жизни; если останемся, то сгорим, если выйдем, попадем в руки насильников. Пусть каждая из вас сделает свой выбор. — Она закашлялась и помолчала, собираясь с силами.

Потом закончила: — Выбор небогатый, простите меня за это. Я не знала, что так получится.

Оттер Гарсен заметила слезы на глазах у хозяйки Камнепада и заподозрила, что дело здесь не только в дыме.

Стоя прямой гордо, Бера смотрела, как женщины двинулись к выходу — сначала медленно, потом, когда почувствовали чистый воздух, быстрее и наконец остановились в дверях, увидев, что разбойники расположились вокруг костра, громко прихлебывают из бочонков с вином и весело посматривают на них. Они криками подбадривали женщин, громко переговаривались — что именно говорили, было непонятно, но наверняка ничего хорошего.

— Нет!

Голос прозвучал откуда-то сверху, казалось, он шел с неба. Женщины стали дико оглядываться; половина их вышла из горящего дома, половина осталась внутри. Тиан Йенсен посмотрела вверх, на крышу, и задохнулась от ужаса.

— Там привидение! Оно сидит верхом на бревне!

Когда остальные взглянули на крышу, они увидели существо, похожее на покойника. Оно оседлало крышу, раскинув ноги по скатам, и руками сбивало языки пламени, подбирающиеся к нему по дерну.

— Наверное, это Магла пришла с того света отомстить за то, что мы не спасли ее! — заплакала Кит Фарсен.

Встреча с мертвецом была для женщин куда более ужасным событием, чем перспектива оказаться в руках наемников — эти по крайней мере были людьми из плоти и крови, с понятными, хотя и грязными желаниями. Предания о покойниках рассказывались на всех островах; люди Севера верили, что мертвецы не всегда спокойно лежат там, где их похоронили, что они возвращаются с того света, посиневшие и раздутые, бродят по земле и

творят безобразия, вредя живым и мечтая напиться их крови. Поэтому они завизжали и бросились врассыпную.

— Стойте! — снова раздался тот же голос. — Вернитесь, помогите мне погасить огонь! Ради вашего же спасения!

Но толстуха Брета, Тин Хилди, Кит Фарсен и Форна Стенсен во весь дух неслись прочь, и старухи с Тюленьего утеса почти не отставали от них, невзирая на свой почтенный возраст. Только Оттер Гарсен осталась на месте и, не обращая внимания на сыпавшиеся искры, пристально рассматривала фигуру на крыше. Та мало напоминала ее дочь; конечно, мертвецы могут менять свою внешность и голос, но Оттер была уверена, что это не Магла.

— Оттер! Где моя мать?

Это была Катла Арансон. Оттер разинула рот от удивления, потом бросилась к двери с криком:

— Бера! Бера!

Плотный дым волнами плыл по дому. Часть его поднималась вверх, к дырам в дерне, но все же внутри невозможно было дышать и ничего не было видно. Оттер не знала, как найти хозяйку Камнепада. Казалось, здесь никого не осталось. Зажав рот и нос ладонью, Оттер двинулась вперед. Центральная колонна пылала уже целиком; пламя жадно лизало балки и подбиралось к стропилам, озаряя чердак и кровлю. Обернувшись, Оттер обнаружила, что не видит выхода — его скрыла пелена дыма. Она подумала, что глупо искать здесь кого-либо. Наверняка никого живого в доме не осталось. Может, пока она гладела на Катлу, Бера Рольфсен вышла и убежала с остальными? Оттер повернулась, сделала шаг и, споткнувшись о тело убитого наемника, упала. Сильная боль пронзила ее — она ударилась о каменный пол искалеченной рукой. Но от боли прояснело в голове, и Оттер заметила, что внизу дым не такой густой; она увидела недалеко от себя две пары ног. Стиснув зубы, она поползла к ним.

Одна пара ног принадлежала хозяйке Камнепада. Бера Рольфсен стояла, кашляя и хрипя, рядом со своей старой матерью. Оттер не разбирала слов, но, кажется, женщины спорили. Медленно, с трудом Оттер поднялась на ноги.

— Мать, я не могу оставить тебя здесь!

Геста Рольфсен сидела в высоком резном кресле Арана Арансона, обхватив ладонями головы драконов на краях подлокотников, словно боялась, что дочь вытащит ее силой. Оно было великовато для старухи: ноги ее не доставали до пола и висели, как у ребенка, а на лице было написано детское упрямство.

— Я никуда не двинусь с этого кресла. Здесь мой дом; я слишком стара, чтобы покидать его.

— Кто говорит, что ты его покинешь? Разбойникам нет дела до тебя и других старух.

— А зачем мне жить, когда мой дом сгорел, мою дочь увезут, а я останусь одна — дряхлая, беспомощная, негодная даже в невольницы?

Бера застонала от бессилия и отчаяния.

— Но тогда ты погибнешь в огне!

В ответ старуха скрестила руки на груди и уставилась на что-то позади Беры — она заметила там силуэт Оттер Гарсен. Радостная беззубая улыбка озарила лицо Гесты.

— Оттер, моя дорогая Оттер. Ты вернулась, чтобы умереть со мной?

— Нет! — закашлялась Оттер. — Я вернулась, чтобы забрать вас. Катла сидит на крыше и пытается в одиночку погасить пламя!

— Боюсь, что слишком поздно, — печально сказала Геста. Она протянула руку и ласково сжала плечо дочери. — Спасай свою жизнь, девочка моя, и, если возможно, спаси Катлу. Даже если вас заберут эти разбойники, все-таки вы останетесь живы. Я слишком стара, чтобы бороться за жизнь, но вам еще жить и жить. Если вы не уцелеете, кто отомстит за меня?

Бера поняла, что спорить с матерью бессмысленно. Она в последний раз обняла Гесту, потом взяла Оттер за руку и повела ее сквозь дым к двери.

Но путь к выходу был закрыт: несколько бревен с потолка упали, перегородив дорогу. По обуглившемуся дереву то и дело пробегали языки пламени; пройти было невозможно. Взглянув вверх, сквозь дыры в кровле, они увидели ночное звездное небо. «Наверное, это последнее, что я вижу в своей жизни, — подумала Бера. — Звезда Мореплавателя — она сейчас светит моему мужу во льдах Севера».

При других обстоятельствах эта мысль вызвала бы светлую грусть. Но сейчас она привела Беру в бешенство. Она была в ярости, потому что Аран обрек ее на эту страшную участь: он забрал всех мужчин, оставил Камнепад беззащитным.

— Будь ты проклят, Аран Арансон! — прокричала она в ночное небо. — Будь проклят ты и твое плавание!

В дыре крыши появилась голова — всклокоченные волосы, закопченное лицо, блестящие глаза, словно любопытный чертенок заглядывал внутрь дома. Это была Катла.

— Мама, Оттер, сюда!

Сверху упала веревка из тюленьей кожи. Через равные промежутки на ней были завязаны петли. Бера рассмеялась.

— Наверх, Оттер!

С одной здоровой рукой Оттер было трудно взбираться по веревочной лестнице, но погибать в дыму и пламени она не хотела. Она лихорадочно цеплялась за петли то искалеченной рукой, согнув ее крюком, то здоровой. Вскоре она исчезла в проломе, и за веревку взялась Бера.

Стояла восхитительная погода. Солнце щедро рассыпало по морю золотые лучи, воздух был свеж, крепкий ветер наполнял парус и на хорошей скорости гнал судно вперед. Когда они проплывали в тени гигантского утеса, называемого Долговязым, Эрно Хамсон смотрел на его бело-розовый пик, сверкавший на солнце — кристаллическая порода мерцала тысячью искр, — и вспоминал, как Катла Арансон призналась ему, что мечтает вскарабкаться на вершину этой величественной трехсотфутовой скалы.

— Но как ты оттуда спустишься, если даже заберешься? — спросил он тогда, потрясенный ее словами. Сам он не любил высоты и не собирался лезть на утес, одиноко возвышающийся над морем, несмотря на всю свою любовь к Катле.

Она расхохоталась, закинув голову.

— Что-нибудь придумаю! — задорно ответила она. Это было ее обычное отношение к любым возникающим проблемам.

Сейчас он представлял, как она сидит там, наверху, болтая ногами над бездной, и смотрит на чаек из-под полуопущенных ресниц; взгляд ее полон блаженства, как у кошки, стащившей вкусненькое и сожравшей добычу где-нибудь на солнышке.

Эрно не терпелось увидеть ее.

Они вошли в бухту Камнепада за час до полудня, немного позже, чем рассчитывала Мэм. Ветер с утра капризничал, и приходилось часто менять галс. Гавань была пуста. Не стоял на якоре «Птичий дар», старый корабль Арана Арансона, не видно было лодок, обычно во множестве причаленных у мола. Эрно подумал, что, быть может, они вышли на промысел в море, ведь зима необычайно теплая. Он принялся внимательно осматривать остров. Над домом на холме поднимались зловещие клубы черного дыма, и ветер уносил их в сторону. Эрно прищурил глаза. Что-то здесь не так. В доме всегда горел очаг — для тепла и приготовления пищи, но густой черный дым говорил о том, что случилось нечто страшное. По телу Эрно пробежала дрожь. Никто не вышел к гавани, чтобы встретить корабль, и он чувствовал, как напряглись мускулы, а сердце сжалось в груди.

— Что-то случилось, — сказал он Джозу Медвежьей Руке. — Обычно жители Камнепада встречают гостей.

— Может, они просто осторожничают, — бросила Мэм, поправляя пояс, на котором висел меч.

Внезапно раздалось скрежетание — судно задело за что-то днищем и бортом. Все

засуетились. Персо подбежал к борту и перегнулся за него.

— Что-то деревянное, большое, — сообщил он. — Не могу рассмотреть, что это.

Дого притащил багор и вместе с Джозом подцепил предмет и подтащил к поверхности воды. Это были останки небольшой лодки; видно было, что ее дно намеренно пробили. Наемники переглянулись. Чем дальше они плыли по бухте, тем больше встречалось им поврежденных и затопленных рыбацких лодок. Все они были пробиты, расщеплены, изуродованы. У Эрно побелело лицо.

— Здесь побывали враги, — дрожащим голосом произнес он.

— А может, сами жители сделали это, чтобы чужакам не досталось? — осторожно предположила Мэм, но видно было, что она не верит в то, что говорит.

Когда днище корабля ткнулось в отлогий берег, Эрно первым прыгнул вниз, не обращая внимания на холодную воду и на то, что на нем его лучшая одежда. Он думал только об одном — что здесь произошло? Наемники следовали за ним; Мэм оставила Персо и часть людей стеречь корабль. Она приказала им вооружиться, быть начеку и немедленно идти на помощь, если увидят сигнал.

— Останавливайте всех, кто появится на берегу, — велела она. — Спрашивайте, кто кузнец на этом острове, и если они не скажут, что это женщина по имени Катла Арансон, убивайте.

Они пошли по дорожке, ведущей на холм и к дому, но вдруг услышали, что в одном из сараев кто-то хнычет и скребется в дверь.

— Собака, — равнодушно бросил Джоз. — Просто собака, попавшая в ловушку.

Дверь они открывали осторожно: собака, даже голодная и напуганная, может сильно укусить. Но внутри оказалась Ферра Брансен — в платье, которое кто-то изрезал в лоскуты, и в невменяемом состоянии. Все лицо распухло от побоев, и она непрерывно что-то лопотала. На запястьях виднелись черные синяки, один глаз скрывался под кровавой коркой. Ничего осмысленного она сообщить не могла. Док закутал ее в свой плащ и повел назад к кораблю, чтобы передать на попечение Персо.

По пути к дому, в кустарнике, они нашли убитую черно-белую собаку, а немного дальше — труп ее хозяина, пастуха Фили Колсона.

С мрачными лицами они шли дальше. Ближе к вершине холма, у арки из боярышника, известной как Перекресток Фейи, они нашли втоптаный в землю лоскут алого шелка. Нахмурившись, Эрно подобрал его и сразу вспомнил свадебный наряд, который примеряла когда-то Катла, а потом в голове возник образ маленькой черноволосой женщины, которой он в итоге достался. Эрно помрачнел еще сильнее и положил шелк в карман. Они прошли еще немного, и перед ними открылось ужасное зрелище.

На земле перед домом валялось в беспорядке оружие. Дымились обгорелые руины — все, что осталось от главного дома Камнепада. Обуглившиеся бревна торчали на пепелище, словно ребра мертвого животного. Из груди Эрно вырвался протяжный хриплый крик.

Хлопая крыльями, с земли поднялись вороны. Они недовольно каркали; нетрудно было догадаться, что за пиршество они здесь устроили. Повсюду лежали тела: мужчины — в воинском снаряжении южан и женщины — лицом вниз, с задранными юбками; на ярком полуденном солнце белели обнаженные части их тел.

Эрно Хамсон опустил на колени.

— Боже, — повторял он снова и снова.

Мэм направилась к пепелищу, с силой сжав челюсти. Она обнажила меч, хотя работы для ее клинка здесь не было — разве что копать им могилы. Док и Дого бродили, осматривая трупы, иногда поднимая что-нибудь с земли. Джоз вложил Дракона Вена в ножны и принялся ходить от одного тела к другому, поправляя на женщинах юбки и переворачивая лицом к небу. Вопреки его ожиданиям изнасилованные и убитые женщины были совсем не молоды. Похоже, тем, кто это сделал, было плевать на почтенный возраст их жертв. Джоза это не потрясло: он уже видел такое и даже кое-что похуже.

А Эрно — еще нет. Он ходил следом за Джозом, всматриваясь в лица, и каждый раз, к

своему стыду, с облегчением понимал, что это не Катла. Он опознал Тиан Йенсен и Оттер Гарсен и еще двух женщин родом с Тюленьего утеса. Молодых женщин среди трупов не было.

— Их забрали, чтобы выставить на продажу, — угрюмо произнес Джоз, словно подслушав мысли Эрно. — Продадут в бордели южных городов.

Волна гнева охватила Эрно. Катла скорее погибнет, чем примирится с такой участью. Но он признался себе, что предпочел бы увидеть ее пусть многократно изнасилованной, но живой, чем нетронутой, но мертвой. Он поднял глаза, едва сдерживая слезы, и увидел, что Мэм выходит из руин дома с мечом в руке. По стилю исполнения он узнал, чья это работа: несомненно, это один из лучших клинков Катлы. Сердце его болезненно сжалось.

— Что? — прохрипел он. — Что ты нашла?

— Лучше спроси кого, — мрачно ответила Мэм. — Я сама не знаю. Иди попытайся опознать их.

Медленно и тяжело Эрно Хамсон ступил на пепелище дома, в котором рос с восьмилетнего возраста, который был для него родным. Теперь от него остались одни развалины. Стропила, потолок и дерн с крыши обвалились внутрь, по ним еще кое-где пробегали искры. Струйки дыма пронизывали солнечные лучи, освещая ноги мертвого мужчины и труп молодой женщины, которая лежала, вытянув руку.

— О нет, — выдохнул Эрно и, не выдержав, заплакал.

Но оказалось, что под бревном лежало тело Марин Эдельсен. Ее большие синие глаза выражали глубокое изумление. На горле зияла страшная рана.

А дальше, в высоком кресле хозяина Камнепада, восседала Геста Рольфсен, бабка Катлы, почтенная старая женщина, которая умела громко смеяться, неприлично шутить и, как говорили, обладала дурным глазом. Она всегда твердила, что намерена пережить самого Сура и его битву с волком и змеем. Теперь она сидела мертвая, как камень, плотно сдвинув ноги и вцепившись руками в драконьи головы на подлокотниках кресла. Плоть ее обуглилась, и сквозь нее белели кости. Даже когда пламя пожирало ее тело, она не сдвинулась с места.

Глава 30 ПОГОНЯ

Танто Винго обнаружил, что его брат бежал из Йетры, после того как послал к нему двух самых дешевых и вульгарных шлюх, каких только смог найти. Они были неприлично одеты, болтали, как сороки, непрерывно жестикулируя, и Танто надеялся, что к утру весь замок будет говорить о том, какие гости ходят к его братцу. Когда девки вернулись смущенные и сообщили, что Саро исчез, Танто пришел в бешеную ярость. С пеной у рта изрыгая проклятия, он выскочил из своей инвалидной коляски и принялся изо всех сил топтать своими мгновение назад немощными ногами по узорному полу. Комната наполнилась богохульствами и страшными проклятиями: он проклинал богиню, ее служителей, ее кошку и костры, Южную Империю и ее лордов, женщин и шлюх, Вечный город, замок Йетры, стражников, лорда Тайхо Ишиана, его волшебника, кристалл, колдунов-кочевников, своего отца, дядю, всех предков и, конечно же, брата. Такого представления эти шлюхи никогда не видели, хотя насмотрелись в жизни всякого. Они пришли к выводу, что Танто одержим демонами или беспокойными душами умерших, которые имеют обыкновение бродить по темным коридорам крепости, когда все добрые люди спят. Потом Танто перестал кричать и выместил ярость на девке по имени Целина: схватил ее, ударил о стену и принялся колотить головой о камень, пока она не потеряла сознание. При этом вторая девица, Фолана, в ужасе выскочила из комнаты и побежала звать на помощь.

Она хорошо знала внутренние переходы замка: в юности она была миловидна и умела заработать несколько кантари, оказывая услуги знатым людям, жившим здесь; это потом она стала дешевой и вульгарной. Поэтому она не металась по коридорам, а сразу побежала в

комнату прислуги и попросила второго дворецкого вмешаться.

Франо Филко нашел отца и дядю Танта Винго в компании лорда Руи Финко и лорда Тайхо Ишиана. Франо служил в замке Йетры четырнадцать лет, и за все это время его выпороли всего один раз, потому что он всегда был очень почтителен.

— Мой лорд, — произнес он, просунув голову в дверь и обращаясь к Фавио Винго. — Мой лорд, ваш сын... Ему нехорошо.

Фавио удивился. Он покачал головой в тюрбане:

— Саро? Это всего лишь колики; у него слишком слабый для воина желудок. Немного разволновался накануне отъезда с войсками.

Франо покачал головой.

— Нет, мой лорд, ваш другой сын... — Он рылся в памяти, но не мог вспомнить имени Танта. — Ваш... — Он хотел было сказать «калека», но вовремя спохватился.

— Танта? — Фавио поднялся. Выглядел он озабоченным. — Что с ним такое?

Франо не ответил: гнев сильных мира непредсказуем и может обрушиться на твою голову из-за одного неосторожного слова. Молча он повел лордов в комнату Танта, где они и увидели сына Фавио на полу рядом с обнаженным телом шлюхи — он выцарапывал что-то на ее безвольной плоти ножом для фруктов.

Фабел Винго и Руи Финко в смущении отвели глаза, когда Фавио упал на колени рядом с сыном, вырвал из его пальцев нож и принялся тихонько уговаривать:

— Танта, Танта, успокойся, все будет хорошо, мой мальчик, все будет хорошо.

Тайхо Ишиан наблюдал за этой сценой, вздернув бровь, потом сдвинулся немного влево, чтобы лучше видеть ноги шлюхи.

— Приведи Клерана, — тихо сказал лорд Форента Франо. — Быстро. Заберите девку и отнесите туда, где она живет, и дайте ей это, чтобы она молчала. — Он высыпал горсть серебра в ладони дворецкого. — А это тебе и Клерану. — Он отсыпал еще монет.

— Парень одержим, — спокойно заметил Тайхо.

— Нет, нет, — затряс головой Фавио, — просто нездоров, чем-то расстроен. — Он обнял сына и начал баюкать. — Танта, мальчик мой, скажи мне, что случилось...

Внезапно взгляд его наткнулся на окровавленные надрезы на руке девицы — они сложились в буквы, а буквы — в знакомое имя, и Фавио каким-то чутьем понял, что его второй сын бежал из города. Он подозревал в нем это намерение все последние дни, когда план войны прорабатывался до мельчайших деталей, он видел, что Саро становится все бледнее и изможденнее, что рассуждения лорда Тайхо Ишиана о штурме северной столицы и спасении женщин Эйры заставляют его страдать. Он сам порой сомневался — а все ли в порядке с головой у лорда Кантары, особенно когда тот начинал разглагольствовать о наказании, которое постигнет эйранского короля, Саро же был очень чувствительным мальчиком — слишком чувствительным для того дела, которое ему поручили. Все же Фавио изобразил изумление, когда Танта простонал:

— Саро бежал, бросил нас всех! Маленький ублюдок...

Теперь в ярость пришел лорд Кантары.

— Это правда? — резко спросил он у Фавио Винго, гипнотизируя его своим безумным взглядом. — Ваш второй сын дезертировал?

Это слово заставило Фавио заметно вздрогнуть. Дезертирство на войне — тяжелое преступление, влекущее за собой суровое наказание. Если Саро нет в Йетре, Фавио предпочел бы выражения «уехал», «отсутствует», «заблудился».

— Уверен, что нет, мой лорд, — выдавил он.

Фабел шагнул вперед и взял брата за руку.

— Я схожу проверю его комнату, — сказал он успокаивающе. — Уверен, здесь какое-то недоразумение. Саро никогда не пренебрегал своими обязанностями, даже если они казались ему неприятными. — Он пристально взглянул на лорда Кантары и вышел в коридор.

Но Саро в его комнате не нашли; не было его ни на кухнях, ни в саду. Никто его не

видел. Потом Фабел спустился в конюшню и обнаружил, что пропал его жеребец; теперь трудно было отрицать, что мальчик бежал. Более того, выяснилось, что пропал и странноватый слуга лорда Кантары — альбинос по имени Виралай.

Все эти новости ввергли Тайхо Ишиана в совершенное неистовство. Одно дело — побег мальчишки, совсем другое — исчезновение чародея. Можно найти сотни мальчиков, ищущих расположения самого могущественного лорда страны, но потеря волшебника — невосполнима. Они уже накопили достаточно фальшивого серебра, чтобы заплатить за строительство флота, но его план вызволения Розы Эльды из объятий короля варваров невозможно было осуществить без волшебства, которое все последние месяцы постигал и практиковал этот начинающий маг. Он был им необходим.

Превысив свои полномочия, Тайхо Ишиан разослал гонцов, приказав им огласить награду за беглецов: за голову Саро Винго — семь тысяч кантари, за живого слугу лорда и черную кошку, с которой он не расстанется, — двадцать тысяч. Никто не посмел перечить всесильному лорду. Гесто и Гревинг Дистра, номинальные главы Совета Истрии, сначала разволновались, потом даровали аудиенцию отцу дезертира, а позже добавили еще десять тысяч кантари к награде за сына Винго — если его поймут живым, и еще посулили вознаграждение за возврат жеребца.

Сразу же потоком хлынули сообщения очевидцев. Беглецов видели — и вместе, и по отдельности — на территории от Синих лесов на севере до Костяной чети на юге. Из Вечного города во всех направлениях поскакали всадники. Большой отряд кавалерии на быстрых конях помчался в Алтею — на тот случай, если этот глупец Саро Винго вздумал отправиться на родину. Были посланы люди на северо-восток — к Белым холмам и далее в Форент. Небольшой отряд — шесть всадников — ускакал к Золотым горам и Драконьему хребту: казалось маловероятным, что кому-то придет в голову искать убежища в этом диком, негостеприимном краю. Южная пустыня была оставлена волонтерам, бывалым охотникам за головами, потому что воинские отряды туда отправляться не желали; кроме того, беглецов там наверняка ждала гибель — если не от зноя, то от клыков чудовищ, которые, как слышно, заполонили те края. Еще один отряд поплыл по реке Тильзен, чтобы искать в портах Галии, Тагура и Гилы.

Воины, направлявшиеся в Синие леса, остановились напоить коней в городке неподалеку от Йетры и решили заглянуть в таверну «Крыло ястреба», чтобы опробовать местное пиво, которое славилось своим вкусом. Вскоре все в таверне знали, что солдаты разыскивают «знатного юношу, который оказался предателем, по имени Саро Винго, слугу-альбиноса, черную кошку и жеребца, бравшего призы в Аллфейре».

Один из местных подошел к капитану и коснулся его плаща.

— Это был беговой жеребец? Вороной масти?

Капитан дернул плечом, сбросив руку незнакомца, и подозрительно посмотрел на него. Он не любил, когда простолюдины позволяли себе подобные фамильярности, особенно если они при этом не удосуживались произнести обращение «господин».

— Да, вороной. Что тебе известно?

Человек был высокий, темноволосый, с близко посаженными глазами и тонкими губами, которые кривились в неприятной улыбке.

— Сам я не видел, но несколько дней назад их вроде бы заметил один малый по имени... Ах ты, запомнил...

Он сделал вид, что роется в памяти, и капитан бросил на стол три монеты. Мужчина взял их, одну сильно прикусил и внимательно рассмотрел. После чего широко улыбнулся, будто на него снизошло озарение.

— Лоду, — произнес он. — Их видел Лоду — или говорил, что видел, — двух людей, большую кошку и бегового жеребца.

Никто раньше не говорил, что кошка была большой, но капитан подумал, что «большая» — понятие относительное.

— Этот Лоду — где я могу его найти?
Темноволосый мужчина пожал плечами.
— Понятия не имею, — заявил он, ухмыляясь.
— Соколье Гнездо, — невнятно проворчал кто-то.
— Что?

— Небольшая деревушка в холмах к югу отсюда. Там живет Лоду Бало.

Им понадобилось два часа, чтобы туда добраться. К тому времени отряд был уже на грани бунта. На всем пути от Вечного города они мечтали о пиве и картах, и трудный путь на юг, в холмы, в ночную тьму, без всякой перспективы отдыха и эля, отнюдь не воодушевлял солдат. Еще полчаса они искали дом Лоду Бало, который стоял не в самой деревушке, а в миле от нее, еще выше, и идти пришлось, ведя коней в поводу, по узкой опасной тропе, под уханье сов и шорох крыльев летучих мышей, так что к концу пути люди были озлоблены и готовы вцепиться в кого угодно.

Дверь им открыла невысокая смуглая женщина с татуировкой клана Гола на одной щеке и кристаллом на шее.

— Потерянная! — прошипел капитан.

Женщина завизжала и попыталась закрыть дверь, но капитан просунул в щель ногу и налег всем телом. Пятеро солдат помогли ему, и через мгновение вся компания вломилась в дом. Внутри было почти пусто. На невысоком столе посреди комнаты лежало множество пучков всевозможных трав — розмарин, тимьян, майоран, гусиные лапки, — перевязанных пальмовым волокном и готовых к сушке. Капитан взял один пучок, подозрительно понюхал, потом швырнул на пол.

— Колдовство! — объявил он, смахнул травы со стола и принялся топтать сапогами. Затем повернулся к солдатам: — Соберите все это зелье и сожгите. — Он помолчал. — Ее тоже.

— Что?

Мужчина, вышедший из соседней комнаты, быстро заморгал. Щеки его были покрыты щетиной, изо рта несло винным перегаром и чесноком.

— Что вам здесь надо? Куда вы уводите мою жену? — сердито спросил Лоду Бало.

Капитан взял его за грудки и приподнял, так что ноги Лоду оторвались от пола.

— Это колдунья-кочевница, шлюха и отравительница. Чем вы тут занимаетесь?

Лоду испугался.

— Она моя жена вот уже двадцать лет. Она не из Потерянных, а из клана горцев.

— Тогда почему она возится с колдовскими травами?

— Она их выращивает, а я продаю на базаре вместе с овощами и фруктами...

— Значит, ты признаешь, что торгуешь наговорными травами?

— Но...

Капитан ударил его кулаком в живот с такой силой, что Лоду сложился вдвое, вытолкнув из легких весь воздух. В это время трое солдат выволокли его жену из дома. Он слышал ее пронзительный крик:

— Лоду, Лоду, спаси! — Крики перемежались со звуками ударов и руганью солдат.

— Клянусь! — стонал Лоду. — Клянусь...

Сержант подошел к Лоду и заглянул ему в глаза.

— Двое мужчин, большая кошка и вороной жеребец. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Лоду вытаращил глаза.

— Я видел, — заикаясь, начал он, — да, видел их на перевале в холмах к югу отсюда.

— Когда?

— В базарный день, — выпалил Лоду, подумав, что все не так уж плохо, потому что дело, очевидно, не в каком-то проступке, совершенном его женой или им самим, и солдаты пришли в его дом с другой целью. — Я хорошо разглядел, что они шли на юг, и больше всего удивился размерам кошки, а еще тому, что эти двое не ехали на жеребце, а шли пешком. Хотя ясно было, что шли они всю ночь — солнце только встало, я рано выехал на

базар, чтобы фрукты на жаре не испортились. Я подумал, откуда в наших местах взялись благородные люди? Они, наверное, пришли издалека...

— Один пеший переход от Йетры... Так куда они направлялись?

— На юг, — быстро ответил Лоду. — Точнее, на юго-восток. Солнце светило им навстречу, я это хорошо запомнил. — Снаружи не доносилось ни звука; наверное, его жену отпустили. Лоду облизнул пересохшие губы и заискивающе спросил: — За эти сведения, наверное, полагается награда?

Капитан взглянул на него с презрительной улыбкой:

— Награда? Фалла воздаст тебе по заслугам.

Лоду насупился, пытаясь понять, на что намекает капитан. Он был тугодум, но даже если бы сразу понял смысл слов, это не могло изменить его судьбы. Капитан резко ударил Лоду по голове рукояткой кинжала, и тот рухнул на пол.

Капитан срезал с пояса Лоду кошель с монетами.

— Зачем крестьянам деньги, ведь всю тяжелую работу приходится делать нам.

Сержант широко ухмыльнулся.

Снаружи ночь озарилась пламенем костра, разведенного в садике возле дома. Огонь освещал отягощенные плодами кусты, оливковые деревья и лимоны, аромат которых смешивался с душистым дымом горящих трав. Но все перебивал запах горячей плоти. Капитан вместе с сержантом вынесли тело Лоду излома и бросили в середину костра, на обугленные останки его жены. Потом вытерли руки и пошли назад в дом. Предстояла долгая дорога — на юг или на юго-восток, и надо было посмотреть, не осталось ли в этой лачуге какой-нибудь провизии.

У извилины реки Тильзен, густо поросшей высокими ивами, они обнаружили погасшие костры, обложенные камнями, и участки вытоптанной травы. Повсюду виднелись колеи от колес повозок, но было непонятно, имеют ли эти следы отношение к двум беглецам, кошке и жеребцу.

— Что дальше? — спросил сержант.

Капитан носком сапога пнул закопченный камень.

— Понятия не имею, — зло процедил он. — Куда бы ты направился, если бы решил дезертировать?

Сержант засмеялся.

— Так я тебе и сказал, командир. — Он обвел взглядом окрестности. — Но уж наверняка не в эту дикую глушь.

От реки донесся крик. Один солдат нашел отпечатки лап на берегу, и все собрались вокруг, рассматривая их.

— Невероятно, — протянул кто-то. — Что здесь делать горному льву?

— На сотни миль вокруг никаких гор.

Один из солдат положил ладонь на след лапы в засохшей грязи. След был куда больше, чем его ладонь. Капитан присвистнул.

— Представляешь, что будет, если эта лапа ляжет тебе на голову?

Солдат вздрогнул и отдернул руку, словно из отпечатка мог выскочить громадный хищник.

Сержант внимательно рассматривал след.

— «Большая кошка», сказал тот крестьянин. «Большая кошка». Я еще подумал, как на таком расстоянии можно разглядеть домашнюю кошку. Что-то здесь нечисто. В казармах болтали об альбиносе и особом задании, которое дал ему лорд Кантары...

— Ублюдок этот Тайхо Ишиан, — заметил кто-то, и все согласно покивали.

— Магия и все такое...

— И шлюхи тоже.

— Так, что мы имеем, если все это сложить? — спросил капитан, обводя людей взглядом. Они молча смотрели на него. Он прищелкнул языком. — Мы имеем невероятных

размеров кошку, колдовство, Потерянных и дезертирство. — Капитан замолчал, взял сержанта за локоть и увлек в сторонку. Он с юных лет знал Тино Гастона. Они вместе постигали солдатское ремесло, вместе пили и устраивали потасовки в тавернах Вечного города. Доверял ли он ему? Может, и не совсем, но капитан точно знал, что деньгами можно купить молчание любого человека. — Пахнет заговором в самых верхах власти. Непонятно почему, но награду за их головы назначили высокую. Клянусь, что мы выйдем еще больше, если все-таки поймаем их. Я слышал, у лорда Кантары не все в порядке с предками. Поговаривают об отце из кочевого племени...

— Я бы не советовал тебе говорить об этом кому-нибудь другому, — проворчал сержант, искоса поглядывая, нет ли кого поблизости. — Вокруг Тайхо Ишиана люди исчезают, причем без всякой магии.

— Э нет, с кем другим я толковать об этом не стану. — Капитан подмигнул и позвенел монетами в поясном кошельке. Потом повысил голос, обращаясь к солдатам: — Клянусь своей задницей, это было место встречи. Отпечатки, оставленные этой кошечкой, говорят о том, что наши беглецы присоединились здесь к шайке кочевников. Если даже это не так и пути их случайно пересеклись в этом месте, то мы в худшем случае выследим и поджарим сколько-то Потерянных. А в лучшем? Богиня знает, что будет, но если вы вообразите ту кучу денег, которую можете получить, то, думаю, это поможет вам забыть о мухах и жаре.

Путешествие с кочевниками стало для Саро Винго, видевшего мало радостей в жизни, незабываемым событием. Предания, которые поведали ему женщины, их обширные знания обо всем окружающем заставили его по-новому взглянуть на мир, и Саро понял, что этот мир совсем не похож на тот, в котором он вырос, — гораздо шире, чище, загадочнее и намного древнее, чем он раньше думал. После того как Хирон сделал его провидцем и он понял, что многие люди обладают ужасающими наклонностями, отчаяние не оставляло его; теперь оно начало ослабевать, и временами его наполняли радость жизни и надежда.

Два дня они пробирались меж невысоких холмов в отрогах Золотых гор, потом остановились отдохнуть у небольшого ручья, затененного нависающими над водой рябинами.

— Это венерин башмачок, — говорила Алисия, держа в руке пучок нежных зеленых стеблей, увенчанных розовыми цветами. — Это лунное растение, полезное для желудка. Годится в пищу. — Она отобрала несколько стеблей и протянула их Саро.

На вкус они напоминали кресс-водяной, но слегка горчили. Он уже знал названия целой дюжины съедобных диких растений и нескольких дюжин лекарственных: цветок влюбленных — от мышечной судороги, дурман — для тех, у кого проблемы с легкими, белена — от опухоли яичек, корвяк — от синяков и геморроя. Он узнал, что измельченный кипрей останавливает сильное кровотечение, настой пастушьей сумки на вине облегчает боль в суставах, а снадобье из листьев мыльного дерева помогает избавляться от дурных болезней, подхваченных в борделях. Все эти знания делали мир в его глазах более благосклонным к людям — Трое подарили им все необходимое, что может потребоваться, только нагнись и подбери.

От Виралая он получил более специфические сведения: зелье из корня орхидеи может продлить эрекцию на целые сутки и даже больше; толченые стебли молочая приведут к выкидышу, а ртутью можно убить мышь, собаку или человека — все зависит от количества. Саро спросил у Алисии, насколько это верно, покраснев от смущения, когда упоминал о корне орхидеи.

— Не знаю, где он этого набрался, — ответила Алисия, смеясь. — Наверное, из книг своего старика.

— Какого старика? — тихо спросил Саро. Он помнил видение, которое пронеслось перед ним, когда он коснулся чародея. На доброго дедушку тот старик не был похож.

Алисия пожала плечами:

— Я знаю только, что он вырастил Виралая. Он не хочет рассказывать подробней. Я

даже не знаю, как зовут этого старика.

— Я знаю, — вдруг сказал Саро. — Рахе.

Глаза кочевницы округлились.

— Ра-хей? — переспросила она, разделяя слоги.

Саро медленно кивнул. То, как она произнесла это имя, о чем-то напомнило ему.

— Король Рахей?

— Не думаю, что он король. Виралай не упоминал ни о каком короле, — ответил Саро, хмурясь. — Я дотронулся до него, чтобы узнать, не замышляет ли он что-нибудь злое. Я тогда многое увидел, видел и старого человека, окруженного пергаментами, свитками, разными сосудами; он живет в какой-то крепости, построенной из льда. А еще я видел женщину с длинными золотистыми волосами... — Он нервно рассмеялся. — Звучит нелепо, правда? Словно сказка.

Алисия рассеянно кивнула. Она смотрела в сторону ручья, у которого чародей помогал женщинам отжимать прополосканное белье. Потом повернулась к Саро и пристально посмотрела ему в глаза.

— Не знаю, кто или что такое Виралай, — произнесла она очень спокойно, — но насчет старика у меня имеются некоторые догадки. Давным-давно, сотни лет назад, во времена моих далеких предков, на Дальнем Юге Эльды, за Драконьим Хребтом...

— За Драконьим Хребтом ничего нет, — засмеялся Саро. — Все это знают.

Алисия недовольно взглянула на него.

— Нет есть, и это совершенно точно. Оттуда пришел мой народ. И твой тоже.

— Мой народ происходит из Алтеи, — упрямо возразил Саро. — Мой род поколениями правил в том краю.

— Неужели власть над людьми значит так много? — мягко спросила Алисия.

Теперь на лице Саро было написано недовольство.

— Дело не в этом. Я хотел сказать, что моя семья была очень влиятельной, и поэтому все записывала — рождения, смерти, браки, и мы гордимся своим происхождением — мы знаем, кто мы и откуда пришли.

— Конечно, не знаете! Все люди Эльды — выходцы с Дальнего Юга. Это было так давно, что рассказы превратились в легенды...

— Почему же тогда в легендах говорится о Дальнем Западе? — упрямо спросил Саро, будто хотел поймать Алисию на противоречиях.

Она рассмеялась.

— Это нас всегда забавляло. Тебя никогда не интересовало, почему и твой народ, и эйранцы верят в сказки о Дальнем Западе?

Саро был озадачен.

— Вообще-то эйранцы происходят отсюда, из Истрии. Мы их оттеснили на север, а потом совсем прогнали с континента. Поэтому, наверное, некоторые наши предания схожи, а Сирио звучит очень похоже на Сур. Но сама подумай, где Дальний Запад, а где Дальний Юг. Если те мореходы и искатели приключений не с Дальнего Запада, то получается, что они бороздили на своих кораблях горы, пробираясь с юга в поисках Вороновой Дороги?

— Ты же сам так не думаешь, правда? — сказала Алисия. — С тех пор, как умерла моя мать — думаю, ты полюбил бы ее, она была сильной женщиной, волосы завязывала на макушке в плотный узел, а на шее носила сотню серебряных цепочек, и при этом была добрейшей из людей, — я стараюсь вспомнить все, о чем она мне рассказывала при жизни и что ей поведала ее мать, а той — ее, и так до начала времен. И я разговариваю с Элидой и Яной — они тоже многое знают. Мне известно наверняка, что Дальний Запад — это искаженное слово «фарвасти», которое на Древнем языке означает «старший народ». И «старший народ» пришел из-за гор, которые лежат на Дальнем Юге.

Саро закрыл глаза. Мысли скакали в его голове, мысли, которые он не мог контролировать. Обрывки сведений крутились как части головоломки, перестраиваясь и меняясь местами, а из глубин памяти всплывали смутные образы. Глаза его широко

раскрылись.

— Рахей — он был королем Запада, как в кукольном представлении Гайи, но на самом деле он — король Юга, и его зовут Рахе, он наставник Виралай, Мастер. Это он нашел богиню сотни лет назад и похитил ее! — Он замолчал и уставился на Алисию, ожидая, что она выразит согласие или станет спорить. — Но никто не может жить сотни лет... — Он снова умолк. Алисия смотрела на него и молчала, и он продолжил размышлять вслух. Слова лились из него потоком. — И твой народ, кочевники, Странствующее племя — это Старший народ, о котором сообщают старые книги. Вы обладаете магией земли, через вас течет сила Эльды. Вот только...

— Только небольшое осталось от наших знаний и умений; так будет, пока Роза Эльды не вернется в мир, а сейчас мы почти растеряли нашу магию, — отвечала Алисия. — И ты — потомок Старшего народа, и истрийцы, и эйранцы, но вы потомки тех предков, которые ушли в большой мир, чтобы жить иной жизнью, повернулись к магии спиной, забыли о старых путях. Они принялись воевать друг с другом и начали считать власть, деньги и поместья более важными, чем любовь, истина и сердце Эльды.

— Но если богиня возвращается в мир, и Зверь теперь снова с нами, и мы найдем Сирио, то все станет как прежде?

Алисия улыбнулась ему.

— Звучит очень просто, правда?

Со склона холма, по которому среди камней вилась тропинка, донесся крик. Саро вскочил, словно подброшенный пружиной, но разглядеть ничего не мог. За криком последовало громовое рычание, перешедшее в пронзительный визг.

— Зверь действительно с нами, но, судя по звукам, он там не один, — озабоченно заметила Алисия. Она быстро побежала к повозкам. — Незванные гости! — закричала она, размахивая руками. — Быстрее уезжаем отсюда.

Кочевники вскочили и разом задвигались. На Саро произвело впечатление, как спокойно и деловито они реагировали на угрозу: вероятно, подобное случалось с ними часто.

Виралай с мужчинами собирали йек; женщины складывали выстиранное белье, подбирали посуду и прочие пожитки. Саро отвязал жеребца и взглянул на склон холма, откуда раздался рев Бете. Несколько мгновений он ничего не видел, а потом рассмотрел движение среди папоротников и берез — всадники в темно-синих плащах. Он вздрогнул. Не шайка мародеров, не разбойники, значит...

— Бросайте повозки! — крикнул он. — Бросайте все, бегите!

Алисия, толкнув Фало к повозке, обернулась к нему.

— Солдаты! — закричал Саро, хватая ребенка за руку. Он увидел, что лицо Алисии побелело. — Они за нами. — Он представил себе, как его брат старался, чтобы лорд Кантары побыстрее отправил погоню. Сам Танто не мог поехать, чтобы возглавить погоню, хотя с удовольствием уничтожил бы Саро собственными руками. Он посмотрел мимо Алисии на Виралай, который стоял и дрожал, как осина на ветру. — Виралай! — позвал он. — Они пришли за нами, это солдаты из Йетры. Мы должны пойти к ним и задержать, насколько сможем, чтобы эти люди могли спастись.

— Мы повозки не бросим, — сказал спокойно один из стариков, запрягая пару йек. Делал он это неторопливо и уверенно. — В них — наша жизнь.

Саро почувствовал, что им овладевает ярость.

— Вы лишитесь жизни, если их не бросите!

Но старик как ни в чем не бывало продолжал свое дело.

Мгновение спустя из кустов с треском вылетел первый всадник, размахивая мечом. Острие клинка было окровавлено. За ним показался другой. Его меч покоился в ножнах — всадник обеими руками ухватился за поводья, сдерживая несущуюся лошадь.

Кочевники, увидев опасность воочию, заметались, но повозок не бросили. У Саро меча не было, и он в отчаянии оглядывался вокруг в поисках оружия.

— Возьми! — Это был Фало, он протягивал ему длинный крепкий посох старинной

работы из темного дерева. — Это бабушкин, только вряд ли она кого-нибудь им била.

Саро взял в руки гладкое дерево. Яркие образы пронеслись в его голове — солнечный свет, пятнистая земля, молодой человек, старик, муки родов, блаженное чувство защищенности, чувство тесной связи с миром. Камень смерти на его груди начал пульсировать, излучая бледно-зеленый свет...

— Беги прочь, — сказал Саро мальчику, и голос показался ему чужим, более глухим и как будто далеким, словно говорил кто-то другой, невидимый. Фало тоже что-то почувствовал, потому что глаза его стали круглыми, а потом он развернулся и понесся по тропе вдоль ручья.

Чьи-то пальцы вцепились в руку Саро, и он вздрогнул, ощутив ледяной холод. Виралай отдернул ладонь, словно обжегся. Взгляд его был пристальным.

— Камень, — прошептал он. — Саро, не используй камень...

Слишком поздно. Пальцы Саро уже легли на камень. Когда первый солдат погнал на них своего коня, Саро извлек кристалл и нацелил его на человека. Камень ярко светился, выбрасывая стреловидные лучи и искры. Лошадь под солдатом взбрыкнула и понеслась в сторону, а всадник вылетел из седла и головой вперед упал в ручей. Лошадь исчезла в ночи. Увидев, что произошло, второй солдат заколебался. Какое-то время Саро отчетливо видел кровавые полосы на боку его коня, оставленные когтями Бете. Вдруг солдат выхватил из ножен меч и страшно закричал. Пальцы Саро обжег огонь; он побежал по руке, достиг плечевого сустава и через шею проник внутрь черепа. Саро закрыл глаза и пожелал, чтобы солдата не стало. Раздался крик, послышался удар. Когда он открыл глаза, то увидел, что солдат лежит, не двигаясь, широко раскинув руки, а меч отлетел далеко в сторону.

Потрясенный, он повернулся, чтобы что-то сказать волшебнику, но Виралай рядом не было — он убегал вслед за кочевниками под кроны деревьев. Саро остался один. Обернувшись, он увидел на склоне холма еще двух солдат. Они наверняка видели, что произошло, как погибли их товарищи, и не спешили вперед. Вместо того чтобы спускаться, они развернули коней и поехали назад, вверх по холму. Несколько мгновений их силуэты виднелись на фоне неба, потом исчезли.

Саро убрал пальцы с камня. Голова болела, в желудке все переворачивалось. Он подошел к солдатам. Один был мертв, глаза его закатились, виднелись только желтоватые белки. Второй барахтался на мелкой воде, но движения его были неловкими.

— Помогите! — слабо звал он. — Тону!

Саро выволок его на берег и уложил на траву. Солдат кашлял и хрипел, извергая из себя потоки воды и рвоты. Прикосновение к его телу вызвало, как обычно, череду образов и чувств: усталость, злость, голод, жара, грязь, жажда; зад стерт о седло; слабое сожаление о женщине, горящей на костре, она лежит лицом вниз, ее ноги в грубых деревянных башмаках конвульсивно дергаются; внезапный страх — из подлеска появилась огромная черная кошка, и он вонзает в нее меч...

Саро отнял руки от тела солдата.

— Зачем вы здесь? — спросил он.

Солдат захлопал глазами, потом прохрипел, указывая на Саро пальцем:

— Дезертир. Посланы, чтобы вернуть тебя. И альбиноса тоже. Вы будете наказаны, так сказал лорд Тайхо. Чтобы другим неповадно было. — Он опять сильно закашлялся, потом вытер губы тыльной стороной ладони. — Хотели и кошку изловить. — Он помолчал и засмеялся. — Но никто нам не сказал, насколько велика эта проклятая тварь! — Он закатал изорванную в клочья штанину и осмотрел ногу. — Видишь?

Кожа на бедре свисала лохмотьями. Рана обильно кровоточила. Выходя толчками, кровь пятнала траву под солдатом.

— Но я все-таки достал эту тварь, — удовлетворенно заметил он. — Мечом прямо в бок. — Он немного подумал, потом спросил: — Есть чем перевязать?

Саро слепо смотрел на него. Бете мертва? После звуков ее рева и визга он ничего больше не слышал. Отчаяние темным облаком окутало его. Он поднялся и пошел прочь,

оставив солдата у ручья. Тот смотрел ему вслед с недоумением, начиная приходить в ярость.

Ночной Предвестник стоял поодаль, у кромки воды, и спокойно пил из ручья. Куда подевался Виралай? Саро зашел в рябиновую рощу, где в последний раз видел фигуру волшебника, и принялся искать, пригибаясь под ветвями, перешагивая через корни деревьев и кусты ежевики. Он нашел Виралай у подножия огромной рябины, забившегося меж корней с прижатыми к груди коленями, трясущегося, как испуганный ребенок. Когда тот увидел перед собой Саро, то пришел в ужас.

— Пожалуйста, не убивай меня этим камнем, — взмолился Виралай.

Саро покачал головой.

— Я не собираюсь этого делать, — сказал он. — Никогда больше я не стану им пользоваться. — Он снял камень с шеи. — Вот, возьми его. Я не хочу больше им владеть. И никогда не хотел. Он принес мне только несчастья.

Но Виралай отпрянул от протянутой руки, прижался к стволу. Он был сильно напуган.

— О нет, только не я, — простонал он.

Саро нахмурился.

— Тогда давай закопаем его здесь или бросим в реку, чтобы никто не смог им воспользоваться.

Волшебник затряс головой:

— Его все равно найдут, и будет только хуже.

— Ты уверен, что не хочешь владеть им?

Виралай испуганно смотрел на Саро.

— Только не я. Я слишком слаб для этого.

Вздыхнув, Саро снова надел камень и спрятал под рубаху.

— Тогда пойдем поищем Алисию. Наверное, солдаты ушли.

Когда они вернулись к ручью, раненого там уже не было. Исчез и Ночной Предвестник. На том месте, где он пил из ручья, земля была истоптана.

Потом они увидели повозки. Две стояли на колесах и были целы, две другие лежали на боку, и их колеса еще крутились. Рядом лежали три йеки со сломанными шеями и ногами. Около них распростерлись два старика — оба мертвые. Элиду пригвоздили к дереву пиками, пробив плечи, грудь и ноги. Кто-то пытался отрубить ей голову, но потом, видно, передумал.

Фало, весь в крови, распластался на земле. Недалеко лежала его отрубленная рука, все еще сжимавшая длинную дубинку, на конце которой засохла кровь и прилипшие волосы. Алисии нигде не было видно.

Саро опустился на колени у тела мальчика и осторожно перевернул его лицом вверх. Оно осталось нетронутым, кожа была чистой, как весеннее утро. Фало слегка улыбался, словно спал и видел чудесный сон. Он был мертв.

Виралай зарыдал. Гнев и горе смешались в его груди и выплеснулись в ночную тишину отчаянными криками. Как слепой, он бродил среди повозок, натываясь на них, заглядывая внутрь, переворачивая утварь и одежду, будто надеялся найти Алисию. Саро наблюдал за ним, чувствуя, как внутри него все холодеет. Он не удивился, когда опять появились солдаты — десять человек, все — вооруженные до зубов. Трое держали луки на изготовку, целясь в Саро. Их командир вышел вперед, одной рукой сжимая меч, другой толкая перед собой Алисию. Солдат с перевязанной ногой сидел на вороном жеребце. Саро подумал о том, как он смог укротить коня, потом заметил, что морда и шея Ночного Предвестника крепко обвязаны веревкой.

— Это он! — закричал раненый, Гесто, указывая на Саро. — У него магический кристалл, я видел, как он убил им Форос!

Капитан вел себя осторожно. То же самое говорил Исто, а Исто он верил куда больше, чем Гесто.

— Сними этот камень и брось его сюда, ко мне! — крикнул он Саро. — И поосторожнее, не то я заколю женщину.

Волосы Алисии были растрепаны, на лице запеклась кровь. Ей крепко скрутили руки

веревкой — даже на расстоянии Саро видел, что она глубоко врезалась в кожу и кисти стали багровыми.

Что-то подталкивало его воспользоваться камнем и испепелить их всех его дьявольским пламенем, стереть этих людей с лица Эльды. Всех — Алисию, Виралаю, жеребца, даже себя самого. Мысль о всеобщей гибели на миг показалась очень привлекательной и спасительной, это был бы превосходный выход. Потом она потускнела. Дрожащими руками он снял камень и, шагнув вперед, положил его на землю перед капитаном. Холодное белое убийственное свечение его медленно угасало.

Пленников надежно связали и вели по отдельности, чтобы они не могли общаться друг с другом. Если даже простой камень убивает, не оставляя следов на теле человека, — кто знает, какими еще колдовскими силами располагают эти изменники. Камень лежал в седельной сумке капитана, аккуратно завернутый в шелк (синий платок, который торжественно поднесла ему дочь в день назначения в гарнизон Йетры) и в шерстяную рукавицу, в соответствии с наставлениями его бабушки, которая приговаривала когда-то давно, во времена его детства, убирая свои амулеты:

— Шелк, шерсть и мягкая кожа тельца, если хочешь удержать магию внутри...

Капитан Вилон сомневался, что старая седельная сумка изготовлена из мягкой телячьей шкуры, но ничего другого под рукой не было.

Фестия Вилон, его бабушка, не попала на костер, но в теперешние времена вполне могла бы. Мать его не унаследовала безудержного воображения Фестии, если только дело было в воображении, а что касается самого капитана, то он подозревал, что если бы он занялся магической практикой, то мог бы преуспеть в этом. Когда он касался бабушкиных амулетов, они начинали пульсировать, словно живые существа. Он помнил их: суставы пальцев давным-давно умершего деда, несколько кристаллов и два бесформенных куса какого-то желтого металла; по словам бабушки, они пришли из другого мира и из другого времени. Для нее они были скорее безделушками, чем магическими предметами. Она часто перебирала их, гладила, что-то бормоча себе под нос, а потом прятала и казалась совершенно счастливой. Никакого явного вреда от них не было. Вспомнив о них, капитан отметил, что у него нет ни малейшего желания касаться камня этого парня, Винго.

Когда он велел солдату поднять камень с земли, а тот отказался, капитану пришлось приставить меч к его горлу. Но камень никак не проявлял себя, просто лежал на дрожащей потной ладони, словно безобидная безделушка. Может быть, только в руках колдуна он обретал убийственную силу.

Сидя верхом на лошади убитого солдата, с прикрученными к задней луке седла руками, с вонючим мешком на голове (солдаты боялись дурного колдовского глаза), в котором раньше хранился перезревший сыр, Саро думал о том, что хочет умереть. Когда появились враги и он схватил Виралаю за руку, его потрясли хаос и паника, бушевавшие в сознании волшебника. Они передались ему, захлестнули его, сделали безвольным и бесчувственным, не способным защищать себя или кого-то другого. Даже сейчас перед его внутренним взором стояли образы, наполнявшие разум чародея: Виралай был потрясен и напуган гибелью кошки, эта мысль мучила его; одновременно он видел, как тысячи кочевников горят на кострах, как их заваливают камнями, словно чтобы выдавить наполнявшую их тела магию.

Но не это было самым страшным.

Саро понял, что только теперь положение стало действительно отчаянным. Случившееся с ним, с Виралаем, с кочевниками, с Фало — ничто по сравнению с тем, что грозит Эльде. Он провидел грядущие ужасы. Если беспощадно рубят маленьких детей, то мир уже болен, отравлен, испорчен. Сила в злых руках, нет, поправил он себя, вспомнив, с какой легкостью лишил жизни солдата, в любых руках — есть проклятие. Теперь камень везут обратно на север, в Йетру, где им завладеет лорд Кантары. Ему сообщат о том, что сотворил кристалл, о его смертоносном действии, и тогда гибель мира может стать

реальностью. Внезапно перед Саро возникло лицо: взгляд пожирает камень смерти, мертвенные зеленоватые лучи превращают его в жуткую маску... Но это не Тайхо, а его брат — Танто Винго.

«Как я перенесу грядущие ужасы, если буду знать, что мог их предотвратить? Госпожа Фалла, если ты слышишь меня, если ты действительно существуешь в этом мире, докажи это и возьми мою жизнь прямо сейчас. Задуй ее, как пламя свечи, дай мне уйти во тьму, ибо я не хочу больше жить».

Он ждал, затаив дыхание, но мольба его осталась неслышанной, и он не получил ответа.

Глава 31 СВЯТИЛИЩЕ

— Ты сошел с ума?

Голос, прозвучавший у самого уха, напугал его сильнее, чем пальцы, клещами стиснувшие плечо. Фент Арансон, застигнутый на месте преступления — он только что бросил за борт очередную жертву, — резко обернулся, чтобы увидеть человека, раскрывшего его тайну.

Во ввалившихся от измождения глазах Арана Арансона читался ужас, но горела в них и мрачная злоба. Он оторвал взгляд от побелевшего лица сына и посмотрел в темные бурлящие воды за кормой корабля. Для упавшего за борт спасения не было. Волны уже сомкнулись над головой Брета Эллисона, и он устремился на пиршество во дворец Сура.

— Я знал, что это ты, — спокойно сказал Аран. — Догадался после того, как пропал Тор Болсон. Просто не удавалось увидеть собственными глазами, как ты это делаешь. Я спросил себя, за что мне это проклятие, и не нашел ответа. Скажи мне, Фент, зачем ты убил этих людей?

Фент не был огорчен тем, что его раскрыли; наоборот, он весь сиял, словно радовался возможности поговорить о своих деяниях. Бледное лицо светилось, как луна, безумные голубые глаза восторженно сверкали.

— Ему нужны только трое, — медленно и отчетливо произнес он. — Безумец, гигант и дурак. — Он широко улыбался, словно отец должен был знать, о ком идет речь.

Больше Фент не сказал ни слова.

Аран Арансон увел сына к мачте и привязал к ней мягкой, но прочной веревкой, убрав при этом гарпун, стоявший в мачтовом гнезде. Только Урс получил разрешение подходить к Фенту. Вместе с Араном он кормил парня и дважды в день отвязывал от мачты, чтобы тот мог справить нужду. Хозяин Камнепада никому ничего не объяснил, однако с этого дня люди исчезать перестали, и моряки могли сделать собственные выводы.

Льды надвигались, черные полосы воды между ними становились все меньше и уже, и плыть стало труднее. Далеко на севере светлел горизонт, вспыхивая голубыми и фиолетовыми зарницами, словно зовущими в другой мир, в другую жизнь, никем не изведанную. Когда наступала полная темнота, Звезда Мореплавателя висела прямо над головами, и непонятно было, что это — предостережение или добрый знак. Стоял сильный холод, и люди почти не разговаривали, чтобы не терять тепло, сохранявшееся в их телах. Они надели на себя все что было можно. Обнаженный участок кожи через несколько мгновений краснел, если его не закрывали — белел, а потом терял чувствительность — наступало обморожение. Каждый моряк снова и снова спрашивал себя: зачем я здесь, какое безумие овладело моей душой, чтобы согласиться на такое по доброй воле? Никто не знал ответа. Золото и богатства в этом мерзлом, враждебном краю казались ерундой, бессмыслицей. Все мечты заслонила проблема простого выживания, но чтобы выжить, необходимо было двигаться, между тем случались дни, когда они ни на йоту не продвигались вперед. Ветра не было, грести стало трудно — не хватало пространства

открытой воды для размаха весел, доставало сил. Только железная воля Арана Арансона толкала их вперед, к цели — к Святылищу, которое многие из них еще недавно считали выдумкой. Используя весла как шесты, люди проталкивали судно по узким извилистым разводьям, упираясь в льдины. Ледолом врезался в твердую корку на воде; льдины вставляли на дыбы, потом разламывались на куски, открывая перед судном несколько футов чистой воды. Иногда корабль шел вслед за айсбергом, равнодушно и беспечно дрейфующим по ледовым полям. Но что бы ни происходило, люди не могли избавиться от чувства безысходности и отчаяния.

В конце концов льдины обступили их со всех сторон так плотно, что ледолом стал бесполезен. «Длинная Змея» замерла и только поскрипывала под напором наседающего льда, который сжимал свои объятия медленно, но верно. Ничего нельзя было поделать — корабль оказался в ловушке. Хозяин Камнепада ждал весь день, высматривая, не сдвинутся ли льды, не покажется ли проход, но к вечеру льдины принялись ломать дерево корабля. Выбора не было.

— Выгружайте все с корабля! — закричал Аран, и команда заметалась, спасая вещи, которые могли еще пригодиться. На лед спустили последнюю лодку, бочки с мясом и с водой (она замерзла и разорвала железные обручи бочек), оружие и весла, канаты и парус.

Из паруса соорудили палатку, используя мачту в качестве опорного столба, которую надежно укрепили во льду. Вокруг возвели стену из ледяных валунов, плотно прижав края палатки, внутри сделали из льда сиденья и ложа. Их покрыли шкурами, одежками, кожами, соорудили очаг и постарались запастись как можно больше дерева для огня.

Работа согрела людей и заняла весь следующий день. Солнце низко висело над горизонтом и давало так мало света, что не образовывались даже тени. Место было жуткое, безрадостное; льды медленно уничтожали корабль, в воздухе стоял непрерывный скрежет и хруст ломающихся досок, напоминавший злое завывание духов-баныши. Многие затыкали уши шерстью и пели песни, чтобы не слышать этих звуков.

Пока люди отдыхали, Аран Арансон сидел и смотрел, как льды пожирают корабль, с которым были связаны все его мечты. Потом он позвал Мага Шейктана, Пола Гарсона, Урса Одно Ухо и Флинта Хакасона — самых опытных членов команды.

— Здесь мы оставаться не можем, — сказал им Аран. — Запасов мало, они скоро кончатся, и тогда, если ничего не найдем или никого не поймем, мы умрем один за другим страшной смертью. Никто нас не спасет. Если какие-то отчаянные головы и заплывут сюда в поисках Тайного острова, то вряд ли захотят взять на борт чужаков-нахлебников.

Урс неторопливо кивал, он и сам пришел к тому же заключению. Пол Гарсон также выразил согласие: в этом краю не спастись ни людям, ни кораблям. Но если нельзя оставаться, то куда идти?

— Вперед, в Святылище, — ответил Аран. — Пешком.

— По льду? — испуганно спросил Флинт Хакасон.

— Но мы не знаем, где находится Святылище, даже если оно существует, — возразил Маг Шейктан, озвучив то, о чем думали все.

— У меня есть карта, — гордо произнес хозяин Камнепада. Он извлек из-под многочисленных одежд потрепанный пергамент и положил на колени, разглаживая рукой.

Они собрались в кружок, рассматривая эту драгоценность. Западные острова и воды вокруг них легко узнавались; линии, обозначающие побережья и морские пути, были нанесены очень аккуратно, твердой рукой; четко были обозначены берега южного континента. Но кроме этих хорошо известных районов и освоенных просторов Северного океана, существовали бескрайние поля дрейфующих льдов и айсбергов, которые никак не обозначались на карте. Как в таких изменчивых местах определить направление пути? Самая верхняя часть карты почти не содержала полезных сведений — тут извилистая линия, там изломанный контур; по белому фону шла надпись на чужом языке — «isenfeld», «ледовые поля», а в центре украшенной завитушками розы ветров, в верхнем правом углу карты, читалось начало слова: «Свя...»

Урс протянул руку, чтобы расправить этот угол, но Аран рывком прижал карту к себе, словно ребенок, ревниво оберегающий любимую игрушку. Великан отступил и нахмурился.

— Занятная вещица, — пробормотал он.

На Флинта Хакасона карта не произвела такого впечатления.

— Совершенно бесполезная бумажка! — фыркнул он. — Это с ее помощью ты завел нас сюда, в богом проклятое место?

Аран Арансон вскочил, сверкнув глазами. Одной рукой он засунул карту под одежду, другой взял Флинта Хакасона за горло.

— Я — капитан этого похода, — процедил он сквозь зубы. — Ты не хочешь исполнять мои распоряжения?

Флинт был сильный человек, и испугать его было непросто. Он отбросил руку Арана и посмотрел ему в глаза.

— Дальше я с тобой и шагу не сделаю, — жестко произнес он и достал из-под меховой куртки амулет. — Видишь это? — спросил он, поднеся к лицу Арана затейливо украшенный серебряный якорек. — Теперь вся моя надежда на Сура, а не на тебя.

С этими словами он развернулся и решительно зашагал к остальным членам команды. Люди выжидающе наблюдали за этой сценой. Подойдя к ним, Флинт достал шнурок и разрезал его ножом на несколько неравных кусков. Затем зажал их в кулаке так, что торчали только хвостики.

— Я ухожу отсюда и оставляю эту проклятую экспедицию, — объявил он. — Я забираю лодку, часть провизии и пятерых из вас, если найдутся желающие. Я направляюсь домой. Кто пойдет со мной?

Несколько мгновений царила тишина. Люди видели столкновение между Флинтом и капитаном. Все они боялись Арана Арансона. Но еще сильнее они боялись смерти. Больше дюжины моряков, словно очнувшись, окружили Флинта Хакасона и принялись вырывать куски бечевки из его кулака. Когда все обрывки разобрали, он объявил:

— У кого самые длинные, те идут со мной!

Эммер Бретисон заорал от восторга;

— Ха! Я с тобою, Флинт! Назад, домой!

Флинт выглядел недовольным.

— Не думай, что ты получишь еды больше других, хоть ты и велик ростом, — предупредил он. Потом обвел взглядом остальных, вытащивших «счастливые» куски, и вздохнул с облегчением. — А, Ян, ты как раз лодку утяжелишь не сильно.

Ян, стройный парень, не крупнее девушки, был, однако, жилистым и гибким. Когда он улыбнулся, в его лохматой светлой бороде блеснули острые, как у собаки, зубы.

Не теряя времени, Флинт Хакасон нагрузил лодку. В нее положили бочонок с мясом, мешок с сухарями и одну бочку мерзлой воды, а также шкуры и кожаные сумы. Аран наблюдал за этим, сведя брови и сжав зубы. Он не вмешивался, не пытался остановить их.

Флинт Хакасон и его пятерка подняли лодку на плечи. Она была тяжелой, а они ослабели от недоедания и холода, но им придавала сил новая цель: они возвращались домой и готовы были идти сколько угодно, пока не достигнут чистой воды. Флинт обернулся к оставшимся — они топтались у палатки, похлопывали себя рукавицами и отводили взгляд.

— Выше нос, парни! — сказал он с напускной бравадой. — Мы зажжем костры на Камнепаде в вашу честь, когда вернетесь. — Потом он посмотрел на Арана Арансона. — Надеюсь, ты найдешь свой волшебный остров. — Прозвучало это без малейшего намека на сарказм. — Надеюсь, вернешься домой, нагруженный золотом.

И они двинулись по льду на юг. Снежное крошево хрустело и поскрипывало под их ногами. Аран и его команда смотрели им вслед. Никто не произнес ни слова.

На рассвете следующего дня Аран Арансон обратился к оставшимся.

— Я собираюсь продолжить поход, — объявил он. Люди начали переглядываться в недоумении. Аран откашлялся и продолжал: — Капитан без корабля — не капитан. Сами

решайте, как быть дальше, — идти со мной или оставаться. Здесь есть хоть какой-то кров и немного провизии, можно дожидаться улучшения погоды и спастись, или ждать, пока я не вернусь и не поведу вас в безопасное место. — Он замолчал, видя, что они ошеломлены и не верят его словам. Некоторые из этих людей приехали на Камнепад за сотни миль с желанием принять участие в удивительном плавании. Но теперь, в страшных условиях, они стали безвольными, слабыми и боялись встретить смерть в этом пугающем белом безмолвии, не понимая, что в палатке на льдине они погибнут наверняка. Они молчали, и Аран подумал, что дальше на север ему придется идти одному. Ну что ж, пусть будет так. Его раздражала их трусость, и он сердился на себя за то, что жалел их. Он взял гарпун, проверил, на месте ли нож, забросил за плечо мешок. Там лежала большая коврига хлеба, твердого, как мореный дуб, немного сухой рыбы, потерявшей свой резкий запах на сильном морозе, мешочек с копченой бараниной, которую придется либо сосать, либо отогревать, чтобы не сломать об нее зубы, три рыболовных крючка, моток бечевки, немного тюленьего жира, чтобы смазывать открытые участки кожи. Он был готов.

— Я пойду с тобой. — Урс Одно Ухо шагнул вперед. — Всю жизнь я путешествовал, сидеть и ждать — не по мне.

— Я тоже не хочу сидеть здесь, пока мои яйца не замерзнут и не отвалятся, — заявил Фолл Рансон.

Поднялся Пол Гарсон.

— Я иду с тобой, капитан. Моя жена всегда говорила, что я не умею принимать решения. Хочу доказать, что это не так.

Остальные молчали. Аран обвел их лица взглядом, остановился на Маге Шейктане. Это был бывалый моряк, старше других, и Аран доверял ему. Но лицо Мага оставалось непроницаемым.

— Кто-то должен стряпать для парней, — сказал он буднично.

Рука хозяина Камнепада легла на грудь, где под мехами хранилась драгоценная карта. Он знал, почему Маг не хочет идти с ним, но сам не хотел верить мысли о том, что Святилища не существует. Он коротко кивнул коку, потом отыскал взглядом сына.

Фент сидел на бочонке и долбил палкой лед, пробивая в нем дыру. Лицо его было закрыто меховым капюшоном куртки. Аран позвал его. Фент словно не слышал отца и продолжал свое занятие. Осколки льда разлетались в стороны, тускло сверкая на слабом солнце. Аран позвал громче:

— Фент!

Парень поднял голову. Глаза пронзительно синели на бледном лице с рыжей бородкой. Он казался встревоженным, растерянным, как человек, внезапно пробудившийся от крепкого сна.

— Собирай вещи. Ты пойдешь со мной.

Фент словно бы насторожился и приготовился убежать, как будто отец хотел заманить его в укромное место и там прикончить.

— Куда? — подозрительно спросил он.

— В Святилище.

Если хозяин Камнепада ожидал от сына категорического отказа, то сильно ошибался. Вместо того чтобы юлить или протестовать, Фент вскочил на ноги, широко улыбаясь. Теперь это был не капризный бездельник, а решительный мужчина, готовый к походу.

— Я иду!

У него ничего не было — ни поклажи, ни оружия, ни запасной одежды. Аран нырнул в палатку, быстро собрал самое необходимое и сложил в сумку из овчины, которую можно было повесить на спину. Выйдя из палатки, он увидел, что Пол Гарсон и Гар Фелинсон вцепились в кусок копченой говядины, не желая уступать друг другу. Гар рычал сквозь зубы:

— Нас здесь больше остается, чем вас!

— Оставь! — крикнул Аран Полу, сжимая гарпун. — Добудем что-нибудь по пути.

Пол Гарсон пожал плечами и выпустил говядину из рук.

— Жри на здоровье, — бросил он Тару Фелинсону. — Я за свою жизнь съел столько коров, что их костями можно было бы вымостить весь путь отсюда до самого Святилища! — Он повернулся к хозяину Камнепада и сказал: — Веди, Аран Арансон! Найдем что-нибудь повкуснее.

Уже два дня они шли по льду. Стоял такой мороз, что трудно было дышать; холодный воздух врывается в легкие, как дикий зверь, и казалось, что грудь сейчас лопнет. В ноздрах росли сосульки. Брови и ресницы покрылись инеем. Если люди закрывали глаза больше, чем на несколько мгновений, ресницы смерзались. На волосах и бородах вырос лед. Солнце и луна сменяли друг друга, ненадолго появляясь над горизонтом, но окружение оставалось неизменным — грязно-белые льды, снежные завалы, ледяные валуны, скалы, трещины — сказочная и одновременно жуткая картина, окрашенная то в серые, то в сине-розовые тона. Этот мир существовал в постоянных сумерках, на смену которым приходила полная тьма, когда солнце скрывалось за линией горизонта. Луна очень долго не всходила на небо и быстро пряталась там же, где появилась.

Они шли и шли, упрямо переставляя ноги. Бесконечная монотонная ходьба лишала сил, они постоянно мучились от жажды, но привалы делали редко, быстро ели, пили и шли дальше, не думая о том, сколько припасов осталось. Звезда Мореплавателя все так же висела над головами, звала их вперед, на север.

На третий день они подошли к длинной широкой трещине во льду, преградившей дорогу. И решили идти вправо, потому что в этом направлении разлом вроде бы сужался.

На четвертый день кончилось мясо, которое они взяли, уходя от «Длинной Змеи». Никаких признаков жизни не встречалось, но Аран Арансон не падал духом. Пока другие отдыхали, он сидел у кромки черной воды, взяв гарпун на изготовку, и ждал, не покажутся ли на поверхности пузырьки. Потом они двигались дальше, снова делали привал, и он опять забрасывал в воду бечевку с крючком и сидел, как ледяная статуя... увы, безрезультатно. Питались сухарями — сосали их и размачивали в воде, чтобы можно было жевать.

На пятый день трещина начала сужаться, потом льды сомкнулись, а путники так и не увидели ни одного тюленя, не поймали ни одной рыбешки. Аран от злости швырнул гарпун в снег и пошел прочь. Фент хитро посмотрел в спину отцу, потом бросился к гарпуну, схватил его и прижал к груди, но Урс Одно Ухо тут же подошел к нему, отнял оружие и повесил себе за спину. В тот же день они нашли замерзший трупик арктической лисицы — не крупнее зайца, с грязно-белым мехом и угловатым черепом. Кто-то отгрыз ее заднюю лапу, а потом бросил добычу, чего-то испугавшись. Урс достал из куртки кремь, огниво и драгоценный кусок трута; они разложили крошечный костер, на котором отогрели мясо, чтобы его можно было отделить от костей. Эта жалкая трапеза позволила им идти всю следующую ночь.

К концу шестого дня кончилась вода. Однако на поверхности соленого льда иногда встречались гладкие замерзшие лужи талой воды. Пробив одну из них, Аран и Пол попробовали пить из нее, пока остальные стояли и смотрели на них, облизывая пересохшие губы. Вода оказалась пресной; они наполнили меха, напились и пошли дальше.

Когда закончилась восьмая ночь под звездным пологом дальнего севера, Фолл Рансон не поднялся со льда. Урс перевернул его лицом вверх и вздрогнул.

— Умер, — сообщил он товарищам.

Пол Гарсон поцеловал свой серебряный якорек и зашептал молитву Суру:

— Хозяин морей, прими этого человека, Фолла, сына Рана, сына Гретта Черного, в своем глубинном дворце и посади за стол с другими.

Они даже не знали, что под льдами — земля, вода или пустота; оставалось надеяться, что Сур поступит по справедливости.

Аран забрал нож покойного, его кремь, огниво и мешок с поклажей. Потом они насыпали над телом снежный курган и плотно его утоптали.

На следующий день, через несколько часов после рассвета, Пол остановился и опустился на лед.

— Я больше не могу идти, — невнятно произнес он. Язык его распух, губы помертвели от холода.

Не говоря ни слова, Урс поднял его и положил себе на плечо. Так он и шел весь остаток дня.

Когда солнце село, а луна еще не взошла, путники сделали привал и попытались отдохнуть — насколько это было возможно без крова, пищи и огня. Заснуть не удавалось. Хотя они и находились в безжизненной пустыне, в ночи постоянно раздавались странные звуки. Льды потрескивали и вздыхали, под ними иногда слышался плеск воды, которая напоминала, что льда под ними лишь небольшой слой, а ниже — тысячи футов черной пучины. Вдалеке виднелись айсберги, проламывающие себе дорогу в ледовых полях, как сказочные чудовища. Один раз донесся слабый крик, словно верещал кролик, пойманный лисой. Каждый звук заставлял вздрагивать, нервы у всех были на пределе, люди стали раздражительными.

— Страшные места. — Урс говорил тихо, но в ледяной пустыне слова звучали громко.

— Людям тут делать нечего, — сказал Пол. — Я чувствую, что нам здесь не рады.

Фент беззаботно рассмеялся.

— А мы рады, мы рады! — От радости он потирал руками. — Мы почти пришли.

Аран удивленно посмотрел на сына.

— Откуда ты знаешь?

Но Фент уже закрыл глаза и ничего не ответил.

Перед самым рассветом Аран внезапно сел и насторожился. В сером свете утра он выглядел как мертвец — лицо в морщинах и темных пятнах, кости черепа явственно проступают под сухой кожей, борода неопрятная, взгляд пронзительный. Аран к чему-то прислушивался. Урс тоже напряг слух. Невдалеке что-то двигалось. Он слышал мягкое ритмичное поскрипывание, едва различимое в тишине, шуршание потревоженного снега...

Аран Арансон медленно наклонился вперед, встал на колени и уставился в направлении звуков немигающими глазами, как хищная птица. Его правая рука потянулась к гарпуну...

Он был огромен.

Он двигался с величественной грацией. Он был властелином этих мест.

Аран видел такие шкуры на ярмарке в Халбо. Там они казались невероятно красивыми, их белизна резко контрастировала с темными шкурами бурых медведей, обитавших в лесах Эйры. Но этот зверь был намного больше тех, чьи шкуры он видел: лапы — как столбы, следы — словно большие тарелки, мех густой, как у восьмилетнего барана, а голова — просто огромная. Аран впервые видел живого белого медведя.

Зверь неумолимо приближался неторопливыми широкими шагами, не сводя с людей маленьких черных глаз. Казалось, время остановилось, и хозяин Камнепада успел разглядеть мельчайшие детали: как медведь свободно и мощно выбрасывает вперед лапы, как на его боках волнами ходит мех, словно пшеница в поле на ветру, что на хребте он почти белый, на боках — с желтизной, а на брюхе и в подмышечных впадинах — золотистый, как зрелое зерно. Такими клыками можно было разгрызть любые кости... Мех вокруг черной пасти был замаран зловещими темно-красными пятнами.

— Бежим! — завопил Пол Гарсон, вскакивая на ноги.

— Нет! — крикнул Урс, который знал повадки белых медведей. — Ложитесь, ложитесь и закройте головы руками! — Он рухнул на лед, словно сраженный ударом копья, обхватил голову руками в рукавицах и замер неподвижно, как камень.

Но Пол был слишком напуган, чтобы последовать доброму совету. Оскальзываясь и спотыкаясь, он побежал.

Это и требовалось, чтобы разбудить охотничий инстинкт зверя. Он бросился в погоню, мощными прыжками быстро покрывая расстояние, отделяющее его от добычи. Лед задрожал; задрожали и люди.

— Притворись мертвым! — прохрипел Урс, и Аран распластался на льду лицом вниз,

обхватив голову руками. Сердце бешено стучало, он думал, что никогда еще не оказывался в таком положении и в такой дурацкой позе.

Они ждали. Медведь был совсем близко. Топот его лап отдавался в груди и в голове Арана. Он принялся шептать единственную молитву, которую знал, «Молитву моряка», — ее всегда твердили люди, погибающие в океане:

Хозяин морей,
Услышь мою молитву:
В буре, шторме, урагане,
В опасности и беде,
В отчаянии и ужасе
Взываю я к тебе,
Услышь мои слова,
О Повелитель,
Верни меня домой живым.

Медведь пронесся мимо. Мгновение спустя раздался страшный пронзительный крик. Аран не удержался и поднял голову. Меньше чем в пятидесяти шагах от него зверь повалил Пола Гарсона, прижав ко льду с такой же легкостью, с какой кошка прижимает мышь. Человек отчаянно сопротивлялся, колотил ногами, но снег вокруг него уже окрасился кровью. Аран знал, что даже с двумя здоровыми руками против такого монстра не устоишь, а левая рука Пола еще плохо слушалась после травмы, поэтому шансов у него не было. И все-таки Аран чувствовал себя ответственным за жизнь члена своей команды, он не мог смотреть со стороны, как его пожирают заживо. Осознавая, что идет напрямиком в пасть смерти, Аран поднял гарпун и побежал к чудовищу.

Зрелище было страшное. Медведь уже оторвал левую руку Пола и отбросил в сторону. В гневе забыв о страхе, Аран метнул гарпун. Тот вонзился в плечо зверя, и медведь взревел от боли и ярости. Бросив свою жертву, он закрутился на месте, мотая головой; с клыков в разные стороны летели капли крови.

Потом хищник остановился и понесся на Арана Арансона. В его черных глазах сверкала жажда убийства.

Хозяин Камнепада приготовился встретить свою смерть.

За те несколько мгновений, которые требовались зверю, чтобы добраться до него, случились две вещи: в воздухе пролетел нож, ударил медведя в бок и, не причинив вреда, упал в снег, потом что-то небольшое, юркое и темное скользнуло под косматое тело, схватило нож и с визгом и хохотом принялось кромсать беззащитное брюхо хищника.

Зверь остановился, оглушительно взревел и встал на задние лапы; из брюха медведя хлестала кровь и лезли внутренности. Затем он рухнул на спину и так ударился о льдину, что та треснула, и из щелей ударили фонтаны воды. Миг зверь держался лапами за края пролома, затем они обломились, и медведь ушел в черную, как ночь, воду, увлекая с собой противника.

Фент разинул рот, чтобы завопить, но шок от ледяной воды был так силен, что вместо крика из горла вырвалось только шипение. Медведь развернулся в полынье мордой к Фенту и, собрав все силы, бросился на него. Из воды вылетела рука Фента — в ней был нож; клинок ударил снизу в голову зверя. Хищник заревел и, быстро щелкнув клыками, откусил руку с ножом у запястья, после чего нырнул в ледяную воду и скрылся под льдиной.

Теперь Фент вопил по-настоящему; глаза на восковом лице горели безумием и болью.

Урс Одно Ухо подполз по льду к полынье и схватил парня за капюшон.

— Я его держу! — крикнул он Арану Арансону, который будто прирос к месту, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой.

Потом, словно очнувшись от кошмара, Аран на четвереньках подобрался к полынье и поймал руку сына. Вместо правой кисти была культя, и из нее толчками хлестала кровь,

дымящаяся на морозном воздухе; глаза Фента уже начали закатываться.

К тому времени, когда они вытащили парня из воды, он был без сознания и едва дышал. Судороги сотрясали его тело. Аран посмотрел на Урса.

— Клянусь Суром, — сказал он дрожащим голосом, — я не перенесу потери второго сына!

Они завернули бесчувственное тело во все теплое, что у них было, растерли его, согрели оставшуюся питьевую воду и по капле влили в рот. Урс прижег культю на огне и перевязал, а Аран смотрел в сторону, едва сдерживая тошноту. Фент не приходил в себя.

Наконец Урс сказал:

— Мы должны идти дальше. Если останемся здесь — умрем.

Хозяин Камнепада посмотрел на него мутными глазами и кивнул. Великан взвалил безвольное тело Фента Арансона на плечо, и они пошли.

В ту ночь в северном небе загорелись дивные огни. Бледно-зеленые и розовые пелены повисли над горизонтом и колыхались, словно колеблемые летним ветром шелковые занавеси, то сворачиваясь, то разглаживаясь, накладываясь одна на другую. Зрелище было невероятно красивым. Два человека стояли, зачарованные этим чудом, не произнося ни слова. Оба решили, что идти следует напрямик к этому сиянию, оно словно притягивало их как магнитом. Они шли, и огни играли на их лицах, убирая морщины и смягчая суровое выражение, тяжелой печатью лежавшее на них уже много дней. Снег и лед под ногами окрашивались в яркие цвета, и им казалось, что они попали в волшебный мир.

Но чудесное сияние рассеялось, и снова опустилась кромешная тьма, а вместе с ней вернулось отчаяние. Они были невообразимо далеко от мира, населенного людьми, возвращение представлялось невозможным, пищи, а значит, и надежды на спасение не было, и поход, очевидно, близился к концу.

В этот миг полного упадка физических и душевных сил они увидели во льду огромную полынь, а возле нее — неподвижную тушу белого медведя. Урс осторожно опустил Фента и подошел к зверю, чтобы обследовать его. Тот был мертв — без всякого сомнения, именно этот медведь напал на них, потому что брюхо его, омытое водой, было распорото и покрыто многочисленными метками от ножа Фента.

— Клянусь богами, — выдохнул Урс, — мы еще не погибли.

Они развели маленький костерок, пожертвовав остатками трута и одной кожаной сумкой, и вырезали из туши несколько кусков мяса. Аран Арансон распотрошил медведя и исследовал содержимое его желудка. Он обнаружил там груды рыбьих и лисьих костей и непереваренные еще куски плоти, а также несколько любопытных вещей. Больше всего его потрясла одна из них; он осторожно извлек ее и держал на вытянутой руке, морщась от вони и отвращения. Наклонившись к полынье, он омыл вещь в ледяной воде. Освобожденная от слизи, она ярко засверкала. Эту вещь изготовили из светлого металла на Западных островах; подобные амулеты носили почти все моряки из уважаемых семейств. Филигранной работы серебряный якорек... Flint Хакасон поднес его к самым глазам Арана Арансона, когда сообщал, что теперь все его надежды связаны не с капитаном, а с Хозяином Суром. Flint никогда не расставался с ним и носил на шее.

Аран вздрогнул, вспомнив все это. Амулет выпал из его пальцев и бесшумно лег на пушистый снег. Он лежал как напоминание о прошлой жизни, как свидетельство его вины. Ни один моряк добровольно не расстанется с оберегом, и Flint Хакасон — не исключение.

Они продолжили обследование желудка хищника и обнаружили прямые указания на то, кого сожрало чудовище перед тем, как напасть на них.

— Я этого медведя есть не буду, — твердо заявил Аран. — Не хватало только питаться зверем, который недавно сожрал твоих товарищей.

— Еще хуже — умереть от голода, когда перед тобой такая куча мяса. Хотя бы так отомстим ему, — заметил Урс.

— Фент уже отомстил, он забрал его жизнь.

— Да, но, похоже, зверь заберет его.

Аран какое-то время обдумывал эти слова. Потом кивнул.

— Мы будем есть это мясо, однако сердце медведя оставим для моего сына.

Они поджарили и съели лучшие куски, а потом приготовили на огне сердце зверя. Аран мелко нарезал его и начал понемногу класть в рот сыну. Парень не реагировал. Тогда они усадили Фента и принялись действовать вдвоем: Урс поддерживал голову, чуть отклоняя ее назад, а Аран клал в рот мясо и лил воду. Урс пальцами двигал кадык Фента, провоцируя глотательные движения, и пища попадала в желудок, хотя Фент был без сознания. Они не переставали надеяться, что он вот-вот придет в себя. Но этого не случилось. Вырезав лучшее мясо из туши поверженного врага и стиснув зубы, путники снова двинулись вперед.

Фент Арансон пребывал на грани света и тьмы. Кровь билась в жилах, стук отдавался в ушах. Он сознавал, что находится где-то между сном и явью. Ему было тепло и холодно одновременно. Он существовал в двух мирах — в мире живых и в мире мертвых. В каком остаться?.. В его положении не приходилось выбирать свою судьбу. Поэтому он не двигался и просто лежал на плече великана, как мешок с турнепсом. Его отец шел впереди и даже не знал, в какой именно момент он переступил невидимую, занесенную снегом черту, отделявшую мир людей от мира преданий.

Эпилог

За час до полуночи у королевы начались схватки. В это время она беседовала со своей камеристкой, миловидной темноволосой девушкой с Галианских островов, довольно пухленькой. Девушка откликалась на странное имя — ее звали Лета Чайкино Крыло. Последняя уведомила о событии высокую одноглазую старуху, которая на приемах всегда теперь стояла возле трона королевы.

Знахарка с Черного берега обратила свой единственный глаз на присутствующих придворных.

— Королеве пришло время родить. Лета и я отведем ее в покои, — громко объявила Фестрин, и голос ее многократно отразился от каменных стен и сводов Большого Зала замка Халбо. — Никому больше не разрешается присутствовать при родах. Королева должна пребывать в полном покое, дабы благополучно родить дитя.

— Кто ты такая, чтобы делать подобные заявления? — закричал Эрл Бардсон, чувствуя на себе магию сейды и сопротивляясь ей изо всех сил. Он воинственно вздернул подбородок. — Это государственное дело, и не тебе его решать! — Если уж у его соперника должен родиться ребенок, то он хочет присутствовать при этом: как и многие другие недовольные, он не верил, что Роза Эльды действительно пребывает в тягости. Может, она совсем не беременна, просто напустила иллюзий и отводит всем глаза? А если она вправду носит ребенка, то есть хирург, подкупленный Эрлом, — он должен ассистировать при родах и знает, что ему делать.

Фестрин набросила на присутствующих невидимый полог спокойствия и покорства, но Эрл оказался не единственным, поднявшим голос против. Ауда, мать короля, готова была рвать и метать; придворные дамы роптали, что их лишают традиционной привилегии — присутствовать при родах королевы, оказывая ей услуги. Лорды выкрикивали, что им необходимо преклонить колени перед наследником престола, как только он появится на свет, — хотя на самом деле им просто хотелось увидеть, что находится между ног у супруги короля.

Вран Ашарсон, король Северных островов, опустился на колени у трона жены, обнял ее ноги, положил голову так, что она коснулась обширного чрева супруги, и покорно спросил:

— Дорогая, ты действительно хочешь удалиться в сопровождении лишь этих двух женщин?

Роза Эльды молча кивнула; глаза ее смотрели умоляюще.

Король вздохнул. Это был вздох сожаления, но, признаться, он почувствовал

облегчение. Он страстно желал рождения наследника престола — здорового, крепкого мальчика, однако так сильно любил жену, что не смог бы наблюдать, как она мучается от невыносимой боли. Вран слышал, что многие мужчины, даже закаленные в кровавых стычках, теряли сознание при виде младенцев, пробирающихся в мир меж ног любимых супругов. Эти ноги... Он вздрогнул, вспоминая, как они обвивались вокруг него, и сразу же отбросил эту мысль. Все это будет опять, и довольно скоро, пусть только сначала она благополучно родит. Он вознес безмолвную молитву Фейе, женскому божеству, надеясь, что Сур на него не обидится.

А что касается сейды — да, одноглазая старуха внушала ему ужас, но в ее искусстве целительницы и повитухи он не сомневался.

Король поднялся и, обращаясь к придворным, объявил:

— Будет так, как желает моя королева!

Через несколько часов родился ребенок. Роды были трудными, и Лета Чайкино Крыло потеряла много крови, потому что мальчик оказался слишком крупным. Он был очень нетерпелив и энергичен, а путь, которым он шел в мир, — слишком тесен. Роза Эльды держала в вытянутых руках покрытое кровью и слизью багровое тельце и с ужасом думала, что с ним делать. Фестрин тем временем перекусила пуповину, соединявшую дитя с Селен Ишиан, уничтожив, таким образом, последнюю улику, и занялась повреждениями, которые были вызваны родами.

Потом сейда завернула мальчика в пеленки синего цвета, знаменующие принадлежность к королевскому дому Врана Ашарсона, и вынесла его в Большой Зал.

— У Эйры появился принц! — объявила Фестрин. — Многие лета Врану Ашарсону, королю Северных островов, и его королеве, Розе Эльды, ибо их союз благословлен рождением прекрасного здорового мальчика!

И эти слова не были полной ложью.

* * *

Из окна башни он видел первых людей, сумевших преодолеть этот гибельный путь, — высокого истощенного человека и великана, несущего на плече безвольное тело. Они входили в его потаенные владения по узкой полосе льда, которую он открыл специально для них.

— Безумец, гигант и дурак, — пробормотал он с долей удовлетворения в голосе.

Он потер ладони. Кожа на них была холодной, сухой и немного побаливала. Посмотрев на себя, он обнаружил, что одет в тонкую старую рубашку до пят, запачканную мочой, и ветхие тапочки — в одном из них образовалась дыра, откуда торчал длинный желтый ноготь. Поглощенный занятиями и наблюдениями, он совсем не следил за собой. Самый могущественный маг этого мира не должен появляться перед гостями в таком виде. Наверное, ему следует принять величественное и важное обличье.

Быстро создав с помощью магии подобающий облик, хозяин Святилища вышел на ступени ледяной лестницы и приготовился приветствовать гостей.

Железо и вода, вода и железо. Соль, земля, пепел. Вот вкус крови. Моей крови, стекающей по лапам на землю. Крепкий животворный вкус. Я слизываю ее снова и снова. Кровь с волосками. Неприятно, но не более того. Пусть течет. Хоть какая-то пища.

Рана глубока — я чувствую, как ноют заживающие ткани и мышцы. Они восстановятся быстро, очень быстро. С нами всегда так, и это — великое благо. Я буду вылизывать рану и гной, если он появится.

Сон укрепил мои силы, но за это время они ушли далеко, слишком далеко, чтобы идти по их следу. Ушли не туда, куда надо, но я знаю, что они еще присутствуют в этом мире, — бледный мужчина, тихий мальчик и женщина. Я чувствую биение их сердец, как суету мошек над далеким прудом. Но они идут на север, на север — вместе с жестокими людьми,

идут на север с камнем смерти, этой слезой Фаллы.

Я ничего не могу для них сделать, даже будь у меня силы догонять, рвать когтями, убивать.

Нет, мой путь лежит на юг — к Красному Пику. Возможно, я потеряла мою госпожу, но господин пробуждается: я чувствую его и, если напрячься, слышу его — в земле, в скалах. Горы дрожат, лава течет, скатываются валуны — он идет.

Он зовет, зовет меня, и я приду...